

МАРИНА ЛЕТНАЯ

ГОСПОДИН

разрушитель

Леонид Савицкий. Узнала? Я — известнейший рок-вокалист, завидная мишень для журналистов и, мать его, Господин. Так вы, фанатки, меня называете?

Я предложил продюсирование певичке из бара за секс. И она... Согласилась. Но я и подумать не мог, что помимо борьбы с анонимным журналистом, устроившим охоту на мои секреты, придётся терпеть чувства к ней...

Часть 1. Глава 1. Значит так. Запоминай

— Значит так. Запоминай. Тебя зовут Иван Денисович Юдин. Мы с тобой лучшие друзья. Познакомились в универе на первом курсе, ты писал музыку, а я — текста. Андрюха нашёл нас по интернету. Три года назад мы переехали в Москву, взяли сессионного барабанщика и ритм-гитариста, записали первый альбом. Death Breath — самая топовая отечественная металкор-группа. Нас крутят на рок-радио, по телеку, мы — хедлайнеры на любом фестивале. Сейчас мы дозаписываем новый альбом, у нас уже организован тур, но эти два ублюдка свалили...

И зачем я объясняю ему то, что он мог прочесть в новостях?

— Почему?

Сукин сын! Почему? Ну несправедливая штука — жизнь!

А «почему» у тебя был именно такой голос? Тоже мне, Питер Стил нашёлся!

Ладно, надо сделать так, чтобы он не сбежал в первый же день.

— Кхм, банальная неблагодарность. Я подобрал их со вшивых реп-баз, но они не умели писать музлу, только играть. Просто грёбаные дилетанты, возомнившие, что могут качать права.

— А почему от вас ушёл Ваня? — прохрипел Муратов.

Чувствую, трудно нам будет общаться. Он специально выделялся своим прокуренным басом?

— Юдин не пережил авторитаризма и диктатуры Лёнчика, — встрял Андрей.

Я перевёл недовольный взгляд с зеркала дальнего вида на этого патлатого придурка, сидящего на пассажирском кресле, и тяжело вздохнул. Сделаю вид, что не слышал его никчёмных комментариев.

Я закатил глаза.

— Он просто размазня! Как мы ни приехали в Москву, всё время ныл, ныл. Что ему не по кайфу ходить на мероприятия, что в туре не высыпается. И вообще, публичная жизнь — это не для него. Не понятно, нахера тогда начинал?.. Я надеюсь, ты не такой, Ванюш?

Я снова посмотрел на его симпатичную мордашку через зеркало и чуть не сблевал. Ну не мог родиться чуточку поуродливее? Говнюк!

Придётся делать вид, что вогнали нашей принцессе уколы красоты. Он осторожно, как тёлка, дотронулся до куска полиэтилена, закрывающего свежую татуировку на шее, и замер.

— Кхм... Нет, мне нравится выступать на публику, — я не понял, наш новый Ваня что, засомневался? Мне это не нравится! — А он... Знает о том, что я буду выдавать себя за него?

— Знает. Юдин не станет соваться. Мечтал о том, чтобы уйти.

Чмо. Наслаждайся теперь своей бедной жизнью и отсутствием славы!

— А... — ну сколько уже можно задавать тупые вопросы? — Как быть с голосом?

— С каким голосом?

Ну с каким ещё голосом? Вообще-то уже должно быть понятно, что здесь ни у кого нет права вставлять свои три копейки, особенно у тебя, пупсик.

Я заглушил тачку и вытащил ключ, намекая на то, что им пора проваливать.

— Я имею в виду, что новый барабанщик и гитарист... Наверное, следили за вашим творчеством до распада группы.

Ну ебать! Вообще-то она ещё не распалась! Я тут всё делаю для этого!

— Внешне мы с Ваней, говорите, похожи, а голоса? Неужели они не отличат меня от настоящего Юдина?

Нашёл паникёра на свою голову.

— Слушай, он никогда не давал интервью. Никто не знает, какой у него голос. Журналисты его редко ловили, а он только и делал, что прятал лицо. На сцену выходил в гриме... Да кому он к чёрту нужен вообще?..

Я обернулся на Андрюху, а он пожал плечами. Ему пора помыть голову.

— Правильно, так его, подонка. Всего лишь-то музыкальный композитор двух наших альбомов.

Ну и что теперь? Если он не захотел этой славы? Обосраться?

Мы справимся и без Юдина. Я справлюсь.

— Так, всё. Ты достал меня своими вопросами. А ты — говёнными комментариями. Говори поменьше при людях, Ваня. Только по делу. И откликайся на своё новое имя. А теперь валите оба из моей машины!

Будь хорошим пёсиком, Муратов.

— А ты чё за рулём-то сегодня? Бухнуть не хочешь?

А как ты думаешь? Я обречённо вздохнул.

Андрей потянулся к дверной ручке, почесав козлиную бородку. С таким внешним видом грех удивляться пролетающим мимо него лифчикам на концертах.

— Хочу, но буду следить за Ванюшей. Чтобы он не облажался, — новенький уже молча покинул салон моей мазды и мёрз снаружи.

Ему было о чём порассуждать в одиночестве. И Андрей одной ногой уже оказался на тротуаре.

— Ты хотел сказать, приглядишь за своим «лучшим другом»?

— Ага.

Если бы я когда-то назвал настоящего Юдина «Ванюшей», думаю, он бы обматерил меня и попытался швырнуть башкой об асфальт. Муратову нужно было многому научиться за этот год, чтобы стать настоящим Юдиным. Играть только тру-рок, бухать и жёстко трахать тёлочек.

— Ты это, смотри, под знаком прям встал. Заберут, будешь беситься.

— Катись!

— Уже качусь. Слушать «Мисс Кисс». Сегодня в «Подвале» выступает.

— Это какое-то новое венерическое заболевание? — я отхлебнул остатки энергетика, оставшегося в подстаканнике, и швырнул банку на пол соседнего сидения, с которого вставал Андрюха.

— Нет, она вроде здорова. Правда, немного чокнутая. Ты таких любишь.

2. Меня невозможно удивить

Снаружи пошёл мокрый снег, моментально превращающийся в слякоть. Тачку я всё же перепарковал, затянул капюшон и достал из бардачка дежурные солнцезащитные очки.

Ночью они нужны, разве что замаскировать лицо. Но на входе в «Подвал» вышибала под два метра ростом пригрозил мне их снять. Настроение было испорчено.

— А, извиняюсь... — пробубнила обезьяна.

Поздно, чувак. Девки развизжались, травмируя мои больные перепонки. Даже не смей их сюда пускать...

Я просочился в черноту и тут же свернул на винтовую лестницу, ведущую в ВИП-зону. Последний раз, когда мы собрались здесь старым составом, тотально разосрались. Так себе воспоминания.

— Здорово, бездельники, — я стянул кожаную куртку и швырнул на пустое кресло. — Познакомились?

Андрюха молча лакал пиво, сидя в зарослях своих волос. Драмер с гитаристом переглядывались, наблюдая за тем, как Муратов неубедительно крутит на столе полную кружку.

Тупица!

Я пожал руки новеньким.

— Вань, ты заболел? — так и знал, что он будет проблемный! — Или ждёшь сначала водку?

Хохотнув, я пихнул его в плечо. Муратов недовольно отшатнулся и посмотрел на меня исподлобья. Но тут же смекнул, начал вальяжно осушать пиво залпом. Ой, дурак...

Мне хоть кто-нибудь сегодня ответит?

— Короче, это наш басист — Андрюха. Тот самый Иван — соло-гитарист, — я рухнул в кресло прямо у перил балкона, рядом с новым барабанщиком.

Сцена была ещё пуста, но играл тяжёлый трэшачок. Кажется, «бринги», что-то из раннего.

— Ну, меня вы знаете. Как сами? — в нашу сторону уже шла сисястая официантка с подносом выпивки.

— Я Гриша. Это Андрей, — татуированный от лица до, наверное, пяток парень кивнул на губастого гитариста с чёлкой.

— Блин, Лёнчик. Зачем тебе ещё один Андрей? Щас начнётся, первый, второй. Я хотел быть твоим единственным! — Андрюха заскулил, изображая уродливую любовницу.

— Зай, не ревнуй. Та ночь — ничего не значит.

Уж прости, какой нашёлся! Я заколебался слушать бездарей на кастинге, а эти два кадра оказались самыми адекватными. Приемлемый вариант, сойдёт. У одного есть опыт «Нашествия», другой — бывший сессионный «Тигматы». Хуже точно не будет...

Ладно, Андрюхины идиотские шутки неплохо разряжали обстановку. Я загляделся на девчонку с двигающимися сиськами, наклонившуюся над нашим столом.

— Я серьёзно, я не переживу конкуренцию! Давай ты будешь Андрей «Гэ»? — он помог официантке снять с подноса пиво, рюмки и запечатанную бутылку, пододвинув новенькому водку. — Вскрывай.

— «Гэ», в смысле, говно? — что-то челкастый вёл себя слишком напряжённо.

Мне не нравились люди без чувства юмора.

— Я думал, «Гэ» — гитарист, но... Ладно. Раз ты...

Все заржали, кроме него. Брюнетка мне подмигнула, уже уходя к лестнице.

— Кхм. А когда можно будет познакомиться с продюсером? — мерзко возник он, скривив губы.

Серьёзно? Думаешь, продюсер как-то подтянет твоё остроумие?

— Я здесь, малыш. Что ты хочешь обсудить?

Мы переглянулись с помалкивающим Муратовым. Уж он-то знал, что я из себя представлял.

— В смысле? Ты... Продюсер? — новенькие уставились на меня так, словно увидели святой дух. — Ты прикалываешься?

— Я похож на человека, который много шутит? Я вас всех собрал. Пою, пишу, продвигаю, занимаюсь всеми организационными вопросами, ищу площадки, договариваюсь об интервью, фотосессиях. Веду соцсети, делаю даже новостные вбросы. Отвечаю за ваш внешний вид и репутацию. Всё решается через меня... Что ты хочешь знать? Попробуй, спроси.

Думаю, челкастый переосознал последний месяц своей жизни, в течение которого поддерживал со мной связь. В моей продюсерской власти было передумать брать его в группу только потому, что его перекосившаяся от удивления морда подбешивала. Он виновато замолк.

— Жесть... Я... Не знал! Я думал, ты просто удался внешностью и попал в группу через кастинг... Это вообще возможно? — влез Гриша. Я чуть не схватился за рюмку после его комплимента, но потом вспомнил, что за рулём. Лестно услышать такое, но не от парня же... — Чел, ты вообще это... Отдыхаешь когда-нибудь?

Хороший вопрос.

В баре начали подключать оборудование, микрофон завизжал, резанув по ушам. Мужики за пультом стали настраивать частоты. Работнички.

— Отдохну, когда сдохну.

— Блин, похвально. Звучит как тост.

Мы выпили, со звоном чокнувшись. Я всё-таки отхлебнул немного вместе с ними и отвернулся к перилам, облокотившись о прутья плечом. Парни начали знакомиться, вроде завязался разговор.

— ... Слушай, я всегда хотел спросить. А откуда этот шрам на запястье? — любопытные ублюдки!

Я сразу понял, что челкастый обращался к Муратову, и лениво обернулся, поглядывая за ним с напускным равнодушным выражением.

Ну-у-у? Хоть с этим-то справишься?

— Да это Лёня меня по пьяни... Порезал струной. Херня история, — пробасил Ванюша.

Сойдёт.

Как же было хорошо, когда он помалкивал! От его голоса меня начинало припадочно потряхивать. Потому что со своей продюсерской точки зрения я понимал, он окупится в тот самый момент, как мы пультнем его первый сингл. Тёлки порвут Муратова на части, начнут повально называть детей в его честь — кстати, я даже не знал, как гитариста зовут на самом деле. Чхать. Займусь его сольным продвижением, как только Ванечка исполнит свою часть договора. Исполнит ли? Не ливнёт?

Меня просто морозило, что этот голос не мог принадлежать моей группе. То есть мне...

Просто! Почему не я? Сколько нужно выкурить? Какие пропить гормоны, чтобы звучать, как этот паршивец?

— Же-е-есть! Я вот на видосах на тебя смотрел, но даже представить не мог, что у тебя такой голос, чел. Скажи ещё что-нибудь.

Пошли вы все на хер! Пошёл ты, Муратов!

— Кхм... — смотрите, он ещё и смущается!

Ванечка удручённо взъерошил свои девичьи кудри на голове.

— А ты не думал попробовать спеть что-нибудь? Или только на гитаре играешь?

Мои глаза закатились, и я переметнулся взглядом к сцене, по которой уже бродили какие-то ноунеймы. Пока отворачивался, мельком обратил внимание, как Андрей надо мной посмеивался.

Оботри свою бородку, болван.

Меня взбудрила только доза никотина из электронной сигареты, которую я нащупал в брюках. Вызволил её, нервно покурив с десятков тяжек, и над столом образовалось приторное облако.

— Эй, Лёнчик, смотри. Это она.

К мониторам на край сцены подошла девчонка. С худыми ногами и руками, с симпатичным нахмуренным личиком. Нагнулась над гигантской колонкой, облокотившись о колени. Я, даже если не собирался, невольно попал взглядом на её сиськи, почти вываливающиеся из выреза белой майки, но успел рассмотреть только родинку. Русая копна волос заслонила мне обзор с высоты балкона.

Она собралась петь в этом, в пивнухе... А что так скромно?

Почему сразу не в бикини?.. Я почувствовал, как начали приподниматься не только брови, и обернулся к столу.

— Эта девчонка здесь выступала в прошлые выходные. Крутая, зацени, — Андрей допил запотевшую кружку, с которой стекали капли, громко вернул её на столешницу и потёр ладони. — О-о-о, кайф. Давайте сюда.

Старательно кусающая губы официантка принесла нам еду, продолжая подавать мне недвусмысленные знаки. Теперь она показалась мне толстовата. Я не взял у неё тарелку из рук, просто отвернулся и приложился лицом между прутьев перил. Есть вообще не хотелось. А девчонка куда-то пропала.

— Ты всегда говоришь, что мне понравится, а потом приходится останавливать кровотечение из ушей, — упрекнул я Андрея, глядя вниз. — Не думаю, что в ней есть что-то выдающееся. Ну кроме...

— Ты, — басист стал уминать стейк, громко чавкая. — Требуешь от девушек слишком многого. У нас была, — парень откинул волосы, залезшие ему в тарелку. — Была... Как её, Кристина, что ли. Мы позвали её для фита и прописать... Стоны, ну для аранжировки. Так нашему Господину не понравилось, как она стонет.

Я чуть ли не впервые видел, как Муратов смеётся, да так, что чуть еда не выпала обратно в тарелку. Это он надо мной? Паршивец.

— Девка была бездарна.

— Ну вот, парни. Поэтому мы в поиске уже четыре месяца. Ну это так, просто задумка, пока ещё альбом не до конца записан. Если Лёнчику не зайдёт Мисс Кисс сегодня, то я даже не знаю...

Гриша заглянул мне за плечо. В баре раздался лязг ударных и тяжёлый вой гитар. Кажется, начиналось шоу.

Певичка подошла к микрофонной стойке и самоуверенно её придвинула. Конечно, на свою музыку у неё не хватало ума, поэтому её бородатые прихвостни начали лабать какую-то явно известную мелодию.

— Пустышка, — я сложил руки на груди и откинулся в кресло, вода языком по губам.

— Она ещё рот не открыла, — оскалился челкастый.

Да таких, как эта Мисс, полные Москва и Питер. Я закурил, сдерживая в лёгких приторный дым.

Девчонка демонстративно вскарабкалась взглядом на балкон, будто закатила глаза, и мы на мгновение пересеклись. Она осмотрела меня томно и горделиво, словно невзрачная певичка могла располагать властью перед рок-звездой. Хах. Обычно в таких ситуациях мне становилось похуй на шлюшье невежество, но тут всё-таки возник вопрос.

Эта неудавшаяся звездёнка вообще в курсе, в кого стреляла змеиными глазками?

Я ухмыльнулся и постарался сделать вид попохабнее. Она запела куплет.

Кажется, я опустил уголки губ, кусая кожу во рту.

А ничё так. Для пивнушки — пойдёт.

— Голос плотный, густой. Тембр — конфетка, — я продолжал искоса следить за девкой под неуместные комментарии басиста.

— Ну, и?

— Хочешь сказать, не нравится? — Андрей обтёр жирные пальцы и, чуть ли не прихлопывая, принялся демонстративно наслаждаться представлением.

Муратов считал ворон, глядя куда-то вдаль, новенькие залипали на бюст, подпрыгивающий внизу балкона вместе с вокалисткой.

— Да ну, посредственно. Я хочу большего. Вань, тебе как? — чтоб не скучал.

— А?.. Ну да, посредственно.

Да, Господи, Юдин никогда со мной ни в чём не соглашался... А хотелось бы.

Мисс Кисс перепевала дешёвую, как и она сама, песенку Бритни Спирс, но, надо признаться, сносно. Глотка у неё, видимо, была широкая, раз выдавала такие обертона.

Я глубоко затянулся, притаившись перед припевом.

Удивить меня чистым вокалом? Попадать в ноты — слишком мало, чтобы заслужить внимание хотя бы клиентов этого заведения. Да что она может сделать? Начать петь громче? Ввернуть пару мелизмов?

Девчонка тряхнула волосами и со всей мощи закричала.

3. Это шоу-бизнес

— Е-е-е-е-е-е-е! — стекло задребезжало, когда Андрюха с Гришей залупили руками по столу.

Я оскорблённо отвернулся от сцены, не желая с открытой варежкой смотреть, как девчонка раздаёт мясо.

У неё была слышна отменная компрессия. С расщепления следовал лёгкий уход на чистый голос, без грязи, и обратно, а я понимал, что это значит. Я сам потратил шесть лет, чтобы так научиться. Она была ведьмой!

Тембр и правда ничего, не писклявая... Чёрт.

— Если бы у неё была студийка, я бы слушал! — Андрюха вывалился из-за стола.

Они с новенькими, как преданные шавки, зашедшиеся слюнями, выстроились вдоль перил. Девчонке нужно было выйти с зонтом. Муратов продолжал ковыряться в тарелке, не поддерживая их оргазмы. Странно, а чего так?

— Андрюх, да ты прям фанат, — крикнул я, придвинул к себе остывший стейк и начал распиливать ножом.

Ладно, я сделал выводы. Когда там уже следующая песня?

— Не обижайся, но она орёт круче тебя, Лёнчик, — Андрей потрепал меня за плечо, и я плюнул обратно в тарелку не жующийся кусок.

Ну зачем же сравнивать... Она никто, поёт здесь за чаевые. На концерты Death Breath меня приходят оттрахать взглядом тысячи фанаток. Для чего унижать девочку?

— Ты так говоришь, потому что от баб не приходится ждать экстремального вокала.

— Ага, ещё чего. У них что, голосовой аппарат по-другому устроен?

Что за тупые вопросы? Конечно. Так, чтобы принимать член.

В общем, я промолчал. Поужинал, наконец, спокойно, пока их рты были заняты слюноотделением и подвываниями. Единственное, в чём я был не привередлив, так это в еде, но сегодняшнее мясо приготовил действительно безрукий утырок. Позабочусь о том, чтобы он больше не портил окружающим настроение. Пускай работает где-нибудь на заправке.

— А ты чего киснешь? Иди посмотри на эту... Цацу, — музыка из колонок так громыхала, что вибрировало в рёбрах. Девчонка отжигала.

Я наклонился к Муратову через стол, чтобы он расслышал. Никак не мог понять: он представлял себе Ваню унылым куском дерьма, или тому было просто запахло со всеми общаться.

— Да я слышу отсюда.

Он перевёл свой равнодушный взгляд с полной тарелки на меня.

— Ты по мальчикам, что ли? — этого ещё не хватало!

Надо аккуратнее с совместными походами в туалет. Вроде здесь не было кабинок.

У Муратова раздражённо нахмурились брови.

— У меня есть девушка, — зло прорычал он.

Да тише ты! Я обернулся на парней, но они всё также переговаривались между собой, стоя на балконе с выпивкой.

Ясно. Бесится, пояс верности натирает. Посмотрим, как он будет сохранять обет воздержания через месяц. Даю ему максимум два.

Мисс Кисс исполнила ещё пару иностранных каверов и отошла к барной стойке. Там её готовы были облизать. Бармен устроил девчонке шоу, смешал в шейкере текилу с цветными сиропами и через пару минут примитивных фокусов, которым она наигранно радовалась, поставил на столешницу готовый коктейль. Певичка теребила волосы и кусала трубочку, переговариваясь с работниками бара. Вроде не пила, только делала вид. Наверное, боялась пересушить горло.

Я следил. К ней выстроилась очередь бухих мужиков, считающих своим долгом потрогать её за талию. Извращенцы нагибались, заглядывали в вырез и что-то говорили девке на ухо. Думаю, заказывали песни. А может, спрашивали, по чём час...

За столом раздался очередной тост. Я собирался уже и сам подбукнуть, но ещё наблюдал за тем, как девчонка хохочет над шуткой бармена. Чего только не сделаешь ради бесплатного обслуживания. Вдруг она исподтишка посмотрела на балкон.

Сука. Увидела...

Видимо, ей рассказали, кто сегодня занял ВИП-зону. Я закусал кожу щёк, надменно оценивая её строгое лицо. Спустя полвечера можно разглядеть и что-то помимо доек.

Красивая. Я был не силён в сравнениях, но... Как Настенька из «Морозко». Таковую бы трахать, намотав волосы на кулак, чтобы умоляла помягче. Только что-то мне подсказывало, что она сама кого хочешь наебет.

Мисс Кисс мне не улыбалась. Стрельнула вострыми злыми глазками и пошла допевать следующий блок песен.

Спустя ещё час, уходя со сцены, она попросила у зала сигарету, и народ чуть не подрался за право спасти её от никотинового голодания. Я всё это отмечал и не забывал закатывать глаза.

Ей насовали целый букет из голубых бумажек, но труженица предпочитала не тратиться на табак. Она подавала все признаки соержанки.

Отлично, значит, не сможет отказаться.

— Пойду покурю, — бросил я, не больно вникая в разговор.

Надеюсь, Ванюша будет вести себя хорошо. Когда меня нет на базе, Андрей за старшего.

Все вдруг заржали.

— Ну давай, удачи, Господин.

Я опешил, обернувшись на челкастого. Не хватало выслушивать стёб от сессионных подсосов.

Очевидно, они поняли, зачем я иду вниз. Чтобы заполучить этот голосок в свою копилку, пока её не заметил кто-то другой.

— Зачем мне удача? У меня есть деньги, внешность и большой член. Готовьтесь записывать фит.

Андрюха с каменным лицом сыграл на воображаемом грифе.

— Лёнчик, я рассчитываю на твои... Регалии. Эта Киса должна уехать с нами в Питер.

Киса? Андрей был таким оленем.

Настало время спуститься в курилку. Я воспользовался отдельным выходом с балкона и попал в каморку, где тусили вышибалы. Один доедал свой ужин, а при виде меня вскочил и засуетился.

— Я хочу покурить. Выведите всех, кроме вон той девки, — сквозь стеклянные двери было видно, как певичка попрошайничает зажигалку. — Быстрее!

Меня сопроводили трое громил. Всё ещё прожёвывающий мужик, воняющий капустой, заслонил меня собой, чтобы я спрятал лицо, два других быстро очистили помещение.

— Шевелись! Давай-давай! На выход!

Толпа недовольных сопротивляющихся мужиков и девок по очереди тушили окурки об урну и заходили обратно на первый этаж. В глубине стеклянного пристроя осталась одна загнанная в угол женская фигура с не раскуренной сигаретой. Я глубоко вдохнул клубящийся горький дым, застоявшийся над головой, и ухмыльнулся.

— Будьте снаружи.

Охранники оперативно закрыли нас изнутри, выстроившись спиной к прозрачным дверям, и внутри пристроя нас бессовестно осталось двое.

Киса нервничала, но ничего не предпринимала. Сложила руки под грудь, облокотившись об стекло, и не сводила с меня немигающего взгляда. Её длинными волнистыми волосами можно было придушить тех громадных вышибал.

Я вызволил из тесного кармана зажигалку и неторопливо приблизился к шелохнувшейся девчонке.

— Киса здорово научилась рычать, — улыбнулся я и отнял из её холодных пальцев сигарету.

Зелёные томные глаза сузились, а розовый рот мягко приоткрылся.

— Ты пьяный? — истомно промурлыкала она. Красивый голосок.

Походу, Киса оказалась бесстрашная.

— Нет, — я прикусил фильтр, удерживая сигарету одними зубами, и воспользовался зажигалкой. Процедил, нетерпеливо раскуривая. — Трезвый, как никогда.

Табак оказался недешёвый. Дым густой, обволакивающий. Я затянулся ещё пару раз, придерживая сигарету двумя пальцами и с наслаждением прикрыв глаза. Но, лениво разлепив веки, обнаружил, что Киса изнемогает без продолговатого объекта между губ. Мышцы на её тонкой шее напряглись. Хах.

Я заботливо стряхнул пепел и, приподняв брови, протянул ей истлевающую сигарету. Она, конечно, тут же взяла.

— Меня пришёл послушать? — у девчонки дрожали пальцы. Возможно, ей просто было холодно в курилке в одной майке.

Я опустил взгляд на её бюст, покрывшийся мурашками. Даже не сразу понял, что она сказала, пока перед глазами не возник полупрозрачный дым, что девка выпустила губами.

— А ты знаешь, кто я такой?

Леонид Савицкий пришёл послушать убогую Мисс Кисс? Охреневшая девка.

— Знаю, конечно. Ты — Господин, — она небрежно выплюнула моё прозвище, словно подавилась спермой. — Господин-герой-любовник.

У-у-у. Мои похождения дошли и до этих миленьких музыкальных ушек. Киса презрительно окатила меня едким взглядом.

— Это разве плохо? Быть героем-любовником?

— Отвратительно. Терпеть не могу таких мужиков, как ты, — равнодушно выдохнула она. — Думаешь, на тебя любая напрыгнет?

Воу-воу! Я не сдержал улыбки и облизал губы.

Какая же она примитивная...

— Конечно. И ты — в их числе.

Мы обменялись упрямыми взглядами.

У Кисы были острые ноготки на длинных пальчиках, которыми она удерживала сигарету, почти что превратившуюся в бычок.

— Ну и мерзость, — хмыкнула девчонка. — Даже не представляю, какого тебе с таким самомнением.

Мерзость — это то, как алкоголики пускали ей слюни в декольте. Но всё могло бы сложиться иначе.

— М-да, жаль. А я хотел предложить тебе продюсирование, — в скучающем взгляде девчонки моментально распался вождеденный интерес.

Глаза округлились, реснички затрепетали, зрачки замельтешили по полу и вдруг остановились на моём лице уже без всякой надменности. Хах...

— Но я тут понял. Ты слишком посредственная певичка, — разочарованно проронил я и задумчиво закивал.

Ей стоило быть поумнее, пообходительнее, если метила в шоу-бизнес.

— М-м-м. Настолько посредственная, что сделал комплимент моим вокальным данным?

А девка завелась.

— Настолько, что завтра тебя даже не вспомню.

С удовольствием забуду, как эта выскочка владела гортанью.

— Это поправимо.

Киса ухмыльнулась, но я не успел толком распознать выражение её лица. Девчонка задрала майку, и из-под неё вывалилась упругая обнажённая грудь. На бледной коже были крупные мурашки, ближе к ложбинке — сексуальная родинка.

Соски отвердели и подрагивали.

Я на секунду обомлел. Реально, что ли, чокнутая?

— Ты подрабатываешь проституткой? — не отводя взгляд, я попытался сглотнуть.

У меня охрип голос и свело между ног.

— Нет. Просто общаюсь с Господином на его языке, — она залезла в задний карман своих облегающих кожаных брюк и что-то мне протянула. — Теперь не забудешь. Звони завтра, после часу, потому что сейчас я собираюсь выпить.

Киса впихнула мне визитку, натянула майку и хладнокровно отправилась на выход.

А ты не охренела, овца?

4. С вами приятно сотрудничать

«Мисс Кисс. Корпоративы и мероприятия для настоящих рокеров».

Какая безвкусица... Кто напечатал ей эту парашу?

Я смял визитку и мокнул в остатки кофе. Вокруг стояли уже три выпитые чашки с засохшей пенкой, а официантки были заняты обслуживанием столов в соседнем зале. Хватило ума отсадить меня подальше от людей, но Господина они явно во мне так и не признали. Работники и посетители этого заведения слушали максимум Баха, и желательно перед ним вставить «если чё».

Да и пожалуйста. В покое тоже сиделось неплохо.

Эта звездёнка опаздывала уже на сорок минут, а если с учётом моей задержки, то на час. Я снова взглянул на наручные часы и растёкся по спинке кресла, закинув руки за голову. Могло сложиться впечатление, что мне не по*уй на эту встречу, иначе бы я уже ехал в офис «РК», обговаривать условия нашего выступления на фестивале первого марта. Но меня так кошмарило после вчерашней ночи, когда я всё-таки накидался, что предпочитал просто залипать на загадочные обои в ресторане.

Замёрзшая и мокрая от снега Киса вошла в мой зал. Её задержала официантка.

— Здравствуйте, вас ожидают? — девчонка расстегнула молнию короткой куртки, едва прикрывающей поясницу, и отдала швейцару.

Этот её придорожный гардероб блудницы нужно будет сжечь. Если, конечно, она осмелится сотрудничать со мной.

Я поглубже устроился в кресле и ядовито заулыбался.

— Да, вон тот "Господин", — Киса не удосужилась на меня посмотреть.

На ней была надета сомнительная для погоды и выдающихся форм тонкая блузка. Всё те же облегающие кожаные брюки и массивные зашнурованные ботинки. Походу, единственное, что оставалось в тепле у этой певички — пятки.

— Приветик, — она рухнула в кресло напротив, вся такая взъерошенная. Я промолчал.

И первое, что непреднамеренно увидел, её голые круглые сиськи, не сразу выкупив, что это флешбек.

Киса равнодушно оглядела парад кофейных кружек на столе, не притронулась к меню. Достала из сумки зеркало и начала прихорашиваться, будто и без этого не потратила час моей жизни впустую. От растаявшего снега у неё слиплись накрашенные ресницы.

А девка не считает нужным извиниться?

Я закатил глаза и дотянулся до контракта, торчащего из кейса в соседнем кресле.

— Читай, — стопка упала на её край стола. Девчонка вздрогнула. — Быстрее!

Как-то мне полегчало, наверное, вдарил кофеин. В голове прояснилось. Я готов был ехать по делам, но эта драная кошка походу решила, что я устроил ей свидание.

— Кхм... Минутку.

Киса прошла пальцем по нижним векам, удивительным образом не захватив себе острым ногтём в глазницы. Швырнула зеркало в сумку и жадно вцепилась в бумажки.

Так-то лучше.

Я царственно откинулся обратно в кресло и принялся ждать.

Ждать, когда она дойдёт до условий нашего сотрудничества. К столу подошла официантка и начала выставлять перед девчонкой тарелки с нарезками, салатом и горячим. Я не знал, что она ест, поэтому заказал всего и побольше, чтобы ускорить переговоры. Но она в момент заказа походу только выходила из дома.

Киса непонимающе оглядела ломящиеся от еды тарелки и нахмурилась.

— То есть... Ты хочешь, чтобы я участвовала в записи вашего альбома?.. И дала с вами совместное выступление на фестивале?

По-моему, для никому неизвестной певички звучало, как охренительное предложение. Но девчонка затеребила прядь волос, недоверчиво на меня поглядывая зелёными глазами из-за стопки бумажек. Вокруг сузившегося зрачка у неё проступил желтый пигмент.

— Если я увижу, что твоё присутствие положительно сказывается на нашей популярности, то возьму тебя даже в тур.

— В тур? У вас будет тур? — её идеальные брови пренебрежительно изогнулись.

А она не перебарщивает? Я пододвинул к себе тарелку с капрезе и начал поглощать никому ненужный салат. Кажется, желудок пробуждался.

— Да, конечно. А что такое?

Киса не моргала. У меня закрались нехорошие подозрения, но я продолжал пережевывать сыр.

— Просто... Все обсуждают... — все? Кто «все»? Обсуждают «что»? — У тебя же группа распадается. Я не ожидала, что вы ещё на плаву. А разве Юдин от вас не ушёл?

Охренеть! Что она несёт?

— С чего ты взяла? Он с нами. Жив, здоров, творит музлу. Вот, вчера напились вместе в «Подвале».

Твою же мать! Я так и знал! Нам нужно срочно допиливать альбом и ехать на этот чёртовый фест! Пока нас ещё не похоронили...

— Вы просто так поцапались на последнем мит-энд-грит. И вас больше не было видно... Сессионные участники ушли, грязью тебя поливают. Говорят, ты тиран. Вот, думаю теперь. Подписываться ли...

Откуда такие познания?

— А я смотрю, ты все сплетни по интернету собрала? Фанатка что ли?

Сучка!

Я раздражённо выдохнул.

— Пф... Я... Ну, слежу немного, что в мире музыки творится. Интересуюсь. Тебе повезло, что Иван остался, — она ударила об стол бумажки, разровняв их, и перешла ко второй части.

Подожди-ка!

— А что, он какой-то незаменимый? — я почти оскорбился, уничтожив полтарелки.

Пробубнил с набитым ртом.

Эта девка переходила все границы!

— Да вот по себе сужу. Сколько лет пытаюсь собрать группу, пробиться... Понимаю, что ответственные и талантливые люди в этой сфере — ужасная редкость. Надеяться можно только на себя, — хотела сказать, на третий размер?

Ладно, эта мысль, донесшаяся из ее поганого рта, была справедливой.

Но с каждой секундой Киса начинала вымораживать меня всё больше. От избиения меня в принципе сдерживали не столько закон и мораль, сколько общественное место.

Что хочет, то и делает. Ни мозгов, ни хитрости у девки.

— Ты давай, зубы мне не заговаривай, читай.

Я понял, почему она себя так надменно вела. В глазах окружающих мы сдали позиции. Были, конечно, нерадужные прогнозы, но мне и в голову не приходило, что всё настолько дерьмово.

Впервые с тех пор, как я встретил это кудрявое чучело в аэропорту, я осознал, как мне повезло. Гриша со вторым Андреем даже не усомнились вчера, что перед ними сидел сам Юдин. Это была заслуга внешности Муратова. Они, правда, спросили, почему татуха в плёнке, но он сказал, что обновил... Я даже не успел вмешаться.

Девка вылупила глаза.

— А... Как понимать «ответственность за имидж целиком лежит на первой стороне»?

Нашла трагедию. Я уж думал, дочитала до конца...

— Я сам буду решать, что тебе надевать. Что и как петь, говорить, где появляться. Я знаю, как сделать тебя популярной.

Она наигранно рассмеялась, но её ироничная улыбка быстро превратилась в кровожадную. Девчонка посмотрела на меня исподлобья.

— А моё мнение как-то будет учитываться?

Она ещё спрашивает?

— Нет, конечно, — хмыкнул я.

— Это шутка?

Киса меня разочаровала. Глупая Киса...

— Какие шутки? Я не для того столько денег в тебя планирую вложить, чтобы ты своими мнениями всё портила. Будешь делать то, что тебе говорят. Скажу меня облизать на сцене — оближешь.

Девка закусила губу и уронила заметно расстроенный взгляд обратно в контракт. Не всё в этой жизни бывает, как хочется, дорогуша. Зато тебя ждёт слава и бабки.

Я взлохматил волосы и зачесал их ладонью назад, слегка уже утомившись. Ну... Девчонка подумала, помолчала. Её взгляд заползал по нижним строчкам, а у меня чуть не привстал.

От нетерпения я заёрзал на диване. Хотелось увидеть, с каким скрежетом зубов она откажется, но Киса вдруг произнесла своим томным, сексуальным голосочком.

— И за это ты хочешь всего лишь двадцать пять процентов? Какая маленькая продюсерская комиссия.

Это всё? Всё, что вызвало у тебя вопросы?

Я нагнулся к столу и сощурился.

— То есть, перепихон тебя не смущает?

Условием было двадцать пять процентов и секс. Другого после вчерашнего «аванса» я

предложить не мог.

Но почему-то решил, что она ливнет. Не даром же высказалась вчера: «Я ненавижу таких мужиков, как ты!».

— Знаешь, карьера мне важнее, — в ответ Киса тоже подалась вперед.

Столешница врезалась ей в бюст.

Я чуть не разоржался в голос. Какая же продажная попалась сука...

— Ясно. Тогда вписывай свои инициалы, данные, дату и подпись. На двух экземплярах. Если я что-то ещё придумаю, то можем внести дополнения.

Без лишних вопросов она приступила к заполнению бумажек. Мне в грудь закралось лёгкое, предвкушенное волнение, сбивающее с толку. То ли от предстоящей оплаты за мой труд, то ли из-за того, что я вычислил очередную шкуру. Но она удивила меня тем, как "отважно" согласилась.

В кармане джинсов провибрировало. Я даже не сразу понял, что это телефон.

Андрюха набирал сообщение.

Лён, послушай это дерьмо.

Кей-поп альбом? В уведомлении он прикрепил голосовое.

Я нашарил наушники в кейсе, надел один, пока Киса была занята, и включил запись.

Послушал.

Честно говоря, ничего непонятно. На пятнадцатисекундной дорожке оказалась какая-то бабская истерика и всхлипы. ДемOVERсия серьёзных отношений?

Что ты мне скинул? Зачем я потратил на это время?

Пост прочитай. Это диктофонная запись. Какой-то чел подкараулил певицу Мармэри на рок-пати, на которую мы вчера не пошли, и слил её телефонный разговор.

И чё?

Почитай! Этот говнюк и про нас писал посты. На него подписано три млн!

Я нахмурился. А это не может подождать?

— Всё, готово.

Я взял у Кисы документы, похотливо ухмыльнувшись, и тоже везде размашисто подписался. Оставалось только заверить.

— Никольская Ева Анатольевна? — прочитал я её имя, опустил уголки губ и довольно покачал головой. — Звучит. С вами приятно сотрудничать, леди.

— А когда начнём? — она застенчиво убрала за ухо длиннющую шелковистую прядь.

— Пакуй вещи, — в твоём случае, только зубную щётку. — Завтра летим в Питер, на студию.

5. Перед отлётом

Перед отлётом я пересёкся с представителями «РК» и убедился, что эта встреча была нужна больше мне, чем оргам фестиваля. Мы обсудили уже не такой роскошный, как прежде, райдер, и я еле заболтал РКшников, чтобы они не отдавали основную сцену каким-то неизвестным тараканам вместо нас. Я чуть не выпал, когда понял, что с трехсот пятидесяти квадратных метров нас хотели выселить на сто сорок. Это могло бы стать причиной их разбитой двери и моей условки, но я тут подумал... Они ещё пожалеют. Мы одни способны устроить sold out на весь их долбаный фестиваль!

Нужно было всего лишь успеть дописать новый альбом и провести презентацию прямо на мероприятии. У меня зуделись руки быстрее приступить к работе. Я знал, что, уходя, Юдин оставил нам в наследство крышесносные рифы. Что Муратов их все выучил на зубок, а

я был в своей лучшей вокальной форме, готовый молотить на сцене фарш. У нового драмера оказался неплохой послужной список, на челкастого — вообще срать, гитаристов, как грязи. Но вроде и он чего-то мог. Про лучшего басиста с козлиной бородкой я даже не начинал... И вот, теперь у нас была ещё одна рабочая приманка. Нимфа с ангельским расщеплением и модельной фигурой. Я рассчитывал, что этот альбом не просто поднимет нас с колен, а станет лучшим в истории Death Breath.

На следующий день мы все подошли ответственно к сборам и заранее высиживали в аэропорту перед рейсом. Все, кроме одной особенной достопочтенной персоны...

Я был на грани того, чтобы позвонить и наорать громче бабы, объявляющий вылеты через микрофон. Ева пришла за долю секунды до того, как я чуть не взорвался и не раскидал кровь с кишками по стенам зала ожидания.

— Приветик, — видимо, вчера она буквально уяснила, что старый гардероб ей не понадобится.

Пришла с одним полупустым рюкзаком, в кожаной куртке и солнцезащитных очках. Развалилась сразу на двух металлических стульях возле басиста, и помахала нашему ряду когтистой рукой. Шёлковые волны её шевелюры рассыпались по спинкам сидений.

Куда Ева смотрела, я не видел из-за чёрных стекляшек. По традиции она не извинилась. Я оскалился.

Мерзкая девка!

— О-о-о, вот, кого мы ждали?! Лёнчик, а ты не говорил! — разлётшийся Андрюха вытянул шею из-за сумки и привстал. — Киса, как сказал этот неприятный мужчина, я ваш фанат. Вы великолепны!

Я заметил, как парни оживились, отламывая от девчонки взглядами по кусочку. Все, кроме Муратова, конечно. Он у нас был адрессированная паинька.

Андрей взял Кису за ладонь и чуть не донёс до своего рта. Типа поцеловал.

— Спасибо, — она польщённо улыбнулась, приложила свободную руку к груди и кивнула.

Да посмотрите, что за жополиз у нас стоял на ритм-секции!

— Андрюха всем тёлкам так говорит, — выкатил я с гонором, сложив руки на груди. — Задницы свои подняли и пошли на посадку!

Снизопшла до челяди, разложились! Пятнадцать минут до вылета...

Парни послушно встали. Андрей продолжал заигрывать с Евой уже жестами, перевод которых с обезьяньего я не знал.

— Лёнь, ну повежливее. С нами жедевушка, — поплыл татуированный неприступный Гриша, закидывая на плечо сумку. — Кис, а хочешь, твой рюкзак понесу?

П-п-пф... Я с рыком выдохнул от переизбытка агрессии. Руки напряглись, и я начал переминать пальцы. Это всё по тому, что я задумался.

А надо ли оно мне? Привёл бабу на тонущий корабль. Щас как пойдём якорем на дно рокерского шоу-бизнеса...

Драмер забрал у смущенной Евы рюкзак. Ну я ему и свою сумку заодно всучил. Раз он у нас заделался курьером. Кстати, смущение — последнее, что я рассчитывал разглядеть на её наглой измалёванной морде.

Я даже не понял, что Гриша там проямлил, и поравнялся с Кисой, удаляющейся к терминалу походкой от бедра.

— Слышь, девушка, почему опоздала?

Ева предпочитала делать вид, что мои реплики доносились до неё из атмосферы, как назойливый шум турбин. Её голова так и не шелохнулась в мою сторону. Девчонка лишь сдвинула очки и посмотрела на часы на своём тонком запястье.

Оно было таким хрупким, словно его можно было переломить одним удачным сжатием.

— Я же не опоздала, — девка затыкала ноготком по циферблату. — Сегодня вовремя.

Когда я предупредил её про «собраться заранее», имел в виду приехать хотя бы за час.

— Ты притащилась впритык! Я предупредил, что меня злить — опасно для твоей психики?

Она что, закатила глаза?

— Да ну... Просто я уже привыкла приезжать прямо перед посадкой, — лениво зевнула Ева посреди фразы.

В смысле?

— Привыкла? — я нахмурил брови, доставая на ходу билеты, что приобрёл на всю группу.

— Ну, я же живу в Петербурге. В Москву тоже часто прилетаю, сразу на несколько дней подряд, по работе, — Хм... Любопытно. Неужто зовут на выступления? Но беситься я от этого не перестал. — Знаешь, без нас всё равно бы не улетели! Бизнес-класс будут ждать до последнего

Я вздохнул из последних сил.

— Осторожно. Бумажки так легко порвать, особенно, когда они ещё не заверены.

Мы остановились возле терминала, и она, наконец, выглянула из-за очков, зло сверкнув глазами. Кивнула. Будто могла что-то понять своей бестолковой головой.

Ну хорошо. Надеюсь, это была её последняя дрянная выходка. Остальные я спланирую по жёсткому сценарию — от публичных выступлений до секса.

Мы обустроились в салоне, а девчонка раскисла. Клоуны облепили Еву со всех сторон, накинувшись с вопросами, а я под шумок посадил Муратова рядом, чтобы поменьше трепал языком. Я ещё не до конца отошёл после стойки регистрации, когда его пустили по фальшивому паспорту... Думаю, он тоже пересрал. Стоило самолёту взлететь, Муратов моментально заснул, хотя до Питера был всего час. Я делал вид, что дремал и следил за тем, как девчонка фыркала. Потом она вообще, воткнула наушники и отвернулась к занавешенному иллюминатору. Не очень-то дружелюбно с её стороны перед парнями. Но я уже понял, что от Евы ждать утончённых манер — как от пафосной жирной дисторшн.

Я вроде как реально задремал, но сон шёл тревожный. Ближе к концу полёта Ева увидела, как мужик с соседнего ряда зашоркал в зону курения с пачкой, и резко обернулась на нас с Муратовым. Я даже шелохнулся от неожиданности, хоть уже и проснулся. Не поднимаясь с мягкого подголовника, прищурился на неё.

Киса пристально осмотрела Ванину подмену, мирно сопящую у иллюминатора, и зашептала.

— Господин, у тебя есть сигареты?

Капризная девка!

Она надула вишнёвые блестящие губы, как будто это всё решит.

— Скоро посадка. Сиди спокойно, — прошипел я сквозь зубы.

— Ну пошли-и-и, подышим... Таким вкусным, расслабляющим дымом, обволакивающим язык, — ни хрена себе. Во рту собралась тягучая слюна, и я невольно сглотнул.

Но вот, моего плеча коснулась тяжелая горячая голова.

Брезгливо втянув шею, я осторожно повернулся к кудрявому Ванечке, скатившемуся на меня и продолжающему высыпаться. Ева беззвучно засмеялась.

П*здец, Муратов, это что такое...

— Не ожидала, что после того скандала вы помиритесь. А в жизни он гораздо... Спокойнее что ли, — у меня свело челюсти.

Взгляд остекленел, и захотелось моргнуть. Но было страшно что-то упустить.

Кхм... А каким ему быть? Он спит!

Ева ещё немного попялилась на Муратова. Такими темпами она могла заподозрить неладное. Я шумно выдохнул, осмотрев её задумчивое личико, и проскрежетал зубами.

Доконала.

Просыпайся придурок!

Я как бы невзначай тряхнул рукой, сдерживаясь от того, чтобы не зарядить его башкой об стенку. Муратов отодвинулся и даже не проснулся.

— Почему ты стреляешь сигареты? — сдавшись под натиском скверного характера, я начал шарить в кармане.

Ева не сразу перевела на меня взгляд, задержавшись на Ванечке.

— Я бросаю, поэтому не ношу с собой.

Ну и глупость! Эта девчонка — просто сказочная мерзавка!

— Ты хотела сказать, занимаешься самообманом?

6. Журналист

По прилёту нас поджидало персональное «такси» — Юрген на минивене. С ним я познакомился, когда он работал ещё консультантом в Музторге. Звал его гитаристом к себе, но Юра по большей части торчал со звукозаписи. Первые синглы мы записали у него на квартире, чуть ли не на звуковую карту из-под телевизора — теперь у музыкального барыги был отстроен целый коттедж с профессиональной студией звукозаписи в пригороде Петербурга. С моей подачи к нему требовалось отстоять очередь полгода, а для своего старого-доброго друга Лёнчика он готов был отдать коттедж на месяц за рукопожатие.

— Да вы гляньте, что за сладкий мальчик, — звукарь схватил меня за щёку и больно оттянул кожу. — Ути-путечки.

Я дёрнулся, чуть не вмазав ему, продолжая тяжело дышать.

После получения багажа мы выскочили к парковке и быстро спрятались в тачке, даже не проверив, кто сидит за рулём. Я залез вперёд, не успев ещё перевести дух после преследования.

В тонированное окно было видно, как на парковку стихийно вывалилась толпа фанатов, озирающихся по сторонам. Шестнадцатилетние демоны...

— Сука, отстань уже! — я шлёпнул Юргена по руке. — Газуй!

— Хах, мы боимся маленьких девочек? — он поиграл своими высветленными бровями.

Бритый под ноль и крашеный в блондина, с огромными безумными глазами.

— Боимся! Ты видел, сколько их там? — буркнул челкастый из задней части салона.

Тебе что... Они даже не знают, кто ты такой. Пока что.

— Интересно, а как они прочухали, что мы прилетаем сегодня?

Я недовольно обернулся назад и проследил, как запыхавшаяся группа раскладывается в два ряда. Ева поправляла волосы, сидя прямо за мной.

— Я слил.

— Чего?.. — челкастый и Гриша охренившие на меня уставились. — Зачем?

Дилетанты.

— Прогрев. Посмотрим, что теперь напишет этот твой... Анонимный журналист, — я кивнул Андрюхе.

Прочитал я блог того придурка. Не сказал бы, что много из себя представлял. Постил сначала своё никому не обосравшееся мнение без всяких пруфов, откровенно стебал известных личностей за их успех. Потом уже стали появляться фотки, видео и диктофонные записи. Значит, он какого-то хера попадал на мероприятия и закулисье... Судя по старославянскому — ну лет пятьдесят ему точно натикало. Какой-нибудь завистливый, жирный неудачник, жрущий чипсы и набирающий этой же рукой свои мерзкие разоблачения. Второй он походу дровичил от переизбытка кайфа. Другого объяснения, откуда журналист имел столько ненависти к артистам, я не мог предложить.

Оскорбленные жертвы его блога писали ответы, их я тоже прочитал. Больше, конечно, писали в оправдательном ключе, для своих фанатов, но журналюга и на них наживался. Все последующие реакции постил себе в блог и продолжал изводить человека на конфликт.

Просто крыса.

Это он расфорсил конфликт в Death Breath.

— Теперь он не сможет списать нас со счетов. Мы прогулялись по аэропорту в полном составе, ещё и с девчонкой. Все увидели. Пускай делает из этого сенсацию.

— Я думаю, он ничего не напишет, — Андрюха ухмыльнулся и отрицательно замотал головой, завязывая свои патлы в узелок. — Журналист публикует только разоблачения. Это слишком хорошая новость для его блога.

Кажется, на спинку моего кресла легли чьи-то ладони. В плечи упёрлись острые ногти.

— О ком вы говорите? — Ева выглянула из-за подголовника. — Что за журналист?

— Блин, Юрген. Давай езжай, — он слушал нас, сидя с открытым ртом.

Я пихнул парня в бочину, и блондин зашевелился. Завёл минивен, а через мгновение мы тронулись, удаляясь от догоняющей нас толпы фанатов.

Что за журналист? Хах!

— Ты уж точно читала его блог, — и это меня подбешивало. Интересуется, блин, музыкальными новостями. Нашла, чему верить.

— Может, и читала. Я могла не заметить, — сразу видно, «любопытная» девочка. — Скинь ссылку.

Мы выехали на кольцо и встали в пробку. Я раздраженно вздохнул, взялся за телефон, что почти разрядился, и отправил Еве адрес на открытую в браузере вкладку. Глянул искоса, как она уткнулась в экран. И посмотрел расстроено на Муратова в глубине салона, а он в ответ кисло улыбнулся.

Да, парень. Нам было, что скрывать. Когда тебя знает вся страна, грешить становится гораздо труднее.

У журналюги походу были ещё и последователи. Всё, что он писал, быстро расплозилось по сети. Блоги делали перепосты, кто-то просто крал его новости без источника. Поэтому, Ева могла и не знать.

Девчонка подняла напуганный взгляд с телефона.

— Урод какой-то, — хоть в чём-то я был с ней согласен.

— Как и любой в шоу-бизнесе.

Ева осунулась. У неё раскрылся и дрогнул рот, на котором после курения уже

подстерлась вишнёвая помада. Я отвернулся к лобовому стеклу, но Андрюха решил поддержать разговор.

— Просто маньяк. Лезет к артистам в трусы и позорит на всю страну.

Спасибо, дружище. Это именно то, что ей было важно сейчас услышать.

Из меня отстойный заступник или сострадалец. Поэтому я просто хмыкнул, глядя на колонны машин.

После Андрюхиного высказывания все прискорбно помалкивали, нацепив наушники. Аэропорт и студия находились в двух противоположных концах, поэтому мы отстояли в пробке на въезд в пригород, дали разворот и сорвались по КАДу через окраину Питера, по огромному мосту.

По центру мы так и не проехали. А судя по тому, что работы было много, до прогулок дело могло и не дойти. В отражении стекла я увидел, что Ева вообще не смотрела в окно. Её не интересовал вид на Невскую губу, на Кронштадт. А хвалёная архитектура её бы точно не впечатлила. Кажется, девчонке настоиграл Петербург. Потрясающе... Как это возможно?

Я всё сидел и думал. Что такого ей было скрывать, от чего Ева напугалась журналиста...

Я и сам немного опасался. Если вскрыется подмена Юдина, прогремит жёсткий скандал. Моя карьера будет уничтожена. Но разве настолько сумасшедшая идея может прийти в голову кому-то, кроме меня? Чтобы догадаться, нужно хотя бы допустить такую мысль... Это немного успокаивало.

Снег лежал только за городом и то, ошмётками на чёрной земле. Остальное, что падало — тут же таяло, не задерживаясь на асфальте. Мы долетели до коттеджа часа за полтора, а за это время заснули все, кого не сморило в самолёте. Всё это время я наблюдал в окно голые серые ветки. Типа любовался природой и, временами, грудями мусора.

Мы съехали с трассы, зарулив в жилой массив. Остановились возле ворот, над которыми выглядывал трёхэтажный кирпичный «дворец». Здесь мы будем жить весь месяц.

Юра заглушил машину и стало мертвенно, оглушительно тихо. Кругом — сплошной лес. Дома стояли на приличном расстоянии друг от друга. Место для любителей самоизоляции и трехметровых заборов.

— Ну всё, приехали, — у меня онемела задница.

Хотелось отлить.

Мы с Юргеном обернулись в салон, откуда не донеслось ни единого возгласа облегчения. А там — сонное лежбище.

— Вы бухали что ли? — Юра обиженно раскатал губу. — Без меня?

— Нет. Я им запретил до вечера. Впереди целый рабочий день, — я дотянулся до руля, с силой зажав сигнал.

Подъем.

На улице раздался визг и звуки вспорхнувших птиц, в салоне тут же послышались маты.

— Лё-ё-ёня! Тварь!

Я знаю, знаю.

— Надо было их здесь запереть.

Ева ничуть не испугалась. Только поморщилась, растирая уши. Крепкая у девки психика...

— Какой план, Господин? — сонливо пролепетала она.

Глядя на то, как Ева погладила себя по лицу, зачесав острыми когтями волосы со лба, я весь обмер. Она надула губы, задрала к потолку руки и потянулась, выпячивая грудь.

Кожаная куртка была расстегнута, а ткань на чёрном облегающем блейзере под горло натянулась. И это зрелище показалось мне сексуальнее, чем когда девчонка пыталась оголиться. Особенно во дворе пустого трехэтажного коттеджа и особенно, когда я имел представление, что скрывается под неприглядной одеждой.

Ева было потянулась к ручке двери, но потом нырнула ею в рюкзак и достала зеркало.

Я зачем-то пялился, пока девка не выглянула одним зелёным глазом из-за его ободка. Чёрный зрачок, расширившийся в темноте салона, нацелился на моё лицо.

Кхм, план...

— Сейчас оставляйте вещи в гостиной и спускайтесь в студию. Раскладываться будете потом, после записи.

Ева не моргала.

— А приемы пищи нам положены? — Гриша перекатился башкой по подголовнику.

— Я закажу доставку. До города десять минут.

Юрген вышел, а за ним — Муратов с челкастым с заднего ряда. Андрей тоже потащился разбирать сумки, а когда он вылез, я намекнул ему, чтобы он забрал с собой Гришу.

Понятливая Ева продолжала делать вид, что поправляет макияж.

Спросонья Андрюха застыл, держась за ручку открытой двери. Но потом проморгался, распетушил драмеру волосы и дёрнул за плечо так, что тот чуть не упал на кресло.

Они закрыли дверь минивена снаружи. Мы остались с Никольской одни, и она моментально захлопнула зеркало, самоуверенно ухмыльнувшись.

— Я планирую сегодня прописать вокал для трёх треков, в том числе, один — с тобой. А вечером... Будь готова со мной расплатиться.

7. Брутальный самец

«Расплатиться» натурой, пока Никольская ещё не стала моим прибыльным проектом, она могла в любой момент. Но я поторапливался. Просто знал себя — стоит ей хоть в чём-то облажаться, и девчонка уже не будет казаться мне привлекательной игрушкой. Товар был свеж, пока очередь только набегала. А в её конце находиться я не собирался. За двадцать шесть лет научился разбираться в людях.

Долго со сведенными ногами и закрытым ртом она здесь не продержится.

Я облегчился и вышел из уборной. На первом этаже диван превратился в свалку дорожных сумок и курток. Огромный чёрный экран телевизора отражал половину комнаты, а ещё моё бледное от холода лицо. Я взьерошил укладку, двинувшись вниз по винтовой лестнице.

Диваны были заняты и в студии — бренными, распластавшимися по ним телами. Юрген восседал на крутящемся стуле и вертелся из стороны в сторону, втирая что-то челкастому о новой версии программы. Тот уже раздобыл дежурный стратокастер и понтовался, устроив на металлических струнах трель. Временами, как, например, сейчас, я всё ещё жалел, что Юрген находится не по обратную сторону стекла, преграждающего кабинет от звукоизоляционной комнаты. Эта гитара должна была реветь в его руках.

Ева стояла спиной, возле фоторамки, склонив голову на бок. Думаю, она была впечатлена футболкой с автографом Кори Тейлора до глубины своей продажной душонки.

— О, пришёл, — Юрген пригладил свой белый ёжик на голове и широко улыбнулся, заставив меня перевести на него взгляд с волос Евы, дотягивающихся ей почти до задницы. — С чего начнём, Господин?

— С оральных ласк, — с чего же ещё?! — Открывай проект.

— Оу... С утра-пораньше.

Я облокотился о столешницу и раздражённо уставился в экран. Полностью готовы были только четыре песни из двенадцати, а с каждым днём это всё больше давило на совесть. Времени оставалось жуть, как мало.

У Юры за пультом стояла бутылка с питьевой водой, и я присвоил её себе, допив до дна и с хрустом сжав.

— ...«Головная боль», «Такой, как ты», «На колени», ха-ха-ха-х, «Сгореть», «Отравись»... Нормальный списочек, Лёнь. А «Дорогая» что тут делает? Это же старый тречок.

Он помотал курсором вокруг названия.

— Старый. Его нужно реанимировать. Короче, «Отравись» пугает меня больше всего. С него нужно начать. Но там все инструменты прописаны, кроме соло. Пускай Ваня побыстрому запишется, мне нужно на него ориентироваться...

Я осёкся и весь обмер от того, что только что вякнул. По-быстрому?

Долбануться! Это же не настоящий Юдин... Собственно, по этой причине я и оказался в такой заднице!

У меня на секунду кровь перестала качаться по венам. Я весь одеревенел и с опаской обернулся на Муратова, прикусив губу. Тот, ничем себя не выдавая, вальяжно поднялся с дивана и уже шёл к челкастому отжимать у него инструмент.

Я просто идиот. Нужно было прописывать эту песню втихую — без новеньких, без потаскушки и тем более, без Юргена, в самую последнюю очередь, просто отдать ему на сведение. Там ведь такие флажолеты... Мне, наверное, моча в голову ударила. Он сейчас опозорится...

Я начал сочинять заранее, как это объяснить.

— А хотя... Стой, — скривился я, глядя на то, как кудрявая голова пролезла между ремнём гитары. — У меня нет настроения писать её сегодня.

Муратов нахмурил свои косматые брови и сощурился, замерев перед дверью в комнату. У него недобро потемнели глаза. Натурально вышел из себя, практически Ваня.

— Подотри сопли, Савицкий, — буркнул он своим сотрясающим стёкла голосом.

У меня опустилась нижняя челюсть, а Андрюха залился смехом.

Это получилось слишком похоже на правду. Настолько, что у меня сжался кулак, а в ней хрустнула бутылка.

Ева тоже вынырнула из телефона, изумлённо рассматривая Муратова, подавшего голос. Кажется, с ней это впервые... Ненавижу его!

— Нифига, у тебя бас. А я-то думаю, чего ты молчал всё время... — Юрген ему кивнул и натянул наушники. Я не знал, как Ваня умудрялся отмалчиваться, порой, даже в компании, но только это нас и спасало. — Давай, иди, тюльпан там воткни во второй канал. Лёнь, мы же не будем гонять человека зазря?

Я пребывал в ужасе, что Ванечка меня ослушался. Но этот стиль Юдина нельзя было спутать, просто от Муратова не ожидалось такой подставы... Надеюсь, он понимал, что делал.

Я тяжело выдохнул.

— Ну п*здуй, давай уже.

Жуть... Просто жуть.

Нужно было его башку засунуть в деку акустики, висевшей над диваном. Я пристроился

полулежа на освободившееся место, рядом с Андрюхой и зло скрестил руки на груди. Дыхание вырывалось из меня произвольно шумно.

— Наконец-то, я услышу этого чела вживую.

Гриша поднялся со спинки и облокотился о колени, выглядывая Ванечку через стекло. Мсье нужно было прихватить бинокль.

— Завались, микрофон всё пишет! — рыкнул я.

— Честно говоря, Лёнь, ты — вздыхаешь громче, — раздалось из-за рабочего стола.

Конечно! Я щас просто подорвусь, если Муратов начнёт поганить риф! Если кто-то ляпнет хоть слово, я брошусь бить морды наотмашь!

Новенькие с Евой лупили на Ванечку во все глаза, а он уже закрыл дверь изнутри и подключился, настраивая инструмент на слух. В мониторах в кабинете периодически было слышно даже то, как он дышит.

— Разогреться будешь? — передал ему в микрофон Юрген.

— Давай разок сразу с ритм-секцией на записи. А там, как пойдёт.

Ох, Муратов...

Я отвернулся, чтобы этого не видеть. Слева, на отдельном диванчике располагалась Ева, задумчиво облокотившаяся о подлокотник и теребящая свою нижнюю губу пальцем.

Эта сучка точно считала «Ваню» привлекательным.

— Вы с Господином договаривались, когда вступать?

— Да, включай уже!

Она ловила с открытым ртом каждое его слово, пока у меня в рёбрах тревожно лупилось сердце. Нашла время...

Придураченный Муратов! Лучше бы ты родился немой! И не совался, куда не было велено!

Я сжал булки, когда он запиликал интро, и прищурился. Ничего. На первых порах, до куплета всё могло звучать сносно, но чем дальше, тем становилось страшнее наблюдать за людишками с музыкальным слухом, не сводящим с Вани глаз. Гитара зарычала на забористом куплете, а я сильнее вжался в спинку.

Он звучал убедительно, агрессивно, но вроде... Как-то иначе? Чёрт... У меня заложило уши, и я просто перестал существовать в этот момент. Требовать от Муратова снять с Юдина фирменный стиль было бы полнейшим идиотизмом? Иначе бы у нас каждый музыкант рождался гением, но мне так хотелось выжать из него всё под копирку! Особенно сейчас, в тяжёлые времена. Когда за нами в любой момент могли начать охоту журналисты.

Особенно, блин, сейчас!

Андрюха пихнул меня в плечо, дождавшись, когда я выйду из прострации, и затряс своей волосатой головой, как на рок-концерте, довольно зарычав.

— Вот это мясо!

— Чел, ты просто в лучшей своей форме! Поверить не могу, что буду стучать вместе с тобой... Ещё не поздно взять автограф?

— После меня!

Я ошарашенно завертел головой и понял, что парни восторгаются Муратовым вслух. Пока я пытался не обоссаться, он отыграл всю партию до конца, сплошным куском, а теперь нагло улыбался из-за стекла, уложив руку на бок.

Как этот сукин сын смог? Неужели он настолько был безупречен...

Значит, Юдин не такой уж и незаменимый?

— Ну ты крендель! Я думал, мы частями будем писать. Зачем я тогда вам нужен? — Юрген повертелся на стуле, остановившись на мне синими глазами, и пожал плечами. Отвернись, пожалуйста... — Лёнь, а тебе-то как?

Я сглотнул слюну и прочистил горло.

— Норм.

— Согласен, крутой. Дикий просто! Динамику всю выстроил, отнял у меня работу.

Он снова вернулся к микшеру.

— Давай ещё раз что ли, для приличия. Сделаем по кусочкам, интро, куплеты, припевы и бридж с концовкой? У тебя это минут десять займёт...

До меня дошло не сразу... Мы спасены!

В мою закипевшую кровь выплеснулся адреналин, голова загорелась, и я был готов подбежать к Муратову и засосать его. Кажется, он превзошёл мои ожидания... Но остановившись взглядом на Еве, я вспомнил о своей ориентации и поморщился.

Судя по выражению порозовевшего личика, она первая хотела его засосать...

Девчонка убрала за ухо прядь волос, разглядывая Муратова блестящими глазками. Но как только поняла, что я слежу за ней, улыбнулась, шире и хитрее. Из всех возможных игр со мной Ева выбрала самую бесполезную, скучную. Я был слегка разочарован её безмозглым выбором, потому что студент из Мухосранска, пародирующий Юдина, никогда не оплатит ей сценическое будущее, а вот я вполне мог и передумать. Да, она не знала об этом — Юдин в исполнении Муратова всех покорила. Но ведь этот Юдин ей ничего не обещал, чтобы она так поступала с Господином.

Такого с её когтистых ручек я не спущу.

Ваня прописал свою партию. А я, не забыв пихнуть подвергнувшего нас опасности засранца в плечо, зашёл в комнату следующим, нацепив наушники.

Надо признать, эта ярая ненавистница героев-любовников, со стекающей изо рта слюной и восхищающаяся Юдиным, смотрела теперь только на меня. Сейчас девчонка узнает, что такое настоящий экстрим-вокал.

В наушниках слышалось тонкое шипение и раздавался шёпот каждого, кто переговаривался в студии. Она помалкивала. А в просторной комнате, где я расхаживал, дыхание и голос будто впитывались в пространство. Звуки моментально погрязали в мягких поролоновых стенах. Я приблизился к микрофону и прорычал, присматриваясь к его настройкам.

Юра включил все прописанные дорожки и зашипел в динамиках.

— Компрессия — как ты любишь. Что по громкости музыки?

— Норм.

Я достал телефон и открыл заметки, в которых хранил текста, разместил на подставке.

— Давай, распевайся.

Ещё чего. Во мне шгормило столько злобы, выжигающей грудь и мозги, что я готов был выплеснуть всё с первой-последней попытки.

— Хер. Вы ещё не поняли? У нас сегодня битва. Кто сходу пропишется — тот брутальный самец, — пристроился я к микрофону и захрипел на расслабленных связках.

Из студии донеслось шуршание, а затем мужской смех.

— А можно к тебе зайти, брутальный самец? — Ева встала с дивана и гулко постучала в стеклянную дверь. Я удрученно приподнял брови, глядя на то, как она показывает пальцем на себя, а потом на меня. Что девчонка удумала... — Пустишь? Я просто никогда не

записывалась в студии, хочу посмотреть, как ты это делаешь.

8. Я сожру тебя

— Да ладно? — Юрген приспустил наушники и удивлённо уставился на Кису. Артикуляция этого парня иногда пугала, особенно в сочетании с инопланетными причёской и бровями. — Я думал у тебя есть студийка. Почему-то так казалось...

У парней дрогнули рты. Я тоже призадумался.

— А разве вы знакомы? — Андрюха перевёл озадаченный взгляд с Юры на меня, стоящего тут, за стеклом.

С самого аэропорта они ни разу словом не перекинулись.

— Лично — не знакомы. Но я её видел пару раз на питерских движухах, ещё вроде год назад.

Забавно, что девка так поздно нашла себе продюсера. Этот её шлюший финт в баре теперь показался мне криком отчаяния.

— Ева — это Юрген, Юрген — это...

— Ну, хватит трещать! — буркнул я. — Заходи.

Растерявшаяся девчонка заулыбалась и тут же запрыгнула в комнату, закрыв стеклянную дверь изнутри.

Помещение было довольно просторное, чтобы не вставать прямо рядом с пюпитром, но Киса, нацепившая образ соблазнительной дурочки, подошла ко мне вплотную и прикусила нижнюю губу. Её тело, расположившееся в паре сантиметров от меня, словно нарочно источало тепло и похоть. А когда хитрый зелёный взгляд опустился с моего лица на ширинку, я даже слегка опешил.

Возможно, эта идея превзойдёт по тупости мою утерянную бдительность с Муратовым.

— Будешь так близко стоять — забрызгаю слюной.

Я угрожающе прорычал мимо микрофона в сторону её любопытного носа. Парни заржали, а Ева снисходительно ухмыльнулась, как будто это лишь доставит ей удовольствие. Возле женских насмехающихся глаз проявились лукавые морщинки.

— Включаю?

— Да, — я пристроился к микрофону вплотную, рассчитывая, что девчонка отодвинется.

Но не шелохнувшаяся Киса буквально заглянула мне в рот. Я что, на приёме у фониатра?

Если Ева планировала меня смутить, то у неё получилось. В данный момент я собирался выжать из себя все силы, чтобы выдать результат, а неуместный флирт только нервировал. Так что, писать вокал в одной комнате с ней чувствовалось как нечто слишком интимное, хуже, чем прилюдная дрочка.

Но выгнать её я не мог, Господину не может помешать какая-то девка. Из-за стекла на меня, к тому же, нацелилось пять пар пытливых глаз.

Я постарался уйти в себя, когда заиграла музыкальная дорожка. Зажмурил глаза. Гитарные партии, подкреплённые басом, густо зарокотали в наушниках. У меня расслабилась челюсть, а голос загудел из самых лёгких.

— Не надо смотреть, как я живу эту жизнь.

Пересчитай свои кости, гребанный ты журналист!

Я засыпаю каждый вечер, зная, что мне не соскочить,

Ты же — губишь то, что даже видеть не заслужил.

Когда я сочинял эти строки, представлял, как показываю средний палец абстрактной

толпе репортёров. Теперь у меня появился идейный вдохновитель, на возрастающей популярности которого было угодно сыграть.

Я сожру тебя, придурок.

Злобы скопилось предостаточно. На Муратова, на девчонку, с трудом смиряющую своё сбившееся дыхание, на всех сваливших от нас придурков и пустозвонов, пытающихся засунуть мне в рот микрофон с долбанным интервью.

К припеву я преисполнился ненависти так, что лоб и грудь вспыхнули, а голосовые связки послушно сомкнулись, позволяя благополучно орать журналюге пожелания отравиться. Собственно, в этом и заключался смысл песни. Лающий крик переходил в грудной голос, а затем и в вой. А гвозди на будущем надгробии журналиста — стаккато, которым я вколачивал каждый слог, между барабанами, отстреливающими сильные доли.

Удачи иметь дело с нашими фанатами, парень.

Ева проникновенно морщилась, глядя на то, как я чуть не откусываю поп-фильтр на микрофоне. У меня хотя бы были наушники, другие — слушали снаружи. А она продолжала парализовано стоять, не отходя ни на шаг. У Кисы приоткрылся рот, задрожали ресницы и губы. На оголённых руках, выглядывающих из-под закатанных рукавов блейзера, проступили мурашки.

И это я не распевался. Закрались подозрения, что прежде она не имела понятия, кому демонстрировала свой оборзевший характер. И, оказывается, чтобы вызвать у девчонки вспышки благоговения, нужно было хорошенько поорать.

Напоследок я решил разбавить скрим-партии гроулом, уже планируя вырезать этот кусок из песни. Но в данную секунду манёвр со сменой звукоизвлечения не оставил шанса белью девчонки остаться сухим. Музыка в наушниках оборвалась, а я утёр рот и дал круг почёта по репетиционной «клетке». С руками на боках, как после бойни на ринге.

Первый, на кого я посмотрел — Муратов. Он побледнел и, словно оглушённый, бегал взглядом то по стеклу, то по полу. Кроме меня, к счастью, его катарсис никто не замечал. С расправившимися плечами я почти оценил шок Гриши и челкастого, когда Юрген швырнул наушники на стол и натянул кожу на лице.

— О-хре-неть! — просипел он. — Вы, случайно, не планируете записать весь альбом за сутки?

— Да говно, мне не понравилось. Перезапишем всё по отдельности и без импровизации в конце, — я остановился поодаль от микрофона, потому что рядом с ним Ева всё ещё не моргала.

Мне было как-то некомфортно к ней приближаться.

— Самокритично... Даже на тебя непохоже. Я думаю, надо оставить, как есть. Вышло очень мясно, на эмоциях. На тебя так дама повлияла?

Никто не посмеялся, и даже виновница шутки откашлялась, приходя в себя. Возможно, это была не шутка.

Выпендриться мне реально хотелось.

— Хочу перезаписать! Дай послушать, — я уложил руку на горячую грудь и прохрипел, присматриваясь к своему состоянию. — Гр-р-ра...

— Не-а. Давай завтра вернёмся к ней?

— Лёнь, а*уенно вышло, — Андрей встал с дивана и приблизился к микрофону на столе Юры. — Зря только на неё потратишься. Пишите пока дуэт, хоть отдохнёшь, а завтра нормально слушаешь. У нас ещё есть время.

Ну... Андрюхе я мог довериться. Я вздохнул, пытаясь отделаться от беспокойства, но глянул на Еву, взволнованную при слове «дуэт». Чего это с ней?

— Окей, ладно...

— Брутальный самец, я тогда пойду наверх? Разомну свои... Шустрые пальчики. Чтобы не ударить мордой в грязь после вас с Юдиным, — Андрей, пригладил бородку.

— Мы тоже, можно?

— Валяйте.

Трое музыкантов, настроенных задать жару, ушли в поисках инструментов. Я рассчитывал, что Ванечка тоже найдёт повод смотаться, но он уткнулся в телефон и продолжил греть уши.

— Ну и я тогда шас чай сделаю и вернусь, — Юрген размял шею и встал со своего крутящегося трона. — Вы будете?

Наконец-то, девчонка отозвалась, подавая признаки существования.

Мне уже начало казаться, что у неё лопнули перепонки.

— Можно?

— Без проблем.

Я, Ева и Муратов остались в студии втроём. Молча. Теперь даже безукоризненно отыгранная гитарная партия не спасла Ванечку от моей очевидной неприязни. Всё-таки он был слегка нагловат и отвратительно хорош собой. Тряс кудрями и улыбался белыми зубами, набирая смс, наверное, своей благоверной. Не мог сделать этого наверху что ли?

Хотя, мне и самому было непонятно, почему я так завёлся. Иметь эту сучку прямо здесь я бы всё равно не стал.

Скитаясь по углам, я проверил пальцем уровень пыли на комбиках и синтезаторе, похороненном в глубине комнаты. Замёрзшая девчонка раскатала рукава кофты и обняла себя за плечи.

Ну ничего, сейчас начнёт петь и согреется.

— Слушай, не ожидала, — внезапно заговорила она и подкралась поближе. — А ты — крутой.

Хах! Смешная девка... Каким мне ещё быть?

В любом случае, в чужих формальных подтверждениях я не нуждался.

— Естественно, — я всё-таки удовлетворённо сглотнул. — Ты не могла сказать другого.

Ева медленно и раздраженно выдохнула, закусив губу.

— М-да-а, ясно... Самовлюблённость головного мозга.

— А что такое? Я должен был засмущаться, как тёлка? Сказать: «ой, да ладно тебе»? Я прекрасно знаю, что а*уенный, в каком бы смысле ты это не сказала. Я — просто Господин, и для этого много работал. Так что...

Мы жёстко сцепились взглядами. У неё оказался затуманенный, поплывший. Наконец, впервые я почувствовал себя на шаг впереди этой жалкой певички, потому что знал, что вызвал в ней восхищение.

Странно, что этого не случилось раньше.

— И всё-таки, ты противный, — равнодушно закивала Ева. — Тебе стоило распеться.

Чё?

Всё это время подглядывающий за нами, как за змеями в террариуме, Муратов, громко расхохотался.

— Нормально ты его, — а у вас, бл*ть что, сговор?

Кто первый вылетит из группы перед туром?

Дура! При всём микроскопическом уважении к её способностям, Муратов — более ценный игрок, ещё и с членом. Мне — выбор был очевиден. Так выглядит мужская солидарность.

А опытным вокалистам мясные песни лучше петь сходу, не мучая свои связки.

— Знаешь? Сама распевайся. Текст в телефоне, — я вернулся к пюпитру и отыскал нужную песню. — Валяй, давай.

Она беззвучно подошла впереди меня. Наклонилась перед текстом, выпятив задницу, и начала вдумчиво читать вслух. По её спине скатились блестящие русые волосы.

— Кто я

Для тебя?

Голод

И тоска?

Или яд

На губах?

Я тот, кто не прячет

В рукавах

Ни лезвий, ни вранья,

Но не увлечётся

Чем-то больше белья.

И не захочет узнать, сколько слез

Ты пролила.

Мне очень жаль, дорогая.

Ты отдалась. Тому, кто

Разменяет тебя

На пожар

С каждой дешёвкой, мучительно больно

Являясь во снах.

Сколько яда

Ты испила

А сколько всё-таки мне

Припасла?

Не стоило так

Рисковать,

Ведь я тот, кто не станет

Доверять

Ни душу, ни пустяка

Во имя тупых

И нелепых клятв.

Ева прочитала всё от и до, подняв на меня побледневший взгляд.

Я, конечно, собирался записать с ней и жестяк. Но эта слащавая лирика, выбивающаяся из общего сет-листа прошлого альбома, преследовала меня на каждом концерте.

Что поделать. Девкам нравились сопли и даже то, как красиво мужики признавались им в том, что они ничтожны. Я был слегка в шоке — фанатки сочли мою правдивую исповедь романтической. Это было забавно, они отыскивали там подтекст. Я старался не дурить и идти на

поводу. На интервью соглашался: «Да-а, я столько вложил в этот трек. У-у-у»...

Не хотелось их разочаровывать. Даже наоборот — сделать из «Дорогой» дуэт, а если выстрелит... То нашу сцену на фестивале нужно будет снабдить спасательными жилетами.

Ева часто замахала своими пышными накрашенными ресницами.

— И как я должна распеваться, если не знаю мелодию? Я думала, ты дашь мне время выучить.

Ухмылка сошла с моих губ, и я возмущённо приподнял брови.

В этот момент из микрофона донёсся громкий ржач. Юрген вернулся в студию и отхлебнул их кружки, наблюдая за нами через стекло.

— В смысле... Не знаешь мелодию? В баре ты узнала, кто я такой, а самую популярную песню... — я заблокировал телефон и начал надвигаться на попятившуюся к двери девчонку. — Разве ты не фанатка?

— Я... Не говорила такого. Я же сказала! Терпеть не могу таких, как ты.

Она ещё раз это повторила, нащупывая ручку на двери. Я дышал ей прямо в лицо.

— Беги оттуда, девочка. Сейчас он тебя убьёт.

9. Грандиозное разочарование

Из-за неё я докурил на холоде пачку и охрип. Мне сказали, что девчонка ушла в комнату, разучивать песню, но было уже как-то харкать на неё.

Никольская испоганила график записи. Чтобы не терять время, мы посадили в студию Андрея, хоть он толком и не репетировал то, что я теперь от него требовал с горящей жопой. Пришлось смириться и оставить козлика в покое на шесть бесконечных часов. Басист даже относительно продуманную парочку треков прописывал медлительно, пытаюсь предугадать всё на свете. Чувак, я знаю, ты пытался...

Челкастый с Муратовым сыгрались в гостиной, налету допридумывая и переделывая то, что я браковал по причине мерзотного настроения. Гриша тоже ковырялся наверху, настраивая мембраны барабанов. Надеялся, что сегодня до него дойдёт очередь, зря. Часов в двенадцать привезли еду, но я дождался, когда всё остынет и не вызовет во мне даже лёгкий аппетит. Кусок в рот не лез из-за этой певички. «Я думала, ты дашь мне время выучить», сука. У тебя был вечер, утро — мы три часа добирались до студии из Москвы!

Слоняясь между Андрюхой и гитаристами, я временами поднимался и на жилой этаж. Она там кряхтела, издавала плохо оформленные в вокал звуки в разных тональностях. Тогда я догадался, что «Дорогая» ну совсем не подходила Еве по высоте голоса... Точнее, её комфортная тесситура не совпадала с моей. А это было полнейшим обломом.

Я не стал даже просить её остановиться. Пускай мучается.

Для меня этот вопрос всегда оставался болезненным, особенно с появлением мозолившего слух Муратова. Я был бы рад петь ниже в силу своей половой принадлежности, но генетика сотворила из меня баритон, на грани тенора. Спасибо, что не контр, поющий в унисон с тормозными колодками. Хотя... Может, в этом случае мы бы с Никольской смогли договориться на какой-нибудь «общей территории» клавиатуры фортепьяно. Это был бы самый странный дуэт в истории рок-музыки.

В общем, Киса стала самым грандиозным разочарованием этого вечера. Я так и знал! Не нужно было с ней связываться.

Андрюха писался до первой крови, а потом вывалился из студии с опухшими пальцами. Было уже четыре часа и темно, как ночью. Я как раз сидел на трубке, переубеждая организатора из Казани об отзыве площадки. Видите ли, билеты плохо продаются.

Москвичам я умудрился отрекламировать будущий альбом искренне, а тут чувствовал, что на*бываю Татарстан на десяток «ну просто сумасшедших хитов».

Видел я, как пишутся эти хиты...

— Давайте всё на сегодня? — Юрген протиснулся между периллами и переводящим дух Андреем, растерев покрасневшие глаза. — Башка опухла уже.

— Да, всё-таки, первый день. Не пора ли нам отметить прибытие? — Гриша простучал палками по тарелкам. — Что скажешь, Лёнчик?

Я осмотрел задолбавшихся от ожидания и работы парней. Ну и рожи...

— Вызывай.

— О-о-о-о-о! — бодро раздалось в гостиной.

Все знали, что это значит. Но только не растерявшийся Муратов, бедняга.

Нужно было немного подготовиться. Юрген выбрал себе помощников и пошёл грабить алкогольные запасы. А я решил не мешкать, поднялся на этаж, но заходя в комнату, конечно же, столкнулся с Кисой.

Она дождалась — хотелось оттаскать её за волосы, мокрые, после душа, и это без всякого сексуального подтекста.

— Вы закончили? — процедила девчонка и чуть покрутила пояс на длинном тонком халате. Кажется, под ним ничего не было.

Атласная тёмная ткань повторяла форму её роскошных округлостей и узких бёдер. Я не заметил швов от белья. Поэтому застрял в проёме, дёргая дверь за ручку то от себя, то обратно, и пытался оценить масштабы своего возбуждения. Член начал каменеть. Она выплыла из своей комнаты в коридор в таком виде, хотя здесь был тот ещё проходной двор. На ткани — на плече и груди — стали появляться мокрые пятна из-за причесанных на бок волос.

Ах, да. Вспомнил. Я велел ей сегодня со мной переспать, ха-ха-х.

— А что такое? — я вскинул бровями и оскалился, стараясь подглядеть из-за запахнутого халата родинку.

— Ты просил сегодня тебя навестить, — равнодушно пожала Ева худыми плечами.

Мне стоило усилий, чтобы не заржать вслух. Рот весь искривился.

— «Просил»? М-да. Сегодня ты облажалась, Киса. Не знаю, когда у меня снова появится настроение. Тебе придётся постараться.

Я закрыл дверь изнутри, оставив девку снаружи, и всё-таки беззвучно рассмеялся по пути в душ. У неё было такое чудное лицо...

Ай да Ева... Ну и дурочка.

Дверь в мою комнату задрожала от неистово разъяренного стука. Я решил не отвлекаться, сжимая девку за холодные ягодицы. Возможно, в январе стоило носить хотя бы колготки.

Не пойму, что у них у всех с мозгами? Они сдают их в ломбард, чтобы торговать сиськами?

Девчонка уже добралась до твёрдого подрагивающего члена, извлекая его из-за резинки трусов, когда в ненадёжную дверь пришёлся ещё один хрустящий удар.

Створка громыхнула об косяк, и в комнату спокойно вошёл Муратов.

Я чуть не подавился слюной от неожиданности.

— Не стойте там, заходите, — недовольно прохрипел он и подозвал кого-то рукой из

коридора.

Голая девка испугано замерла в моих руках, пытаюсь заскулить, но я закрыл ей рот рукой, но больно рассчитывая силу. Первое, о чём я подумал — менты...

— Вот, пожалуйста. Располагайтесь рядом со своей подружкой. Здесь вам будут рады.

Муратов с издёвкой указал рукой на кровать и совершенно по*уистически осмотрел меня между ног. Порог перешагнула одна из тех проституток, что мы отправили к Ванечке. Без лифчика, вся в татухах, но очень скромно прячущаяся за скрещенные руки. В её испуганных оленячьих глазах читалось опустошение, полнейшая фрустрация. Конечно, он к ней «на Вы»!

Этот душнила сумел довести ночную бабочку до депрессии!

— Просто скажи мне... Ты педик? Зачем ты её выгнал? — я слегка оттолкнул проститутку на кровать и торопливо прикрылся простыней.

Этот ненормальный даже меня засмутил.

— Если ты ещё раз так сделаешь, — Муратов окатил меня чёрным, уничтожающим взглядом. — Я уеду! И срал я на твой контракт.

Интересно, он способен на проклятие?

— Тихо! — шикнул я на него.

Вообще-то, дверь открыта, придурок! Вы*бывайся потише!

— Ты бл*ть, Господин, понял меня? — прошипел он.

Я заржал, глядя на то, как Муратов вышел из себя, но кивнул.

Серьёзно... Он своей тёлке на память оставил яйца?

— Да, понял, малыш... — не насмеяться было невозможно. Но парень обозлился я всерьёз, и я непроизвольно сделал вид, что обращаюсь к девке. — Иди сюда, малышка. Идём. Я не буду тебя выгонять.

Оскорблённый Муратов потрянул кудряшками, смерил меня напоследок убийственным взглядом и скрылся в коридоре. Боюсь, после его визита придётся чинить дверь, которая едва пережила последний хлопок.

О возбуждении теперь говорить особо не приходилось. Скорее, о нестерпимом смехе из-за того, что он застал меня во время секса, ещё и не постеснялся выказать презрение к бедной проститутке. Галантный хер. «Вам тут будут рады». Не могу-у-у, если бы это оказался настоящий Юдин... Если бы мы не пеклись за его репутацию, я растрепал тогда это всем! Мы бы угорали до конвульсий.

Девки сняли с меня одежду, мокро обсасывая член, и я практически перестал посмеиваться. Это жестко отвлекало, а когда новоприбывшая попыталась дотронуться до моего лица, вторая её одёрнула и вовремя объяснила правила игры с Господином.

— Не приближайся. Ему не нравится.

Хах, звучит сурово. Никогда бы прежде не подумал, что до такого дойду.

Я нетерпеливо выдохнул от вновь накотившего желания и хотел запрокинуть голову, но на тумбочке зазвонил телефон.

Собственно, я был не против ещё поржать. Кто там наяривает?

— М-да? — я дотянулся до мобильного и принял звонок с неизвестного номера.

Обнаженные девки легли на подушки и начали извиваться, лаская друг друга. Я недолго смотрел. В одну глубоко вошёл, а та сипло и часто задышала, жарко принимая меня между ног.

— Лёня? Здравствуй, Лёнь... Лёнь, это Александр Вадимович... Дека

электротехнического факультета. Вспоминаем тебя хорошим словом здесь... Не хочешь выступить завтра у нас на балу с песней?

— Чё?

Я сморщился, пытаюсь понять то, что сейчас услышал. Переложил телефон к другому уху и зажал плечом, входя в девчонку со смачными чавканьями.

Кажется, на другом конце страны декан всё ещё подбуживал коньяк в своём кабинете. Да ещё и не один, судя по сопению в трубку... Почему-то вспомнилась одна училка, втюрившаяся в меня в магистратуре. Та ещё была придурочная, но пятерку поставила.

Ну, раз вы там все собрались... Тогда слушайте!

— Вы вообще знаете? Кто я?

Я ускорился, свободной рукой шлёпнув девчонку по бедру. Она протяжно и старательно застонала.

— Мой Господин! — оу, ощущение, что я участвую в порно-съёмках.

Вторая стала щупать подружку за грудь, а я решил прибрать к рукам её сиськи.

И где ублюдки вообще откопали мой телефон?

— Я, бл*ть, не агентство праздников!.. Номер мой удали! Не думаю, что потянешь хотя бы мой райдер... Старый х*й! — из телефона раздались гудки.

Хах, ну и дичь!

Я швырнул телефон между спинкой кровати и матрасом. Во имя справедливости девушки поменялись местами, хотя мне было всё равно. Но проститутки оказались не тупые. Вдвоём принялись стонать так, словно их имеет десять человек. Я прекрасно проводил время, а из всего абсурдного списка происшествий, призванных испортить мой секс, больше всего веселило одно. Не разъяренный Муратов и не поддатый декан из универа, о котором я и помнить забыл. Не-а. Соседка, поселившаяся через стену.

Надеюсь, Никольской было слышно, как я "грустил" из-за сорванной записи.

Мои дорогие, спасибо Вам за прочтение!

Также буду рада пообщаться с Вами в комментариях и в телеграме, где я каждый день публикую уведомления о выходе глав, музыку, эстетику и темы для общения. Ссылку Вы найдёте в графе "Обо мне". Добро пожаловать)

Обнимаю Вас)

10. Струнный маэстро

Андрюха сидел в гостиной, в одних труханах, во главе длинного обеденного стола. Стряхивал пепел в блюдце — Юрген поотрубаёт басисту пальцы. Одним локтём он пытался убрать мокрые волосы из-под осыпающейся сигареты, потому что другая рука была занята стаканом с виски.

Я упал на соседний стул и жадно приложился ко вскрытой бутылке.

Горло начало невыносимо драть.

— Обожаю Питер, — выдохнул Андрюха и запрокинул голову за спинку.

Я поморщился. Вместо его пьяных глаз на меня смотрела теперь отросшая влажная борода.

Влажная, надеюсь, после душа.

— Кхм... выглядишь за*бавшимся. Думаешь, успеем до феста?

Ну, раз басист уже испоганил подарочный сервиз мамочки Юры, я залез в пачку и выдернул вместе с зажигалкой одну сигарету. Остальные рассыпались по столешнице.

— Естественно. С чего ты взял, что мы опаздываем? — Андрей вернул свою голову

обратно, заместо лохматой мочалки, и еле разлепил глаза. — Ты как обычно, Лёнчик... Загоняешься без повода.

Если перевести на язык Homo Sapiens, это означало: «оцениваю риски и думаю о будущем группы». Понимаю, обезьяне в начале эволюционной цепочки трудно вообразить, в каком тоне сейчас с нами общаются организаторы.

— Она всё испортила, — укоризненно прошипел я, сжимая зубами сигарету, и поджёт её.

Пламя, въедаясь в табак, приятно хрустнуло.

— Не драматизируй. Ты же сам не сказал ей заранее, какую песню будете писать.

У пустышки просто не хватило ума ознакомиться с творчеством продюсера. Девка была тупая и неотёсанная, как дикарка из джунглей. И откуда только она научилась хреначить на ложных связках? В Амазонии такого не преподают.

— То есть, ты считаешь, сучка права? — я кинул в Андрея косой пренебрежительный взгляд. Сыкун тут же стал открещиваться.

— Не-не-не. Я считаю, ты прав, Лёнчик, — так-то. — Иначе ты прогрызешь мне плешь. Да пошёл ты!

— Она наверху? — бездумно бросил я, нервно высасывая никотин.

Но потом прикинул. А где же ещё? И какая к чёрту разница?

Если Ева слышала скулеж и долбёжку в её стену, то разницы абсолютно никакой.

— Не, — небрежно мяфкнул Андрей. — Уехала.

Я подавился сухим дымом и постучал себе по груди, откашливаясь.

— Куда? — сука... — Кто её пускал?

В смысле, уехала? Из коттеджа? На совсем? А как же контракт?

Она реально слабоумная, считает, я её не найду по адресу прописки в документах?

Если это из-за шума в моей комнате, то на проституток было грех обижаться! Это их работа.

— Домой просто отъехала. Сказала, надо взять вещи. Ева же питерская, — я стал медленно отклоняться обратно к спинке, выдернув у Андрея стакан. — А она типа твоя наложница? Без спросу нельзя?

Я сделал залпом несколько жгучих глотков и выдохнул.

— Могла хотя бы предупредить... — я имел ввиду, меня. Конечно, предупредить меня.

— Так она же сказала нам. А у тебя вода шумела, ты был в душе. И она не стала вламываться. Просила передать. И вот.

Культурная какая девочка. Прямо питерская интеллигенция!

Вместо грязного стола перед глазами возникла её соблазнительная фигура в шёлковом халате. Пухлые девичьи губы дрогнули, шокировано раскрывшись, когда я отказал ей в сексе.

До меня начало доходить...

— Значит, Ева уехала до проституток?

— Ну да. Ещё не поздно их выдворить до её прихода, — он это серьёзно?

Да ну на хрен! Я так не играю!

— Делайте, что хотите! — я со скрипом отодвинул стул и повернулся к лестнице, прихватив с собой пойло. Но какого-то чёрта мелькнул взглядом по Андрюхиному искривившемуся лицу.

Он загадочно осмотрел меня, кряхтя от насмешки. Когда тащился сюда, я едва натянул штаны, не застегнув ширинку. Из-за приспущенных джинсов торчала резинка трусов.

Дружище, скажи спасибо, что не пенис.

Оценив свой прикид, я насупился от того, как он иронично корчился, но не смог двинуться к лестнице.

— Лёнчик, это всё, что ты хотел обсудить? Закуколдил ты Кису или нет? — да чхал я на эту драную кошку! Пускай хоть со всем Питером там перекувыркается!

Только чтоб вернулась вовремя, перед записью. И «без вшей».

Он заиграл бровями, кивая в сторону стула.

— Как насчёт Вани?

Я вздохнул и чуть подостыл, вспомнив тот цирк, что устроил Муратов.

Сел обратно.

— Ты это видел что ли? — Андрей оттянул языком свою щеку, скептически потирая бородку.

— Гриша видел, — басист перешёл на едва различимый шёпот. — И ещё. Когда ты ушёл наверх, они общались. Ваня сказал Грише, что у него есть девушка. Но типа он скрывает это. Так, просто, чтоб ты знал, — твою же мать...

Я шумно выдохнул и «умыл» лицо руками.

Слабал разок на гитаре и решил, что может диктовать свои правила, гандон?

— Ты только сильно не кисни. С девкой можно как сойтись, так и разойтись. Его этот... Ляп ни на что не повлияет, — Андрей ободряюще тряхнул меня за плечо и откашлялся, насмешливо повысив голос. — Прикинь, она его старше.

— Кто? — я настолько загнался, что не сразу подстроился под выделанную показную беседу.

— Девушка Вани старше его.

А... Ну, эта тема «достойна» внимания Господина. Вообще-то, мне срать!

— Он заделался геронтофилом?

Андрюха прыснул от смеха.

— Пха-х, не настолько. Гриша сказал, лет на десять, — ммм, ясно.

Ну, пускай пишет свои паршивые попсовые песенки, посвящает их своей старушке. Если его застукают, это будет какое-никакое алиби.

Только, чтоб он знал, это ни хрена не похоже на Юдина!

— Ванечка странный, — тихо прошипел я. — Очень странный. Мне это не нравится.

Басист пожал плечами.

— Зато как пилит! Струнный маэстро!

Нужно заняться его перевоспитанием — как и Никольской. Эти двое у меня ещё попляшут.

Бабочки улетели, а мы продолжили мотыляться «в террариуме». Парни собрались в гостиной, стерилизуясь алкоголем перед погружением в бассейн. Я же взялся за железки в тренажерном зале на третьем этаже, притащив с собой Муратова, как самого дорогого, лучшего друга. После нашего дефиле по аэропорту фанаты в интернете уже высказались, что Юдин потерял массу. И я решил нагонять Ванечку до его «былого» величия. Побережём парнишку от преждевременных блогов журналюги — в этом сезоне мы ещё даже не появлялись на сцене. Вот, какой я был заботливый друг.

В зале то и дело гремели грифы и гири, а мы прискорбно молчали.

Потому что после забракованной им шлюхи мне сказать пока что было нечего. Не оценил Ванька моего широкого жеста.

Несмотря на отсутствие трезвости, сна и еды вместо требуемого отдыха я тягал штангу, даже не подсчитывая количество жимов. Правда, я лежал на спортивной скамье. И безустанно почему-то раздумывал над будущим сценическим образом Никольской. Из-за того, что эта долбанная «фанатка» в очередной раз пропустила концерт Господина, мне сделалось ещё хуже, чем утром, в студии. Но от этого и веселее...

Так что, я собирался дождаться её сегодня. А с силовыми пора было завязывать.

Чтобы не клевать носом, я побродил полчаса по беговой дорожке. Муратов быстро сдох от лёгкой нагрузки и ушёл в свою комнату. Время уже приближалось к двенадцати ночи, пока я перебрал все имеющиеся в зале Юргена блинчики. Терпение Господина практически лопнуло уже у входа в комнату девчонки.

Подходя к своей спальне, я задержался у её. Не долго прицениваясь, зло подёргал ручку двери, но она оказалась заперта. Возможно, изнутри. Челкастый, поднимающийся по лестнице на второй этаж крикнул, что Ева ещё не возвращалась.

Я ещё какое-то время не спал после душа. Лупил в окно, потом в закрытые шторы. С первого этажа доносился ржач, но никак не шаги. Мерзкая девка, наверняка, вляпалась в неприятности. А может, просто легла спать дома... В любом случае, надеюсь, ты ещё не сдохла.

11. Трудности перевоспитания

Доброе, мать его, утро. В девять часов я растолкал голого Юргена, захлебывающегося в собственных слюнях, и Андрея, свернувшегося калачиком в соседней комнате. Когда у него была чистая голова, волосы струились, как у диснеевской Рапунцель. Басист пользовал их вместо одеяла. Я загнал парней в студию и пошёл будить остальных любителей похрапеть. Спали все, естественно, кроме Ванюши.

— Здорово, — я заглянул без стука, осматриваясь в поисках чего-то крамольного.

Может, уже пентаграммы начертил под кроватью, расставил капканы для шлюх, установил алтарь для поклонения своей старушке? Хах.

Но в комнате было омерзительно чисто, как будто даже чище, чем до нашего приезда. Мои брови поползли выше, ко лбу. Не исключено, что Муратов провёл здесь санитарную чистку, не дай бог прикоснуться к чему-нибудь, вдруг осталась сперма. Справедливо. Сам он сидел на кровати, заправленной без единой складки, и едва ли не левитировал над покрывалом. Упаси господь, промять его задницей... Ну и шизик.

— Эй! — он точно услышал, что я заглянул, но притворялся.

И не шелохнулся. Поднял один только взгляд с книжки, вероятно, раздумывая о том, как долго ему придётся меня душить.

— Чё читаешь? — я вошёл, не дожидаясь приглашения, и остановился возле него, разглядывая корешок.

Муратов всё ещё молчал. Решил меня игнорить?

Стоило говорить, насколько меня бесили обидчивые людишки?

— Стихи? — ну вот, а я рассчитывал увидеть «Маленького принца». — М-м, Сергей Есенин...

Я не удержался и прыснул, небрежно толкнув книжку в его руках.

— И как, нравится?

— Очень, — отрезал Ваня. — В отличие от твоих текстов.

Он сжал её крепче и вытаращился на меня исподлобья своими обезумевшими голубыми глазами.

Муратов у нас романтик. Я-то думал, бабулька скрутила парня в баранку, а он добровольный психопат. Неужели, черпает вдохновение у «певца из народа»? В таком случае, нехорошо иметь двойные стандарты. К своей-то персоне я чувствовал презрение, а между прочим, до уровня данного поэта никогда не опускался.

— Не знал, что тебя восхищают мужики, избивающие баб. Трудно ему, наверное, было трахать свой гарем. Целые три тысячи девиц, напрашивающихся на кулак.

У Ванечки округлились глаза и запершило в горле.

— Настолько сильное похмелье? — раздавлено прорычал он, откашлявшись. Хах.

— Нет, любознательность. Почитай на досуге его биографию.

Я заметил, как у Муратова поубавилось агрессии и взгляд заволокло пеленой. Возможно, этот факт разбил ему сердце. Бедняжка.

Он отшвырнул книжку и потёр руки, словно вляпался в дерьмо.

— Сделай вид, что только проснулся и спускайся вниз. Андрей весь день будет на студии, а вам нужно хорошенько порепетировать готовый материал.

Я вышел. Не стал дожидаться, когда Муратов расплачется. Пошёл по коридору к лестнице, попутно дёрнув ручку двери соседней с моей комнаты. Всё ещё было заперто.

Ну и пошла ты, Киса.

Парни приползли в гостиную, а я спустился к Андрюхе с Юрой, разложившись на диване. На почту пришло извещение, наверное, готов заверенный контракт, а ещё несколько ответов на мои запросы об интервью. Вчера я успел наснимать немного коротких видео со студии, а этим утром прогружал в блог, успевая вести переговоры с ведущими каналов. Я ненавидел напрашиваться на журналистские мероприятия, но это, к сожалению, было неотъемлемой частью карьеры музыканта. Особенно в преддверии релиза.

Когда мне было уже вполне насрать, соизволит ли Ева вернуться сегодня, девка спустилась по лестнице с намокшими от масла пакетами с едой. Ну ни хрена себе. Она постояла у порога, дождавшись, когда Юрген выключит микрофон, и, как ни в чём небывало, стала раздавать парням съедобную взятку. Андрюха тут же прибежал из-за стекла на запах горячей выпечки и начал варварски поедать осыпавшийся крошками круассан. Юра был с ним солидарен, нахваливая подхалимку. Небось, и наверху всем раздала. А они только и рады.

— И тебе привет, Господин. Держи, — Ева протянула мне пакет и томно улыбнулась.

На её девчачьих скулах был лёгкий румянец после улицы.

— Чего такой хмурый?

Я почувствовал, что нижняя челюсть приоткрылась, и во рту стало как-то прохладно. В её руках остался только пластиковый стакан, из которого она прихлёбывала.

Девка вернулась бодрая, свежая. В развратной кофточке с узкой просвечивающей вставкой от декольте до пупка. И неприлично источала запах крепкого кофе.

— Ты где была? — я раздражённо отшвырнул пакет на соседний диван, приняв его из замёрзших рук девчонки.

Тот громко зашуршал, ударившись о спинку.

— Вещи забирала, — она повела одной бровью, изображая непонимание. — Тебе не передали?

— М-м-м, вкусно! — Юрген показал большой палец, облизывая запястье на второй руке, пока Андрей размазывал по волосам сгущёнку. Фу, бл*ть. — Спасибо, Киса. Ты просто супер.

Они с Андреем обделались начинкой, чуть не капая на миди-клавиатуру. Обязательно ей было тащить эту дрянь сейчас?

— Если в следующий раз свалишь молча — запру двери изнутри.

Что-то мне подсказывало, что изворотливая девка способна забраться и в окно. Но это была всего лишь аллегория... Ну, или нет.

— Ладно, — равнодушно хмыкнула она. — Слушай, я разбирала вчера «Дорогую». Когда мы будем её записывать? Мне нужно ещё немного времени, чтобы попривыкнуть к тональности. Приходится слегка микстовать... Не то что бы я не умела... Просто некомфортная позиция.

Да знаю...

Я недовольно поморщился, как будто Киса была обязана владеть всеми пятью октавами, но её это не смущало.

— Либо же, ещё один вариант, если ты... — она собиралась предложить понизить тональность.

Ну уж нет. Прежде, чем Никольская договорила, я всунулся со своими размышлениями.

— Позже! Запишем её позже. У тебя есть время, — сурово буркнул я. — На этой неделе будем писать другие песни, так что, сосредоточься на них. Я тебе сейчас скину голосовые, где немного напел мелодию. Послушай и выучи. Может, будут какие-то предложения, я готов выслушать. Если... Окажется высоко, будем думать.

Думать, как из вокала девки сделать более девчачью версию! Это наивно, но я рассчитывал, что большинство девушек умеют верещать, как птички. Но Ева не могла.

Чтобы продемонстрировать её глубокую

глотку

тембр, придётся мне верещать птичкой.

— Учи побыстрее только, — я уткнулся в неё тяжёлым угрожающим взглядом. И без Кисы хватало нервяков. — Справишься — отдам тебе один сольник. Под тебя специально напишу.

У Евы вытянулось лицо, а глаза потеряли привычный обольстительный прищур.

— Ого... — выдохнула она. — Хорошо.

Даже не знаю, заслужила ли девка такое внимательно отношение. Но пока она бродила где-то ночью, я подостыл. Даю последний шанс, вертихвостка!

Я переслал ей сообщения и дождался, когда она проверит содержимое.

— А это что? — Ева тыкнула чёрным ногтём в экран и наклонилась ко мне боком.

Интересно, если бы не брюки, вырез был бы до трусов?

— Это книга, — прозаично сказал я, обнаружив на женской груди чёртову родинку. По ней можно было определять уровень пристойности внешнего вида девчонки.

— Я вижу... — осторожно протянула Ева и искоса на меня посмотрела. — Случайно что ли отправил?

Я похож на человека, который ошибается?

Это всё Муратов, вдохновил меня своим стремлением к литературе.

— Нет. Это ещё одно твоё домашнее задание. Прочитай книгу, — я раздражённо скрестил руки, наблюдая, как Юрген старается сгрести в ладонь крошки с липкого стола.

— Это ещё зачем?

— За тем, что я так сказал! — я возмущён! Почему она такая недалёкая? — Скоро я возьму тебя с собой на интервью. Будь добра не ударить мордой в грязь.

— Лёнь, ты чё девчонку мучаешь? — раздалось на входе в комнату.

Я смертоносно глянул на Андрея, а он запрыгнул внутрь. Иди работай!

Ева даже не повернулась в его сторону, высверливая меня через прищур.

— Боишься, что мне не хватит словарного запаса? В чем связь-то? — ну что за идиотка?

— Будешь рассказывать о себе, упомянешь про любимую книгу. Думаю, у тебя её нет.

М?

Ну, может и была... Что теперь? Она едко усмехнулась, но перечить не стала.

Кажется, Ева всё ещё оставалась о себе лучшего мнения, несмотря на то, что я открывал ей глаза на её очевидную тупость. Что ж, с таким самолюбием, как у неё, было странно делать замечание мне. Я помню каждое твоё неосторожное слово, Киса.

Девка опустила взгляд на своё декольте, а потом снисходительно на меня посмотрела.

— Как-то немного не вяжется с моим образом, — томно прошептала она. — Тебе так не кажется?

Насколько же тонкое умозаключение. Пока Ева делала успехи, Юрген расхохотался.

— Согласен. У тебя будет другой образ.

— Монашеские рясы на меня напялишь?

— Так говоришь, как будто я отправил тебе библию. Просто нужно что-нибудь чуточку поскромнее и со вкусом.

Девчонка загналась, призадумалась, истязая нижнюю губу. Я сказал именно то, что собирался.

Вкуса у неё не было.

— И ты думаешь, это сработает? Вы же, мужики, ведётесь только на сиськи! — Юра хмыкнул в микрофон.

Глубокий анализ её целевой аудитории ограничивался стереотипами. Поэтому мы и встретились не в филармонии, а в кабаке.

Не с Евой Никольской, а с дешёвой Мисс Кисс.

— Будешь показывать сиськи, соберёшь вокруг себя только спермотоксикозников, — я намеренно уткнулся взглядом ей в грудь, пытаюсь засмущать. Похоже, это было гиблым делом. — А нам нужно охватить всех слушателей.

Ева всё-таки отодвинулась и заёрзала под своей кофточкой.

— Тяжелую музыку слушают люди разных возрастов. А осознанно — почти только возрастные. Мужчинам старшего поколения будет приятнее видеть в тебе целомудренную девушку, годящуюся им в дочери, чем шлюху.

Это прозвучало достаточно убедительно, чтобы даже Юрген закивал моим словам. Киса неловко убрала за ухо прядь волос.

— Я не думала об этом...

Да по тебе вообще незаметно, чтобы ты думала.

— Так что... Шмотки сама себе выбери по картинкам. Смысл, надеюсь, ты уяснила? Одежда должна быть не сильно вызывающая. Кожаные куртки, футболки, концертные платья — это всё можно, и с вырезом, и с корсетами, только не борщи. Как в пивнухе — не пойдёт. Покажешь мне то, что выбрала, а, если мне понравится, дам денег.

— Хорошо, Господин, — обычно она называла меня с лёгкой издёвкой.

А тут получилось серьёзно. И от этого мне стало слегка не по себе под её пронизательным зелёным взглядом.

— Всё, иди. Тебе есть, чем заняться.

Бр-р-р. Ну и херня!

Девчонка не смекнула, что нужно покинуть помещение, пока я не уложил на колени ноутбук. У меня скопилась куча работы по бронированию отелей во время грядущего тура. А лучше всего это было разгребать под басы, которые продолжал писать Андрей. Я просидел за монитором несколько часов, вставляя свои комментарии между его игрой, а потом прервался.

Всё-таки съел эти вонючие круассаны, оставшиеся в пакете. Словом, сдался. Затем пришло сообщение от девчонки с кучей картинок, и я потерял на них минут двадцать жизни. Так бы и заскучал, если только Ева не вставила мне острую шпильку за вразумительную речь. Среди платьев и концертных костюмов затерялся комплект кружевного прозрачного белья. То есть... После всего, что я ей сказал? Она хочет, чтобы я оплатил это? Неплохое чувство юмора.

Проведав парней в гостиной, я поднялся на этаж. Правда, ещё не придумал толком, с какой целью. Но уже зашоркал по ковру, выстилающему коридор, когда из-за приоткрытой двери её спальни раздался томный голосок.

— Кхм-кхм...

Хах. Ладно. Возможно, в чём-то её узколобая логика тоже была справедлива.

Проходить мимо я не стал, решил заглянуть к соседке.

12. Кровавая месть

На порядок или его отсутствие мне было абсолютно срать. Но то, что спальня девчонки выглядела не такой уж и чистой после Муратовской, в глаза бросилось. Ещё одно подтверждение тому, что он — сумасшедший. Ева обставила прикроватную тумбочку пузырьками. После её вчерашнего отъезда я думал, что она не станет распаковывать вещи, а жизнь в коттедже на чемоданах навевала лёгкие подозрения. Мы все расселились, а девчонка, как чужая, шорилась в комнате, потом ещё и слиняла. Я уж думал... Но вчера ей просто нечего было распаковывать. Сегодня же на расстегнутой спортивной сумке появилась стопка привезённых блузок, призванных провоцировать толпу запертых в коттедже мужиков.

Правда, сама Ева сменила свой сегодняшний образ на рубашку в клетку. Целомудренно застегнула пуговицы до самой верхней. Какая понятливая девочка...

— Чем ты занимаешься? — я так и не понял, сказал это с раздражением или из любопытства.

Киса, расположившаяся полулёжа на кровати, оторвала от телефона взгляд и вьелась им в моё дрогнувшее лицо, словно желала наброситься. От неожиданно блеснувшего в её хитрющих глазах желания я дёрнул бровями. Воу... Разве мой визит для неё не сюрприз?

— Да вот, шмотки выбрала, — непринуждённо бросила Ева и прикусила нижнюю губу.

Это я видел. И нижнее бельё, от которого приподнимается «настроение». Забавно, что в своих фантазиях я не представлял, какая девка без лифчика — наоборот, прикидывал, как он на ней будет сидеть. И даже зарулил в её комнату, пытаясь припомнить её объёмы.

— Ещё я начала разбирать записи. Но к ним вернусь вечером. А сейчас читаю, как ты велел.

Где-то это я уже слышал...

Ева оторвалась от спинки, забралась с ногами на кровать и пристроилась на коленях, вызываясь кусая губы. В такой позе захотелось её похвалить, как послушную сучку.

Я посмотрел за дверь, убедившись, что за ней пусто, и хлопнул. Потянулся к щеколде.

Возбуждение взяло вверх над списком дел, а я позволил ему выйти из-под контроля.

— Зачем закрываешь? — теперь она выглядела вполне искренне удивлённой.

Но из-за того, что переборщила с глупостью, стало понятно, что Ева играет в идиотку. Довольно примитивный флирт, хотя с таким телом, как у неё, это срабатывало. Ничего, мне тоже было, чем похвастаться...

Я подошёл к дальней стороне кровати, где она взволнованно дышала. Остановился вплотную и стянул футболку, решив пощеголять перед девчонкой результатами своих тренировок. Ева захлопала ресницами, пристально глядя в каждый кубик, а я тут же начал твердеть между ног. От явного сгущающегося желания в её заблестевших глазах остро свело скулы.

— Кхм, — откашлялась она и еле подняла взгляд к моим напряженным губам.

Сбившееся тёплое дыхание девчонки щекотало кожу внизу живота. Ощутить его ниже мешал пояс брюк и ремень, на который Киса боязливо покосилась. Всё-таки, с таким очаровательным личиком Ева походила не на рокершу, а на послушницу церковной школы. И от этого башка кружилась ещё сильнее.

Девчонка ничего не предпринимала, кроме попыток захлопнуть раскрывшийся рот. Но и не выказывала неприязни. «Ненавижу таких мужиков, как ты» — так и вертелось без конца, когда я потянулся к её груди, обтянутой в кои-то веки скромной одеждой.

Я ещё не успел дотронуться, но поймал себя на мысли: трахать её будет поинтереснее, чем проститутку. Возможно, из-за того, что Киса была перед моим носом пятый день, самонадеянно посмеиваясь, дразня и виляя задом. В таком случае, мне уже не терпелось её отыметь. Покончить с этой интригой, всё чаще всплывающей в башке вместо работы.

Я сжал её за сиськи. Ева отвернулась, но подалась слегка навстречу, позволяя себя свободно трогать.

Она была мягкая и горячая даже через ткань. Член налился кровью, я почувствовал, как упёрся в ремень.

— Господин, давай не сегодня? — промямлила девчонка.

Мои пальцы сжались сильнее, от чего Ева еле слышно простонала, а брови подскочили в сторону потолка.

Как это понимать?

— В чём дело? — я неловко замер, ещё держа её за грудь, но девка смотрела куда-то в сторону, пошло облизывая губы.

Мы же оба понимали, что я пришёл из-за долбанной фотки, которую она сбросила?

Видимо, оба. Ева сладко ухмыльнулась, словно поджидала этого вопроса, и стрельнула в меня счастливым взглядом.

— У меня месячные.

Я закашлялся и выпустил её из своих рук, чуть не подталкивая за грудь. Девка откинулась на кровать, удерживаясь на локтях, и заулыбалась. Ну и дикость...

— А почему сейчас об этом говоришь? Можно же было дождаться, когда я сниму с тебя трусы.

Ева расхохоталась, всё ещё жадно разглядывая мой торс. В такой неравноценной позиции хотелось прикрыться. Я схватил смятую футболку с кровати и стал натягивать обратно.

— Можно. В следующий раз так и сделаю.

— Дорогуша, ты меня ни с кем не перепутала? — беззаботно начал я, перейдя на

металлический голос. — Я твой работодатель, а секс — твоё резюме. Я не вижу серьёзного отношения к работе. Зато вижу сотни таких, как ты в каждой пивнухе. Не нужно шутить с шансом, который я любезно тебе подарил.

Она лишь пожала плечами.

— Ясно. Ну хочешь, давай сейчас? Мне-то что, — хохотнула девка и стала торопливо расстегивать пуговицы. Выходило у неё с трудом, и я одёрнул её за руки.

Ещё с пару секунд не понимая, как реагировать наэто, я осунулся и шумно задышал. Мне было до сих пор стрёмно, будто я стоял раздетый до гола перед женщиной, что не хотела со мной спать. Но, вообще-то, я уже нацепил футболку...

Сначала прочистил горло, а потом догадался: Киса решила устроить Господину западню. Бестолковая Киса.

— Ты мне мстишь, да? — усмехнулся и прикусил себя за губу. — За вчерашнее? За то, что сама хреново подготовилась и не возбудила меня своей глупостью? За проституток? М?

Я слышал, как парни ей рассказали всё, что Ева пропустила вечером.

Но она лишь невинно поморгала ресницами и снисходительно продолжила улыбаться.

— Господин, ты вообще знаешь, что такое менструальный цикл?

Сука. Я молча тронулся в сторону двери, больше не оборачиваясь на это ехидное личико.

«Ты вообще знаешь, что такое...»? «Ты вообще знаешь»? Знаю, бл*ть, знаю.

Пошла ты, Никольская!

Я не подходил к ней неделю. Боялся, что меня забрызгает кровью и змеиным ядом. За это время мы успели прописать бас, спустили барабанную установку в студию и теперь доводили до кровопускания драмера. У него появилось отдельное мусорное ведро для сломанных палок и персональная аптечка с пластырями. По вечерам мы писали челкастого. Дрон, теперь я зову его Дрон. Надо отдать должное, я взял этих парней в последний момент, но они успели выучить свои партии лучше, чем бывшие у*бки. Не то что бы я был впечатлен...

Просто счастлив, что у группы появился второй шанс. Возможно, мы сыграем и сохраним коллектив в таком составе. Это было бы потрясно.

За неделю воздержания от секса и здравого смысла я оплатил номера в отелях тридцати городов. Выслал райдер каждому организатору, нашёл на тур два комфортабельных автобуса, на которых мы должны были перемещаться вместе с командой и оборудованием по стране. Связался с нашим оператором, раздобыл пару тысяч киловатт света и переходники. Сделал заказ на пошив кожаных курток с символикой нового альбома на всех участников и Еву. Одобрил эскизы художника, отправил в печать для мерча. В Москве ещё оставалась барабанная установка Гриши, я следил за её транспортировкой на фест. Всё это я проворачивал помимо того, что держал себя в вокальном тонусе, распеваясь вечерами, контролировал запись в студии, поведение Муратова и почти не выходил из себя, когда сталкивался с Никольской в коридоре.

Ночами мы бухали, либо торчали в тренажерке. Я мало спал, да и не хотелось. А в перерыве между всем вышеперечисленным вёл блог Death Breath и изредка заглядывал потешить самолюбие к журналюге. Гандон объявился с новой грязью про рок-группу «Инферно» после питерской вечеринки, на которую мы не пошли в первый день приезда в город. А я даже не знал, плевать или радоваться дерьму в сторону наших конкурентов.

Не такие уж они были популярны, чтобы я злорадствовал. Слегка жаль угроханную репутацию солиста. Он перепихнулся с кем-то мимолётно в туалете, а журналист успел расстроить Саньку свадьбу, слил всё в свой паршивый блог. Жаль просто по-человечески, с другой стороны... Нахера нужно жениться? Этого я не понимал, но на сторону журналиста не собирался вставать любой ценой. Даже ценой собственных принципов.

Я определился. В любом случае, он — мразь. Он сам, как никто другой, заслуживал разоблачения и травли.

А тем временем, молниеносно приближалась дата релиза первого сингла. В этот же день мы с Евой должны были посетить интервью. Вопреки тому, что Никольская хреново себя чувствовала и сначала даже «давала петухов», я анонсировал премьеру в блоге, подогревая интерес фанатов. При всех её недостатках в таланте Евы я был убеждён и рассчитывал, что она сможет записать один нужный трек за пару часов. Мы сочинили его на коленке, по приколу, остановились на самом простом ритме и мелодии, делая ставку на её голос. До среды оставалось три дня — на запись вокала и сведение. Затем я должен был просто слить его в сеть. А текст по-прежнему существовал только на бумаге.

К тому моменту Ева повеселела, стала выпивать вместе с парнями и разучила всё, о чём я её просил. Утром воскресенья мы договорились с ней встретиться в студии.

Я собирался раздобыть в гостиной воды до того, как Никольская спустится вниз. После нескольких дней приема алкоголя и сокращения сна меня начало настигать похмелье в геометрической прогрессии. И, в то время как я искал бутылку с хоть какой-нибудь уже жидкостью, Киса — походу, мои сверлящие взгляды. Потому что выперлась в девственно-белом блейзере без белья. Снова эта девка за своё...

Она точно задумала испортить нам запись.

13. Как насчёт расслабиться

— Доброе утро, Господин.

Ева была аккуратно покрашена и вкусно пахла парфюмом. Тянучие ириски... Сухость во рту мешала мне оценить её амбре в полной мере, поэтому я просто недовольно фыркнул, согнувшись над диваном.

— Что-то потерял? — коварно оскалилась девка, поглаживая свои бесконечные волны. — Водичку?

Я приостановил раскопки в гостиной, злобно отшвырнув пару лязгающих по полу бутылок, и облизал иссохшие губы. Ева вызволила из-за спины минералку. Побултыхала у моего сморщившегося носа и сладенько ухмыльнулась.

— Оу, Господин заболел, — девчонка принялась откручивать крышку, неподдающуюся из-за длиннющих ногтей. Они с похрустываниями оцарапали пластик. — Бедный.

Миллионы лет эволюции привели женщин в маникюрный салон, чтобы они не смогли самостоятельно даже подтереть жопу.

Я закатил глаза и нетерпеливо выхватил бутылку. Пить из неё на коленях — совсем уж унижительно — нужно отодвинуть стул. Его ножки мерзко взвизгнули, скользнув по кладке, а я, оглушено на него рухнул.

— А ты, я смотрю, выздоровела, шутница, — когда моих губ коснулось горлышко бутылки, я чуть не закрыл глаза.

Но Ева так смотрела на меня сверху вниз, что я не решился терять бдительность, и лишь слегка утолил жажду. Животворящая жидкость смочила рот. О...

— Не облажайся сегодня, ладно? — смягчил я тон. — Иначе ты просто похоронишь моё

желание тебя поиметь и, тем более, продвигать. Мне ничего не стоит вместо дуэта выпустить другой готовый сингл, я ведь ещё про тебя не рассказывал. На интервью пойду один, контракт — расторгну, и будешь кусать локти.

У девчонки зашкаливал борзомер. Продюсерская своевременная оплеуха не помешает.

Но Киса лишь расправила плечи, оставшись непреклонной в своей дерзости. Её бюст сильнее выдался вперёд, и девка невинно улыбнулась.

— Я постараюсь.

Ну и где готовность выпрыгнуть из трусов? Это не то, что нужно говорить продюсеру... Не то, глупая девчонка!

— О-о-о, здорова, — кто-то третий выхватил у меня открытую бутылку из-за спины и начал громко осушать.

Я устало обернулся. Юрген выглядел отвратительно, словно вчера его скрутила в ковёр гигантская Годзилла и попыталась скурить, переломав пару рёбер. Глаза у него были покрасневшие, губы обветренные. А короткий белый ёжик начинал отрастать, превращая звукаря в седой одуванчик. Этот сорняк наверняка заманался часами сидеть с каждым музыкантом в студии и мечтал о том дне, когда мы свалим. Вот, кого по-настоящему стоило жалеть.

Ну, или нет. Юрген допил воду и, не находя сил моргнуть, уставился на сиськи девчонки, просвечивающие через одежду. М-да. Она усмехнулась. А я — тут же вспомнил наш спор по поводу её сценического образа. И что Ева хотела сказать своим внешним видом сегодня?

Змея выползла нас загнипотизировать?

— Мы пойдём распеваться. А ты давай, поешь и подтягивайся.

Хрен ей! Пора заняться делом. Я толкнул Юру в бедро и вскочил со стула, изображая подъем сил. У самого чуть потемнело в глазах.

— Понял.

Он потерянно кивнул. Мне тоже не мешало позавтракать. Но вряд ли я мог сознаться в том, что к сегодняшней записи Ева подошла ответственнее меня.

Мы с ней спустились в студию. Я, она и её два преследующих мои случайные взгляды отвердевших соска, просвечивающих сквозь блейзер. Мне было трудно думать и перемещаться в пространстве, поэтому я опустился на крутящийся стул звукаря.

Чтобы не тормозить из-за идиотского внешнего вида девки, стал включать комп без Юргена и загружать программу. Вчера в срочном порядке все парни прописали партии. Муратов, как самый настоящий Ваня, придумал бодрый мотивчик, наимпровизировал Юргену на целый получасовой трек, а тот сидел, выбирал лучшие куски и сводил с ритм-секцией до одиннадцати вечера. Потом напился и уснул прямо за компом, пришлось транспортировать его в кровать. И надо же, никто не заподозрил в Ванечке самозванца! Ни одного усомнившегося взгляда! Парни восхищались талантом первого попавшегося юнца, пока Юра, между прочим, сотворивший чудо из черновиков, давал храпака на весь этаж.

— Писать начнём с тебя. Ты первая вступаешь, — буркнул я из-за плеча, стараясь не оборачиваться к Еве.

На компе загрузился проект, семь дорожек с забором из прыгающих частот.

— Хорошо, — девчонка подкралась сзади и наклонилась к монитору, задев моё плечо грудью. Я напрягся, ощутив её округлости, и проскрежетал зубами. — Расскажешь мне, как это делается?

Что она хочет услышать? Ева искала поводы приблизиться, и это дико вымораживало. Я оставался голоден во всех смыслах. Нехотя втянул в лёгкие воздух, что она принесла с собой, встав с дивана. До сих пор пахло сладкими бабскими штучками для охмурения.

— Как делается «что»? Как рот открывается? — прорычал я и вспомнил, что было бы неплохо покурить.

Начал нервно нащупывать пачку в кармане спортивных брюк, испытывая внезапный тремор в груди, но потом догадался, что девчонка и на улицу за мной увяжется. В курилке в московском «Подвале» ей было холодно, а от этого шли мурашки и...

Трудный денёк намечается.

— Кха-кхм... Я не знаю, что тебе сказать... Микрофон должен всегда оставаться на расстоянии двух пальцев ото рта. Работай челюстью, открывай пошире. Но это ты и так умеешь, — хрен знает, можешь представить, что отсасываешь. Да-а-а! Сейчас только этого не хватало. Я не стал прикалываться вслух, потому что от фантазий становилось хуже только мне, но точно не ей. — И в микрофон надо петь. Не разучилась ещё?

Ева приоткрыла рот, томно укореняясь зелёными омутами прямо в моих забежавших глазах.

У меня бесконтрольно запульсировало между ног. Пенис погорячел, начал твердеть и тяжелеть. Стало поздно думать о мерзостях, чтобы уняться. Я почувствовал, что Киса всё ещё искоса разглядывает моё краснеющее лицо, и отвернулся, закатив глаза. Но девчонка тут же нашла меня в отражении стеклянной створки шкафа, ласково ухмыляясь. Облизала губу, и та маняще заблестела.

Мне не хотелось интересоваться в данный момент чем-то, кроме записи песен. А Киса грубо пользовалась моей мужской сутью, как молотком, превращая теорию популярности целомудренной девочки в отбивную. С утра я не мог смочить горло, теперь устал сглатывать слюну, скапливающуюся во рту. А когда увидел в отражении, как Ева спокойно приблизилась своими облизанными губами к моему раскалённому уху, прикусил язык и чуть не зарычал.

На секунду к ней перешёл весь контроль над ситуацией.

— Господин, как насчёт... Расслабиться сегодня? — от её обжигающего приторного шёпота я не сдержал вздох, но попытался замаскировать его под скучающий.

Девка мягко уложила ладонь на моё плечо, и по телу разбрелась сковывающая дрожь. Симптомы говорили о том, что я переборщил с поддавками. Чтобы не нагнетать неоправданный интерес, нужно было в первый же день... Киса вдруг неожиданно выпустила когти, вонзаясь в кожу на шее, и я слегка вздрогнул, потеряв единственную здравую мысль. Раздраженно зажмурил глаза, не желая отвечать на провокацию. Ну уж нет. Сначала хорошая работа в студии — только потом я подумаю над этим сомнительным предложением.

Но, пока я дышал на ладан, Ева использовала свою вторую руку, опустив её под стол. Ноготки пробежались по моей плоти, приподнявшейся из-под ткани спортивных, а я никак не мог очнуться от цепящего морока. Девчонка шокировала, даже несмотря на то, что я был курсе — она не из робких. Просто не верилось, что я наткнулся натакуюбеспринципную киску...

Я обмер в её ладони, разрешая крепко ощупать член по всей длине, на сколько это позволяли штаны. Даже раздвинул ноги пошире. Ева распорядилась своими прикосновениями так напористо, словно работала в бюро оценки размера половых органов. Хах, забавно. Я ждал, что она вот-вот залезет мне в трусы с рулеткой. Это нестрашно. Хуже

было только ощутить её острые когти, прокравшись под резинку белья. Я в ужасе задержал дыхание, когда ледяные кончики её пальцев дотронулись до разгоряченного низа живота. Мне перестал быть виден ослепляющий монитор за водопадом её шелковых волос, спадающих на столешницу. Зато в опасной близости от лица оказались приоткрытые блестящие губы, что она никак не оставляла в покое.

Пока Ева не предпринимала попыток дотянуться ими до моего рта, я сохранял бдительность и следил за её шаловливой тонкой рукой. Она отогнула ткань и огладила меня по венам на стволе, наощупь добравшись до намокшей головки. Теперь между ног пронзительно ныло и норовило взорваться в любой момент. Кончить на стол Юргена будет полным п*здецом. Особенно, если не успеть убрать до его прихода.

Как быстро его стошнит?

Кажется, девчонка не собиралась мне дрочить. Просто оценила масштабы её провинности, жестоко раздражив меня перед записью.

Она с силой сжала пенис, натянув на головку кожу, и стала приближаться к моему напрягшемуся рту кончиком острого языка. Мне дико захотелось усугубить эту ситуацию до крайне возможного расстояния между нами. Поэтому я ждал.

Думаю, Ева заподозрила неладное, когда я не стал подаваться навстречу, мимолётно поморщилась и даже недовольно вздохнула. Уф, что же Киса предпримет теперь?

Девчонка решила притянуть меня за шею свободной рукой. Наглости ей было не занимать, но я тут же поймал её тоненькое запястье и брезгливо отшвырнул. Наши губы замерли на расстоянии толщины первой гитарной струны. Я отодвинулся, а Ева озадачено повела бровями. Её потеплевшая рука моментально разжалась вниз и чуть не поднялась вверх, изображая сдачу с поличным.

Я был зол лишь слегка. Больше развеселён.

— Никаких поцелуев со мной, девчонка. Иначе вышвырну.

14. Праведница

Сюрприз! Я на дух не переносил пускать в свой рот чужие мерзкие языки. Ненавидел, когда моё лицо пытались потрогать загребущими ручками. Уже пять лет без исключений я испытывал состояние безопасности и прекрасно веселился, не подпуская тёлочку выше пояса. Это был вопрос моего личного комфорта, который больше я никогда не ставил под сомнение. Сохранять рот чистым от каждой встречной, что напрыгивала мне на член, а ещё сотням других е*ырей, стало необходимостью. Брезгливость — вещь такая, не всегда удобная. Зато мне было хорошо.

Ева растерялась, но, конечно, ненадолго. Наблюдать за тем, как она располагается за стеклом и избегает моих насмешливых взглядов, оказалось забавно. Её ничто не могло смутить прежде, я даже впечатлился за то время, что мы жили под одной крышей. Но всё-таки этот инцидент на мгновение выбил землю из-под её тоненьких ножек. Как бы Киса не пыталась скрыть, я видел, что она загналась. Стала думать, что сделала не так — все бабы начинали искать причину в себе, даже честные проститутки. И правильно делали. Это вызывало во мне умиление.

Смутившейся Никольскую было видеть гораздо приятнее, чем на уверенных шагах. Между ног ещё оставалось жарко и поднывало после её внезапного визита.

— Ну, погнажи, — Юрген вздохнул, допив своё кофе, и откинулся на спинку стула, на котором у меня с Кисой осталось незаконченное дело. — Метроном нужен? Там с первой же доли вступление.

— Да, давай, — она напряженно уложила руки на бока и усталилась на Юру сквозь стекло. В его отражение я видел, как звукарь, заткнувший уши синхайзерами, сдерживался от того, чтобы залипнуть ниже её лица.

Я чувствовал всей плотью. Зелёные упрямые глаза тянуло скользнуть по мне взглядом. Подпитывался плохо скрываемым замешательством девчонки вместо завтрака, сидя на диване и обложившись подушками. Стояк нужно было как-то спрятать от Юргена. Если бы соврал, что у меня встал на новый трек, боюсь, он бы меня не понял.

Улыбка стянула рот.

Киса пристроилась к микрофону, немного покивала в такт наушникам и запела.

— Я не вывожу после бессонной ночи,

Эта детка запивала водкой
невыносимую горечь.

Хватит говорить, хватит-хватит, что я ужасная дочка.

Меня хранит не ваша доброта,
а острая заточка.

А я и забыл, как девка хороша. Даже застыл под действием её мясистого голоса. С первой же фразы Ева отвоевала внимание, вынуждала слушать. Ей не нужна была вторая дорожка для усиления. Вот настолько певичка пропускала через себя текст и извлекала сквозь плотно смыкающиеся связки. Бодрая мелодия в мажоре играла Еве на руку, подчеркивая иронию — хотя я был уверен, что наш разноплановый композиторский тандем с Муратовым потерпит крах.

Мне было слышно, что происходит у неё в глотке, и до сих пор известно, как ощущается хрупкая ладошка на моём трепещущем члене. Пребывать в таком состоянии, ещё и глядя на двигающуюся Еву, становилось всё волнительнее. Она вся сонастроилась с песней, органично пританцовывая.

— Кхм... Отлично, сочно так звучит, — Юра похвалил девчонку, а я тщательнее придвинул подушку. — Лёнь, что скажешь?

Он одуревше отвернулся от девки и хоть проморгался, не понимаясь глядя на возведенную кучу вокруг меня.

— Нормально, — я кивнул.

Ева блуждала взглядом по верхней части рамы стекла, чересчур интересуясь ремонтом студии. Хах, обиделась.

— Окей. Тогда давай припев.

Интересно, насколько я угадал с темой для Кисы? Ей это хоть как-то отзывалось? Моя вокальная партия тоже посвящалась отцу и матери. Я раньше думал, что нытье обиженки зайдёт только подросткам, страдающим от переходного возраста, но в свои двадцать шесть вложил слишком много личного в шуточный трек. Всё-таки, за*бался держать в себе.

А теперь вот слушал и думал, в каких позах будет лучше отыграть девчонку. Не достаточно, видимо, вложил, чтобы, наконец, суметь встать с дивана без бугра на штанах.

Я в ней не ошибся. Ева привлекала меня с музыкальной точки зрения. И с физической — но было бы странно, если не привлекала. Она усердно делала максимум, чтобы у меня вырубил мозг, а заодно у всех окружающих её мужчин в этом доме. Может, Киса испытывала вину за свои слова в баре? Или предчувствовала, что я сомневаюсь в её компетентности, решила удержать интерес? Думаю, если не её фигура, которой девка щеголяла, я бы реально её выгнал. Поводов накопилась масса.

Пускает скажет спасибо своей генетике за то, что я всё-таки услышал её в деле. Хотя, она могла бы просто заткнуть свой рот и поменьше мне перечить. Тогда не пришлось бы опускаться до уровня шлюхи.

Ева записала припев и, как назло, нагнулась к бутылке с водой, стоящей у её ног. Я замороженно следил за последствиями не надетого белья, тяжело выдыхая.

Невыносимо.

— Давай ещё раз, — надеюсь, он это не про наклоны...

Мой глаз раздражало любое её движение. Так одеваться было противоправно. Это уже совсем несмешно!

— Включаю? — она закивала, вчитываясь в текст на подставке. Лево́й рукой, успевшей раздражить меня между ног, убрала за ухо прядь и стала рычать припев.

Её грудь жила отдельную жизнь, содрогаясь от минимальных манипуляций. Я возненавидел эту студию, песню, текст, неповинного звукача, свою нервную систему. Вскочил с дивана, раскидав по полу подушки, и, пока Юра не обернулся, прокрался к выходу. Извлек из кармана сигареты и дал дёрну. Не стоило приходить сюда в спортивных штанах.

Ева, продолжающая петь и всюю игнорирующая моё существование, вдруг проводила меня взглядом и медленно опустила его на пах. Её брови поползли вверх, когда я торопливо скрылся на верхних ступенях.

Да, я знаю. Это фиаско.

Чтобы снять возбуждение, нужно было обкуриться до чёртиков. У меня оставалось не так много сигарет. Вроде, только две.

Я планировал поморозиться на улице в одной футболке и полном одиночестве, скрыв от посторонних глаз то, что со мной творилось из-за Никольской. Повезло, что все дрыхли до позднего утра. Но когда я выскочил наружу, судорожно потроша пачку, поднял взгляд и обомлел. В мою сторону была повернута чёртова кудрявая голова.

Муратов выдохнул дым и меланхолично хмыкнул, глядя на мой стояк. Второй, сука, раз. Его верхняя губа слегка приподнялась, изображая отвращение. Ну что за е*учий день...

Из-за него я быстро усмирился. Гитарист приложил сигарету к губам и затянулся ещё раз, равнодушно отвернувшись обратно к забору. За ним покоилось немного ослепляющего снега.

А Ванечка был не плох. Хотя бы тем, что не лез не в своё дело. Но я всё-таки решил оправдаться.

— Эта идиотка одевается как на панель, — наконец, рот наполнил обволакивающий дым.

Я спрятал зажигалку и пристроился на перилах рядом с Муратовым. Стало немного легче, когда я обвинил девку вслух и распробовал утреннюю дозу никотина. Надеюсь, Никольская задержится в студии на подольше, я хоть спокойно подышу.

— Странно, что ты ещё не предпринял меры по её... Депортации из коттеджа, — хохотнул я и пихнул Муратова в плечо.

На его хмуром лице заходили желваки. Даже не улыбнулся.

— Это твоя прерогатива, — о, супер, девка ещё и трепло.

Он был в курсе условий контракта? Или нет?

Да какая разница... Ванечке много, о чём приходилось молчать, одной тайной больше или меньше. Главное, чтобы Ева не озвучивала этого в интервью. Иначе она реально

угрожает образ праведницы.

— Чего какой кислый? — я счастливо уничтожил сигарету, испытывая теперь отсутствие напряжения в паху. Ванечка просто чудо!

Мне-то стало хорошо, а унылый Муратов ковырял пальцем царапину на деревянных перилах.

— Тебе не понять.

— Да уж куда мне.

— Просто скучаю, — выдал он, так глубоко вздохнув, что мне показалось, в моих лёгких тоже застрял тяжёлый выедающий дым.

Пф... Чел! Две недели. Прошло только две недели!

— По своей старухе? — я стряхнул пепел одним пальцем и жадно потянулся к губам.

Вроде, при нём я так выразился впервые. Ваня громко кашлянул и бросил на меня убийственный взгляд. Хах.

— Вета не на много старше тебя. Себя тоже дедулей считаешь?

Вета... Вета. Что за имя такое, странное?

— Ясно, ты потерял голову. Вообще-то, возраст женщину не красит — с мужиками всё по-другому. Хочешь спойлер? Ты будешь взрослеть, а она — стареть, превращаться в ворчливую бабку у подъезда. Потом ты поймешь, что потерял свою молодость, развлекаясь с ней. Потом — станешь искать себе всё моложе и моложе.

Однажды я уже отметил этот его взгляд, когда развеял тягу к творчеству Есенина. Муратов смотрел на меня волчком.

— Спасибо, учту, — прохрипел гитарист и зло раздавил бычок в пепельнице. — Познания из личного опыта?

Хах! Упаси Боже.

— Да ну. Не обязательно вляпываться в каждое встречное дерьмо. Можно учиться на ошибках других людей, — я улыбнулся и хотел по-дружески потрепать его за плечо, но Муратов увернулся.

Резко выдохнул последнее из своих лёгких и ушёл.

Вот и поговорили. Он притворился, что мои слова для него пустое место, хотя мы оба знали — я и со стишками был прав, и сейчас.

Ну, хорошо. Мне тоже не мешало вернуться в студию, записать вокал — только после того, как Ева освободит помещение. Потому что ещё раз пережить эти гипнотические тряски и не наброситься на неё, я был не в состоянии.

Я дождался, когда она свалит наверх. Мы с Юргеном спокойно позавтракали, послушали результаты кропотливых трудов Кисы и её финальный скрим. Я остался доволен, хоть и снова слегка возбужден, решив, что девка заслужила анонса об участии в совместной работе с Death Breath.

А после своей успешной записи я поднялся в комнату. Взял ноут и потратил минут сорок, чтобы придумать короткий занимательный текст для блога о Мисс Кисс. Я писал то, что считал для неё выигрышным — придётся подстроиться. Прикрепил фотку девчонки, где она выступала в одном из барушников в Москве, рассмотрел её в подробностях, пока выбирал попримечнее. Чуть не отвлекся, чтобы выпустить пар, но удержался. Для большего понта нужна была совместная фотка с Господином — странно было бы обойти этот пункт. У нас не просто дистанционная реклама за деньги. А ещё и перепихон, ребята. Конечно, мы обязаны вместе сфоткаться.

Дверь в мою комнату оставалась приоткрыта. Я обратил внимание, что девчонки не было на этаже, а теперь она возвращалась обратно, в свою спальню. Как раз вовремя.

Единственное, о чём я раздумывал, теряясь над рекламным текстом, — как озвучить, что нужна фотография, и не присунуть ей в ту же секунду... Как не вставить ей в рот по самые гланды? Не содрать кожаные брюки вместе с трусами и не всадить порезче?

Никак.

Просто никак. У меня окаменел и заныл член, когда Ева проскользила мимо двери в одном бикини, сверкнув оголённой задницей. Девка возвращалась из бассейна в таком непотребном виде. Наверняка возбудив всех, кто мирно существовал в гостиной. П*здец.

Это стало последней долбанной каплей в океан моей исчерпанной выдержки. Я отложил ноутбук вместе с неопубликованным постом на кровать, глубоко выдохнул, не обираясь воздуха. Представил, как Никольская дует свои розовые губки, не сумев добраться до моих, и жалостливо стонет.

Вспомнил, наконец, как она шокировала меня в курилке бара. И с силой хлопнул себя по разгоряченным щекам и лбу. Правда ведь, шокировала... Конченная девчонка!

Нам нужно было переспать сейчас же!

15. Сеанс у мозгоправа

Без стука. Я ввалился в её комнату без стука, объявлений и забыв про повод, потому что между ног уже полыхала одна сигнальная ракета. Девка слышала, как хлопнула дверь, но лишь замотала мокрые волосы в пучок, продолжая стоять ко мне спиной.

Худая. Только круглые сиськи выглядывали из-под приподнятых рук, прибирающих локоны. Её задница и ноги покрылась мурашками, а по бокам заманчиво свисали завязки от откровенного бикини. На сверкающей каплями воды коже была набита крупная татуировка. Ураган уносил лепестки сакуры от поясицы к лопаткам. По позвоночнику стекала одна дорожка.

Я нетерпеливо вздохнул, блуждая взглядом по женственной фигуре.

— Нам нужно сделать селфи, я выложу в блог, кхм, — голос так странно охрип. — Кхм-кхм.

Хотя час назад мы без проблем писали харш.

Ей плевать. Ева грациозно нагнулась к сумке, а у меня померкло в глазах. Мокрая ткань купальника повторила форму её промежности, впиваясь в половые губы. Я беспомощно лицезрел это действие и не мог больше вымолвить ни слова. Мыслей в моей потяжелевшей голове не осталось — ни здравых, ни дурных. Внизу всё стянуло и врезалось в штаны.

Девчонка достала полотенце. Небрежно промокнула им ягодицы, живот, отшвырнула и дёрнула за завязки на лифчике. Нитки с безобразно крохотными кусочками ткани распластались по полу.

— Хорошо, давай сделаем селфи, — равнодушно обернулась она и пожала плечами.

Я остоленел.

Меня никогда не соблазняли настолько цинично и назойливо. И больше всего выводило, что я не мог судить трезво. Обнажённая Ева, чуть не в припрыжку приблизилась ко мне, нагло вызволила телефон из моих несопротивляющихся рук и включила камеру.

Пока я рассматривал её сотрясающиеся сиськи с отвердевшими острыми сосками в галерее появилось несколько десятков фотографий моего хмурого лица и её, ухмыляющегося. От девчонки веяло прохладой после бассейна, а после её случайных прикосновений у меня слегка промокла футболка.

— Пойдёт?

Такое могло подойти только на онлифанс. Я почувствовал, что слежу за ней томно, из-под опускающихся век, и кротко вернул свой телефон в карман.

Его не было позволено трогать кому-либо, но неадекватной девке бесполезно объяснять правила. Похер. Киса опустила свой пламенный сверкающий взгляд на мою эрекцию, а меня стянуло ещё сильнее.

— В общем, ты... Так и будешь здесь стоять? — не отрываясь от паха, пролепетала она и облизала губы. — Или мы... Мне... Уже становится неловко.

Неловко? Ей неловко? Хах! Что-то не верилось.

У Евы дрогнули ресницы, когда её плутоватые глаза искренне застыли, проникая взглядом глубоко в мои зрачки. Я вздохнул. Так было лучше — знать, что ей хоть сколько-нибудь стоит нервов раздвинуть ноги перед Господином. Потому что я извёлся из-за неё до помешательства.

Моя футболка улетела на пол. Я вальяжно развалился на её кровати, пахнувшей всё тем же надоедливym парфюмом, приподнялся на локтях и пристально осмотрел девчонку, стоящую в одних трусах. Она шумно дышала.

— Красивые татуировки, Господин, — сдавленно шепнула Никольская. — И на спине, и... На животе. А руки почему не забиваешь?

Подгоняла меня, а сама застряла в проходе. Стала проверять, закрыта ли дверь, тревожно хватая воздух. Её грудь заметно вздымалась, и я догадался, что у Евы закончились причины соскочить.

Я пробежался взглядом по своему голому торсу и хмыкнул.

— Руки всё время на виду. Быстро надоеет, — сама тоже набила на спине.

Мы оба одновременно сглотнули.

Сейчас не до болтовни. Я приспустил спортивки вместе с бельем и отшвырнул мешающий телефон в подушки. Девчонка проследила, как розовый пенис выскочил из-за резинки и почти что робко подошла к кровати. Заползла сверху, всё ещё оставаясь в трусах, и принялась об меня медленно тереться.

Её острые ноготки прошлись по мышцам на животе, вынуждая поёжиться. У меня подпрыгивал член. Я пришёл в восторг от её смиренного поведения и, насторожившись, наблюдал, что Ева собирается вытворить. Скованная девчонка осторожно склонилась к моему лицу, теребя свои приоткрытые пухлые губы языком.

— Помнишь же, никаких поцелуев? — я напряжённо осмотрел её ровный нос, почти уткнувшийся в мой, и слегка отодвинулся.

В зелёных округлившись глазах разразилась растерянность.

— Вообще-то... Я думала, ты имел ввиду без поцелуев... Во время работы. Ты серьёзен сейчас? Это фетиш такой? То есть, антифетиш?

— Да называй как хочешь, — я хмыкнул и вскинул бровями. — Просто не трогай моё лицо.

— Ещё и руками не трогать? — Ева выпучила глаза, будто я предложил ей секс со всеми участниками группы.

Хотя, не факт, что она бы отказалась.

Я что, многого прошу? По-моему, для девки, ненавидящей ходячих, вполне приемлемая задача.

— Нет, я не смогу без поцелуев, — бросила она и капризно толкнула меня в плечи

кулаками.

Это что ещё за херня?

— Ты знаешь хоть одну девушку, которая может возбудиться без поцелуев? Поверь, тебе не понравится, если я не намокну.

Ева резво приблизилась, но остановилась у самого моего сжавшегося рта, насмешливо хохотнув. Я дёрнулся, столкнувшись затылком с матрасом. Грубо залез двумя пальцами девчонке в трусы так, что она ойкнула, потеряла равновесие и упёрлась руками по разные стороны от моей головы.

Я неглубоко протиснулся между набухших половых губ, посмеиваясь над её участвующим дыханием. Киса была настолько мокрая, будто успела кончить только от одного моего обнажённого вида.

— По-моему, всё за*бись. Хватит вести себя, как царевна! — я пошерудил пальцами изнутри, рассматривая её грудь, трепыхающуюся прямо перед глазами.

Ощупал гладкую переднюю стенку и столкнулся с любопытной огрубевшей точкой. Девчонка зажмурилась. Заелозила, заныла, пытаясь свести задрожавшие бёдра, но лишь жестче сжала ногами мой торс.

— У тебя какая-то психологическая травма? — с дрожью выдохнула Никольская и обессиленно склонила голову.

Хах! Киса не затыкалась даже во время секса! Эта психологиня переплюнула девок по вызову — в отличие от неё, они имели совесть не задавать такие е*анутые вопросы.

Я залез свободной рукой в её мокрый пучок волос и распустил влажные волны. Они холодно рассыпались мне на плечи и лицо, пока Ева распахнула почерневшие глаза.

— С чего ты это взяла? Мне просто не нравятся слюни.

— А почему тогда... Дотрагиваться тоже нельзя?

Она невыносимо медленно огладила торс, поднимаясь от низа живота к плечам. У меня дымилась шишка.

— Потому что я так решил. Меня бесят прикосновения, ясно?

— Так не бывает! — вскрикнула девчонка. — Хочешь об этом поговорить?

Твою мать. Я что, на сеансе у мозгоправа?

— Заткнись! Это ты сможешь сделать?

Я завёлся злобой не на шутку. Дёрнул за завязки на бикини и метнул её трусы куда-то вглубь комнаты. Придержал член, торопливо раздвигая обжигающие головку половые губы, и в голос выдохнул. В груди затрепетало, когда мне удалось втиснуться между её жарких стенок, сжимающих пульсирующий ствол.

Девка хрипло простонала мне прямо на ухо. Я чуть отвернулся, порябев от мурашек и продолжая прислушиваться.

Она делала это так сладко, что мне захотелось записать её плач в альбом. Надеюсь, Никольская умеет извлекать подобное без стимуляции.

Я сжал её за узкие бёдра, насаживая глубже. Потом прошёлся по талии, поднялся к выступающим рёбрам и схватил Еву под грудью, заманчиво подпрыгивающей от неровного дыхания. Она была налита жаром и тяжелая, как будто девка таскала в ней весь свой дрянной характер.

Когда Киса несдержанно заерзала на члене, я понял, что она-таки обошлась без поцелуев.

Я собирался выдрать девчонку до дрожи в коленках и сорванного голоса. Перевернул её

на спину, с силой наваливаясь сверху. Но пока упирался локтями, она подскочила с кровати и вдруг, как обезьянка, обернула меня руками за шею и голову, не больно следя за острыми когтями.

Долбанная Ева забралась языком в мой безвольно раскрывшийся рот и влажно засосала.

16. Слабое звено

Под её весом в моих плечах обосновалось сопротивление. Волосы стянуло, заставив чуть вскинуть подбородком. Ногти больно впились в шею, правое ухо и висок, а на губах ощутилось что-то среднее между опаляющим теплом и жалящим укусом. Киса умело закрутила горячим языком, проникнув насколько можно было недопустимо. Гладко прошла под моим языком и поймала его между острых зубов, потягивая на себя. Я весь налился в паху, замедлившись, а затем и вовсе остановился.

Челюсть пронзительно свело — сначала больше с непривычки, чем от негодования. Но когда я осознал, что девка возомнила себя медспециалистом, устроив мне глубокую диагностику ротовой полости, схватил её за волосы и оттащил, как сопротивляющуюся пиявку. Ева запрокинула голову, грубо встречаясь затылком с матрасом.

Между нашими губами протянулась нить слюны. Я торопливо утёр рот, загашено выходя из девчонки, и не сразу решился сглотнуть.

Чуть не подавился, при виде её широкой улыбки.

— Ты сказал заткнуться. Я — заткнулась, — расхохоталась она и снова издевательски близко приподнялась к моему скривившемуся лицу.

Никольская сочла это хорошей шуткой. Может, она не понимала по-человечески? Или... Или, наоборот. Понимала всё, насквозь считывала. Захотела меня испытать?

Мелодичный смех всё больше сходил на нет, пока я, не моргая, тяжело дышал и убийственно пялился на её ухмыляющийся рот. Мои губы саднило, а пальцы подобрались в кулак. Где-то из глубины поднимался столп желчи и плескался уже в груди.

Ева лукаво смотрела на меня из-под вздрагивающих ресниц, пока её затянувшаяся улыбка плавно не исчезла с блестящего от слюны рта.

Омерзительная. Я просто не мог поверить, что она так поступила...

— Вали отсюда, — раздражённо бросил я и отшатнулся.

Сел на край кровати, потирая себя за обледеневший лоб. В груди стало настолько удушливо тесно, что я вздохнул и поморщился. Заложило уши. Голову сдавило, во рту оказалось кисло, а к горлу подкатила мучительно истомная тошнота.

Я был зол и сбит с толку. Но желание трахнуть девчонку не отступало — скверно.

Вся проблема заключалась в том, что мне понравилось. Правда, не на столько, чтобы променять на поцелуй с какой-то конченной нахалкой свой авторитет.

Я растворился в головокружительном состоянии, не понимая, как подобное дурное чувство может вызывать ещё и странный трепет в солнечном сплетении. Перед глазами возникла пара отстойных картинок, периодически всплывающих в башке вместе с головной болью. Стало тошнотворно, томительно приятно, но возвращаться мыслями к давно изжившим себя воспоминаниям по-прежнему оставалось наитупейшей затеей. На лбу выступила испарина.

А на моем голом плече ощутилось прикосновение тонких тёплых пальцев.

Как ей удалось испортить мою диету от нежностей длиной в семь лет за один несостоявшийся секс?

— Лёня... Ты в по...

Ещё и по имени! Какое унижение.

— Повторяю. Вали отсюда, — я обернулся к девчонке и выдавил саркастический оскал.

Она изумлённо вылупилась.

— Ладно, но... Это моя комната, помнишь?

Сука! Ну, твоя! И что? Что дальше?

Чёрт! Обнажённая Ева убрала когтистую руку с моего плеча. Встала с кровати и пугливо наклонилась, чтобы заглянуть в лицо. Я наивно ожидал, что она беспрекословно послушается и свалит, но, естественно, нет.

Киса продолжала преуспевать в уничтожении власти Господина.

Я не знал, куда спрятаться от её любопытствующего вездесущего взгляда, поэтому прищурился исподлобья, но не выдержал. Прочистил горло и увернулся.

— Выйди, — в приказном тоне процедил я.

— Да ладно, ладно. Сейчас. Я только оденусь, — долетело до моего уха её растерянное объявление.

Неужели Никольская собиралась потратить дополнительные пару минут на новый образ с декольте до пупка? Любительнице обнажиться это было явно ни к чему! Круче её дефиле в купальнике только голый выход в коридор!

Я обозлённо вскочил на онемевшие ноги, с дрожью выдохнул и стянул с кровати простыню. На пол посыпались подушки, мои штаны и, походу, упал телефон.

Ева обмерла, глядя с открытым ртом на то, как я скручиваю и швыряю в неё комок постельного белья.

— У*бывай ты уже! Дай мне побыть в тишине!

Она сглотнула. Её взгляд остекленел, а простынь сдавленно врезалась девчонке в грудь. Возможно, хоть сейчас до Кисы дошло, что я балансировал на грани не только её увольнения, но и постыдного рукоприкладства. Ещё мгновение — и я за себя не отвечаю!

В её побледневших забежавших глазах пронёсся намёк на испуг. Наконец-то. Девка неловко помяла в руках простыню и, едва успев прикрыться, засеменила за дверь. Абсолютно срать, что она посидит в коридоре, пока я не приду в норму и не решу, как существовать дальше.

Надеюсь, приду в норму...

Голый я остался один в её комнате, торопливо захлопнув створку и выдохнув. Присел на край не застеленного матраса, прислушиваясь к ветру, тихо завывающему за окном. В остальном, в коттедже всюду раздавалась тишина, но из-за сердцебиения, гудящего в ушах, я не мог на ней сосредоточиться.

Никольская поступила, как крыса. Я не совсем понимал, каким образом теперь бороться с моментально воскресшими воспоминаниями. Особенно на кануне релиза и продолжительного тура — у меня было столько работы, что я не мог позволить себе п*здострадания. Они обходились мне потерей денег, фанатов и пресловутого вдохновения. Напоминали, кто же я такой на самом деле и норовили психологически раздеть на глазах у сотен тысяч зрителей. Что уж там... Перед е*нутой Мисс Кисс!

Я был в полнейшем шоке, что пустил эту паршивку в коллектив. Пообещал коллаб, сольник, на полном серьёзе собирался взять её на московский фест РК. Предложил адекватный гонорар, продвижение, когда она всему этому предпочла обтереть жопу об мой авторитет. Да о чём я только думал? Девка тусила в коттедже, расслаблялась в бассейне и перечила мне по каждому незначительному поводу! Испортила перезапись хита! Не то что

бы я не готов прощать косяки — мне настоятельно слатываться, это не моя привилегия! Сказано было внятно. Не прикасаться к лицу!

Не при-ка-сать-ся, нахальная ты певичка! Но нет... Для Евы моя просьба стала ещё одним поводом продемонстрировать, что она со мной не считалась.

Взьерошив волосы, я спустился ладонью на лицо и закрыл себе рот, небрежно оттянув кожу. Вздохнул, но это не помогало избавиться от тремора.

Я понимал, что отреагировал так, что вызвал у неё подозрения, а это было хреново. Ни при каких обстоятельствах я не хотел становиться чьей-то целью психологической охоты, тем более, сейчас, когда объявился журналист, откапывающий все неровно лежащие тайны. Моя — спокойно хранилась за сотни километров отсюда и почти десяток лет, пока Мисс Кисс не решила спародировать своим языком миксер внутри рта доверчивого Господина.

Всё смешалось. Прошлые тревожные эпизоды, универ, наш безбашенный переезд. Концерты, уход Юдина и интервью, на которых только и приходилось оправдываться. Отказы площадок, запись альбома из последних надежд, Муратов, баящий, как сабвуфер в чепырке. Новый поганый блог анонима и Киса, дерзко кладущая на мои ремарки. Я вдруг осознал, что сижу обнажённый в её комнате, поцелованный в губы против своей воли и не был уверен, что дотошная девка оставит эту ситуацию когда-либо в покое. Позволить ей продолжать здесь находиться? Когда за пару недель она успела подступиться к моим проблемам вплотную.

Мы были уязвимы из-за девчонки. Я был уязвим и теперь это с ужасом понимал. Она делала всё по-своему, не брезговала совать бесстыжий нос в чужие дела, а такими темпами, наверняка, доберётся и до Ванечки.

И тогда, предложи ей продажники выгодную сумму, она сдаст нас с Муратовым под чистую? Чёрт возьми, где раньше были мои мозги...

Но когда я успел это представить, с облегчением вспомнил, что так и не опубликовал анонс про её участие в записи.

Подскочив на онемевшие ноги, я начал ползать по полу и судорожно подбирать свою одежду. Голова пришла в согласие с идеей избавиться от балласта на нашем накренившемся судне. Быстрее! Пускай Никольская едет к себе домой и продолжает искать придурков в дешёвых забегаловках. На неё обязательно клюнет какой-нибудь папик и сделает ей карьеру пластиковой рок-проститутки! По контракту... А по контракту всё кристально просто — нет выступлений, и нет синглов, значит, договор будет аннулирован, не вступив в силу!

Мне стало необъяснимо тревожно — как будто Ева вот-вот побежит в город и начнёт вещать в рупор, собирая толпы слушателей. «Этот ваш неотесанный Господин боится поцелуев, хуже конца света! Так не бывает! У него психологическая травма?» Я не знаю... Я не знаю, что это, бл*дь!

Одетый, смятенный я поднял с пола телефон, на котором Ева оставила свои голые фотографии, но открыть не решился.

Всё-таки, она была идиоткой. Наглой простушкой, возомнившей, что набросится на меня и расколдует. Зачем мне эти снимки? Ей не хватило мозгов не оставлять мне поводов для шантажа, а хватит ли держать язык за зубами? Сомневаюсь...

Я с трудом сглотнул ком в горле и проследил за стрелкой настенных часов. Продолжать прятаться в её спальне будет не менее позорно, чем то, как я здесь оказался. Нужно было найти её сейчас же и объявить о разрыве контракта. Надеюсь, Никольская до сих пор позорилась в коридоре, сидя в одной простыне, как бежавшая пациентка психушки. Там её

явно не хватало!

А почему? Почему сейчас же нужно прогнать девку? Из-за выхода сингла накануне, который я собирался заменить или... Потому что она пойдёт рассказывать обо мне подружкам? Они вообще у неё были? А журналисты? Станут её слушать без доказательств? Да тот же аноним на хер никому не сдался без своих диктофонов и фотографий! Зачем вообще я так завёлся?

Просто выдохни. Сделай вид, что она всбесила тебя тем, что ослушалась — но не более. И хорошенько вы*би в мерзкий рот...

Замерев уже в дверях и занеся ладонь над ручкой, я начал отбиваться от обрушившегося на не соображающую голову вопросов. Может, наоборот? Мне следовало не упускать эту дурочку из виду и подписать дополнительный договор о неразглашении... Чего неразглашении? Чего? Моих предпочтений в сексе? Я рехнулся? Тогда Ева точно заподозрит, что это слишком для меня важно.

Может, ещё дождаться, когда Киса раздобудет компромат?! И как скоро ей поступят предложения от жёлтой прессы после анонса? Хах, ну уж нет! Я этого не допущу!

Дверь громко захлопнулась. В коридоре горел жёлтый блёклый свет, все комнаты были закрыты. Сбивчиво осмотревшись, я вспомнил, что парни писались в студии. А куда делась Никольская я не знал.

— Здравствуйте, — вдруг донеслось из-под моих ног.

Я отшатнулся и врезался спиной в стену. В таком состоянии меня бы испугала и псина, размером с крысу. А тут целая женщина.

Юрген вызвал на дом уборщицу, что, корячась на коленях, чистила ворсистый ковёр. В какой-то момент её щётка упёрлась в мой большой палец на ноге, и женщина в платке и жёлтых резиновых перчатках выжидающе застыла, почему-то сжавшись. Как будто ждала подзатыльник.

Я неловко откашлялся и подвинулся.

— Вы... Не видели здесь... Чокнутую такую, в простыне, — пробубнил я, очерчивая руками в воздухе параметры фигуры девчонки.

Но уборщица не смотрела. Она боязливо подняла взгляд и молча указала рукой на дверь моей комнаты.

Твою мать...

Я не знаю, почему, но начал нервно посмеиваться, даже ещё не дёрнув за ручку. Никольская перепрыгнула за все мыслимые и немыслимые грани дозволенного, пробила дно в моей стальной выдержке. Сорвала поцелуй, после которого я чувствовал себя обманутой девственницей, лишившейся невинности, но... Зайти в спальню без спроса в моё отсутствие?

«Это уже конечная остановочка» — подумал я и толкнул дверь. Створка задрожала об стену.

— Ты? — словарный запас исчерпал себя. Я безудержно расхохотался в голос. — Тронулась что ли?

У Кисы из приоткрытого от неожиданности рта повалил густой дым. Девка сидела в моей разобранной постели с бутылкой в руках, нацепив мою любимую футболку, стряхивая пепел с последней сигареты, что оставалась в моей пачке, чуть ли не на подушку, и пялилась в мой ноутбук. Приторно воняло смесью табака и её гадких ирисок!

Пока я не ворвался на холостяцкую вечеринку Евы, как в сказке про медведей,

предназначавшуюся одному мне, она даже самодовольно улыбалась. Но теперь оценила моё по ощущениям побагровевшее лицо и невинно заморгала, облизав нижнюю губу. При виде этого зрелища в груди что-то заскреблось, и я, почти успев подлететь к кровати, чтобы спихнуть девку, беспомощно остановился, бешено тыча в неё пальцем.

— П-проваливай! Ярываю с тобой контракт! Иними мою футболку! — придётся сдать её в химчистку.

— Что? Прямо сейчас? — наигранно прогундела Ева и взялась за края майки.

Я попал в дурдом?

Злобно схватив её за тонкие запястья, я свёл женские руки над головой, помешав ей снова раздеться, и угрожающе навалился сверху. Бутылка, выскочившая из её ладони, опрокинулась. Пенящаяся липкая жидкость потекла по моей правой руке, упёршейся в матрас, и дальше, под оголившуюся задницу девчонки. Ева сдавленно пискнула.

— Хватит строить из себя дуру! Я знаю, что ты — хитрожопая стерва! Я не позволю тебе оставаться здесь больше ни минуты! Пакуй чемодан, Киса, — рыкнул я прямо в её нахмурившееся лицо.

Ева пытливо сощурилась. Я — ещё сильнее.

— Но... Что на это скажут твои фанаты, Господин?

— А что они могут ска...

Я понял.

Ослабил хватку и медленно отпустил девчонку, наблюдая за её широко расплывающейся улыбкой. Опустился задницей на кровать, насквозь промочив штаны и трусы в луже пива.

Нет... Меня нельзя так легко надуть. Сука!

Я вцепился в ноутбук, а там — она даже не закрыла вкладку! Сидела, читала комментарии к анонсу в прямом эфире. Сотни! Тысячи комментариев! Сучка его опубликовала...

17. Возмездие

От увиденного у меня раздулись ноздри и закипела башка. Я собственноручно подарил Никольской возможность ещё раз надругаться над моим авторитетом. От него почти ничего не осталось, пока эта анархистка, посягнувшая на мою беспрекословную власть, потушила сигаретку об горлышко пивной бутылки и пихнула бычок внутрь. Эту дымящуюся инсталляцию Ева водрузила на тумбочку и, чтобы не вляпаться в растекшуюся лужу сильнее, поджала ноги. Будто прочитала мысли. Я подумал, что ей нужно их повырывать.

Конечно, смысла удалять пост уже не было. Весь блог стоял на ушах, фанаты строчили простыни текста о том, что они в предвкушении сингла. Строили теории: как же девка попала в мой круг общения? Они и не представляли, каким примитивным образом Ева проложила себе дорогу в шоу-бизнес. Её выходка, как обычно, недальновидная, тупая и бесцеремонная, как она сама, обойдётся девке накладно для психики. Ну что это? Залезть в мою комнату и сделать втихаря публикацию... Если догадалась, что я её выдворю, зачем тормозить этот необратимый процесс?

Спорим, сосуществовать с разгневанным Господином под одной крышей не по зубам даже этой бестии?

— На хрена ты это сделала? — больше риторический вопрос.

И скорее, не про публикацию...

— Ну, ты же сам написал: «Мисс Кисс, фанатка Death Breath участвует в записи нового альбома». Я поступила, как твоя истинная фанатка. Воспользовалась последним шансом

удержаться за место рядом с кумиром!

Ева невинно пожалела худыми плечами под рукавами моей любимой футболки с Breaking Benjamin и загадочно обвела меня взглядом.

Она поняла, что из-за поцелуя я готов с ней попрощаться? Насколько это было очевидно?

Челюсти заныли. Сам не заметил, как сжал их до пульсирующей боли в ответ на прогрессирующую паранойю.

— Какая к чёрту разница, как я там тебя обозвал? Меня достало, что ты со мной не считаешься! Я больше не намерен терпеть твои выкидоны! — заверещал я, наседая на Никольскую.

Тут нужно было продолжить орать в её глухие уши: «Проваливай». Но публикацией анонса она тесно связала нас на ближайшие две недели и впоследствии — при любом упоминании совместной работы. Даже такой короткий срок показался мне чудовищным, нестерпимым насилием. Знать, на что она способна, и продолжать держать её поблизости...

Ненавижу.

— Мои выкидоны — с твоими не сравнятся! — вдруг шикнула девчонка.

Встала, продемонстрировав отсутствие трусов под футболкой, и гордо направилась на выход прямо босиком по мокрой кровати.

У меня раскрылась пасть. Она имела ввиду просьбу не совать язык в рот? Это, по её мнению, более странно, чем не выполнить условия продюсера? А потом ещё и ухищрениями держаться за место, с которого я готов был выпиннуть её при любом удачном случае.

Да я даже не собирался его ждать! В моих силах было инсценировать благоприятные условия для возмездия и не моргнуть глазом. Эта долбанутая у меня ещё попляшет!

Уже в дверях оскорблённая Киса послала мне насмешливый воздушный поцелуй и помахала когтистой ладошкой, а я не сумел найти для неё ни одного матерного выражения. Талантливая стерва, и добавить нечего. Всё-таки один глаз отчаянно дёрнулся, когда она хлопнула дверь с обратной стороны, и последнее, что покинуло комнату — её взметнувшаяся хлёткая копна волос.

Никто. Никто и никогда так открыто не пренебрегал моим главенством, как это позволяла себе Никольская! У меня от неё вскипал котелок и норовил задымиться скаल्प! Я не чувствовал себя настолько уязвимым со времён нашего с родителями последнего разговора... Не испытывал желания удушить человека голыми руками так рьяно и навязчиво с тех пор, как сбежал из дома. У меня и тогда чуть жизнь не пошла наперекосяк, а теперь — дотянувшись до пьедестала бессердечного Господина, падать с него было ещё страшнее. Сорвавшись с такой высоты, можно навсегда остаться размозжённой лепёшкой с костями, по которой сверху ещё и проедутся журналисты своими статьями.

Гадко. Знать, как Ева со мной поступила и делать ей карьеру? Вспоминать прошлую жизнь, убиваться. Вот ещё! В таком случае, мне не нужны были деньги — только поставить девку на место. Только сохранить самоуважение!

Я передел обмоченные пивом штаны, попросил уборщицу прибрать и спустился в студию, пытаясь отвлечься. Но музыка и пустые разговоры не заглушали чувство обманутости, только жужжали на фоне нарастающей паники, выбивающей из меня то неприятный тремор, то тяжкие вздохи. Я ещё долго думал над тем, что натворила Ева. На записи так и не смог сосредоточиться, а ведь после сингла в студии записывался Муратов. Правда, мне повезло, Андрюха не оставлял его наедине с Юргеном и разряжал обстановку

своими как всегда плоскими шутками. Очень кстати.

Измучившись в ржущей полупьяной к вечеру компании, я ушёл в спортзал. У меня не то что не было настроения — не находилось даже желания дышать, курить и волочить ноги. Я немного потягал штангу, а потом остался лежать на полу под грудой железок, лупясь в потолок. Стоило закрыть глаза, возникала её растрёпанная голова с вездесущими волнами, как у Горгоны, присосавшаяся к моему лицу. Снова я оттаскиваю её на матрас, утираю губы и сглатываю полный рот слюны. В голове зудела одна идея, четко признаться, поганая. Но мой внутренний счётчик справедливости указывал на то, что Никольская достойна такого искупления.

Проверил фотографии я тоже не сразу. Долго перекатывался по полу и расчёсывал руки почти в кровь. Но потом всё-таки открыл галерею и, отвердев между ног, убедился, что в кадр попало абсолютно всё, что нужно, чтобы устроить Еве «сладкую жизнь». Нельзя было спустить с рук то, что она принуждала меня испытывать.

Ведь я отнёсся к ней по-человечески, но теперь... Думал над тем, как заставить её саму отказаться от сотрудничества — нужно было хорошенько подмочить ей репутацию. Без вреда для группы, но натрепать девчонке нервы и отбить желание становиться певицей.

Я дотерпел до ночи. Как будто, если Боженька существует, то в темноте не увидит ярко горящий экран телефона. В блоге анонима давненько не появлялось сплетен, последняя до сих пор висела про «Инферно» и собирала не первый миллион просмотров. Я продолжал следить за его «творчеством», плевался и чуть не обоссывался от мысли, что я могу оказаться в этом унижительном списке публикаций.

Перевернувшись на бок, лицом к тумбочке, на которой в свете телефона были заметны кусочки пепла, я вздохнул и открыл личные сообщения. С медленно стучащим в горле сердцем накатал приветствие, но не отправил. Помедлил.

Он должен ответить — у меня была галочка. А судя по блогам анонима, адресованным Death Breath, он знал, кто я такой, и вряд ли хотел бы пропустить веселье.

Фух, погнали...

23:41 Здравствуй, журналист. Я смотрю, у тебя закончились идеи. Может, подкинуть одну?

Меня скрючило от распалющегося мандража. В диалоге тут же появились две галочки, означавшие, что он прочёл сообщение. А от этого только сильнее заколотилось в груди.

Аноним молчал.

Я догадался, что он не ответит, и с несколько минут пытался выровнять дыхание. Пульс начал приходить в норму. Странная реакция на обычную переписку... Да кого я обманываю? Этот человек навевал ужас на всю тусовку шоу-бизнеса, а я так просто ему написал! П*здец...

23:47 Хах, привет. А у тебя деньги кончились? Что за идея?

Я нервно сглотнул и перечитал три раза. Дрожь отпустила пальцы.

23:47 Деньги не проблема. В среду выходит синглДВ. Это будет фит с питерской певичкой, которую я подобрал в пивнушке...

23:48 Поздравляю с очередным высером:) Рекламой не занимаюсь.

23:48 Стой!!! Я хотел предложить фотографии.

Он помолчал. Меня ослепило светом экрана, я не мог отвлечься даже на окно, бесконечно обновляя чат.

23:50???

23:50 Что за фотографии?

23:50 Певички. У меня есть её голые фотки.

Интересно, сколько человек на него работает? Может, на тусовки каждый раз проникают разные люди, которые сливают ему информацию? Их целая сеть?

23:50 Оу... Ну так подрочи на них З

Я охреневшие застыл у экрана, тараща режущие глаза. В смысле...

Я начал отвечать, потом стёр и затупил над тем, как передать ему мысль. Вот они, у меня, эти долбаные снимки — нажать на кнопку, и они разлетятся по всему интернету. А я, нет, обратился именно к нему. Как? Как объяснить, что я в отчаянии?..

23:54 То есть, ты отказываешься от слива? По-моему, это неплохая сенсация. Мы выпускаем сингл и в этот же день идём на интервью. А у тебя в копилке уже будет информационная бомба.

23:54 Что, прям бомба?

Наверное, я неспроста выбрал эту формулировку.

23:55 Тебе понравится.

23:55 Хах. Знаешь что, Савицкий?

Над окном для текста замелькали три точки. Я не имел понятия, как он мне ответит, но следить за надписью «собеседник набирает сообщение» с каждой секундой становилось всё более тревожно. Зря я что ли это затеял?

23:59 Слушай, я прочёл твой анонс. Я польщён тем, что ты решил доверить мне интимные фотки своей подстилки. Но в сливах на заказ я не вижу никакого удовольствия.

Как это понимать?

23:59 Ты хочешь, чтобы я тебе доплатил?

Вообще, это он должен доплачивать за информацию. Но я был не против пожертвовать репутацией Никольской и символической суммой во имя благотворительности.

00:00 Пхах! Нет, чел. Ты, наверное, не понял. Я не продажник. Я — возмездие для таких, как ты З

У меня перехватило дыхание и ослабели руки.

00:00 Что это значит?

00:03 Если я узнаю, что Никольская — такая же ебанутая сволочь, как и ты, то ей не отделаться одними голыми фотографиями. Я найду информацию сам, даже не представляешь, как быстро. А пока ты — первый на очереди. Советую подыскать хорошего психиатра, Господин, и тщательно беречь свои секреты. Увидимся в рок-пространстве «Вече», в среду. У вас же там будет проходить интервью?:)

Мои дорогие! Буду рада пообщаться с Вами в комментариях и на тг-канале:) Спасибо Вам за звёздочки, оценки и отзывы, обнимаю!

18. Нежное напоминание

Мы не афишировали это событие до последнего, боясь, что всё сорвётся. Но журналист уже знал адрес. Охренеть! Этой ночью я заснул только под утро, бесконечно вздрагивая, и всё раздумывая над тем, как ему это удалось. Возможно, в узком кругу место огласили организаторы, чтобы собрать небольшую аудиторию статистов в зале для интервью. Но как в эту сотню попал именно аноним? На него что, работала гадалка? Ищейка? Или у него в каждой студии Москвы и Питера орудовали сплетнесборники? Это, конечно, что-то из разряда фантастики, но ночью даже такая туфта казалась устрашающей. Я ворочался на

новом жёстком матрасе и вглядывался в стены — в раз за разом прерывающейся полудрёме мерещилось, что в них скрыты камеры и подслушивающие устройства.

С той ночи во мне поселился звериный страх. Я перешёл на пятьдесят мг никотина и режим борьбы за выживание. Тщательно следил за тем, что и как говорю при общении с абсолютно каждым, с кем приходилось иметь дело — с парнями, с Андрюхой, хоть я и считал его другом. С организаторами тоже — на их счёт пришёл к выводу, что сдавать звёзд за деньги прямо в лапища журналисту выглядело, как ни*уевый бизнес. Другого объяснения просто не было... А чтобы блюсти свои тайны, по любезной рекомендации анонима, я прекратил пить.

Спиртное имело свойство расслаблять язык и выуживать вместе со рвотой все неприглядные секреты. На самом деле, мне и без рюмки хотелось обсудить происходящее с Андреем. Но посвящать его в свои сексуальные предпочтения и то, как с ними обошлась Никольская, было бы непредусмотрительно. С девчонкой я предпочитал не пересекаться и косым взглядом. Видел её и тут же разворачивался в противоположном направлении.

Нет, мне не было стыдно. Только невыразимо жаль, что я так и не нашёл управу на потерявшую страх певичку!

«Я не продажник, я — возмездие для таких, как ты», «В сливах за деньги нет никакого удовольствия». Похоже, журналюга возомнил себя благодетелем. Этот идейный хер поделил артистов на хороших и плохих, изживая последних из шоу-бизнеса. Из того, что я узнал: Мармэри попала на фанере, когда рассказывала об этом подружке по телефону, а солист «Инферно», негодник, изменил невесте прямо перед свадьбой — это вполне объясняло озлобленность анонима. У блюстителя морали в блоге прослеживалась закономерность. Своих жертв он считал подонками, и я, какого-то хрена, оказался в их числе...

Я сначала предположил, что выбесил его своей инициативой сдать Никольскую. Знал бы он, как девка этого заслуживала! Достаточно ли было гадко предложить снимки, чтобы заслужить его внимание? Но потом вспомнил, что журналист уже пытался слегка опорочить славу Death Breath в своём блоге, когда случился конфликт с Юдиным. Правда, вышло у него плоско и скучно, потому что он много ссылался на другие источники. Не знал, как подобраться ближе и пользовался тем, что было легко достать. А значит, аноним метил от меня избавиться ещё до того, как я подбросил ему очередной бездарный повод.

Так чем же я его спровоцировал? У меня накопилось столько публичных конфликтов, скандалов и интервью, где я открыто выражал неприязнь к другим музыкантам, политикам и медийным личностям, что перечислять их, выбирая что-то одно, не представлялось возможным.

У меня просто сжалась задница... Доигрался?

На интервью должен был идти я и, не хотелось в это верить, Киса. Андрюху брать я не планировал, чтобы обезопасить нас от разговоров на личные темы в публичных местах. Грише и Дрону светиться до выступлений было ни к чему, а Муратову оставалось следовать образу своего предшественника, помалкивая в коттедже. Прежде мне казалось это надёжным планом, но из-за угроз журналиста, я начал проверять на своих нервах, чем может грозить вскрывшийся обман...

С подменой Ванечки элементарно просто — от Death Breath отвернутся все. Без Юдина «уже не то», «скатились», «как ты мог нам лгать», «такие рифы уже никто не напишет, расходимся». А то, что даже коллектив автоматически нахваливал любую идею Муратова? Я уже сам не понимал, он реально хорош, или на него работала репутация Вани. Если

вскроется ещё и липовый паспорт — тогда не придётся бронировать отели. Одно надёжное место проживания на пару лет мне обеспечено. А по соседству посадят Муратова, и рано или поздно я просто е*нусь башкой об стену в такой компании!

Другое дело, если журналист доберётся до моей личной жизни. То, что я считал надёжно затонувшим и похороненным на дне душонки Титаником, оказалось айсбергом. Его часть, покоившаяся семь лет под толщей успешного образа Господина, уже покрылась вонючим, чёрным слоем ила и со скрежетом тянула глыбу перевернуться кверху брюхом.

Чтобы все увидели, какой я был и, похоже, оставался, жалкий внутри.

Это всё из-за Никольской! Я спал со многими, но прежде никто не предпринимал попыток распробовать мои губы. Ни фанатки, ни проститутки — потому что я искренне просил их об этом. Ну, и слегка припугивал проблемами в случае неповиновения... А Еве были чужды и предупреждения, и угрозы, и настоятельные просьбы. Жестокая, чокнутая девчонка. Надеюсь, аноним вычислит в ней стерву и одумается.

А пока мне казалось, что журналист и заодно весь грёбаный мир были на её стороне.

И, в очередной раз обдумав всю эту навалившуюся херь. Доведя себя до терзающей рёбра тревоги, я лежал в постели и старался хоть немного поспать. Ноздри мёрзли от шумно выдыхаемого воздуха, а ноги горели под противно нагретым одеялом. Я зло стряхнул его на пол стопами и перекрутился, подминая под себя подушку.

Третью ночь без сна — совсем плохо. Веки стали болезненно тяжелыми, но стоило их прикрыть, как в голову лезли гадости.

Ева. Она хватает меня за шею и с истерическим надрывом приникает своими дурацкими губами к моему раскрывшемуся от неожиданности рту. Для неё это забава. Девчонка улыбается сквозь поцелуй и тут же лезет глубже, уличив меня в беспомощности. Хотя и простого прикосновения к лицу было достаточно, чтобы его парализовало, но ей безжалостно хочется знать. Что же будет, если зайди дальше?

От возмущения я багровею — точно это знаю, хоть и не могу увидеть. Мой нос утыкается в её щёку, а язык заплетается в вихре насильных нежностей. Почти как лепестки сакуры на её спине, изображённые в воронке урагана. Девчонка с жаром выдыхает, сильнее впиваясь ногтями в голову, ухо, и начинает сладко посасывать мой язык, как конфету на палочке. У меня ноют скулы и грузно опускаются веки прежде, чем я взбираюсь ладонью к её крутящейся голове. Пытаюсь вдохнуть немного воздуха и сжимаю пальцы на шёлковых выскальзывающих волосах. Грубо оттаскиваю девку и с досадой понимаю, что ей известно, насколько это было хорошо. Потому что я всё ещё находился внутри и только теперь торопился выйти.

Этот ужасный сон повторялся со мной с воскресенья, как «ночь Сурка», пока я не подпрыгнул с кровати в ледяном поту в полдвенадцатого. Я не помнил, чтобы когда-нибудь просыпал даже после пьянки и, тем более, оставался в постели позже десяти часов утра. А тут — разбитость, потеря аппетита и головная боль, как после самого настоящего похмелья.

Что могло быть отвратительнее, чем вместо отдыха, которого и так не хватало, снова наблюдать, как Никольская нарушает мои личные границы?

Только видеть её вживую...

Дверь задрожала от оглушительного стука.

— Эй, Господин! Ты там сдох?

Я вздрогнул. Ко лбу прилипли волосы. Приподнявшись на руках, я постарался беззвучно вдохнуть после удушающего кошмара.

В спальню ломился Андрюха.

— Прикинь, если сдох? Висит там, болтается. А мы всё утро играем в фифу и ждём, когда спустится, — за дверью раздался сдавленный Муратовский смех.

Не дождёшься, козлиная борода!

— Э-э-э-э-эй! Лёнчик! Ты помнишь? У вас с Евой сегодня интервью! — от этого напоминания я весь съежился и оскалился, ища взглядом часы.

В дверь снова угодил грохочущий стук.

— Просыпайся, малыш! Иначе отправлю вместо тебя Ванюшу!

19. Возвращение Господина

Протерев глаза, я сполз с кровати и поволочил заплетающиеся в одеяле ноги к двери. Обозлённо дёрнул за ручку. При виде меня у парней, переговаривающихся в коридоре, послетали идиотские улыбки.

Мытый и бритый Муратов с растрепанными кудрями напоминал скакуна, с ветерком пробежавшегося вокруг коттеджа. Андрюха тоже был при параде, распустил блестящие лохмы, источающие запах шампуня. Я встормошил свои грязные волосы и поморщился.

— Ну и как тут сдохнешь? Вы без меня не сможете даже гроб заказать, — буркнул я, собираясь снова закрыться изнутри. Мне нужно было в душ.

— Какие люди! — Андрюха протиснулся плечом между створкой и дверным косяком, заглядывая в глубину комнаты. — Ещё не поздно сходить за рулеткой... А где?

— Что где?

— Хах! Твой ноутбук. Ты же должен был выложить сингл! Забыл?

У меня округлились глаза. Настолько, что в миг замёрзли белки. Я рьяно обернулся к спальне, пытаюсь наткнуться взглядом на комп. Смятая простынь, пустой стол, пыльный подоконник. А его нигде не было...

Сука!

— Бл*дь! Ноутбук! Где он? — меня заколотило от всплывших в голове последствий. — Я не знаю!

Вчера я сидел весь день в студии вместе с Дроном и Муратовым, контролируя их запись. А потом отлучился и... Оставил его внизу? Включенным? Я что, долбанулся? В него мог залезть, кто угодно — новенькие, Юра, та же любопытная Киса! Там все переписки... Там, чёрт возьми, журналист!

Ну и что? Комп просто ушёл бы в спящий режим. Я рвано выдохнул, не до конца доверяя наступившему облегчению, облокотился о косяк.

Но потом вспомнил, как на днях отключил эту дрянь. Ноут вырубался каждые пять минут, меня это бесило и... Твою мать!

От перенапряжения из носа чуть не хлынула кровь.

— Ладно ты! Не ссы! Вот комп. Ты сам вчера сказал его посторожить и застрял на этаже. Я его убрал, — почти дождавшись моего инсульта, Андрей протянул через порог сумку с ноутбуком и хохотнул.

Действительно, у него в руках всё это время была сумка... Я чуть не пробил дрожащим кулаком стену.

— Ну ты даёшь, Савицкий! Даже не вспомнил. Чё с тобой происходит-то?

Гандон!

Наблюдая, как заметно вытянулось его лицо, я торопливо выдернул ноутбук, отпихнул басиста в коридор и, не сказав ни слова, пнул дверь так, что она с грохотом закрылась.

А происходит то, что в этом доме никому нельзя доверять. Даже себе!

Настал ответственный момент — первый день выхода в люди. Я поотмокал в ванной, увлѣкшись электронной сигаретой и не сразу придя во вменяемое состояние. Хладнокровно, без излишних опасений и надежд нажал на кнопку. Новый трек улетел на все площадки. Я захлопнул крышку ноутбука, не желая следить за активностью фанатов, и натянул брюки. Были подозрения, что из-за фита с девчонкой на меня выльют ушат говна, а песню заклеят попсиной.

Тратить время на шмотки не было смысла, поэтому я спустился в гостиную с мокрой головой и голым торсом, наблюдая с лестницы тараканью возню. Юрген общался с Андреем и тремя скучающими девицами. Сегодня я пригласил визажиста и стилисток, чтобы они подготовили нас с Никольской к выходу. Видимо, с ней они закончили, а я, какая жалость, умудрился проспаться.

Уныло вздохнув, я тронулся вниз по ступеням. Дрон и Гриша клацали джойстиком, набивая друг другу рожи в Мортал Комбат. На фоне ломающихся на весь экран и кроваво вонзающихся во внутренности позвонков, на диване сидел Муратов. Он искоса поглядывал на девчонку в чѣрном пиджаке, фальшиво бренчащую на гитаре.

По длинным, огибающим женскую спину волнам, я сразу понял, что эта бездарность — Ева. Но не успел рассмотреть получше.

— О, достопочтенный Господин, снизошедший до покорных холопов! — я остановился на последней ступени, когда Андрюха вскочил передо мной и подмѣл волосами пол. — Разрешите кланяться вам в ноги!

— Разрешаю, — дождавшись, когда он распрямится, я почесал басиста за бородку.

Все заржали.

— Мы думали, ты уже не выйдешь, — Киса повернулась к лестнице, перекинув стройные ноги в массивных ботинках на бок дивана.

Первое, что я обнаружил, глядя на неё с приоткрывшимся ртом — гигантские неподъёмные ресницы, заканчивающиеся почти на уровне кончика носа. Потом девчонка полностью развернулась лицом. Вокруг одного разукрашенного глаза были реалистично прорисованы острые паучьи лапы, дотягивающиеся ей до лба и розовой щеки. Пугающая хрень, но женское личико выгодно подчѣркивала. Мастер постарался. Передние пряди волос Никольской были заплетены и, видимо, перекрашены в серый цвет. От этого зелёные глаза стали казаться ещё насыщеннее.

С дорогим мужским пиджаком, под которым девку облегалось платье, образ выглядел стильно. К тому же, Еве сделали маникюр покороче, поэтому теперь она измывалась своими ярко-салатовыми ногтями над бедным стратокастером. От этого Муратов тревожно качал одной ногой и кусал нижнюю губу, жалобно следя за грифом. Девчонка держала его по-идиотски, как кувалду.

Я замер продолжительным взглядом на её мерцающем блѣстками лице, но от комплиментов по понятным причинам воздержался.

— С чего бы вдруг мне пропускать интервью?

Бахвальный вопрос, заготовленный для каждого присутствующего в этой гостиной. Особенно для взметнувшей бровями Никольской, из-за которой я еле заставил себя выползти из спальни. Господин вернулся в строй и не позволит девке верить в то, что она нащупала его слабое место. Еве нужно усвоить: она задержалась здесь только из-за того, что позволил

я.

Это была сугубо моя инициатива — не удалять пост, не давать опровержений и придержать певичку рядом. Как в прозаичной цитате итальянского политика: «Друзей своих держи близко, а врагов — ещё ближе». Стонать в постели подо мной ей самое место. Тем более, что она так и не расплатилась сполна за состоявшуюся премьеру.

Отодвинув Андрюху тыльной стороной ладони, я вальяжно подошёл к дивану и выдернул из тонких рук Евы дребезжащую гитару. Оказывается, на волосы девчонки налепили ещё и паутину.

Киса, не сопротивляясь, вручила мне инструмент и прицепилась взглядом к татуировке, скрывающейся за ремнём брюк. Я вспомнил, что выперся без футболки и едва ли не съезжился из-за её внимания. На секунду спрятался за гитарой.

— Прекрати, ладно?! Хватит рвать струны! — я уложил инструмент на диван, между Ваней и Евой, щёлкнув тумблер на комбаре. — И так тошно.

Я растёр виски. Муратов вдруг очнулся от транса и глянул на меня исподлобья.

— Почему тошно?

Неужели Ванечка мог стерпеть то, как Ева безжалостно оттягивала струны? Я недовольно хмыкнул.

— На дух не переношу интервью. Ещё и эта... — мы с ней едко переглянулись. — Пиликает!

— Не, ты смотри, Лёнчик. Раз у тебя нет настроения, предложение отправить Ваню ещё в силе, — подзуживал басист.

Андрюха приземлился рядом с Муратовым и широко улыбнулся.

— Ну а что? Дадим ему ЦУ, он посидит напротив журналиста, помолчит. Где надо — кивнёт, — пока мой патлатый друг придурялся, Ваня тихо посмеивался.

А я смотрю, два козла спелись. Только это было несмешно. Идиоты!

Нам нельзя терять бдительность. Самый неочевидный способ облажаться — проколоться на приколах.

— Значит так! — рыкнул я. — Юра везёт нас с Евой на интервью. Андрей сегодня — зам звукорежиссера. Посидишь за компом, поможешь прописать партии Вани. Гриша и Дрон будут репе...

— Лёнь-Лёнь, а можно нам в город? — не отрываясь от кровищи на экране, вклинился драммер.

Возможно, из-за филигранного владения палочками, он умудрялся отщёлкивать кнопками целую дробь. Дрон проигрывал ему четвертую партию в моём присутствии. Фаталити.

— Ну, — меня всё равно не будет в коттедже, а они точно заколебались висеть на студии. — Ладно. Только не забухайте там...

— Хорошо, мам, — хихикнул гитарист. — Тогда подвезёте нас?

Ну и наглецы.

— Подвезём, если вернётесь с ужином, — Юрген потянулся и решительно встал с кресла. — Всё, я задрался тут сидеть! Буду ждать в машине.

— Долго будешь ждать. У нас Господин ещё не покрашенный, — снова высунулся басист.

— На секундочку! Это не макияж, а сценический грим, — раздался незнакомый женский голос.

Визажистка утянула с пола свой огромный, видимо, тяжелый чемодан и боязливо приблизилась ко мне. Она была до смешного маленького роста, страшенькая, но, походу, бойкая и неловко вскарабкалась взглядом от торса к моему ухмыльнувшемуся лицу.

— Господин! Вы не против пообщаться с друзьями сидя в кресле, пока я буду наносить грим? — пугливо протараторила визажистка.

Походу, она давно ждала момент.

— Пхах. Да пожалуйста.

— Тогда присаживайтесь, — она точно хотела добавить «уже».

Смешная злючка. Когда я подмечал, что кто-то рядом выходил из себя, мне делалось чуточку лучше.

Я рухнул в тёплое кресло, напротив Евы и Вани, которое освободил Юрген. Не успел и моргнуть, как по лицу щекотливо заметалась пушистая кисть.

— Кстати о еде. Чем вы тут завтракали? Я хочу жрать.

— Господин, голову влево, пожалуйста.

Под пристальным наблюдением Никольской, выжигающим мои пресс и губы, я сумел вжиться в образ, вспомнив о приёме пищи.

— Не поверишь, Лёнчик, — я послушно подставил лицо под кисть, отворачиваясь от Андрея. — Ева сварила нам овсянку. Покормить тебя с ложечки?

У меня раскрылась челюсть. Я обернулся всем корпусом к дивану в поисках разукрашенного лица девки, но визажистка поймала меня за подбородок и вернула на базу. Я изощрился взглянуть на Еву одним косым взглядом.

— Кхм... Вы не могли бы не трогать моё лицо?

— Я делаю вам грим... На лице, — логично.

— Понимаю. Я имею в виду, руками.

— Окей. Постараюсь не трогать. Подбородок повыше.

Я неловко прочистил горло и ещё раз покосился на Никольскую. Убедился, что она злорадно усмехается розовыми губами.

Дрянь.

20. На мушке у анонима

— Значит так. Будь максимально осторожна в формулировках. После интервью, где приходится много анализировать и думать, потом хочется сбросить напряжение. Не смей этого делать, пока мы не вернёмся домой! Ни с кем не разговаривай вне камер, если так будет проще, сделай вид, что я тебе запретил, — потому что стеснительная милашка из Никольской, как из этого минивена — кабриолет. — Ты меня поняла?

Я сурово глянул на неё из-за приподнятого ворота кожаной куртки. Девчонка чуть вжалась в автомобильное кресло.

Конечно, я не о её репутации заботился, я трясся за своё будущее, удерживающееся на тоненькой ниточке паутины. Начнёт Ева трепаться — не начнёт?

Оставалось только продолжать удерживать образ самоуверенного альфа-самца. У Господина всё под контролем. По крайней мере, так должны думать окружающие.

— Ладно, буду молчать, — девчонка прикусила нижнюю губу. — Это из-за анонимного журналиста? Я уже начинаю нервничать.

Нет, бл*ть! Это из-за тебя! Если бы не поцелуй, я не написал журналогу!

Мы выдвинулись на интервью и уже въехали в черту города, решив обсудить психологическую безопасность. Я мог бы дать ей более ценные персональные указания, но

Ева добилась отвратительных отношений со своим продюсером.

— Ого! Господин! Ты статистику чекал? — Дрон вдруг высунулся с заднего ряда кресел между мной и Никольской. — За полтора часа более двухсот тысяч прослушиваний!

Нарисованный паук, вырывающийся лапами из левого глаза девчонки, выглядел и без того устрашающе. Теперь Никольская ещё и выпучилась на телефон гитариста.

— Серьёзно? — она взволнованно сглотнула и перекинулась взглядом на меня. — Так много...

Вообще-то, мы этого и добивались!

— Ерунда, — пожал я плечами.

Хах. А девка действительно нервничала. Мне было даже лестно видеть её в таком состоянии, а не в облике наглой суки. Может, для шоу-бизнеса это и хорошо, но чисто по-человечески хотелось свернуть Никольской шею.

Хотя, видеть её до жути взволнованное лицо — тоже неплохо. Подобное зрелище успокаивало и вызывало у меня щекотливую ухмылку. Девчонка впервые вырвалась на широкую публику и даже не представляла, что дальше будет только больше: денег, славы, фанатов, преследователей. И, конечно же, хэйта. Это самое весёлое.

Мы высадили парней ближе к центру, где-то в районе Эрмитажа. Не ожидал такой тяги к прекрасному от двух заядлых алкоголиков. Нас же Юрген доставил до одной из множества интеллигентных питерских подворотен. Чтобы ему не сидеть несколько часов на парковке, я взял звукаря с собой в качестве сопровождения, тем более, он многих знал в местной рок-тусовке. Для него это как заглянуть в ещё один свой дом. Вход в видео-студию располагался с торца, чтобы мы могли улизнуть из-за дверей минивена сразу же холл, охраняемый амбалами. Ни вывесок, ни входной группы — обычный неприметный подъезд в целях безопасности. Ряд узких высоких окон в решетках на половину скрывался под толщиной асфальта и тонким слоем почерневшего снега.

Но внутри цивильно и ни одного сторожащего проход фаната, потому что мы опаздывали на полчаса, а их всех, наверняка, рассадили в зрительный зал и заставили ждать.

Я не мог не думать о том, кто сегодня из приглашённых статистов свободно прошёл мимо гигантских мускулистых дядек на входе. Надеюсь, это просто психологическая уловка журналюги и на самом деле он мухлюет. Не так уж и сложно достать адрес среди регулярных посетителей шоу и кастингов? А если это ещё и болтливые фанаты, вещающие на весь интернет о встрече с кумиром...

Так я себя успокаивал и старался дышать ровнее. Киса испугано озиралась по сторонам, пытаясь незаметно прижаться к моему плечу — мерзость, пока в коридоре нас не встретила хмурая неприметная организаторша. Она пребывала в бешенстве из-за опоздания, но едва ли могла мне это предьявить.

А я смотрю, мы неплохо натрепали ей нервы.

— Здравствуйте, Господин. У вас всё норм? — я самодовольно глянул в телефон, убедившись, что съёмка задерживается. Превосходно. — Гример потребуется?

Ну да. Не видно же? У Кисы на морде членистоногое, а я похож на мертвеца. Это наше нормальное состояние.

— Нет. Я обращаюсь только к проверенным гримерам.

— Окей, — почти оскорблённо улыбнулась девка. — Тогда начинаем? Зал подготовлен, всё заряжено.

Так я и знал. У нас есть ещё пятнадцать минут на «расслабиться».

Все эти дешёвые передачи, интернет-шоу были сродни публичным унижениям. Поэтому я никогда не бросался скорее прыгнуть в кадр и опозориться. Здесь важно выдохнуть — а заодно решить все волнующие меня моменты.

— Нам нужна па-ауза после дороги, — язвительно протянул я и глянул на Кису.

Если бы я увидел её впервые, подумал, что она по случайному стечению обстоятельств сногшибательно наряженная простушка. Ева грызла губы, съедая помаду и, утопая в пиджаке, неловко тёрла себя за плечи. Наверное, даже этого не замечала. Юрген помалкивал рядом и ржал над организаторшей. Та тяжело вздохнула.

— Ну, х-хорошо. Тогда, проходите в гримерную. Там накрыто. И... Хотела уточнить. Китайский зелёный чай с ягодами брусники и ежевики... С лепестками василька и... Веточкой алтайского чабреца, верно? — прерываясь, прочитала девка с планшета.

Я пытливо сощурился.

— Верно.

— Отлично, — не ври. — Пройдёмте за мной.

Мы тронулись вглубь коридора. Никольская чуть отстала сзади, а Юра меня нагнал.

— Это что, господний напиток бессмертия?

— Ага. Принимаю вместо крови девственниц, — хохотнул я.

Просто мне нравилось дёргать организаторов интервью и съёмок по всякой х*йне. Это было моё маленькое скромное хобби.

— Ты с нами или как? — организаторша учтиво открыла дверь и продолжала держать, но я помедлил.

Юрген задумался, бросив в меня пронзительный синий взгляд.

— Не-е. Я отойду к звукооператорам, ок?

— Ну валяй.

Юра срулил от нас, а я вошёл в гримёрку. Следом приплелась Киса.

— Приятного аппетита, — на грани неприязни процедила девка и, затеребив бейджик, собиралась улизнуть в коридор.

— Стойте, — задержал её я и довольно улыбнулся. — Ещё кое-что. Предоставьте мне пожалуйста список всех присутствующих на съёмке. Пофамильно, вплоть до уборщиц.

Организаторша застряла в дверях, переминаясь с ноги на ногу, и ошарашено обернулась.

А что? И эта тварь, как и любая другая, находившаяся в здании, могла быть причастна к торгам личной жизнью гостей их шоу.

— В-в смысле? Пофамильно, каждого? Н-не думаю, что владею такой информацией.

Пока я взял чайник и принялся непринужденно разливать дымящийся чай, Киса, как бедная родственница, опустилась на пуфик. Она подтянула вырез платья и пугливо уронила взгляд на край ломящегося едой стола, где на пустое блюдце я водрузил её чашку.

Девка думала, в рай попала? Здесь все были хитрые и уж похитрее, чем она.

Если бы Киса только знала, что сегодня мы на мушке у анонима...

— А вы овладейте. Как только принесёте список, мы выйдем на съёмки.

21. Папочка всё разрулит

Привет, мои дорогие! Вы знаете, я пишу главы "из-под ножа". Теперь поставила цель: выкладывать проды примерно к 15.00 по мск! Буду рада узнать ваши впечатления в комментариях! Приятного прочтения! Обнимаю!

Организаторша с вытаращенными глазами убежала решать очередной затык. И весело, и полезно.

Я отхлебнул горячий чай, поморщился из-за горечи и нашёл ему применение получше. Приблизился к окну, рядом с которым на полу стояла карликовая пальма, вылив свой изошрённый каприз в сухую землю. Неудачное сочетание, в следующий раз придумаю что-нибудь получше. Увидев, как я поступил с чаем, Ева, успевшая неуверенно отхлебнуть из своей чашки, откашлялась и вернула её на стол.

— Ты их специально выводишь? Мне кажется, они закопают нас на интервью, — не моргая, зашевелила искусанными губами девчонка.

И вот, мы снова в запёртом пространстве наедине. С таким несвойственным ей расположением духа — сомнительная ситуация, наталкивающая на судорожные попытки не рассматривать её лицо. Я убийственно вздохнул и скрестил руки на груди, отвлекаясь на своё отражение в зеркале.

Не считая бегающих глаз, довольно привлекательно. Если организаторша не раздобудет список, будет обидно не выйти к камерам.

— Представь себе, нас и так закопают. Но мы хотя бы будем знать, кто может быть причастен к сливам журналиста.

— Ты хочешь его вычислить? Серьёзно? А с чего ты взял, что он сегодня здесь? — изумлённо разинула рот Киса. Ну как тебе сказать, откуда... — Думаешь, он прячется среди уборщиков или зрителей?

— Вполне возможно, — я небрежно поправил укладку и двинулся поближе к столу. — Журналист угрожал мне в переписке, узнал адрес, где сегодня проходят съёмки. Так что...

Услышав это, Никольская шумно задышала, пытаясь стащить с себя расстёгнутую куртку. Кажется, ей сплехело. Хах.

— Да не нервничай. Тебя он не тронет, — а жаль. — Ему нужен я.

И что же такого она скрывала? Аж начала махать ладонью перед лицом, нагоняя воздух. Неужели что-то покруче подделанного на Юдина паспорта? Или моей эпопеи с братом?

— Ты у-уверен?

Я кивнул и прищурился, откровенно пялясь на смущающуюся девчонку. Любопытные с ней творились метаморфозы.

— А как... А как ты будешь проверять списки?

Глядя на её усиливающуюся истерику, я даже приободрился и покончил с собственной тревогой.

Хоть кто-то должен сохранять рассудок холодным.

— На следующей неделе будет ещё одно интервью, мы поедем с Андреем вдвоём. Попрошу списки там, сверю, совпадают ли фамилии. Аноним и там объявится, я даже не сомневаюсь.

— А если организаторы не всех впишут? — ух, сколько нервов в одном квадратном метре гримерки.

— Хреново, чё! Я тоже подумал, что они могут помогать журналисту за деньги. Тогда идти против системы нет смысла. Но я всё же попробую, — равнодушно пожал я плечами и утащил со стола виноградину. — Ладно. Больше никакой болтовни. Возьми себя в руки, Никольская. Ты ещё помнишь о сингле?

— Не говори мне, сколько там прослушиваний, хорошо?

И не собирался. Мне самому не хотелось перед интервью открывать комментарии. Будем надеяться, нас не попросят спеть новую песню в завершении шоу — я три дня воротил от Евы носом, и мы ни разу не отрепетировали. Да и срать! Свою партию я пел божественно,

этого было достаточно.

А девка пускай позорится, говорит всё, что вздумается — быстрее от неё открещусь.

Дверь в гримёрку распахнулась, внутрь ворвался ледяной ветер вместе с летящей организаторшей.

— Кхм. Господин! Вот, возьмите, — ни фиги, быстро.

Я привстал, взял у девки из потных ладошек листок, на котором остались следы от её пальцев, и мельком пробежался по списку. Неплохо.

— Статистов отсортировала по почте. А персонала у нас не так много, мы от руки дописали. Устроит вас?

Я удовлетворённо сложил лист во внутренний карман кожаной куртки и похлопал по нему.

— Устроит.

— Тогда пойдёмте на съёмочную площадку, — чуть не взвизгнула организаторша.

Оу. Кому-то влетит за задержку шоу... Ненавижу вас всех, суки. Страдайте!

— Сегодня! — напыщенно разлетелось по залу. Ева, задрав плечи, изнеможённо выдохнула. — У нас в гостях! Красивый, высокий, сексуальный и, как его нарекли фанатки — непревзойдённый Господин! Фронтмен Death Breath, Леонид Са-а-а-авицкий!

Девки снаружи принялись истошно визжать одна громче другой, устраивая пытки для моих перепонок. Едва живая Киса умудрилась брезгливо усмехнуться.

А что? Разве она не пополнила ряды фанаток? Зачем было так агрессивно меня соблазнять?

— И! Его спутница на сегодняшний вечер... Загадочная! Умопомрачительно привлекательная, — этого я им не писал... — Экстрим-вокалистка из Питера — Мисс Ки-и-и-исс!

Я подпихнул ледяную девчонку ко входу на сцену и, более не заботясь о её состоянии, вышел вперёд.

Глаза тут же встретились с ослепительным освещением ламп и камерами, расставленными по периметру зоны интервью. За вспышками света скрывались ещё пока что неразличимые лица фанатов, сидящих каскадом на трибуне. Я самодовольно улыбнулся и помахал в зал.

Уже слегка отвык от этого драйва.

— Располагайтесь, — справа, с кресла привстал ведущий, приглашая пройти нас за столик. — Ужасно эффектно выглядите...

Ева, ступив на сцену, моментально пришла в норму, приветствуя моих фанатов, как собственных, а девкам, походу, было срать, по кому хлопать в ладоши. Хм... Забавно, как это у неё вышло расслабиться?

Мы принялись рассаживаться. Парень с тоннелями в ушах, в тёмно-синих мокалинах и футболке с Deresche Mode не предрасполагал к доверию, скалясь, словно шакал.

Может, аноним и есть он? Я агрессивно сощурился.

— Вы попали на шоу «Бастер-разрушитель». Собственно, я и есть Бастер, и частенько от меня уходят с потерянным чувством достоинства, — пхах, не в курсе ни одного подобного случая!

Х*ястер преувеличил свои способности. Я с одного взгляда мог поспорить на почку — этот чмошник не аноним.

— Итак, ребята! Ваш сингл «Сплетено», исполненный Death Breath совместно с Мисс Кисс, за одно утро только в блоге Господина набрал полмиллиона прослушиваний! Boy! — едва моя задница соприкоснулась с софой, я чуть не вскочил проверять телефон. Но вовремя опомнился, расплылся в ехидной ухмылке и принял, как данность. Блин, реально, полляма? Ну ни хрена себе. — Довольно неожиданный результат! И... В связи с этим, первый вопрос. Насколько это трудно, ворваться в чарты после утраченной репутации?

Ясно. Я тебя сразу прощёлкал, урод.

Вальяжно поправив микрофон, что мне прицепили за ухо, я уничижительно осмотрел ведущего от мокасин до ублюдской стрижки. Широко, неторопливо разлёгся на диване. Краем глаза обратил внимания, как Киса закинула ногу на ногу и умиротворённо сложила ладошки на колене, обтянутом полупрозрачными чёрными колготками. Горячим затылком я чувствовал, что девка ухмыляется.

Сейчас папочка всё разрулит.

— Уважаемый... Бастер. Чем же мы её утратили? Тем, что в коллективе возникли разногласия? Бросьте, это рабочие моменты, с кем не бывает. Мы благополучно перешагнули через это и двигаемся дальше. Сейчас мы находимся в процессе записи альбома в обновленном составе, даже пригласили к участию, — я кивнул в сторону девки и случайно задержался взглядом на её томном личике. Чуть не поперхнулся. — Эту талантливую... Вокалистку.

Кхм! А можно выражение морды попроще? Я тут отдуваюсь за двоих!

— Замечательно, — ехидно оскалился ведущий. — И теперь всем нам интересно узнать, где же вы откопали Мисс Кисс?

Откопали, серьёзно? Хах! Как покойницу?

Бастер изобразил «вуаля» своими гейскими ладошками, обращаясь к Никольской. Она уже было раскрыла рот, но я зассал давать девке слово.

— Ева — моя фанатка, отрывалась на нашем последнем концерте полгода назад. Её билет позволял ей посетить закрытый мит-энд-грит, и за две минуты, пока я ставил автограф, ей удалось меня впечатлить.

Надеюсь, девка не выпучила свои глазёнки. Если врать, то красиво и до победного.

Такая умилительная история не оставит равнодушными публику. Девки встанут в очередь скупать билеты, чтобы стать следующей золушкой в списке Господина.

— Прелестно. Раз ты заговорил про последний концерт... — ну давай свой зачуханный вопрос про Ваню.

Только ты ещё не спрашивал.

— Вы нашли общий язык с Юдиным? — Хах! Да, бл*ть, нашли. — На каких условиях дальше ведётся сотрудничество?

— Все вопросы улажены, — гордо обратился я в зал. — Мы продолжаем делать для вас охренное музло и без всяких условий!

Не ожидал, мудака? Думал, объявлю об уходе Ванюши? Хрен тебе! Соси!

Ведущий посыпался, нырнув взглядом в свой телефон, а фанаты вновь завизжали. Некоторые девчонки встали, протягивая выше плакаты с признаниями в любви.

— Значит, в ближайшие полгода ждать новый альбом? — отличный повод для рекламы.

Я стремительно вскочил с кресла.

— Презентация нового альбома состоится на фестивале в Москве первого марта! Мы будем ждать каждого из вас, чтобы устроить огненное шоу! Будет жарко!

Небольшой съёмочный зал утонул в аплодисментах и завываниях. Отлично.

Я начинал вспоминать, какого это, срывать овации публики, а не осуждающие взгляды грёбанных организаторов.

— Фестиваль уже через две недели? — прикинул Бастер.

— Именно, — я уселся обратно, властно растянув руки по спинке кресла.

— Значит, Господин грезит вернуть былое величие? — это что, единственный его рабочий аргумент? Тыкать меня носом в конфликт!

Как будто я виноват, что Юдин захотел свалить.

— Мы с удовольствием понаблюдаем за вашими попытками, — хохотнул ведущий. — И всё же, можно ли задать пару вопросов прекрасной девушке?

Пропустив мимо ушей очередной плоский под*б, я обернулся к Еве, чтобы оценить её состояние.

— Мисс Кисс, всех собравшихся здесь интересуется одно. Есть ли у вас парень?

22. Контрольный выстрел

На протяжении всего интервью со сжатой задницей я ждал от девки осечки. Когда же она выкинет что-нибудь, испоганит нам премьеру? Выкинула так выкинула. У Кисы с её же слов не было ни парня, ни измен, ни проблем в её благополучной семье, ни трудностей с образованием. Ни предательств, ни красивых мотивационных историй, ни даже бородатого анекдота в загашнике — сука, ничего! На хера вообще приходила светить е*лом, непонятно?! Никольская не только не дала повода ведущему хоть тихонько схватить нас за жопу, но и едва ли не усыпила ползала. Бедняги зевали во время её ответов. Никаких скандирований. Мои драгоценные плакатики свернули и положили под ноги, в трибуны. Я один удерживал провокационную ноту в диалоге с ведущим, выводил на лёгкий спор. Но, покидая студию, так и остался взбешён поведением девки, переняв эту её волну отрешённости. От негодования в рёбрах скребло и тяжелело.

Полный провал! Как можно отвечать на интервью односложно? Когда я просил Никольскую вести себя, как «хорошая» девочка, я не имел ввиду прикидываться безвольной подопытной мышью без собственного мнения! Кому в таком случае она может быть интересна? Ну ничего девка не соображала, и чуйка у неё напрочь отсутствовала! Зачем так рвалась в шоу-бизнес?

— Эй, Господин, всё нормально прошло?

После небольшой автограф-сессии, до которой дотерпели самые стойкие и выспавшиеся, Юра вёз нас по темноте обратно, в коттедж. Ева стыдливо молчала первые двадцать минут, пялясь на пролетающие огни в окне, пока, наконец, не повернулась, кусая губу.

И она ещё спрашивает?

— Хреново! Ты всё испортила, — рыкнул я и отвернулся.

Мы встали на светофоре. У Юры зацокал поворотник, а сам он озадачено обернулся из-за водительского прошуршавшего кресла.

— Эй, чего ты так грубо с девчонкой? Я был в зале, видел, — пожал плечами звукарь. — Всё норм, не парься. Главное, что ваш сингл в топе на первом месте.

— Отвернись!

Лучше ему не соваться, а следить аз дорогой.

Уставившись в черноту за окном, я решил высказаться за пережитый испанский стыд.

— Если есть хоть немного мозгов, то ты должна понимать, кого слушать. Ты просто

потерялась за своей внешностью! У тебя на лице — тарантул, ты на записи звучишь, как оторва, а под камерой не можешь придумать, какое качество не терпишь в людях! Серьёзно? — я не выдержал и повернулся к её суровому хмурому личику, загибая пальцы. — Ложь, зависть, двуличие, отсутствие чувства юмора, интеллекта! Да хоть употребление мяса — хоть что-нибудь ты могла сказать? Чтобы о тебе сложилось хоть какое-то минимальное впечатление! У артиста должна быть харизма, идея. Тебя никто не заставлял вываливать камаз пережитого дерьма, но ты припёрлась на интервью! Ты не можешь стать популярной, если тебе нечего сказать! И ответ: «я просто певица, и всё, что я хочу сказать, говорю в песнях», — не канает! Такими темпами тебе не помогут раскрутиться даже бабки! А я не дурак швырять своими гонорарами на ветер. После этого интервью люди будут считать, что ты ненастоящая и одноразовая.

В последнем пункте не было сомнений. А вот свой дрянной характер Ева сокрыла зря.

— Но ты же сам сказал, не говорить лишнего! — девка запрокинула голову на подголовник кресла и обречённо выдохнула. — Я не хотела становиться жертвой журналиста или портить вам репутацию.

Её гигантские ресницы в профиль всё ещё впечатляли своей длиной.

— Ты переборщила!

Неоднократно. И дело не только в интервью. Я бы даже сказал, вообще не в нём! Когда не нужно, Киса, как раз-таки, свой рот не контролировала!

— Я думаю, уже всё ясно. Фит ты заполучила. Сольник за мной, как обещал, но после фестиваля мы прощаемся. Я не собираюсь с тобой больше возиться и контракт продлевать не стану.

Ева безэмоционально замерла, чуть заметно сглотнув. Тормоза свистнули, вынуждая оторваться нас от спинок.

— Брось! Она просто нервничала, — сбавляя скорость, вступился за девку Юрген. — Сам же её запугал анонимным журналистом! Теперь не доволен.

Внезапно. Всё это время среди нас пропадал настоящий джентльмен. Я вскинул бровями, разглядывая, как Никольская сожалеюще сжимает губы, избегая смотреть мне в глаза.

Самое забавное, что я не чувствовал себя в опасности на интервью. Всё прошло тухло. Никаких странностей я не заметил. Похоже, этот козёл реально блефовал, когда угрожал мне проблемами с психикой. Ему совсем не обязательно было заявляться на съёмки, чтобы я сам себя накрутил. Но в итоге, ни с одним посторонним человеком я не позволил себе личных разговоров и избежал любых телефонных звонков. В кабинке туалета даже поссал бесшумно, а на случай, если там висели камеры, показал средний палец.

Единственное, что я не скрывал — мой интерес к личности анонима. Если у него действительно есть уши среди организаторов, пускай передадут, что я не успокоюсь, пока не узнаю, что за гнида совала свой нос в чужие дела.

Мы вернулись раньше Дрона и Гриши, застав на террасе наших одичавших в одиночестве, длинноволосых принцесс. Я вышел из минивена, приближаясь ко входу в коттедж. Рассмотрел, как Андрюха с Муратовым выпили по очереди коньяк из горла бутылки, бултыхая алкоголь в плохо закрывающихся ртах, и не смог обойти стороной это зрелище. Двое гитаристов, сидя в одеялах на улице, резались в карты. К слову, шёл мерзотный, тающий на лице снег.

— Вы прописали партии? — злобно процедил я, шагнув на террасу.

— Да-а-а-а-ам, — мявкнул басист и задержал дыхание.

Его небритые щёки надулись, как рыба фугу, а под подбородком появились ещё несколько складок.

— Ванечка такой у нас молодец, ты даже не представляешь! — едва разборчиво залебезил он и сморщился.

Услышав это, более вменяемый Ванечка натянул ладонями кожу на лице и истошно вздохнул.

Устали трудиться в поте лица, бедолаги.

— Это что у вас здесь за приватная вечеринка? — Юрген взошёл по ступеням и стал свидетелем того, как Андрей прилёт на скамейку, пытаясь дотянуться до него, чтобы пожать руку.

Но вместо этого несколько раз чуть не попал ему в пах. Звукарь отпрыгнул и брезгливо помахал Андрею с приличного расстояния.

— Привет! Мы перевыполнили план, — просипел басист.

— Да я уж вижу. Почти бутылку хэннэсси дососали.

— Присоединяйтесь.

— Не-е-е, я пас. Что-то зае*ался сегодня.

Юрген отмахнулся от басиста и вошёл в дом. В гостиной загорелся свет.

— Блин! Киса-Киса-Киса! — закричал Андрюха на весь двор. — Идём к нам!

Я всё ещё стоял, как вкопанный, наблюдая за этим цирком. Тяжело видеть, как у тебя уводят друга.

Никольская поднялась на террасу и уныло осмотрела басиста. Затем прицепилась пронизывающим взглядом к кудрям Муратова, хотя он даже не обращал внимания на разукрашенную девку. Косоглазо пялился в веер карт, рассыпающихся из его рук.

— Спасибо, что-то не хочется, — вздохнула девчонка и глянула на меня виновато снизу вверх. — Пойду умоюсь.

Ева захлопнула дверь изнутри.

— Балин! Лёнь! Ну ты-то хоть оставайся, — едва живой, выдохнул Андрей. — Давай! Садись! Чего вы все такие кислые приехали? Не видели что ли? Почти лям прослушиваний за день!

Я нехотя пристроился на край скамьи. Басист пододвинул мне бутылку, чтобы я «отметил» это знаменательное событие. Ванечка бесцеремонно стащил из-под носа Андрея три его оставшиеся карты и призадумался над ними.

— Да Никольская всё интервью заперола, — пожаловался я и протёр ладонью горлышко бутылки. Отхлебнул из её, и во рту, в глотке стало приятно жечь. — А лям — это херня. На наших сольных песнях будет гораздо больше прослушиваний. Помяните слово Господина.

У Муратова удивлённо расширились бледные глаза.

— Ясно. Опять у Лёнчика депрессия, — махнул на меня ладонью басист. — Ну чего там у тебя?

Он наклонился в карты к Ване, а я ещё раз уныло отхлебнул, всматриваясь в голые уродливые ветки, выглядывающие из-за забора.

— Лох, опять проиграл, — подытожил Андрюха и пьяно захихикал. — Давай, рассказывай нам про свою девушку. Мы тут это, Лёнь, на секреты играем, — оглушительным шёпотом объяснил он мне на ухо.

Ну и вонь.

— Играйте потише, — я встал и собирался уйти в коттедж.

Холод начал забираться под куртку. Да и хотелось уединиться после шумных съёмок, возможно, даже почитать список и попробовать найти фамилии в соцсетях.

— Давай, рассказывай. Как ты нашёл сою старушку, — раздалось у меня за спиной.

Походу, Муратов смирился с этим прозвищем его престарелой подружки.

— Это моя преподавательница электротехники, — он прочистил горло. Тоже неплохо накидался. — Уварова Виолетта Сергеевна, — мечтательно вздохнул Ваня.

Мой рот неконтролируемо приоткрылся. Я так и обмер у двери, с силой схватившись за ручку, когда как кто-то снаружи начал открывать створку мне навстречу.

Я неловко отшатнулся, схватившись за голову.

— Господин, тебе чё, плохо? — пролепетал Андрей.

Но на террасу уже ошарашено выпрыгнул Юра, схватив меня за плечи.

— Ты тоже прочёл блог анонима? — затряс меня звукарь. Твою мать... — Что это за трэш?

23. Деликатная тайная

Мы собрались в гостиной.

— Чего вы на меня так смотрите? Я не пойду её успокаивать, — Юрген погладил себя за белоснежный ежик на голове и недовольно уложил руки на бока. — Это вы её привезли с собой, а мы даже толком не знакомы. Может, кто-нибудь из вас соизволит?

— Я тоже пас, — басист икнул. — Из меня отстойный у-утешитель.

Прочитав пост журналиста, я находился в полной прострации. В слоу-мо наблюдал, как парни спорят, кому придётся лицезреть слёзы Никольской.

Но вот, на верхнем этаже что-то пугающе загрохотало.

— Бл*дь! Решайте быстрее. Я не хочу, чтобы в моём доме произошёл суицид.

Муратов подавленно заглянул мне в глаза. Нас осталось двое не высказавшихся по поводу уничтожительной для девчонки сенсации. Это было омерзительно, но — по отношению к её тупому поступку или к пережитому ею отвращению?

Я понял, что Ваня пристально следил за выражением моего лица с несколько минут, только когда он отошёл к кухонному гарнитуру и наполнил стакан водой.

«Милый и спокойный» Муратов молча вызвался утешить Еву. Не сказать, что я испытал облегчение. Он как будто и не был пьян, просто притворялся, чтобы слиться с обстановкой. Я всё ещё не мог понять, как так получилось, что мы оказались с одного универа, связаны отношениями с одной придурковатой женщиной. С преподавательницей...

Поверить не могу, что он с ней спал! С Вилкой?! Да фу бл*дь... Хотя, как мы выяснили, есть ситуации и похуже.

— Отлично, — выдохнул Андрей. — Вань, ты молодец, правда. Передай Кисе, что нам очень жаль.

Он не отреагировал. Подошёл к лестнице и, прежде чем подняться, бросил на меня мрачный, осуждающий в ничтожество взгляд. А каким боком здесь Господин? Он считает, ей меня захочется видеть в таком состоянии?

Интересно, если бы я был ревущей тёлкой, и меня пришёл утешать сам Юдин... То есть, Муратов — кудрявый, голубоглазый, со смазливой мордашкой, весь из себя понимающий и добродушный романтик. Насколько быстро я бы воспользовался случаем?.. Чёрт, мерзость! Я просто хотел поставить себя на место озабоченной Никольской! Не ожидал, что для неё этот

пост анонима станет такой уж огромной трагедией! Она ведь наверняка знала, на что соглашалась.

Наверное, в данный момент думать о том, что девка может повеситься на Ванечкину шею — полное кощунство. С такой репутацией Ева скорее повесится на петле. Тогда пускай Муратов усмирит её истерику побыстрее, чтобы я смог сегодня спокойно выспаться!

— Здарова музыкантам-миллионникам, — донеслось в один голос из-за спины.

В гостиную вошли Гриша с Дроном, с коробками, источающими запах еды. В целлофановых пакетах тошнотворно звенели бутылки. Они оба счастливо улыбались, переговаривались, пока не оценили искрящуюся напряжением обстановку.

— Вы чего какие кислые? — драмер подошёл к столику возле дивана и свалил на него стопку пицц. Стянул шапку, перебрасываясь взглядом то на меня с Андреем, то на растирающего виски Юргена. — Чё случилось?

Я привстал и развернул в его сторону экран своего ноутбука. К Грише пристроился Дрон, сощурившись над блевотными фотографиями в блоге.

Наступила немая продолжительная пауза.

— Э-э-это что, Ева? — гитарист присел на корточки. — Твою же мать... Кто этот старый хер?

Он отодвинул коробки, со скрипом притянул комп и пролистал все снимки, добравшись до текста.

Полюбуйтесь! Ваша «загадочная, умопомрачительно привлекательная Мисс Кисс из Питера», стартовавшая с новым синглом сДВ, на фотографиях — в объятиях богатого папика 3 3 3 Я исхожу завистью, глядя на то, как он ласково лапает её за задницу своими старческими ладошками! Завидую, конечно же, этой элитной эскортнице — как думаете, сколько она получила за полгода отношений с брюссельским бизнесменом? Хватит ли малышке денег, чтобы проплатить себе музыкальную карьеру? Или, всё-таки, придётся ещё разок-другой раздвинуть перед Господином ноги?;

А пока мы с вами живём своей честной жизнью, работая за среднестатистические 30к, остаётся только любоваться снимками Киски с Сейшелов, Парижа и поцелуйчиками с дедушкой на фоне Атомиума.

На все источники прикрепляю ссылки, и не благодарите! Ваш аноним 3

P.S. Ведите себя хорошо, чтобы мне не пришлось открывать честным людям глаза на ваш позор!

Мы переглянулись — все впятером. У Гриши и Дрона пооткрывались рты. Как и у нас минут десять назад. Девчонка в считанные секунды угрохала свою честь не только в глазах фанатов, но и перед нами, «коллегами».

И только передо мной ей уже нечего было ронять. Не уверен, что это именно то, чего я ей желал испытать, надоумив анонима накопать на неё материал. Смутные чувства... Может, Никольской стоило хотя бы предупредить меня, как своего продюсера, что у неё имелась деликатная тайна?

— Охренеть! А что Ева говорит? — барабанщик откашлялся и схватился за лоб. — Это же просто мерзость! Наверное, у неё есть объяснение?

Хах. По-моему, всё и так ясно...

— Она ничего не говорит, льёт крокодильи слёзы наверху. Ваня пошёл её успокаивать.

24. Жилетка для слёз

Я не поднимался на этаж. Сидел в гостиной над ноутбуком, как на вокзале, прямо в куртке.

Брезговал что ли... Просто прихренел от того, что умудрился взять в команду эскортницу. Думаю, это первое, с чего начинали поиски все матёрые журналисты — изучали сайты с девушками «напрокат». Раз уж пошла такая тема, я тоже нашёл парочку крупных площадок. Облазил их все вдоль и поперёк в течение часа, что Муратов с Евой не подавали признаков жизни на втором этаже. Но ни в Питере, ни в Москве эскорт-моделей с таким именем не было. Значит, она числилась под другим?

Или это ярлык, который нацепил на девку аноним — даже если так, я был с ним солидарен. Дед просто омерзителен! Я не имел ничего против тех же проституток, но они ведь не скрывали свой род деятельности. На Никольскую я разозлился до тошнотворной ясности, пульса в висках. До остервенения. Воздух саднил холодом в горле.

Это с самого начала было бесчестно и рискованно по отношению ко всем участникам Death Breath. А ещё во многом объясняло наклонности девки. У Никольской были задатки стервозной соблазнительницы, от удушающих щупалец которой не увернёшься без последствий. Её манеры содержанки я разглядел при первой же встрече в баре — жаль, что сам не догадался проверить.

Я был настолько взбешён и разочарован, что хранил позорное молчание, не отвечая ни на один адресованный мне вопрос. Разочарован вдвойне! Зная, что, помимо подпорченного релиза, ей удалось меня поцеловать. Так ещё гаже.

Комментарии активистов-моралистов в блоге только подогревали разрастающуюся ненависть.

— Господин, что думаешь делать? — донеслось до моей вредоносной ауры.

Злобно глянув на Дрона, я захлопнул комп, сунул его подмышку и потащился к лестнице.

Ничего! Ничего я не буду делать! Так ей и надо. Пускай нарёвывает за все свои выходки.

За желание нажиться! За сказочно мизерный интеллект и бесстыжие попытки соблазнить Господина. За причинённый моральный ущерб! А ещё занудой на интервью притворялась... Дура.

Уже на входе в свою спальню я застопорился, прислушиваясь к их шепчущим хриплым голосам. Как всегда, дверь в комнату Никольской была приоткрыта — в её манере не беспокоиться о том, чтобы оказаться застигнутой в неудобном положении. А я почему-то никогда не упускал возможности удостовериться, что девка одета.

Моя рука плавно доползла до бочины, и я облокотился о косяк, жадно вслушиваясь в диалог. На полу, у ботинок лежала полоса света от ночника, включённого в её спальне. Изнутри раздался Муратовский гипнотический бас, рассыпавшийся на щепки по всему этажу. Это вынудило меня с силой сомкнуть челюсти.

— Я могу понять, какого это... — прогудел он, но дальше было не разобрать. — Но наси...

Что ты бл*ть там понимаешь?

— Они хотели мне добра, — донесся спокойный шёпот девчонки.

На удивление, Никольская угомонила. Голос был проплаканный, осипший, но собранный. Наверное, я разочаровался трижды, когда понял, что Ванечка сумел оказать ей поддержку — лучше бы он помог ей потуже затянуть петлю на шее.

То, как эти двое переговаривались звучало слишком интимно.

— Наверное... Это странный способ позаботиться о своём ребёнке.

О ребёнке? О чём речь?

Я непонимающе насупился, до хруста сжав крышку ноутбука. Стоило зашевелиться, у меня зашуршала и кожанка, а за дверью сделалось подозрительно тихо.

— Эй, Лёнчик, ты чего подслушиваешь? — раздался громкий беспардонный шёпот у моего уха.

Сука! Только не сейчас!

— Пошёл ты нах*й! — обернулся я на басиста и беззвучно на него наорал.

Чуть не замахнулся компом по его лбу и кисло сморщился. Какой позор... Андрей остался в коридоре, а мне пришлось тут же запрыгнуть в спальню Никольской.

Эти двое сидели на кровати. Ева — вместе с ногами, закутавшись в одеяло.

Его футболка на плече и шее промокла от её слёз, а сама девчонка уложила на Муратова голову, безостановочно кусая губы. Я замешкался, как школьница. Забегал взглядом по комнате, по разбросанным по полу пузырькам и опустевшей тумбочке, лишь бы не заглянуть в её припухшие красные глаза.

Я будто застал их трахающимися...

— Ева всё объяснила, — откашлялся Ванечка и пришибленно попытался отодвинуться от девчонки.

Никольская вся на нём повисла. Когда Муратов одёрнулся, она придержалась за его плечо и медленно распрямилась, делая вид, что задумалась. Подняла на меня непонимающий взгляд и только тогда громко зашлась кашлем.

Я испепелял её, как будто девка была мне обязана собачей верностью, и не мог остановиться. Это было слишком похоже на нечто, не оставляющее меня в покое семь лет.

Во рту появился солоноватый привкус. Я понял, что прикусил себя за язык.

— В восемнадцать лет её насильно выдали замуж родители. За богатого дедулю, чтобы обеспечить Еве связи и будущее, — с трудом оторвавшись от её остекленевшего, чисто вымытого от грима лица, я перекинулся диким взглядом на Муратова. Я просто чувствовал, что со стороны стал похож на невменяемого психопата. — Он ей изменял, избивал, — всё менее уверенно перечислял Ваня, опустив взгляд на мои сжавшиеся в кулак пальцы. — И вот. Ева продержалась с ним полгода, а потом сбежала в родной Питер.

Я ошарашено забегал взглядом по комку одеяла, в которое Никольская зарылась вместе с лицом и душещипательно заскулила. Из-под груды складок торчала только её ладонь, а ногти зацарапали матрас. Она страдала, как раздавленная букашка...

— Савицкий! Как ты ей поможешь? — буркнул Муратов, выводя меня из транса. — Ты же сделаешь что-нибудь?

В этот момент я думал лишь о том, что журналист промахнулся. Возомнил себя палачом, выставляя людей только в выгодном для него свете во имя сенсации. Не потрудился разобраться до конца, возможно, хотел доказать, что справится без фотографий, предложенных мной.

Я его подтолкнул к этому.

Но ведь я и подумать не мог, что эта вертихвостка тоже покалечена своими нерадивыми предками...

Муратов долго смотрел на её перекорёженную руку и дотянулся своей ладонью. Девка тут же выкарабкалась пальцами и сжала его, продолжая реветь.

Из него получилась классная жилетка для слёз. А из меня нет...

Интересно, как на это отреагировала бы его ненаглядная Виолетта Сергеевна?

25. Спасение

Мои дорогие, я немножечко задержалась сегодня, извините! Но зато дописала сцену) Приятного прочтения!

У девчонки разрывался телефон от злых комментариев. Я выслушал её очередную истерику, потом она утёрла свой сопливый нос, успокоилась и рассказала подробнее о неблагоприятном замужестве. Эту историю нельзя было воспринимать без рвотных рефлексов. У девки остался бельгийский паспорт, который я изъял себе в качестве доказательства, а когда вышел в коридор, чтобы проплеватся после мерзотных деталей и их с Ваней недружественных рукопожатий, столкнулся с басистом. Он занял моё место у спальни Никольской и нагло грел под дверью уши.

— Вот это же-е-есть, — замотал он башкой и просунулся в её комнату с нелепыми выкриками. — Ева, мы на твоей стороне! Господин уничтожит этого журналиста!

Я одёрнул придурка за плечо и захлопнул дверь, оставив Никольскую наедине с Муратовым.

Пожалуйста, общайтесь, голубки.

— У тебя же есть план? — уже не так уверенно проморгался Андрей. — Эй! Пусти!

После демонстрации тела в баре, откровенных нарядов и её согласия расплатиться натурой за продвижение у меня были обоснованные сомнения в невиновности Кисы.

Вообще-то, ещё днём я принял решение закрыть с ней контракт после фестиваля, а тут вдруг должен был спасти её честь. Мне-то что с того?

— О каком плане ты говоришь? Я напишу в своём блоге то, что сказала мне она. Правду напишу. Постараюсь подобрать слова поубедительнее, но, если фанаты не поверят, я уже ничего не сделаю.

Всё-таки нечто отдалённо похожее на сострадание я испытал, отрицать не буду.

Тем более, две недели я вроде как оставался её продюсером... Если бы не эта ситуация, хрен ей, а не поддержка!

— Лёнь, а почему не поверят? — Андрей, когда был пьяный, становился ещё тупее, чем на трезвую голову.

Я удручённо вздохнул.

— Потому что! Первое впечатление самое сильное. Какие бы опровержения мы теперь не давали, все уже сделали выводы и запомнили, что девчонка — шлюха. Ты ведь тоже её успокаивать не захотел.

— Ну тогда ещё неясно было... — промычал он. Хах.

— Неправда. Все поняли, что она эскортница — как будто это что-то меняет. Ева тут ходила по коттеджу, шеголяла, а вы и рады смотреть. А стоило назвать её одним словом...

— Дело не в слове. Её оклеветали! Журналиста нужно засудить. И деда тоже! Ева не лицемерка, а жертва.

Клевета — это же статья целая... Точняк. Всё серьёзно.

Я схватился за голову и взлохматил волосы.

— Андрей... Я даю руку на отсечение. Я переверну всё верх дном и узнаю, кто этот журналист. Богатого папика со связями из Бельгии — искать не собираюсь, но анонима раком нагну. Меня достал этот подонок!

— Красава! — басист отпрыгнул и замахнулся рукой для крепкого рукопожатия.

У меня вздёрнулись брови. Я закатил глаза, поправил ноутбук подмышкой и просто захлопнул дверь в свою спальню изнутри. Пошатывающийся басист так и остался в

коридоре.

Достало всё!

Я не спал толком три дня. По вине Евы убивался по Маше — столько лет прошло, а я вспоминал. Как в первый раз, будто оглушённый, заходил в свою комнату в родительском доме и видел её между ног у стонущего Никиты. Я этих людей не то что знать больше не хотел, даже чисто гипотетически догадываться, что они до сих пор вместе, растят детей и возят моим предкам нянчиться. А я, конченный рокер, двадцати шестилетний Господин, занимаюсь тут, хер пойми чем. Тешу самолюбие, но что-то не тешется. Так было страшно об этом думать «в открытую», без самообмана...

Эти воспоминания не мимолётная эмоция, а то, что я протащил через всю свою долбанную карьеру. И Муратов с Никольской почему-то до блевоты напоминали мне этих двоих. Я не мог уяснить — почему я снова чувствовал себя брошенкой?

Но помочь Еве я был не против. Забавно это. Сначала искренне хотел довести девку до слёз, отомстить побольнее, а теперь пораскинул мозгами. Понял, что она чокнутая не просто так. Мы даже были с ней похожи в чём-то.

Перед тем, как смыть грим, я постоял над раковиной и поразглядывал растушеванную на скулах и вокруг глаз чёрную краску. С таким рассеянным, блёклым взглядом я ещё больше походил на мертвяка. Не уверен, что хотя бы половина эффекта создавалась за счёт грима, а не мешков от недосыпа. Я умылся, принял душ и нашёл силы натянуть на себя только трусы.

И то. Делать это в своей комнате я был не обязан, просто беспардонная Никольская и вездесущий Ванечка приучили меня прятать достоинство тщательнее.

Отвратительный день. Я лёг в кровать с мокрой башкой и бездумно пролистал зарубежный паспорт девчонки. Ни черта не разобрал, он даже пах как-то по-чужому. А на фотографии была изображена настолько юная, неиспорченная девчонка, ещё с детскими чертами лица и горящими глазами, что мне стало не по себе. Почему Никольская согласилась переспать со мной за карьеру? Разве этот путь чем-то отличался от предложенного ей родителями? Я напряжённо выдохнул. Сфотографировал штамп и отложил корочку обратно на тумбу.

Сочинить достойное опровержение, подобрав деликатное определение всему случившемуся, у меня заняло полтора часа. Это был самый приличный, лишённый сквернословия пост, который видели мои фанаты. К тому же, я записал двухминутное видео, призывая их поддержать Кису добрыми комментариями. Выложил всю эту тягомотину в сеть и остался лежать в темноте, перевернувшись на бок к окну.

Почему-то в этот момент я думал уже не о Маше. Не про списки, не о шумихе, которую мы сегодня устроили в интернете. И не про анонима — я пытался уговорить себя не нервничать из-за Муратова. Насколько долго он её успокаивал? Вышел вообще из её комнаты, или они до сих пор вместе общались?

Ну я же не мог войти в её спальню и проверить...

— Господин! — в дверь раздался нетвёрдый девчачий стук. — Можно я войду?

Я поторопился накрыться простыней и напряжённо приподнялся на кровати. Какого чёрта она сюда притащилась ночью?

Пребывая в несбыточной надежде, что Никольская одумается и уйдёт, я промолчал.

Значит, он её комнату точно очистил от своего присутствия. Мне слегка полегчало.

— Я знаю, что ты не спишь, я прочитала твой пост!

Может быть, уже и сплю!

Тыкнув телефон на левой стороне кровати, я убедился, что прошло полчаса с момента публикации. Экран оказался завален уведомлениями, но вчитываться не хотелось.

Это была бы не Ева, если оставила меня в покое. Девчонка толкнула дверь и застыла на пороге, глядя на то, как я слежу за ней полуголый, сидя в простынях. Из коридора вырвался жёлтый, режущий глаза свет, и я сморщился.

Со временем разглядел. Она всё ещё была немного заплаканная, с рогадиками из волос, в серых шортах и, кажется, детской футболке с мультяшным котиком, обтянувшей её грудь. Зрелище не для слабонервных — то, как Никольская стремительно хлопнула дверью и поскакала ко мне в кровать, словно горная коза.

Девчонка запрыгнула на матрас. Я невольно выдохнул, стоило ей обхватить меня под рёбрами, и тут же оцепенел.

— Спасибо тебе большое! — мало разборчиво пробурчала она, уткнувшись тёплым ртом мне в ключицу.

Но я понял. Как задержанный на месте преступления, остался сидеть с поднятыми вверх, неприкаянными ладонями.

Неизвестно, занималась ли когда-то девчонка единоборствами, потому что застала меня врасплох своим удушающим захватом. Её когти впились в спину, мягкий бюст врезался мне в живот, а горячие руки перетянули туловище, не позволяя воздуху проникать в сковавшие лёгкие.

— Ты спас меня! — не унималась девка. — Ты видел, что они пишат теперь?

Ева оторвалась покрасневшим лицом от плеча и задрала голову, пристально заглядывая в мои ошарашенные глаза.

Ну, вообще-то... Да, спас, но! Ведь от этого зависел и успех общего сингла. Зря она это...

Единственное, что я смог — громко сглотнуть слюну.

Никольская была настолько невыносимо, испытующе близко, что у меня начало гулко пульсировать между ног. Едва ли уместно возбуждаться после рассказанного ею сегодня.

— А ещё... Я хотела извиниться, — продолжила она, вжимаясь в меня сильнее. Хотя уже было некуда.

Очнись, Господин. Тебя обнимают, как крысу удав, а ты и рад.

Мои ладони неконтролируемо дрогнули, и я, кривя улыбкой, боязно опустил руки девчонке на лопатки.

— Прости за тот поцелуй. Пожалуйста! Я не думала, что для тебя это действительно так... Важно. Прости, — засипела Ева.

Чёрт! Что она вытворяет?

У меня были определённые нехорошие мысли на её счёт. Но Никольская уже не единожды кардинально меняла моё мнение. Сейчас — даже в лучшую сторону, а это просто ужасно!

— Зачем ты это сделала? — решил я уточнить и сам не заметил, как невесомо погладил девчонку по горячей спине. Под руку попалась прядь её густых волнистых волос, выбившихся из причёски.

Больше интересно, зачем мне это спрашивать...

— Не знаю, правда, — Ева помолчала.

Её грудь стала вздыматься от отяжелевшего дыхания.

— Ну... Может, это глупо. Просто захотелось... Поцеловать тебя, молодого парня.

Во рту пересохло. Мне стянуло кожу от крупных мурашек, и я сразу понял, что девчонка почувствовала это под своими слегка зашевелившимися ладонями. Её подушечки пальцев принялись поглаживать спину, нащупывая признаки моего загубленного самообладания. Она поняла...

С усилием выпутавшись из её тёплых объятий на холодный воздух, я откашлялся и отодвинуться на край.

— Ты меня извиняешь? — откровенно произнесла Киса.

Её желтовато-зелёную радужку поглотил чёрный зрачок.

— Извиняю, — прохрипел я огрубевшим голосом. — Иди к себе в комнату. Пожалуйста.

Плохо. Всё очень плохо...

— Можно я посижу ещё немного с тобой?

Я поперхнулся.

— Нет.

Только не это...

— Ну пожалуйста! Немножечко!

26. Последний день на Земле

Дорогие мои! Ваш автор задержался, но сделал: D Это того стоило, я не могла отпустить Вас на выходные без сладенького. Буду рада обсудить с Вами продю в комментариях! А также, вступайте в мою группу в ВК, где теперь регулярно появляются интересные посты о Господине! Ссылка в графе "обо мне". Приятного прочтения!

— Можно я посижу ещё немного с тобой?

Я поперхнулся.

— Нет.

Только не это...

— Ну пожалуйста! Немножечко! — у девчонки умоляюще сдвинулись брови. Не капризно даже, а жалостливо, как будто, если я откажу, она реально свалит.

И правда. Без макияжа и хитрых прищуров, с чистым лицом она не была похожа на роковую соблазнительницу. Обычная молодая девчонка. Ну... Нет, не обычная, конечно. Симпатичная и светлая, словно из русских сказок.

Как только её родакам в голову пришло сбегать дочь на попечение старикану?

— Ладно, — обессиленно вздохнув, я закатил глаза и поджал губы. Она одухотворённо заулыбалась. — Мне всё равно не спится.

Не успев толком порадоваться, девчонка обхватила свои ноги, сжавшись в комок возле изголовья, и нахмурилась.

— Господин... Это из-за меня? — Ева стыдливо прикусила губу.

Я чуть не захлебнулся слюной. В смысле... Что за самомнение? Считает, я об этом грёбанном поцелуе всё время думаю?

— Я всё испортила? Сначала интервью, потом блог анонима... Всё не так, как ты планировал?

Чёрт, она про журналиста! Я поубавил агрессии во взгляде, которым уничижительно прицепился к девчонке, и облегченно выдохнул.

— Не знаю. Завтра будет видно. Нет смысла теперь париться, что сделано, то сделано.

Мы оба заткнулись, неловко переглядываясь с противоположных концов кровати. Ева в моей постели... Я предпочитал держаться подальше, но не мог совладать со взглядом,

мелькая то по её невинному личику, то по промежности в просвете согнутых худых ног.

— Кхм... Значит, ты до сих пор замужем? — шипящая тишина не давала спокойно дышать.

Поэтому я начал судорожно думать, чем бы отвлечь девчонку.

— Да, наверное, по их законам, — забавно. Она даже не знала наверняка. — Но наши законы тот брак не признают, потому что я не предоставила документы. В российском паспорте у меня нет штампа. А возвращаться в Бельгию я не намерена, да и въезд мне туда закрыли благодаря бывшему мужу.

Я, конечно, уже понял, почему она умолчала всю свою личную жизнь на интервью. Хлопнул себя по лбу, зачесал пятерней ещё влажные волосы и прикрыл рот ладонью.

— А у тебя там живут родители?

— Нет. Тогда они жили в Германии, сейчас не знаю. Также, где-то в Европе, наверное. Мы не общаемся уже года три. С тех пор, как я сбежала.

Понимаю.

— Значит, и петъ ты научилась за рубежом?

— Да.

Это было слышно с самого начала, она перещеголяла меня на записи. Господин-самоучка Кисе не конкурент. Но ей об этом из первоисточника знать не обязательно.

Я понимающе кивнул, не находясь, каким ещё вопросом заполнить неловкость от молчания, и отвернулся к окну.

— Так... Когда я смогу снова исполнить свою часть контракта? — надломлено произнесла девчонка.

— Что? — не веря своим ушам, я ощутил, как мышцы и челюсти напряглись.

Из-за лунного света у меня слегка потемнело в глазах. Разве ей не хочется завершить этот дрянной день без грязи? По-моему, и так её хватало.

— Ну... Ты... Не закончил в прошлый раз, — смущённо залепетала она. — Может быть, сейчас?

От одного только предложения Кисы меня пробило ознобом. По спине снова разошлись мурашки, а член заныл, начиная твердеть. Я сглотнул и медленно обернулся.

Никольская подползла ко мне по смявшейся простыне и поднырнула тёплой ручонкой за резинку моих трусов. Я тут же максимально окреп в её сжимающей ладони, на головке проступила влага. Сдержался, чтобы не начать двигаться. Твою же мать...

— Я не буду прикасаться к лицу, обещаю, — невесомо шепнула Ева на ухо, и мои непослушные веки отяжелели сами собой. — Только ниже пояса, мой Господин.

Мой? С усилием разлепив глаза и шокировано приподняв брови, я не сразу сфокусировался на её опускающейся к моему паху голове. Как Никольской удавалось каждый раз переступить черту? Как? Я был уверен, хуже уже некуда...

Изнеможенно выдохнув, я поймал девчонку за подбородок, пока её губы не коснулись члена. У неё клацнули зубы в паре сантиметров от плоти. Внизу всё свело от возбуждения, а веки так и норовили опуститься в какой-то непонятной истоме.

— Не надо, — похотливо облизав губы, она застыла над головкой и похлопала глазами. Уронила взгляд ниже татуировки. — Садись.

Девчонка недоверчиво распрямилась, усевшись на колени, и безвольно положила на них ладони. Думала, прогоняю её.

Я снял трусы, разлёгся по центру кровати.

— Садить давай, — не то что бы я её пожалел, просто...

Ну да. Пожалел.

У Евы удивлённо приоткрылись пухлые губы. Пристально осмотрев подрагивающий пенис, она стянула шорты, бельё, скинула на пол и подползла ко мне в одной футболке, виляя задницей.

Я пылал в нетерпении.

Когда она перекинула стройную ногу и пристроилась к члену, суетливо придерживая его рукой, я пристально следил за ней из-под прикрытых век. Без всякий прелюдий Киса оказалась мокрая, вбирая и с жаром стискивая между стенок только головку. Это привело меня к плохо сдерживаемым порывам начать двигаться жестче, но девчонка тяжело уложила руку мне на грудь и впилась ногтями. Я рьяно вздохнул.

— Полегче, варвар, — по-доброму хохотнула она, закрыв глаза.

— Ладно.

Её приоткрытый сексуальный рот не давал мне покоя. Я опасно заглядывал в него, пока Ева не видела. Вскарабкался руками по её узким бёдрам и умоляюще сжал, мечтая сношать девчонку с рогаликами на башке так громко, чтобы было слышно в самой дальней комнате, где спал Муратов. Она продолжала молча ёрзать, присаживаясь ненамного глубже, и шумно вздыхала.

Набухшие, отвердевшие соски впились в ткань натянутой футболки. Я схватился за её край, притягивая Еву поближе, чтобы как-то справиться с изнурением от поверхностных, стремительно выматывающих меня проникновений.

Она послушно нагнулась, упираясь руками по разные стороны от моей горячей головы. Я занырнул под плотную футболку и принялся переминать ей грудь, попутно задирая ткань повыше. Зажал между пальцев жёсткие соски, чуть надавливая и не выпуская задёргавшуюся Еву из тисков.

С её пухлых губ сорвался тонкий, волнующий уши стон. Девчонка осела почти до основания, и мы оба тяжело вздохнули в унисон, от чего она распахнула глаза и уставилась на меня потерянным, опьянелым взглядом. Её увесистая грудь стала вздыматься в моих руках, пока я чувствовал, насколько узко и невыносимо горячо между стенок внутри неё. Ева запрыгала на члене быстрее, а я, подаваясь ей навстречу тазом, присогнул ноги. Она вынужденно придвинулась ближе сиськами к моему лицу.

Красивая девчонка. Ну не вот прям особенная, настолько, чтобы чем-то отличалась от остальных... Такая, что родители объективно оценили её внешние данные и приманили на молодость и фигуру дочки миллионера. Мерзость... Я чуть не закашлялся, но сумел отсрочить неожиданно накатившую разрядку.

Изгибы голого тела Никольской начинали вводить меня в транс. Её грудь гипнотически тряслась перед моими глазами, а если посмотреть выше — томное милое личико девчонки слегка хмурилось от наслаждения в освещении одной лишь луны. Никольская то дула губы, то открывала рот, чтобы дышать, а я всё смотрел на неё и думал, зачем она согласилась на контракт? Это какое-то недоразумение...

Продолжая пялиться, я пробрался одной рукой к её промежности, нащупывая клитор. Девчонка пискнула и распахнула глубокие потемневшие глаза. Я не мог оторваться от них взглядом, приблизившись ртом к её вздрогнувшей груди, чтобы нащупать сосок. Бесконтрольно застонавшая Ева испуганно уставилась на меня, пока я поглаживал её нежную, покрывшуюся мурашками кожу приоткрытыми губами.

Она явно посчитала это нарушением моих же правил, вытаращившись на меня, как на умалишенного. Честно говоря, я сам уже запутался. Мозг парализовало. Вместо того, чтобы остановиться, я помог себе свободной рукой и облизал её крупные напряженные соски. Не выдерживав этого осуждающе-изумленного взгляда, прикрыл веки, мокро посасывая её грудь, и почувствовал, как девчонка осторожно уложила подрагивающую руку мне на голову, крепко придерживая.

Я не стал сопротивляться. Я вообще вспомнил её скромное оправдание по поводу того поцелуя и подумал, что, наверное... Мне не жалко.

Стараясь вести себя хотя бы не грубо, я продолжал проникать в неё и ласкать уже отсыхающей рукой, пока не распахнул глаза. Оставил в покое грудь девчонки, а она тут же одёрнула ладонь, от чего я чуть не рухнул башкой на матрас.

Наверное, у меня было сотрясение. Показалось, что произошедшего было недостаточно, чего-то не хватало...

Одна моя рука проскользила ей на талию, а вторая — торопливо схватилась за шею, утягивая девчонку вниз. Ева не удержалась на своих тонких ручонках и осела на меня, сверкая изумлёнными зелёными глазами.

Я мягко приложился губами к её дрогнувшему рту. Задержался, едва пробуя его на вкус, осторожно огладил и проник кончиком языка между её тёплых застывших губ. Но стоило Никольской шевельнуть ими, у нас посрывало бошки, и мы влажно сплелись языками, трахаясь, будто в последний день на Земле.

27. Рабочие отношения

Утром было всё ещё темно — зимой Питерский световой день меня просто убивал. Я не проснулся, а буквально очнулся ото сна бодрым, как бабулька из финала рекламы мази от радикулита, вытаращив глаза в окно. Мне не то что прошедшую неделю не было так хорошо... Да я за последние несколько лет не чувствовал себя настолько отдохнувшим!

Я лежал на боку и просто пялился на замёрзшие ветки и сиреневое небо, за минут пятнадцать не обнаружив ни одной птицы. Секундная стрелка на настенных часах гипнотически плавала по кругу. Я не сразу опомнился. Стянул с тумбочки телефон, пролистав гигантскую очередь уведомлений из блога, проверил статистику и понял, что сингл выстрелил. Ещё немного, и Death Breath во главе с Господином вернёт себе пьедестал — осталось заявиться на фест с готовым альбомом.

Сладко растягиваясь по кровати, я перекатился на другую сторону и случайно задел женскую тёплую ладошку, вылезшую из-под простыни. Я так и обмер с задранными над головой руками. Брови скакнули выше ко лбу.

Никольская что, ночевала в моей постели?

Она лежала посередине, укрытая до ключиц. Расслабленное насупленное личико одной сплюснвшейся щекой располагалось на второй моей подушке. Возле лежали шорты и футболка — разве вчера она не надела их обратно? — и резинки. Её распущенные вездесущие волосы упали за спинку кровати и даже щекотали мой нос. Я отпрянул ближе к краю, нахмурившись.

Мне казалось, мы договорились вчера по-человечески!

Я вскочил на колени, присогнулся над её противным лицом и собирался со всех сил гаркнуть Никольской на ухо. Но вместо этого остановился, угрожающе нависнув сверху. У неё чуть дрогнули веки.

Проснулась?

Ева устало вздохнула подо мной, перевернулась на спину так, что её лицо оказалось прямо над моим, и тихо засопела. Она была неисправима!

Хорошенькая. Но только когда спит и помалкивает! Хотя, даже во сне у неё не закрывался рот: я наклонился поближе и пристально всмотрелся в линию её приоткрытых, округло очерченных губ. Почему-то один только рот Евы выглядел не менее эротично, чем тело. Наверное, я просто снизошёл до окружающих, всюю полоскающих друг друга слюной. Слово было нарушено, я давно таким не занимался, вот и немного помешался. Теперь, как с водкой в совершеннолетие — пока не напьюсь до чёртиков, не отпустит...

Надеюсь, это не так.

Я потерял счёт времени, разглядывая её лицо, словно корпус гитары на предмет сколов, но так и не нашёл ни одного изъяна. Хреново.

— Доброе утро, — шепнули розовые губы девчонки, всё ещё лежащей с закрытыми глазами.

Я испугался до постыдной, неконтролируемой суеты. Дёрнулся, убираясь на свою половину. Сообразил слишком поздно, пытаюсь отвернуться, когда цепкая Никольская поймала меня за шею и успела чмокнуть в угол рта. Её пальцы мягко прошлись по моим напрягшимся плечам, даже не стараясь меня удержать. Я, застигнутый врасплох, выпутался, свесил ноги с кровати и всё-таки одеревенел. Телесно её прикосновения ещё чувствовались.

— Давно не спишь? — обвиняющим тоном буркнул я.

— Минут пять, — явно заулыбалась девчонка за моей спиной.

Она зашуршала позади. Вдруг обернула меня руками под грудью и за плечо, прижавшись голым нагретым после сна телом. Я моментально поплыл. Сам не понял, как она начала целовать меня в шею, беззвучно сглотнул и попробовал дёрнуться. Но Никольская теперь была напрочь лишена страха. Дотронулась губами до мочки моего уха настолько щекотливо, что я весь зашёлся мурашками и задержал дыхание. Девчонка лениво сползла обратно в кровать.

— Доброе утро, Господин, — она приластилась щекой к моей ладони, свесив с кровати руку.

Слишком много прикосновений за последние тридцать секунд жизни. Я крепко сомкнул челюсти, следя за стрелкой на настенных часах.

— Почему не ушла вчера к себе?

— Я не помню, как уснула, — Ева дотронулась губами до тыльной части моей ладони. Меня всего заметно потряхивало, но я не мог отодвинуться. — Извини.

Кстати, я тоже не помнил... Закусав щёки, осмотрелся в комнате и подскочил на пол. Никольская вставать не собиралась, ей нравилось наблюдать, как суровый Господин бьётся в её власти в неврастенических припадках.

Нет, так больше не пойдёт. Я вздохнул, но с дрожью.

— Ты куда? — она привстала мне вслед, дёрнув простыню и натягивая её повыше.

Хоть на этом спасибо.

— В ванную. Потом в студию. А ты? Так и собираешься лежать на моей кровати? — она ехидно усмехнулась.

— Нет, сейчас соберусь.

Она закопошилась, а я спрятался за дверь. Включил зашипевший кран на максимум и принялся яростно начищать зубы, потому что не мог унять силу в собственных руках. Плеснул себе в лицо ледяную воду и поёжился. То, что делала Ева — было просто

невыносимо!

В ход пошла электробритва, счищающая с моего лица небольшую щетину. Я беззащитно уставился в зеркало, услышав, как девчонка без стука открыла дверь в ванную. Продолжил смотреть перед собой, не обращая на бесцеремонную Никольскую внимание. Ей бесполезно говорить, что у неё есть своя ванная?

Уже одетая девка подкралась сзади. Вынырнула из-под моей придерживающей кожу лица руки, стащила с раковины мою расчёску и принялась причёсывать свои спутавшиеся волосы. Я прихренел.

Отодвинул вхолостую работающую машинку и прочистил горло.

— Как насчёт воспользоваться своей расчёской?

Невозмутимая Киса снова обернула меня рукой за спину, пройдясь острыми зубчиками расчески по рёбрам. У меня окаменели мышцы пресса и перехватило дыхание.

— Не жадничай, — ласково улыбнулась девчонка. — Ты... Сам скажешь мне, когда будет следующий раз?

Она продолжила непринуждённо вычёсывать струящиеся пряди, хватая их в маленький кулачок, а у меня приоткрылся рот. Она имеет в виду секс?

— Нет, мы больше не будем спать, — отрезал я.

Никольская застыла на месте.

— В с-смысле? А как же контракт? — она непонимающе мотнула головой и упёрлась о раковину.

Я посмотрел на себя в отражение — на бритого на половину — отключил машинку и кран. Мы остались стоять с девчонкой в гулкой тишине ванной комнаты.

— А ты его прочитай повнимательнее. Я не сплю с девушками больше одного раза. Мы и так с тобой почти два раза развлеклись... Полтора. Но больше — не нужно, правда.

Я думал, Ева будет рада освободиться от бремени наложницы. А я — от её вездесущих никчёмных ласк.

Но у Никольской зло сощурились глаза, а взгляд, лежащий на мне через отражение, убийственно потяжелел. Я осторожно обернулся, глядя на то, как девчонка ненамного дальше отпрянула от меня и задумчиво уставилась в зеркало.

Она разозлилась, и мне это стало ужасно неприятно.

— Не целуешься, значит. С девушками больше одного раза не занимаешься сексом. К чему это всё? — буркнула она, продолжая пялиться через стекло.

Я смотрел на неё напрямую и одним только взглядом желал усмирить.

Опять Ева за своё! Пока всю душу не вывернет — не успокоится!

— Чтобы не привязываться, — холодно отрезал я, включил машинку и продолжил бриться.

В груди почему-то заклокотало.

— Это какая-то слабая позиция! — хмыкнула девчонка, навалившись на раковину, заграждая мне отражение.

Ну охренеть теперь!

— Ты, наверное, обжёгся? Я тебя понимаю, но вот зачем на себе ставить крест... — серьёзная речь, лишённая игривости, ей была не к лицу.

Меня такие слова не трогали, я давно всё решил. Но было очевидно, к чему и зачем Никольская клонит — это не доставляло удовольствия, даже наоборот.

Каким бы уродом я ни был, разочаровывать людей, касаясь отношений, всегда скверно.

Мне ли не знать...

— Что за херню ты несёшь? — я сглотнул слюну и вскинул подбородком, проходясь под ним бритвой. — Я пишу песни, пою, продвигаю группу, отвечаю за всю организационную часть. За мной ходят толпы фанатов. Мне не нужно большего. У меня нет на это времени. И меня всё устраивает. Я всегда к этому стремился, так что...

Я старался говорить беззлобно, как есть, потому что почувствовал от неё нездоровую тягу. Наверное, вчера зря нарушил слово — сделал только хуже.

Киса будто подслушала мои мысли.

— Зачем ты вчера меня поцеловал? — она положила в раковину расчёску, прикусила губу и скрестила на груди руки.

Ох ё... Я изнурённо выдохнул.

Не желал я чокнутой Никольской зла. Поэтому посчитал, что говорить «пожалел тебя» не стоит... Перспектива видеть её снова в слезах не воодушевляла.

— Захотел. Так вышло, ясно? Иди к себе в комнату, собирайся на запись, — я осторожно подтолкнул её в плечо, но вместо того, чтобы двинуться на выход, Киса развернулась ко мне унылым лицом.

— Ты не будешь продлевать со мной контракт, — серьёзно процедила она то ли спрашивая, то ли утверждая.

Ева ввела меня в замешательство.

После всего того, что вчера произошло — и на интервью, и с её тайной. И между нами... Была у меня одна мысль, и я рассчитывал, что Никольская обрадуется ей. Но не теперь...

Я не мог позволить ей продолжить себя приручать. У неё слишком ловко выходило...

— Давай так. После фестиваля я найду тебе другого продюсера. Женщину какую-нибудь, чтобы ты не отвлекалась. Скажу, что ты просто одуванчик божий, сотрудничать с тобой — одно удовольствие. А ты уж притворись хоть до момента подписания контракта. И будет у тебя музыкальная карьера. Но у нас с тобой рабочие отношения не клеятся. Нам придётся попрощаться.

28. Холодный кофе

В студии без конца пахло кофе и энергетиками, не выключалось едва слышно гудящее оборудование. С выпуском альбома мы укладывались впритык. Я прописал все вокальные партии, сидел вечерами с Юрой за сведением. Нервничал. Некоторые моменты с бас-линией пришлось перезаписывать. Андрюха намаялся, но мы добились от него нужных акцентов, а заодно жалобного воя, умоляющего оставить его в покое. Во вторник мы с басистом развеялись, выбрали на интервью — я повторил свой фокус с шантажом, но ни одна фамилия в списке организаторов не совпала с теми, что я добыл на шоу Бастера. После всплывшей сплетни его рейтинги скакнули, хотя вряд ли это была заслуга его посредственного интервью. Он должен был благодарить Мисс Кисс — она устроила полнейший диссонанс. Навела шухер во всей музыкальной тусовке. В студии отмолчалась, этим же днём её узнали, как коварную содержанку, и начали пересматривать интервью, а потом, после опровержения, кинулись сострадать. Всю неделю сингл висел в топе на первом месте, и я должен был признать, что это с Death Breath случилось впервые.

А источник сплетни, обернувшейся нам на пользу, поджал хвост и притих. Я чуть не с пеной у рта заходил к журналисту в блог почитать комментарии. Всё надеялся, на придурка низвергнутся гневные тирады, чтоб он в них захлебнулся. Но аноним отделался лёгкой

хэйтерской волной дерьма, не доставшей ему и по щиколотки. Феноменальная способность всплывать сухим из гущи проблем, что он заварил!

Говнюк не имел права оставаться в выигрыше. Меня это устраивало! Он должен был расплатиться за свою крысью натуру сполна!

Из-за анонима на последнем интервью нам с Андреем пришлось отбиваться по большей части от вопросов про Еву. Наше с ней сотрудничество чуть ли не перекрыло новость о новом альбоме. Мы с басистом были подготовлены и терпеливо объясняли на публику всё, что знали, чтобы обеспечить девчонке стабильное психологическое состояние. Её саму — берегли, не позволяли вступать в переписку с антифанатами.

Я, несмотря на запись и эпопею с оргами приближающегося феста, предложил Еве даже дать мне доступ к её личной странице, чтобы я мог сам вести её оставшиеся дни до концерта.

— ...Скинешь пароль, отсортирую сообщения, по максимуму отвечу. Тебе не придётся в это вникать, — устало вздохнул я, отхлёбывая из кружки остывший и горький кофе.

В левой руке я держал приспущенные наушники, а сам наблюдал за частотами на экране, что настраивал Юрген. Девчонка, сидящая позади, на диване, долго хранила молчание, пока в одном ухе звенели тарелки с бочкой.

Пришлось обернуться.

— Нет, — отрезала Ева, дождавшись моего нескромного взгляда, и скрестила на груди ручки.

Сегодня она заплела две косы, а из всего многообразия своих пошлых блузок выбрала самую невзрачную. Если можно так назвать верх, держащийся на одних сомнительных шнурках. Соблазнительно.

Когда Киса категорично отказалась от поддержки, меня глубоко пробрало негодованием. Я набрал воздуха в надувшиеся лёгкие и растерянно уткнулся взглядом в её спортивные кроссовки.

То вешалась на шею с поцелуями, то рычала, как цепная собака. С момента нашего последнего разговора, Ева вообще вела себя отстранённо по отношению ко мне.

Может, и глупо, но это выбешивало!

— Не выёживайся. Мы можем внести дополнения в контракт, где я обязуюсь не разглашать твой пароль. Ты же знаешь, что мне можно доверять? — я споткнулся на последнем чужеродном слове, чуть застрявшем в горле, и кашлянул.

Вспомнил, как предложил анониму её голые фотографии и почувствовал, что взгляд, остановившийся на её суровом личике, остекленел.

— Больше ничего я с тобой подписывать не собираюсь! — капризно выдала Ева, облокотилась о колени и осторожно дотронулась подушечками пальцев до губ.

У меня почему-то заскреблось в груди. Заныло так, что я не мог отвернуться к экрану, наблюдая за девчонкой.

— Не переживай, Господин от всех певиц в коллективе быстро избавляется. Ты дольше всех продержалась, — бездумно забубнил Юра, клацая по мышке. — Он ещё и помощь тебе предлагает, с ума сойти. Цени! — насмешливо хохотнул он.

Ева потеряно смотрела на прозрачную дверь в комнату, но никчёмные реплики звукаря явно влетели в её наострившиеся уши. Это прозвучало не кстати и грязно.

Добавить мне было нечего. Я просто смотрел, как она мучается явно тяжелыми, мрачными мыслями, оставив меня с гордым отказом. Постепенно разгорался изнутри

претензиями, выстраивая в башке спор, который мог бы состояться между нами без посторонних. И думал.

О том, что если отпить сейчас холодный терпкий кофе и прикинуть к её губам на этом диване, получилась бы волнительная ночка. По периметру стен светили розовые нейлоновые лампы, как в стрипбаре. Только обстановка была домашняя. В моих штанах неконтролируемо дёрнулось...

Поймав себя на этой картинке, я пораженно открыл рот и сжал его в полоску. Девчонка лупила на меня взглядом, а когда я очнулся, опустила его в пол и убрала руку ото рта.

В студии слышались отдалённые шаги. Затем они усилились, пока, наконец, кто-то не спустился с лестницы. Из-за косяка выглянула кудрявая голова Муратова.

— Ты закончила? — раздался хриплый бас, от которого у меня истерично дрогнула в руках кружка. Остатки кофе выплеснулись, кажется, мне на брюки, и я, чтобы не подавать вида, не издал ни звука.

Отвернулся от дивана, бегая обожжённым взглядом по луже на столе, и прикусил губу.

— Да, — уверенно бросила девчонка.

— Тогда пошли на веранду.

29. Треугольник

За месяц мы устали жрать фастфуд, приправленный алкоголем, поэтому кулинарные навыки Никольской пришлись кстати. В холодильнике начали появляться овощи, мясо и продукты, которые девчонка просила заказывать из города. Одним вечером, ближе к ужину я ошивался возле обеденного стола и кухонных тумб, где она разложила доски с нарезанными черри и зеленью. С голоду, утаскивал к себе в рот, а потом ходил кругами, пока не прожую. Она вроде бы не видела.

Готовила Ева сносно, но на гарнитуре оказывались заняты все столешницы, а в раковине скапливалось немислимое количество посуды, которую приходилось мыть кому-то из нас. Я думал, что она специально заляпывает всё, что только найдёт у Юры по шкафам, из вредности. Но она, походу, во время своего замужества и сковородки в руках не держала, а теперь вдруг искала в интернете рецепты, чтобы прокормить ораву прожорливых мужиков.

Дав круг почёта по гостинной, я вернулся на кухню, дождавшись, когда девчонка отвлечётся на плиту, и потянулся к овощам.

— Подожди, — Никольская грубо шлёпнула меня по руке.

Забрала разделочную доску, перекладывая с неё помидор на тарелки с мясом и салатом.

— Позови всех.

— Ладно, — я спрятал руки в карман спортивных и наклонился над кухонной тумбой, наблюдая, как она начала раскладывать листья зелени.

На одной тарелке Ева и остановилась. Украсила только её... Нет, только не это!

Я сразу смекнул и потерял аппетит, испытав лёгкую тошноту. Взгляд расфокусировано забегал по кухне.

— Ваня не будет с нами есть сегодня, он внизу, пишется, — заметно убитым голосом предупредил я девчонку.

— Я знаю! Сама ему отнесу.

В тот вечер Киса ушла в студию с двумя порциями еды, так и не вернувшись к столу.

После неаппетитного шумного ужина в компании одних парней я забился вглубь гостинной возле окна, выходящего на замёрзшие кустарники. Так и не смог досочинять для Никольской сольную песню, хотя срок поджимал — нам нужно было прописать ей с нуля

инструменты и вокал, пока ещё мы не уехали в тур. С кухни, смежной с комнатой, доносилось шипение крана — Андрюха намывал посуду. В мою не соображающую голову не лезло ни одной годной рифмы или метафоры. Я отчаялся, из раза в раз вспоминая дурацкую украшенную тарелку, проплывшую мимо моего носа.

За целый день творческого ступора единственное, что я сделал полезного — провёл время перед сном в зале, одурело тягая штангу.

Между ними происходило нечто безобразное, надеюсь, Муратов это осознавал. Они везде ошивались вдвоём, без умолку разговаривали о музыке, о её прошлом и родителях — Ванечка умудрился вставить свои две копейки, хотя раскрывать его личное прошлое, не имеющее ничего общего с Юдиным, было рискованно. Я подслушал о том, что его мать была против музыкальной карьеры, и готов был драть на себе и на нём волосы. Ева выделяла Ваню за ужином, стреляла у него сигареты и одалживала гитару... А я не мог долго думать о самом факте измены кому бы то ни было, даже дурацкой Вилке, и заходилась рвотными рефлексам. Перед глазами сразу всплывало лицо Виолетты Сергеевны, заботливо укрывающей меня одеялом, за ним — родительские умоляющие мины, хотя я уже плохо помнил их черты, но всё равно было гадко. Никиту с Машей я до сих пор знал настолько детально, словно сейчас же застал их вместе...

Я старался уговорить это мутное чувство внутри, возвращаясь в свою комнату, когда с открытым ртом увидел Никольскую. Она выкралась из спальни Муратова, спешно захлопнув дверь изнутри своей, серьёзно полагая, что я не заметил.

Меня тут же бросило в холодный пот, а об солнечное сплетение словно затушили окурок.

— Что между вами происходит? — я залетел в его незапертую комнату и увидел, что кровать, как обычно, была безупречно гладко застелена.

Не смог понять, хорошо это или подозрительно. Муратов сидел на своём дежурном месте, облокотившись о спинку, но его глаза ошарашено округлились. От невозмутимости не осталось следа.

— Вы переспали? — подойдя вплотную, я уселся рядом, чувствуя, как расширились мои ноздри.

У него изумлённо дрогнул рот. Я постарался поелозить задницей по покрывалу, чтобы смять его как можно сильнее. Вместо Есенина у него в руках была толстенная книжка, «Собор Парижской Богоматери».

— Ты обкурился что ли? — рыкнул Муратов и отложил роман на постель.

Мы сидели близко, но он пристально всмотрелся в моё лицо на расстоянии толщины одного пальца. Меня окатил животный ужас при виде безумного злого взгляда его бледных глаз.

— Ты же знаешь, что у меня есть девушка, — громогласно произнёс он.

Я далеко не был склонен верить людям на слово, но тошнота моментально откатила куда-то вглубь, стоило ему это уверено провозгласить. Надеюсь, Муратов сказал правду, иначе я просто дебил, захотевший ему из всех сил поверить... Ну и как тогда объясняются их взаимоотношения?

Я отодвинулся и шумно сглотнул, пытаюсь самостоятельно придумать объяснение. Мы оба заткнулись на несколько минут, поэтому Ванечке пришлось смириться с моим присутствием.

— Не общайся с ней, — выдал я после длительной тишины.

— Почему это? — брови Муратова скакнули, и гитарист кисло ухмыльнулся. — Знаешь, звучит нелепо.

— Согласен, — я подумал получше, почесав башку, и тут же подыскал весомый аргумент. — Не надо с ней проводить так много времени. Ева спалит тебя!

— Если у тебя всё, то уходи.

Конченный урод!

— А ты не прихренел? Что значит, «уйди»? Я вообще-то и твой продюсер тоже, — перешёл я на громкий шёпот. — Будешь делать то, что я велю, ясно?!

— Нет. Не проси меня с ней не общаться. Пожалуйста...

— Да как это всё понимать?

Мы сцепились упрямыми взглядами. На месте Вилки Сергеевны я бы заволновался, хотя, я и на своём готов был «грыз локти» в кровь.

Очевидно, мы пришли в тупик разговора. Я продолжал сидеть на его кровати и подбирать слова, только все бы они разбились об узколобую логику упёртого барана.

Но тут Ваня тяжело вздохнул.

— Пошли покурим, поговорим снаружи.

Я, оглушённый злостью из-за его пренебрежения к моему авторитету, не поверил своим ушам.

Зрение прояснилось, как с двадцать пятый кадром. Я в ужасе осматривался, дожидаясь, когда Муратов возьмёт сигареты, закроет комнату, и мы пойдём по коридору в гордом молчании.

Снаружи, ночью, оказалось пробирающе холодно. Я был в спортивных штанах, майке и дежурной куртке, а Ваня — без верхней одежды, только в кофте. Это я заставлял его одеваться в то, что носил Юдин.

В густой черноте пламя зажигалки опалило кончик сигареты, с силой стиснутой между моих зубов. Я раскурил её до обволакивающего, выученного на языке вкуса и отдал зажигалку гитаристу.

— Начинай свой разговор, — нетерпеливо уселся я на скамью и съёжился, пряча подбородок в ворот куртки.

Он нарочито громко вздохнув вместе с дымом и приземлился рядом, кусая нижнюю губу.

— Мне кажется, я схожу с ума, — от этой фразы у меня сжалась задница.

Он втюрился в Никольскую... Втюрился! Твою мать!

— Такое ощущение, что я — это действительно он. Все в это верят и относятся ко мне, как к Ивану Юдину, понимаешь? Это сводит меня с ума...

И что это значит? Он зло шмыгнул носом, ненасытно уничтожая сигарету, а я непонимающе нахмурился.

— Мы так и договаривались! У тебя неплохо получается быть Ваней. Иногда ты действительно хамло, иногда — успокаиваешь соплячек и несёшь чепуху. В среднем — неплохо. И играешь на гитаре ты за*бись, я не ожидал. Всё идёт лучше, чем я мог себе представить. Так что тебе не нравится?

Он даже не отреагировал на похвалу, к которой я прибежал вопиюще редко.

— Я не знаю, как объяснить... Я чувствую себя им! Чувствую, что меня боятся и сторонятся. И мне самому с этими людьми совершенно не о чем разговаривать. С Андреем

невозможно общаться без бутылки, он законченный алкаш. Гриша с Дроном смахивают на нариков, всё время держатся вместе. Не берусь судить про их ориентацию... Они для меня незнакомцы, и для тебя, кстати, тоже. Ты сам с ними почти не разговариваешь. А ещё, перед ними мне легко спалиться, потому что они в курсе обо всём, что происходит в мире тяжёлой музыки... Я её слушаю, запоминаю, как ты сказал, но я всегда буду знать меньше, чем они. И это меня выдаёт! А Юрген — ещё более странный и мутный, чем эти двое. Ты знаешь, что он носит с собой в кармане перочинный нож? Просто дикий человек! Он напоминает мне древопитека, когда рассказывает про е*лю шлюх и вечеринки. А ты...

Он помолчал, чуть не задохнувшись. Я впервые слышал столько слов из его рта — это больше, чем все вместе взятые реплики, сказанные им с Москвы. На лице Муратова заходили желваки, когда он пренебрежительно меня осмотрел.

— А ты, Лёня, мерзкий человек по всем параметрам. Вы все тут отбитые!

Сказать, что я был в ах*е, не сказать ничего. Услышать такое — всегда неприятно, но он вызвал у меня лёгкий приступ уважения за то, как прямолинейно выражался.

А в остальном речь Муратова — обычное нытьё, мало отличающееся от соплей Юдина. Может, они были родственниками?

— Единственная остаётся Ева. Мне по хер, о чём с ней разговаривать, я просто не хочу забывать членораздельный язык в этом долбанном коттедже!

Я нервно сглотнул.

— И о чём же вы с ней разговариваете?

— О тебе, — вдруг рыкнул он.

— Серьёзно? — я подавился дымом и закашлялся.

У меня чуть не обрушился пульс.

— Нет, не серьёзно! На кой чёрт мне тебя обсуждать? — злобно уставился Муратов. — Мне совершенно не интересно, что между вами происходит! — он опустил взгляд под ноги.

Значит, ему чхать на Никольскую? А она тут старается, выкладывает ему цветочки из травки!

— Да она тебя использует, — прохрипел я, поняв, что так Ева выказывала мне свою обиду.

— Пускай, — хмыкнул он.

Муратов приложил сигарету ко рту и отвернулся к забору, но я вдруг заметил, что его губы мимолётно дрогнули от улыбки.

И это в миг обнулило мою веру в каждое его долбанное, лживое слово!

30Искушение

В своей жизни я не планировал обзаводиться мерзкими орущими детишками. Но то, что я перед собой теперь увидел, пробуждало во мне нечто похожее на отеческие чувства. Готовый музыкальный альбом. "Искушение". Обмерев, я благоговейно смотрел на его обложку и, кажется, тепло улыбался. Единственное, что омрачало завершение записи... Я не мог не обратить внимание. Взгляд нарисованной сирены с цветками жизни в зрачках напоминал мне прищур Никольской.

Все подходили по очереди к экрану и замороженно разглядывали безукоризненную работу художника. Матерно восторгались, пролистывали подготовленный плейлист ниже картинки — и никто. Никто даже не обратил внимание, что эти же самые зелёные лукавые глаза следили за ними с дальнего кресла в гостиной. Или же парни просто смолчали эту напрашивающуюся мысль.

Надеюсь, мне просто показалось. Художник не мог знать, как выглядит Ева, когда начал работу, а обложку рисовал только по моим корявым описаниям, скидывая на проверку промежуточные результаты. Я же сам их одобрял или отправлял на переделку...

Косым взглядом я проскользил из-под ресниц в её сторону, чтобы подглядеть выражение лица девчонки. Так было некомфортно наблюдать, когда она всматривалась в обложку с минут пять. Будто в отражение своё пялилась и ухмылялась.

Если бы Андрей не перевёл тему, у меня бы пот проступил от напряжения.

— Когда мы заканчивали первый альбом, я не был настолько счастлив, — облегчённо вздохнул он. — Не верится, что вы от меня от*бались!

— А тур тебя не смущает? Тридцать пять городов? Репетиции? — вцепился в него я с претензиями, рассчитывая отвлечься спором.

— Не-а! Мне нравится играть одно и то же. Я не гордый, Лёнчик. Это тебе всё быстро приедается, хочется экспромтов и острых ощущений. А я возлагаю надежды на свою стабильность... Ну и на плейбэки от Данила.

Я хотел подстебать басиста, что его стабильность для уважающего себя музыканта — настоящая смертная скука, но у меня зазвонил телефон, и я обрадовался поводу переключиться.

Тут же принял входящий и забродил по гостинной.

— Кто этот Данила? — пристал Юрген к Андрею и ревниво сощурился. — Звукарь ваш что ли?

— Ага, — я стал вслушиваться в два разговора сразу и почувствовал, как у меня медленно багровеет лицо.

— Ну такое. Я приходил на ваш питерский концерт в том году. Мог бы и получше звук отстроить. Между прочим, именно с бас-линии слышалась грязь. А ты прям в восторге от него?

— Да ну, сидишь тут в своей студии, судишь о микшировании живого звука! Он облегчает мне жизнь вообще-то... Лёнь, ты чё?

— Сука! — я сбросил звонок и зло швырнул телефон на пустой диван. Он отскочил, чуть не упав на пол.

Все боязно заткнулись, уставились на меня, и коттедже повисла оглушительная тишина.

— Его перекупили! — прискорбно сообщил я.

— Кого?

— Твоего ненаглядного Данилу! Он как раз мне только что позвонил, — рявкнул я на басиста и рухнул в кресло, схватившись за голову.

— А кто?

— Откуда я знаю? — возможно, это сюрприз от анонима...

Это п*здец.

— Мы же за полгода договаривались!

Юрген залился раскатистым смехом.

— Кошма-а-ар! — задыхаясь, просипел он. — Мы даже завершение записи отметить не успели, вы чего такое творите? Фест через два дня!

Меня выбило это из колеи. Я и так не находил себе места — контракт истекал, Никольская с Муратовым ворковали, навещая меня в ночных ужасах, а я и рад был их разлучить! Но стоило мне представить, что мы, как и прежде, едем мужской компанией по всей стране, без всех этих её женских ужимок, флирта, дефиле в полупрозрачных кофточках,

без сожжённой яичницы по утрам... Становилось одуряюще пусто.

Я периодически следил, как истекает время, но с Евой почти не сталкивался — только если в коридоре, и всегда она оказывалась не одна.

А без звукооператора эта поездка окончательно обернётся крахом.

Очнись, Господин! Вот, без кого реально было пусто на душе!

— Жесть, что будем делать? — Гриша стащил с головы кепку и начал крутить рукой по голове.

— Езжай с нами, — вдруг безапелляционно пробасил Муратов.

Я взволнованно перекинулся на него взглядом и понял, что он уставился на возмущённого Юргена, у которого глаза были на выкате.

Теперь все лупили на него одного.

— Э-э-эй! Вы чё-ё-ё! У меня после вас три группы на записи стоят. Я и так их подвинул по графику из-за вас! Я их опрокинуть не могу... — начал отнекиваться звукарь, забравшись с ногами в кресло, как будто мы могли схватить его за конечности и утащить насильно. — Да отвернитесь вы от меня уже! Придурки!

Это была здравая, единственно верная идея. У меня имелось много полезных знакомств, но не настолько Господин был любезен, чтобы посторонние срывались с ним в дорогу без согласованного расписания.

Я решил дожать Юру.

— Поехали! В Москву пока поехали! А я выгадаю время, найду другого человека, — я понизил голос, наседая на звукаря.

Когда он так пучил глаза, и кожа со лба чуть сдвигалась к скальпу, просвечивающему сквозь белесый ёжик, Юра реально был похож на тюремщика.

— Да вы понимаете, вы только уезжаете из коттеджа, и сразу заезжают «Тринити».

М-м-м. Конкуренты... А что, они на фестиваль не едут?

— Юра... Помнишь, кто тебе помог однажды построить музыкальную карьеру? Нарботать базу клиентов? — я приподнял брови, всё ниже опуская голову.

— Да сука-а-а... Помню! — рыкнул он и надул щёки. — Ладно! Но он сам говорил, что я сижу в студии и вы*бываюсь без концертного опыта! Вы все запомнили его слова? — Юра тыкнул пальцем в басиста.

Это тебе уже не поможет...

Юрген не встретил поддержки в глазах окружающих, точнее, наоборот — все испытали облегчение, когда он сделал нам одолжение. Звукарь повержено уронил лицо себе в руки и недовольно запыхтел.

— Долбанный шантажист!

— А я уже думал всё, выставляя свой концертный фрак на Авито, — Дрон хлопнул себя руками по ляжкам.

Смешно. Теперь смешно. Если это подгон от анонима, то я заставлю его смеяться от боли...

— Не надо паниковать раньше времени. Все будет нормально, — закивал я, осмотрев каждого, и остановился на самом молчаливом участнике нашего экстренного собрания.

Ева сидела в дали гостиной и исподтишка поглядывала на меня.

— Тогда вечеринка в силе! — активировался Юра. — Тем более, если я с вами еду, я щас позову знакомых, посидим в бассейне... И это, вызовите шлюх. Мне нужно сбросить напряжение.

Звукарь покосился на Никольскую и оскалился, типа забыл, что она сидела с нами.

— В смысле, подруг своих знакомых позовите, — исправился он.

Я решил понаблюдать за Муратовым после его недавней исповеди, и он действительно чуть заметно закатил глаза.

Дрон схватился за телефон.

— Сколько?

— Мне не надо, — во всеуслышанье заявил Ваня.

Да, мы помнили, что у него есть девушка. Кроме почему-то Никольской. Я встретился взглядом со стусевавшей девчонкой и прикусил губу.

— Мне... Тоже не надо, — чтобы не видеть, как она отреагировала, я уткнулся в телефон.

— Да чё с тобой, Господин? Ты как сам не свой, — Юра спрыгнул с кресла и подкрался ко мне, хитро улыбаясь.

Ерунда. Я плохо спал, и мне было не до этого даже в честь альбома.

— Надоело просто, — пожал я равнодушно плечами.

— Может, я знакомых танцовщиц тогда позову?

— Позови, — бросил я и поднял взгляд. Ева нервно сглотнула. — Нам как раз нужны новые танцовщицы на фестиваль.

— В смысле? Я вообще-то, про стриптизёрш... А куда ты старых дел?

В гостинной начала зарождаться волна смеха. Я и сам хохотнул.

— Туда же, куда и Данилу. Он забрал их с собой.

Собранные сумки остались на этаже, а наши комнаты подопустили. Вот и прошёл целый месяц. Я докупил Юргену и артисткам билеты в Москву втридорога, а Никольской, скрепя сердце, — в Уфу на второе марта. Там её охотно вызвался ждать Артём Загорин — продюсер с телека, работающий с музыкантами в жанре альтернативщины. Уже через полтора дня Ева должна была переночевать в отеле, что я для неё забронировал, и улететь строить карьеру под опекой двухметрового харизматичного шоумена. Да, не так я представлял себе её нового продюсера... Но бл*дь ни одна знакомая тётка не захотела себе занять взбалмошную фифу с багажом грязных тайн. А он настаивал. Я сам понимал, почему, и от этого кусал щёки...

О том, что девчонка теперь пристроена, я собирался рассказать ей во время пьянки этой ночью. После фестиваля мы планировали сразу же прыгнуть в автобус, чтобы успеть на следующий концерт — объясняться перед уездом тупо не найдётся времени. Я старался перепроверять погрузку оборудования самостоятельно, иногда приходилось и подсобить. Мне бы осталось полминуты на то, чтобы отдать ей билет.

А требовалось, видимо, немного больше.

Последнее, о чём мы списались с РКашниками — о расположении нашего шатра. Затем я их любезно предупредил, что ухожу в заслуженный запой, и доверяю им хреново решать все вопросы, пока я не просплюсь в самолёте. Обычно Господин не заботится об окружающих, но эти козлы так не хотели давать нам главную сцену...

Проверив все пустующие шкафы, я взял сигареты, перебросил через плечо полотенце и вышел в коридор в одних шортах, попивая залпом пиво. Спустился в гостиную, а там вышел через заднюю дверь, ведущую в крытый бассейн.

Под куполом разлеталось эхо женского смеха, всплеска воды и мужских разговоров. Юра собрал себе в друзья все питерские сливки общества — одни неформалы с септумами, кислотными волосами и вычурными картинками на коже. Такое в музыкальной сфере

можно было наблюдать на каждом шагу. Возможно, окружающие и меня причисляли к этому позерству — только я атрибутикой особо не увлекался, а чернота пёрла изнутри. Просто за год отсутствия концертов и живого общения даже с фанатами я забыл, какого это. Решил вдруг, что я нормальный.

— Господин! — какие-то две красноволосые девки в мокрых и ледяных купальниках повисли на моих плечах прямо с порога, мешая отглотнуть из бутылки. — А можно будет взять твой автограф?

— Возьмёте ещё! — встрял Юра. — У вас целый тур впереди.

Я так понял, это была наша новая подтанцовка. Нашлись две калеки с лошадиными мордами — и слава Богу. Им предстояло отплясывать с пушистыми мочалками, как у черлидерш, а соваться ещё и в их заготовки я даже не собирался. Наверное, что-то они, да умели.

— Юрчик сказал, нам нужно пройти собеседование, — противно запищала одна из девок.

Пока я разглядывал стол, ломящийся от алкоголя, вокруг которого столпились незнакомцы, чужой мокрый язык коснулся мочки моего уха. В горле встал ком, мешая вдохнуть. Я чуть не сблевал танцовщице под ноги, брезгливо отодвинул обеих руками, сжимая спасительное пиво, и зашагал на ватных ногах к бассейну, куда подальше.

На самом дальнем лежаке сидела Ева, старательно не смотрящая в мою сторону.

Свои ногти она находила очень интересными, не реагируя на мои громко чавкающие, приближающиеся шлёпки.

Ничего. Сам я тоже не ожидал, что придётся разговаривать так скоро... Может, так и лучше, пока я более-менее трезв.

У борта бассейна, возле которого расслаблялась Никольская, всплыла чья-то чёрная намокшая голова. Полуобнажённая девчонка в безобразно хлипком купальнике привстала, утянула с соседнего лежака полотенце и подкинула на кафель. Мы с ней мимолётно схлестнулись взглядами. Пришлось стерпеть настоящее цунами женского презрения, окатившее меня мурашками по спине.

Я остановился, как вкопанный. Сморщился, приложился к бутылке и допил залпом всё её горчащее содержимое, наблюдая за вынырнувшим Муратовым. Конечно! Как я посмел подумать, что девка может остаться без компании Ванечки? Он привстал на борту на одних руках, утащил полотенце и взлохматил прилипшие к голове кудри. С него лилась вода, словно с коня, резвящегося на водопое. Ну и вид... Сам же заставил его качаться.

Честно говоря, дальше я толком ничего не помнил. Сначала вроде мешал Андрею окучивать какую-то шлюху, опрокидывая стакан за стаканом. Стал нести полную херню, спорить со всем, о чём только не начинали говорить в компании и пытаться дебоширить. В один момент Юрген просто спихнул меня прохладиться в бассейн, и я, как поплавок, лежал на воде и смотрел, как под куполом быстро темнеет.

Тыкаясь замёрзшим лбом в ледяной борт, я страдал от громкого бабского визга, когда не понял, куда он неожиданно пропал. Последний вскрик потерялся где-то в надстроенном втором этаже внутри помещения бассейна, и стало вдруг совсем тихо. Я с лёгким разочарованием понял, что все они ушли сношаться, оставив меня здесь одного. А чтобы окончательно уйти в депрессию, пошатываясь, поднял непослушно кивающую голову и осмотрелся.

Никого. Только пустые бутылки на кафеле. Тлен...

— Выходи отсюда! — угрожающе раздалось за моей вздрогнувшей спиной.

Никольская...

Я почувствовал, что оттаиваю от безысходности.

Чтобы убедиться, что мне не кажется, я медленно развернулся, но вода будто оказывала мне сопротивление. Ева с намокшими косами стояла по плечи в воде и выглядела довольно напугано.

— Не хочу.

Я не сдержал довольного хмыка и забарахтался в противоположную сторону, но она всё никак не отдалялась. Получается, я плыл с минуту на одном месте.

— Там глубоко! Стой здесь! — нравоучительно вздохнула девчонка и вплотную преградила мне дорогу. — Фу... Какой же ты бухой... Отвратительно.

У моего лица замелькала её ладонь.

— Что у тебя с Муратовым? — еле произнёс я, облизывая губу и пытаюсь сосредоточиться на её лице.

Жёлто-зелёные глаза у серьёзной Евы быстро похитрели и сузились. Мне было тяжело смотреть перед собой, но очень хотелось продолжать это видеть.

— Да ничего, — пожалала она плечами, и её грудь, приподнявшись, быстро вернулась под воду. — А ты что, ревнуешь?

Ну, раз я начал эту херню...

— А тебе хочется, чтобы ревновал? — выговорил я и не успел ничего понять.

Ева трепетно приблизилась и влажно чмокнула меня в губы, выжидая задержавшись у вспыхнувшего лица.

Я заметил, что громко и часто вбираю воздух только, когда она задышала со мной в унисон, и буквально облокотился ртом об её приоткрывшиеся губы. Начал старательно вбирать их в рот и ласкать языком, поглаживая девчонку за холодную шею, а она продолжила тяжело вздыхать, будто я нуждался в искусственном дыхании.

У меня притупился взгляд — ничего было не разобрать вокруг, только её раскрасневшиеся сладкие губы, чередующиеся с нежно проскальзывающим кисловатым зыком. Я весь вечер наблюдал, как она пила текилу с лимоном, оставаясь трезвой.

Очнулся я от того, что простонал во время поцелуя, и задрал вскружившуюся голову, пытаюсь отмахнуться от очередного сна. Но Никольская всё ещё никуда не исчезала.

Придерживала меня за шею, истерично кусая свои сочные губы.

— После Москвы... У тебя будет «собеседование» с Артёмом Загориным в Уфе, — вздохнул я и обессиленно склонил вниз потяжелевшую голову к воде. — Билет я тебе купил.

Девчонка, чуть не придушивая, заставила меня посмотреть в её похолодевшие глаза.

— Не похоже, чтобы так звали женщину, которую ты мне обещал!

— Только он хочет с тобой поработать, — оправдываясь, свёл я брови.

Ева ещё раз жадно приложилась к моим губам, и я стыдливо понял, что желал её очень нежно, не выходя из этого бассейна.

— Не отдавай меня ему, пожалуйста, — шепнула девчонка и уткнулась мне в шею, прижимаясь прохладным телом.

Не отдавать? Я чуть не проглотил свой язык, чувствуя, как заколотилось по рёбрам сердце.

— Господин! Скажи честно, ты ведь не хочешь, чтобы я уезжала? Скажи!

У меня дрогнул рот, когда я чуть не послушался Никольскую.

Не хотел, правда. Где мне потом тебя, придурочную, искать...

— Я... — замер.

До ушей долетело странное эхо, и у меня получилось чуть обернуться к двери. За неё уже ускользал заставший нас Муратов.

Часть 2. Глава 31. пытки

— Гос-по-дин! Гос-по-дин! Гос-по-дин! Гос-по-дин! Гос-по-ди-и-и-ин! — до шатра то и дело волнообразно долетал натренированный хор вперемешку с визгом девок, уже с утра занявших места возле главной сцены. Крики были настолько громкие, что перебивали выступления, проходившие на других, более маленьких площадках. — Йа-а-а-а-а-а-а-а!

Когда мы въехали на тонированной машине на территорию фестиваля, в глаза бросился целый палаточный город. Москва баловала нас солнцем и плюсовой температурой первого марта, но после зимы, только что закончившейся по календарю, по-любому земля была ещё ледяная.

Подумать только, сколько баб было готово спать в голом поле, чтобы послушать Death Breath вживую...

— ГОС-ПО-ДИН! — скандировали они и заходились нечеловеческим писком.

Не выдержав, я нервно хохотнул и облокотился головой о спинку дивана, продолжая прятаться за солнцезащитными очками в шатре.

После перерыва от живых выступлений в год... И звенящий трезвости после праздного Питера даже немного шкалил адреналин в похолодевшей крови. В груди, под массивной кожаной курткой, чувствовалась слабость, позволяющая дрожи легко взять меня в оборот. Нехорошо. Лучше не снимать очки не то что до выхода — до второго блока. Я распластался по дивану руками и ногами шире, будто мог вместе с воздухом отхватить себе ещё немного важности, и продолжил пялиться под высоченный купол.

— Такое ощущение, что они только тебя ждут, — вякнул Гриша, волнительно наявивая дробь барабанными палками по столу.

Хах, а чего он ждал? Ещё ни разу на сцене с нами не выступал, а уже хочет признания?

Не отвлекаясь от потолка, я приступил приободрять себя перед выходом.

— Так и есть. Я подарил группе рифмующееся название, чтобы фанаты могли его скандировать. Но вы, видимо, недостаточно привлекательны, чтобы вас звать на сцену.

По шатру раскатился мужской, надрывный смех, а стук вдруг стих. Я осторожно выглянул из-под кромки очков.

— Может, скинем его со сцены? Пускай фурии полакомятся, — в меня полетели по очереди одна, а затем и вторая палка, слабо шлёпнув по животу. Они закатились в сгиб дивана.

— Я за! — в кругу объявился вычесанный, загримированный басист. — Вы же про Лёнчика? Пускай этого Дориана в пыль сотрут!

Надеюсь, Андрей так шутил. А то мне почему-то стало не по себе.

— Вы хотите повторить сцену из «Парфюмера»?

— Гос-по-дин! Гос-по-дин! Гос-по-дин! — заглушило наш разговор.

— Бог ты мой, бедные секьюрити! Ещё сорок минут до выхода. И полчаса на законное опоздание, — хохотнул басист. — Вань, помнишь, в том году ты накидался прямо перед выходом, а на сцену мы тебя заносили?

Муратов сидел на другом конце дивана, поодаль от остальных и без конца залипал в

телефоне. Я знал, что он загонялся из-за первого его выхода на публику в роли Юдина — просто дичайше нервничал, искусал все губы, не проронив ни слова. Шарахался от организаторов, что, в принципе, было не отличить от оригинала. Но вместо того, чтобы пообщаться с нами, листал переписку с Вилкой. Я слышал, она ему не отвечала с утра, наверное, была занята муштрой в университете, а он кис перед выступлением.

Андрей, придурок, решил, что Ванечка ему подыграет.

— Эй! Юдин, бл*дь! — басист приблизился к дивану и выдрал у застигнутого врасплох Вани телефон. — Я с тобой разговариваю!

Муратов вылупил свои дикие глаза на Андрюху.

— Ты ах*уел? — ой, понабрался-то...

Басист швырнул добычу в мою сторону, схватив ошарашенного гитариста под рёбрами, и начал стаскивать на пол. Я быстро прибрал разблокированный мобильник себе под руку.

— Оставь свою старушку в покое! Дай ей, наконец-то, на рынок сходить спокойно, голубей покормить! А ты — пошли со мной в примерку полоскать горло! — Муратов моментально извернулся, как котяра, почти ускользнув, но басист удержал его под локоть. — Сука, сильный какой! Ну-ка, помогите мне его унести!

К Андрею подорвали Гриша с Дроном, и у сдавшегося Вани, «повторяющего» свою судьбу годичной давности не осталось шансов. Придуряющиеся парни понесли его, словно шкаф — а лучше, как гроб — в соседний шатёр. Одни только кудри злобно скрестившего руки гитариста затряслись в воздухе, и я остался снова наедине с ней...

С той, кому в глаза не смотрел сутки с тех пор, как протрезвел. Мимо нас угорело бегали работники сцены, продолжая настраивать по указаниям Юргена звук. А Никольская, уже подготовленная к выходу, недовольно уложила на груди руки и продолжала молчать в кресле напротив.

Унесли твоего ненаглядного дружка. Странно, что ещё не побежала догонять...

Я, не глядя, провёл пальцем по горевшему экрану телефона Муратова, чтобы он не потух.

Еве, растеряно бегающей взглядом по столику с разлитым ароматным кофе, что задела парни, так и не было известно. За непроницаемыми очками я пытался оторваться от её притягательного лица. Девчонку настолько эффектно накрасили, что я с замиранием сердца наблюдал, как сквозь роковой макияж пробиваются её наивные черты. В ней не осталось ни капли стервозности, с которой она заселилась в коттедж — наконец, всё было на своих местах. В последний день. Ева видела во мне продюсера и, кажется, умоляла вчера взять её с собой в тур... Честно говоря, я хреново помнил, о чём мы разговаривали.

Единственное, что врезалось в башку, так это то, что я увлёкся её губами. Настолько, что чуть из Господина в один момент не разжаловал себя в "слугу". Если бы только Муратов не испортил момент... Я одновременно ненавидел и благодарил его за это совпадение.

Мне нельзя было так быстро и нелепо падать с пьедестала. Брать Никольскую с собой — всё равно что смертоубийство для моего терпения.

Я вызволил из кармана чёрных джинсов электронку и затянулся приторным дымом по основанию отяжелевших лёгких.

На вкус также, как её поцелуи — по-детски безобидно, только если не знать про последствия.

Никольская так и не дождалась от меня того, что так, очевидно, хотела услышать. Привстала с кресла, пристально пытаюсь отыскать сквозь стекляшки мои забегавшие глаза.

— Я, наверное... Пройдусь снаружи, распуюсь, — бросила она и, перебирая пальцами крупный локон накрученных волос, нервно сглотнула. — Не теряйте.

Под женскими ботинками, зашнурованными до колен, неуверенно захрустел настил. Узкие плечи облежала кожаная куртка с изображением сирены с нового альбома — все их надели сегодня. Пускай оставит себе на память...

Мы ещё раз переглянулись, когда Ева остановилась в арке.

Я не выдержал её требовательного взгляда, схватил Муратовский телефон, который едва не потух, и начал бездумно листать чат. Она ещё какое-то время точно ждала у выхода.

Но когда я поднял голову, увидел, что Никольской нет...

Во мне обосновалось столько несогласия, что грудную клетку, жалобно сдерживающую его, чуть не разорвало на два куска. И это было кошмарно — чувствовать такое для меня оказалось просто постыдно.

14 февраля 07:32 Вета

С днём рождения, мой милый Лекса! Я от всего сердца желаю, чтобы ты нашёл, наконец, то, что ищешь! Чтобы твои мечты осуществились! Я очень жду тебя дома...

14 февраля 07:32 Лёша

Я тебя люблю!

Мой обожжённый взгляд остановился на далеко отмотанных сообщениях, и я осел глубже в диван. У Муратова что, было день рождения, и он даже не сказал? Какой актёр пропадает, держит маску до последнего... Но Лекса? Что за прозвище такое е*анутое?

17 февраля 23:49 Вета

...Эй! Я до сих пор вспоминаю, как ты пел те стихи! Почему это они тебе разонравились?

Хах, Есенин?

17 февраля 23:50 Лёша

Я думал, тебе они не нравятся. Иначе зачем было сбегать?

17 февраля 23:50 Вета

МНЕ СТАЛО СТРАШНО! Я испугалась, что в тебя влюблюсь...

17 февраля 23:51 Лёша

И как? Получилось сдержаться?

Боже, каких же сопливых идиотов сносит Земля!

26 февраля 22:47 Вета

...Когда ты вернёшься, я хочу снова оприходовать тот стол с аппаратурой у сцены!!!

Бл*... Мерзость!

26 февраля 22:49 Вета

А ещё... У меня теперь есть мечта. Устроить на следующий год зимний бал. Чтобы ты обязательно смог на нём присутствовать и пригласить меня на танец!

26 февраля 22:49 Лёша

Обещаю, так и будет.

Мда...

27 февраля 13:38 Вета

Псс... Кудрявая Башка! Ты знаешь, что мне принесли первокурсники?

27 февраля 13:43 Лёша

Хахах. Привет, солнышко. Что?:)

27 февраля 13:43 Вета

ПАКЕТ пирожков с вишней!

27 февраля 13:43 Лёша

Эй!!! Только я могу приносить тебе пирожки с вишней!!!

27 февраля 13:44 Вета

Ну ладно, я выплюну...

27 февраля 13:44 Лёша

Ты уже проглотила, как будто я не знаю... Не забудь вытереть рот от варенья:)

Я еле убедил себя прекратить эти изощрённые пытки над собственной психикой и с дрожью в руках отложить его телефон.

У меня возник целый букет разнообразных незнакомых чувств: омерзение от того, что с моей бывшей преподавательницей может кто-то вести настолько тошнотворные речи... Глубокое непонимание — как Муратов вообще посмел жаловаться, что ему одиноко, когда у него в телефоне гигантская, обжорливая психологическая поддержка?

И... Что-то такое въедливое, нестерпимо обжигающее в груди, от чего я больше не мог спокойно дышать.

32Господин Разрушитель

— Пошла на хрен! — громко заорал Гриша вернувшейся Никольской, у которой в миг ошарашено округлились глаза. Это надо было видеть...

Она застыла в арке, не понимая, что происходит.

— Э-э-эй, Киса! Ну ты чего?! Обиделась? — моментально смягчился драмер.

Шатёр наполнился лающим, нервным смехом. Я чуть не подавился слюной из-за вытянувшегося выражения её лица, но это слабо отвлекало от предстоящего выхода.

— Это у них традиция такая...

— У нас! — подметил Андрей.

— Ну да... У нас. Традиция посылать друг друга перед выходом на сцену. Пошли меня тоже, пожалуйста. Пожётче.

Перепугавшаяся Ева будто морок скинула с глаз, чуть тряхнув волосами, и быстро пришла в себя.

— Кхм, ясно... Пошли все к чёрту! В-ваня! Господин! Андрей! Гриша! Дрон! Все! — вскинула девчонка подбородком под одобрительный вой. — Так достаточно?

— Подойди, — в приказном тоне проронил я.

Нехорошо было ей оставаться на пороге. Никольская приблизилась и расположилась, естественно, позади напряжённого Ванечки.

— А теперь пошла на хрен, бездарная певичка! — все заржали.

От неожиданности улыбалась даже сама Ева, а я зачем-то вспомнил тот день, когда выгнал её из комнаты, и чуть не поперхнулся. Чем меньше оставалось секунд до шоу, тем больше пугали любые воспоминания — о прикосновениях её губ в особенности! Я как будто был не в своей шкуре...

Наконец, мы все собрались в кругу. Дрон с покрашенными глазами под свисающей чёлкой, Гриша в шапке и парадных трениках, размалёванный басист с бородкой и конским хвостом. Муратову зашили рот — жаль, что это всего лишь грим — и наложили чёрную маску. Когда он вернулся в шатёр, я чуть не откинулся, признав в нём настоящего Юдина... На этом образы, вдохновлённые цирком уродов, заканчивались. Мы все стояли в фирменных куртках, за воротники которых чуть заползал уличный холод.

Из нас с Никольской сотворили идолов для преклонения, но я продолжал шориться в

очках в сумерках и игнорировал все немногочисленные зеркала. Распелся, но не долго.

Предрассудки. Всё-таки, начало тура... В груди сдавленно билось сердце, разгоняя по телу тремор.

— Давайте сюда свои ручонки, кретины, — мы сложили ладони в воздухе по центру круга, начав их раскачивать вниз и вверх. — Желаю вам обосраться сегодня, конченные фрики! Чтоб вас, петухов, освистали! А потом вы закончили этот день в сладких объятиях друг друга, запихивая в задницы грифы гитар!

— От души! — взревел поддатый басист. — Всё, как хейтеры нам прописали!.. И не забудьте друг другу отсосать! Аминь!

— Аминь, — подхватили шёпотом остальные, и мы все, охваченные лёгкой тревогой, просто разошлись по углам.

Ева, постыдившаяся за окружающих, «умыла» лицо ладонями и присела на край дивана, когда к нам в шатёр запрыгнул организатор. Его расстёгнутая куртка болталась поверх алкоголички.

— Разогрев окончен, они убираются. Когда вас ждать? — взволнованно протараторил мужик.

Больше ни минуты ожидания в этом долбанном шатре!

— Прямо сейчас!

Мне всегда доставляло удовольствие чуть задержаться в кулисах, смакуя фанатские истерики. Внутренний холод, разрастающийся под кожей на уличном морозе, только добавлял нервов, и вот уже выход на публику становится равноценным прыжку с отвесной скалы. Руки тянет к полу под действием слабости, мышцы не слушаются, а пальцы постыдно трясутся. Но на этот раз ставки были ещё выше — первый концерт после разгромного конфликта, затянувшийся перерыв, раз*баная репутация и пристальное наблюдение анонима. Он не пропустит этот фестиваль, нет, я уверен. А самозванец вместо Юдина, дрожащий, как лист осиновый, и, на сладкое, скандал с девчонкой, подобранной в пивнушке, были призваны вызвать у Господина преждевременные признаки старения с неизбежным инсультом.

Орги еле успевали вставлять пару слов между оглушительными визгами. Я поправил ушные мониторы и глубоко вздохнул, пытаясь выплеснуть из лёгких щекотливый страх.

Через дырки на джинсах кожу щекотал ледяной воздух.

— ...И сегодня! На этой сцене с новым альбомом «Искушение»! Долгожданные! Сумасшедшие! Death! Brea-a-a-ath! — в такие моменты мне начинало казаться, что это кто-то другой.

Другой, совершенно незнакомый мне Леонид Савицкий со стальным характером и невыносимым гонором заставил людей собраться, протащил на телек, радио и бахвалился теперь сбывшейся мечтой, а я — мимо проходивший наблюдатель, вдруг непонятно как забредший в кулисы, смотрел и охреневал... Выглянул одним глазом в утопающий от трепещущих рук зал и с трудом сглотнул слюну в пересохшем рту.

Когда я с круглым, как блин, лицом ходил в музыкалку, в русско-народный хор, мог ли предположить, что спустя десяток лет тысячи девушек будут срывать голосовые связки от восторга увидеть Лёньку из группы ложкарей?

Наверное, меня оглушило криками. На сцене, подсвеченной прожекторами, уже нагнетающе дребезжал по тарелкам Гриша, гитаристы заняли свои места, перекидывая

ремни через плечи. Муратов, изучивший по видео манеры Юдина, расхаживал перед барабанной установкой, о чём-то перекрикиваясь в драмером. А мне на крошечную долю секунды показалось, что я е*нулся — притащил зачуханного студента в Москву! Снова нашёл людей, снова запихнул их в студию, уладил всё, что было можно и нельзя ради этого концерта — но я, бл*дь, подделал человеку паспорт! Чтобы не признавать, что я в глубокой заднице! Эта идея могла принадлежать только конченному ублюдку...

Это я тот самый конченный ублюдок, прятался от армии фанатов за куском клеенки, обтягивающей леса сцены, и приходил в шок от масштабов собственного кретинизма. Но раз уж мы благополучно пришел к сегодняшнему дню... Может, я просто гений? Жаль, об этом никто никогда не узнает.

В груди задрожало от басов, заглушивших возгласы. Орги всунули мне в руки отстроенный микрофон. Перепонки уловили плэйбеки первой песни, электрогитары зловеще завизжали, вступая в бой, а вездесущий Гриша, окатил зал, волнующийся в сумерках, раскатом ударов по томам и тарелкам. С зоны звуко- и свето-операторов включились иллюминации, и у подмосток сцены посыпались фонтаны ослепляющих красных искр, вызвавших в толпе изумлённые вопли. В потоке света потерялись соседние сцены, стоящие в глубине поля. В темноте замельтешили толпы, бредущие к нашей основной площадке. Я заморожено наблюдал за «фонтанами», пока ещё, в одиночестве, как за фейерверком в детском парке, и понимал, что испытываю не менее искренне, чем в юности, счастье — могу себе позволить в двадцать шесть лет не просто сводить себя на представление, а устроить его во имя своей группы.

Когда Гриша пустил в ход кардан, я поймал взгляд Кисы из далёких соседних кулис и вздрогнул. Она тоже самозабвенно смотрела на иллюминации, подсвечивающие розовым цветом её красивое лицо, и даже теперь поглядывала на меня, ожидая своего выхода.

Мы поместили её во второй блок, поэтому Еве предстояло побыть одной. Кажется, для неё это могло стать испытанием... Особенно после того, как я так и не решился с ней поговорить напоследок. Больше времени, кроме как совместной песни на публику, не оставалось.

Я был уверен, что разговорами не смогу ей помочь... Билетами, деньгами, шмотками, контрактами — да. То есть, действиями. Не знаю, на сколько Ева это оценила, но была ещё одна идея...

Я не успел толком подумать. Тыкнул пальцем в её сторону и показал бицепс, намекая на то, что она сможет. Всё будет хорошо.

Потом очухался — кругом море людей. Такие знаки внимания были тупо не в стиле чопорного Господина. Я, чуть не опоздав к вступлению, нервно выскочил из-за кулис под усилившиеся истошные визги, но мельком всё-таки увидел, что она улыбнулась.

Хах... А теперь.

Мне было, что сказать за эту девчонку, ставшую жертвой идейного придурка.

— Не надо смотре-е-еть, как я живу эту жизнь.

Пересчита-ай свои кости, гребанный ты журналист!

Я засыпаю каждый вечер, зная, что мне не соскочить,

Ты же — губишь то, что даже видеть не заслужил!

Я намеревался разогнать этот конфликт до вселенских масштабов и заставить фанатов вызубрить песню, как мантру. Чтобы в каждом чёртовом городе люди помнили, что только одно их равнодушие к сплетням сможет уничтожить этого у*бка.

Океан скандирующих людей, обтекающий сцену, взмывал руками к чернеющему небу.

— Отра-вись! Жри быстрее то, что тебе приготовил

Госпо-дин! Не представляю, как ты сможешь это

Прогло-тить! Я приправил блюдо желчью твоих

О-бид! И принесу венок к надгробию

«Наш милый АНОНИМ»!

Я пел и рычал эти слова, испытывая непередаваемое удовольствие. Под сценой, перед ограждениями секьюрити еле сдерживали фанатов, зашедшихся эмоциями. Уже ко второму припеву они запомнили пару строк и начали выкрикивать в ответ то, что должно было пошатнуть его самомнение.

Если Господин дал слово разрушить чью-то жизнь — он его сдержит!

— Привет, Москва-а-а-а-а! — я заорал на последнем слоге, пробираясь за гигантские мониторы.

Внизу тут же скучковалась пара охранников, решивших, что я буду нырять щучкой через ограждение.

— Вы скучали? — да, мать его, они сходили с ума от ожидания!

От тесной толпы исходило словно облако жара. Кто-то умудрялся снимать куртки, а особо отбитые — майки, оставаясь зажатыми между тёплыми одетыми соседями. Не хотел даже думать, собралась бы такая масса без сингла с Евой и внезапного скандала... Во время открытия концерта стемнело, как в преисподней. Тысячи блестящих глаз и вспышек телефонов теперь мерцали у подножия сцены, простираясь вглубь померкнувшего в чёрных стекляшках очков поля.

Я наслаждался.

— Мы приготовили для вас что-то новое! Чернее, чем душонка жалкого журналиста! Альбом «ИСКУШЕНИЕ-Е-Е-Е»! Ра-а-а-а-у!!! — вместе с гортанным воплем изо рта вырывался пар. Единственное, что напоминало теперь о промозглой погоде. — Студийка выйдет на всех гребанных площадках, как только мы спустимся с этой сцены на землю! Поэтому делайте, что хотите — снимайте на телефоны! Отправляйте папашам, подружкам, сёстрам, начальникам! Отправляйте, мать его.... КОМУ?

— ЖУРНАЛИСТУ! — надрывно заверещали ближние ряды.

— ЧТОБ У НЕГО ВЗОРВАЛСЯ ТЕЛЕФО-О-ОН! — тут же зашёлся я криком в ответ.

Вот теперь-то я заколочу крышку твоего гроба! Как бы этот длинный вонючий нос, лезущий в чужую жизнь, не упёрся в потолок...

— А следующая песня «В могиле»! Чтобы вам было весело и ПОСРЫВАЛО БОШКИ-И И!

Под сопровождение визгов и нагнетающего стука барабанов я перелез обратно, через мониторы и отошёл чуть вглубь сцены. Начал импульсивно расхаживать из стороны в сторону, возле трек-листа, приклеенного к полу, в ожидании вступления. Не мог даже осмотреться по сторонам, не хватало духу.

По одному чмошнику прошёлся — теперь настал черед «похоронить» не менее омерзительную, чем аноним, личность. «Все совпадения с реальными именами — чистая случайность», — говорил им я. — «Это собирательный образ, не более». Хер!

Надеюсь, как-то раз, подтирая рот орущему младенцу, ты наткнёшься на музыкальный канал и поперхнёшься.

Гитары забасили, тонны ватт звука обрушились в зал, а внутри задрожали органы. Я

ворвался с непревзойдённо насмешливой интонацией во вступление вместе с барабанами.

— Она была страшна и телом, и умом,
Но прежде всего — улыбкою своею!
Какое же счастье знать, что потом
Умрём, но её зубы — надолго в могиле...

Возможно, это была самая стёбная песня в карьере Господина. Она вызвала у людей экстаз, несмотря на отсутствие матюков... Я приближался к припеву с предвкушением облегчить мозг от многолетнего молчания и не смог сдержаться от того, чтобы не запрыгать по сцене, как обдолбанный кенгуру. Очки слетели к чертям.

— Зубы Марии, зубы Марии,
Зубы Марии прочнее гранита!
Тело разложится, челюсть — реликвия —
Всё, что схоронится в память Марии!

Зал одобрительно принял моё послание, моментально вторя припеву. Просто потрясающе! Почему я не решился сделать это раньше?

— Чистить зубы всюду, как смысл жизни,
Стоматология в соседнем подъезде!
В сумке паста с фтором и зубные нити!

Она умрёт, так и не съев сочный БИГ ТЕЙСТИ! — заорал я, как ума лишённый наклонившись по самые колени.

Толпа подхватила припев налету, а я, перейдя на облагороженный лай, вдруг понял, что допрыгался до спины Муратова, наярывающего по струнам. Его движущиеся плечи били меня позади, когда он бежал рукой по ладам. Дрона, качающего башкой, было видно в дальней части, а Андрей гордо совершал променады по краю сцены. Её масштабы действительно позволяли «гулять» по гигантскому ободу под крышей. Томы и бочки, за которыми восседал Гриша, походили на инопланетный корабль, приземлившийся в Подмоскowie.

Мы с Муратовым, типа лучшие подружки, запрыгали в унисон с новым залпом искр, рассыпавшихся по подмосткам. Фанаты тряслись под бодрый мотивчик, устроив преждевременный слэм в начале концерта. Верещащему слою девушек впереди стало тесно, когда в толпе расширился пустой круг, а внутри начались бешеные перебежки и столкновения на грани кровопролития. У нас дежурила скорая помощь возле шатров на случай, если кто-то слишком увлечётся «культурным отдыхом».

Сойти с ума! Я уже и не мечтал испытать эти эмоции. Казалось, лучшие времена для группы остались позади, вместе с уходом большей части состава, но теперь я чувствовал себя свободнее, живее, чем когда-либо! Сердце лупилось в груди от ликования. Позже, наверняка, я огребу за то, что решился высказать со сцены. Но скоро ли наступит расплата...

С осознанием грандиозности момента я отплясал, как ненормальный, ещё несколько песен из нового альбома, низвергая в зал густое грудное рычание и скримы. Меня не скосил ни аноним, ни скандал накануне феста — тем более, мне была по *ую погода. Глотка слушалась, будто я сидел месяц на сырых яйцах, а не на беленькой.

— DEATH! BREATH! DEATH! BREATH! DEATH! BREATH! — скандировала гигантская толпа во время перекура.

Первый блок пролетел на одном дыхании. Я, продлевая время отдыха, представил каждого участника нашей команды, сорвал для них шквал пискон. Потом захотел прерваться

на термос, чтобы прогреть рот — на всякий случай. Потому что я не отдавал себе отчёт, насколько больно может ударить по связкам холодный воздух утром, и уж тем более не помнил, успел ли долить коньяк в чай. Бог его знает... И на вкус, оглушённый визгами девок, я не соображал, что отхлебываю.

Людей будто становилось всё больше. Они, срывая куртки, сползались со всех концов, включали фонари на телефонах, а я засматривался на их плохо различимые лица и напитывался этим зрелищем.

Попивая горячую жидкость, поднёс к губам микрофон и покосился в левые кулисы.

Вспомнил о том, что Никольская преданно ждала выхода — уже закутавшись в одеяло, бедняга.

Я-то давно расслабился и отпустил вожжи, но как только увидел её любопытствующее личико, стало щекотливо тревожно. Пока Господин успел раствориться в музыке, вдоволь распевшись, ей только предстояло перешагнуть через собственные нервы. А ведь выступление в настолько огромном зале для неё будет впервые. Вообще, я Еве не сострадал, к чему бы это... Просто мог представить, как тяжело она дышала. Было пару моментов, из которых мне было известно, как Киса ды...

Ну на хрен!

— Кхм... Вы должны кое с кем познакомиться, — вальяжно захрипел я. — Вживую! И составить своё впечатление о ней самостоятельно. А не с помощью Господина или дерьможурналиста. Вы знаете, о ком я говорю?

Похоже, коньяк всё-таки присутствовал. Я вспыхнул изнутри, понимая, что сейчас мы будем петь дуэтом. Фанаты заверещали, ближе наваливаясь к сцене, а секьюрити пришлось подпирать их у ограждений.

Мисс Кисс одним своим упоминанием вызывала диссонанс у публики. Откуда-то, как черви, повылазили подбуханные парни и дядьки, расталкивая девок, а те им мало уступали. Стали агрессивно махать когтистыми ручонками, сопротивляясь вынужденным перемещениям. Суки! Где были их красные рожи, когда я пел первый блок? Неужели, я их не заметил... В океане людишек поднялся столп неразборчивого ора, от которого по разгорячённой спине скользнул холод.

Я опасался, что они освистают Еву и устроят ей публичное гонение с самой крупной сцены Москвы. Даже пара мелких сошек, рыгающих из толпы, были способны устроить потасовку, и тогда мне, как продюсеру, действительно придётся раскошелиться на психолога. Желательно, оптом.

Фанаты продолжали надрываться. Слившийся воедино голос, больше отдающий мужскими громогласными басами, взлетел в воздух над сценой, а я никак не мог разобрать, что, кроме псевдонима, они кричали...

— МИСС КИСС ...! МИСС... КИ... ОДИ!!! ...ОДИ!!!

Выходи? Уходи? Твою мать, да что они устроили...

Не подавая виду, что я не понимаю, о чём толпа отчаянно взрывается, я оставил на полу термос и медленно вышел к центру сцены. Андрюха облокотился ногой об один из мониторов и принялся позировать беснующимся фанатам — или фотографам, пока его левая рука странным образом зажимала струны над грифом. Не под, как играют адекватные люди, а над — он был тоже немного шоумен. Голые басы дребезжали из колонок, словно неподалёку действовал военный полигон.

Значит, басист тоже не понимал, что происходит, развлекая толпу пантомимами. Дрон не выпускал из рук бутылку с водой, как спасительную соломинку, вдумчиво рассматривая людишек и не решаясь кокетничать с бушующей публикой. А Гриша привстал из-за установки, размахивая кулаком с барабанными палками, собираясь запульнуть их подальше. За поясом спортивных, за спиной у него торчали ещё несколько пар. В чувствах они периодически улетали и даже ломались. И вот, вдоволь раздражив толпу, драмер взял по палке в каждую руку и захреначил в противоположные стороны.

Поверх резвого скандирования резанул отчаянный писк. Кто-то урвал себе подарок на память, но вокруг канувшей в стадо фигуры образовалась волна жадных рук.

Я пересёкся взглядами с Муратовым, вставляющим короткие визжащие ремарки на гитаре. Он вальяжно разгуливал кругами, когда мы встретились, и его брови многозначно приподнялись из-под маски. Думаю, он бы поделился умными мыслями, если не зашитый рот... Чёрт!

Хоть кто-нибудь разобрал, что происходит?

— Следующая песня — сингл снёсший все чарты! — расслабленно заговорил я в микрофон, всё ещё наблюдая за странной реакцией зала.

Раздавались настолько истошные крики, что было трудно отличить восторг от презрения... Их настроения были на грани безумия.

— Сингл... «ОБРАТНО-О-О!» — мне не хотелось заглядывать за кулисы, поэтому я лишь краем глаза проследил, как Никольская начала выходить.

Как только из-за кулис показался один её зашнурованный до колен ботинок, в груди заклокотало от истерической дрожи. Я сам не понимал, почему так парился из-за дрянной девчонки, что целый месяц всячески поганила нам запись. Ей уже случилось разок опозориться... Ну, нарвелась, утёрла свой сопливый нос — Вселенная от этого не обрушилась.

Но я нервничал так, как никогда не трясся за себя самого. Внутренности чуть не скрутило в узел, пока я продолжил стоять перед орущим залом с видом надменного ублюдка. Это всё из-за анонима, я уверен! Мне стоило колоссальных усилий, чтобы не взлететь к крыше от одинокого гитарного перебора, растёкшегося из колонок по всей улице. Гриша зацокал по хай-хэту, задав ритм Муратову, и поддельный Ваня впервые подошёл к краю сцены, наклонившись вместе с гитарой к публике. Те были без ума от такого финта...

Даже если бы я захотел теперь дёрнуться — упал бы замертво.

— Я не вывожу после бессонной ночи, — хрипло вступила Ева своим потрясающим, мясным голосом где-то позади.

— Эта детка запивала водкой невыносимую горечь! — и подкралась ко мне.

Сердцебиение слышалось громче, чем общий канал в ушных мониторах.

— Хватит говорить, хватит-хватит, что я ужасная дочка!

Меня хранит не ваша доброта... — чтобы услышать её пробирающий шёпот, большинство разинувших рот людишек заткнулось.

— А ОСТРАЯ-Я-Я ЗАТО-ОЧКА!

Стоило Кисе надрывно заскрипеть поверх вырвавшихся из толпы душераздирающих криков, я оторопело обернулся на жестикулирующую девчонку, расположившуюся прямо возле меня. Инструменты разразились в интро, как рокочущий гром, по оживлённому полю.

Я окатил Еву жадным взглядом с ног до головы, постепенно отходя от потрясения. Её

ждали на сцене за тем же — растащить девчонку по кусочкам на воспоминания в каждую треклятую черепную коробку. На выход Никольской были готовы публично дрончить, и это стало для меня ошеломляющим открытием...

Она приступила к сольному припеву, хорошо работая лицом в зал. Выглядела просто сногсшибательно. Думаю, и я ничего.

— Забудь мои глаза и не вспоминай,
Кем мы были прежде — не дыши на ладан!

Я не стану падать ниже этих драм,
Не приду к дверям, не попрошусь обратно!

Я подпевал одними губами, неотрывно разглядывая блестящие локоны девчонки, сексуально ниспадающие поверх кожаной куртки. А зал орал хором, не уступая по громкости звуку из колонок. Наизусть.

Это было просто крышесносно и стало настоящим облегчением!

К своей партии я подошёл хладнокровно, сумев совладать с пульсом и бесконтрольной тягой ловить каждое слово, срывающееся с рта Никольской, взглядом. Теперь смотрела она.

А я надменно захрипел в микрофон.

— Мне совсем не жаль оставить наши встречи в прошлом,

Жёстче, чем деткор,

Только та пощечина!

Сколько можно говорить? Да, я ШУТ БЕЗБОЖНЫЙ!

И не нужно ЛЕЧИТЬ то,

Что проБУДИЛ НАРО-ОЧНО!

На сцену, засиявшую новыми всплесками искр, резво выбежали танцовщицы. Гитаристы бешено запрыгали по подмосткам, а мы с Евой запели припев вдвоём, кивая бошками.

Это происходило с нами бесщётное количество раз в коттедже на репетициях, но исполнять на публику песню вместе с ней показалось мне интимнее, чем целоваться бухими в бассейне... Два наших голоса тепло зазвучали в унисон, пока гитары боем закромсали припев на щепки.

— ЗАБУДЬ МОИ ГЛАЗА И НЕ ВСПОМИНАЙ,
КЕМ МЫ БЫЛИ ПРЕЖДЕ — НЕ ДЫШИ НА ЛАДАН!

Я НЕ СТАНУ ПАДАТЬ НИЖЕ ЭТИХ ДРАМ,
НЕ ПРИДУ К ДВЕРЯМ, НЕ ПОПРОШУСЬ ОБРАТНО!

Никольская вкрадчиво сжала меня горячей ладонью за плечо, когда мы пошли рычать припев второму кругу. Из-за этого несвоевременного, продолжительного жеста перехватило дыхание, и я не смог надстроить второй голос. Вовремя ушёл вниз вместе с ней, не решившись больше посмотреть в сторону вовсю отрывающейся девчонки.

Зато глядел в озверевший зал. Все они внизу — скакали, как чертята, махали руками и снимали нас с ослепительными вспышками.

Я, замороженный успехом, превзошедшим все мои ожидания, даже не успел понять, как закончилась песня.

И тогда тысячи зрителей принялись скандировать то, от чего у меня сердце застучало в горле и болезненно стиснулись челюсти.

— ПООО-ЦЕЕЕЕ-ЛУУУУЙ!

— ПО-ЦЕ-ЛУЙ! ПО-ЦЕ-ЛУЙ! ПО-ЦЕ-ЛУУУУЙ! — оголтело требовали людишки.
ГОС-ПО-ДИН! ГОС-ПО-ДИН!

— МИСС! КИСС! МИСС! КИСС! — визжали они наперебой.

Фанатки, молодые девчонки, мечтающие меня соблазнить — вы что, грёбанные куколды? Что за неадекватная тяга перечеркнуть холостяцкий статус кумира на ваших же глазах?

Выкрикнуть для них ничего не значило, также, как и сам процесс?

Я исподтишка огляделся по сцене. Два запыхавшихся после исполненной песни Андрея в знак поддержки стихийного флешмоба стали мерзко лизать грифы гитар. Меня замутило от этого зрелища, к горлу подступил ком. Я хотел было отвлечься, бросился взглядом на всегда ангельски правильного Муратова — он был не в состоянии повторять за парнями из-за грима. Но его тут же оприходовали танцовщицы, повесившиеся ему на плечи. Извращенство! Вполне в стиле Юдина... Пытаясь проморгаться, я обернулся к драмеру, а тот придурошный запихнул себе за щёку одну лакированную палку и заболтал в разные стороны, как член.

Твою мать! Мне снится кошмар? Может, я не заметил, как сдох, и попал в ад? Кругом обезьяны, орудующие мерзкими языками! А полчище орущих озабоченных фанатов заставляли меня лобзаться губами прилюдно на их глазах!

В солнечном сплетении отяжелело и заныло. Я продолжал стоять, как вкопанный. Ухмылялся, не подавая виду, что вот-вот очищу желудок прямо под ноги Еве. А у самого похолодел лоб, и, кажется, выступила испарина. Всё это снимали камеры, транслирующие на гигантских экранах — в один миг из самого крутого концерта в моей жизни он превратился в пытку.

Никольская, источающая волнительное тепло, стояла рядом. Наверняка, в очередной раз думала о том, что пойти на поводу у этой просьбы было бы выше моих возможностей, но... Столько раз я умудрился нарушить слово! Это просто долбанное помрачение! Она весь месяц блуждала по коттеджу, нарываясь на раздевающие взгляды, а что оставалось мне? Ненавидеть её? Так я пытался! Во мне нет места брезгливости даже к её губам. Никольская очаровательная, хоть и дурная... Но сосаться с ней на публику — чересчур, бл*дь!

— ...ПО-ЦЕ-ЛУЙ! ПО-ЦЕ-ЛУЙ!!!

ПО-ЖА-ЛУЙ-СТА! НЕ-Е-Е-ЕТ! Я знаю, что слабак... Зачем об этом знать вам?

Мы уже повернулись друг к другу лицами, мучительно надвигаясь ближе. У девчонки азартно горели глаза. Томно подрагивали длиннющие ресницы и завораживающе плавно приопускались веки. Я чуть вскинул подбородком, пытаюсь незаметно вдохнуть, и, не отрываясь, продолжил наблюдать, как стремительно верно меня покидает рассудок.

Её розовые губы обезоруживающе ухмылялись. Я очень надеялся, что мои тоже изображали хотя бы подобие дерзости. Волны русых растрёпанных волос теребил ветер, а женская грудь под курткой всё ещё вздымалась после бешенных скачек по сцене.

Прошла вечность. И толпа начала стихать прежде, чем я отчаянно прикусил нижнюю губу. Неуверенно сглотнул слюну, наполнившую рот, рассматривая её порозовевшие, наверняка холодные щёки. Мы стояли в профиль к залу, практически уткнувшись носом к носу и продолжали соблазнительно разглядывать лица друг друга.

Ад или блаженство?

— Я не хочу на людях, — жалобно шепнул я, всё также въедаясь взглядом в её манящие приоткрывшиеся губы.

Прошу... УМОЛЯЮ!!!

Не знаю, услышала Ева или нет, ведь пространство гудело от шелеста курток, разговоров и одиноких выкриков.

— Пожалуйста... — чтобы не выглядеть, как раздавленное насекомое, я нагло оскалился, от чего зал снова начал повизгивать.

Если это сейчас произойдёт с нами — клянусь, я брошусь со сцены на асфальт.

Но мне было настолько трудно взять всё в свои руки, что судьба Господина зависела только от чудачки, не упустившей ни одной возможности нарушить мои личные границы. У Евы переменялся зелёный взгляд. По модельному накрашенному личику проскользили розовые лучи софитов, зрачки её злобно сузились, и у девчонки дрогнул один уголок губ, оставшийся в тени.

Я весь охладел от ужаса, разглядев в этом потаенную, безмерную жестокость, и почувствовал, что доступ к кислороду перекрыло задержавшееся в глотке дыхание. Чуть не выронил микрофон. Я за долю секунды до катастрофы... Узнал, что мне крышка. Успел столько всего подумать, что по телу разошёлся жуткий, одуряющий озноб, от которого стыли даже мозги. Раздавленный её выбором, я бросил в зал косой сокрушённый взгляд и смиренно выдохнул.

Ева настойчиво обхватила меня за подбородок, устрашающе приближаясь к моим пересохшим губам. С усилием впиалась острыми ногтями в щёку и застыла в миллиметре от моей гибели. Когда кожа вдруг заняла от боли, я понял, что Никольская прикладывала не дюжие силёнки, чтобы отвернуть мою голову в сторону зала...

Я, промёрзший чуть не до хруста в костях, позволил ей это сделать и ощутил, как она приникла к шее, притворяясь, что оставляет засос. Ева не собиралась истирать Господина в прах — и от этого облегчение обрушило мой пульс, позволив выдавить самодовольную улыбку. Я даже не мог объяснить теперь, почему мне показалось, что она способна на бесчеловечный поступок.

Наверное, это я виноват. Я не умел доверять девушкам. А Никольская прицепилась к самому сокровенному — могло показаться, что она желает меня уничтожить... Но она, ощутив власть, всё же, не сделала этого.

Невесомое дыхание девчонки вместе с горячими прикосновениями губ вынудили меня покрыться мурашками. Фанаты орали — то ли довольны, то ли осуждающе — мне было насрать. Я лишь чувствовал себя, на сколько позволяла ситуация, в безопасности.

— Им этого мало! — раздалось прямо у моего уха, обожжённого теплом.

Конечно, суки ждали поцелуй в губы. Они и понятия не имели, чего мне это стоит.

Я успел только приоткрыть непослушные веки и увидел, что Никольская чуть отодвинулась, ехидно улыбаясь залу. Но у меня больше не осталось духу сомневаться в ней... Замечательно. В прошлый выход девчонки на публику мне пришлось разговаривать за двоих, теперь брать инициативу в свои руки настала её очередь. Мы были квиты.

Ева выдернула из моих рук потный микрофон, торопливо положила его вместе со своим на пол и встала передо мной, заслонив от публики спиной.

Я не успел испугаться второй раз, когда девчонка задрала свою куртку и перекинула нам на головы.

Теперь мы стояли на сцене под пристальным наблюдением армии фанатов щекой к щеке, но наша репутация была спасена. Никольская осталась хорошей, стеснительной девочкой, а я — бесстыжим разбивателем сердец. Наверное...

Если они не спалили через экраны, что я чуть не упал в обморок, как тринадцатилетний девственник.

— Обними меня! — сердито прикрикнула Ева.

Я послушался, слабо придя в себя. Из толпы снова донёсся визг, когда мои руки начали жадно гладить девчонку по спине, спускаясь к ягодицам.

Под куском кожаной чёрной ткани, которую она держала, было темно и волнительно. Весь мир остался снаружи, стараясь дотянуться до нас лучами прожекторов, а мы с Никольской — спрятались за его пределы на дурацком клочке сцены. Здесь стало слишком стремительно жарко, пока мы усердно дышали и прижимались друг к другу, изображая страсть. Я уже не понимал, почему меня колотило — из-за отходняка или пробирающего желания решиться на настоящий поцелуй. Под курткой совсем ничего не было видно, но чувствовались нежные губы, глядящие меня по щеке и замирающие в нестерпимой близости от уголка влажного от слюны рта. Я пришёл в нетерпение, искусав его, и уже ненавидел себя за это...

Фанаты визжали от восторга, как резанные свиньи. Тем немногим, кто не поверил, оставалось лишь догадываться, чем мы занимались с Евой без посторонних глаз.

По ощущениям наш спектакль продлился чудовищную, непростительную бесконечность. Непростительную — потому что я так и не решился поцеловать Еву в губы.

Оставшаяся часть концерта пролетел на одном дыхании, как выскочившая из дула пистолета пуля. «Надеюсь, она когда-нибудь прилетит мне в голову», — думал я, глядя на чёрные подмосковные леса, пролетающие в окне.

Нас окружили толпы на бэкстейдже. Я отбивался автографами до потери пульса, пока меня насильно не затолкали автобус, разругался со всей командой, чтобы выкроить хоть минуту. Но так и не попрощался с Никольской.

33 Противоядие от душевной боли

В салоне шумно гудел двигатель. Я сидел на ступенях в приглушённом свете. Приложился лбом к дребезжащему стеклу, запотевшему от дыхания, и прикрыл веки. В черепушке ныло от ледяного соприкосновения... Все они в хвосте автобуса бурно праздновали, как алкоголики в вагоне-купе. Отмечали успешный фестиваль, звякая бутылками, громко и истошно смеялись — а про Никольскую забыли в один миг. Я просто не мог в это поверить... Как в бреду, игнорируя миллион фанатских сообщений, написал контрольное смс её новому «дрессировщику» из Уфы. Ева сейчас, наверное, ехала в отель по московским пробкам на заднем сидении такси, а мы тащились по трассе.

Я всё смотрел усталыми глазами на счастливые лица парней. Чего им было горевать? Мы поднялись на пик своей возможной популярности, устроив дикую давку на фестивале. Я снова доказал всем, что Господин — живучий, непотопляемый чёрт. Этот долгожданный день пролетел, жизнь, само собой, продолжалась, а впереди было тридцать пять городов, долгие остановки, концерты и ночные бдения. Без взбалмошной девчонки, пытающейся прикрыть свою строптивую натуру детскими косичками...

Неужели даже Ванечка оказался такой двуличной сукой, что не тосковал по своей лучшей подружке? Они с Евой так усердно морозили мне мозги, отрицали любые прямолинейные вопросы, что я ждал сегодняшний день, как спасительный оплот. На полном серьёзе рассчитывал, что, избавившись от девчонки, мне станет проще. Проще осквернять этот мир своим творчеством без отвратительных намёков на отношения внутри

коллектива... Но стало только окончательно хреново!

Глубоко вздохнув, я почувствовал, что просто воздуха уже не хватает. Дотянулся до электронки в кармане и стал часто вбирать дым. В груди было погано.

— Рязань! Жди нас с огненным концертом! — говорил Юрген на камеру. На фоне слышались звуки чоканья. — Завтра... То есть, уже сегодня вечером, в двадцать ноль-ноль! Не опаздывать, бл*дь! Я вас лично пересчитаю из-за пульта!

— Спасибо этому невидимому ниндзя за годный звук! — встрял басист своей уже подохмелевшей рожей между звукарем и его телефоном.

Андрюха размазывал по лицу грим салфетками, пытаясь оттереться от краски, но превратил себя в волосатое пугало.

Я наблюдал, как эти два клоуна читают вслух фанатский чат, восторгающийся сегодняшним концертом, пока меня не замутило от привкуса искусственного персика во рту.

— Что вы делаете? — безжизненно выдохнул я дым, пряча электронку в карман.

Юра выключил эфир.

— Смотрите-ка, заговорил! Мы... — он опрокинул рюмку в один глоток и сморщился. — 3-зовём народ тратить денежки! То есть, делаем твою работу за тебя, пока ты обижаешься, как девчонка, не пойми на что!

— О-о-о! Я думал, Господин взял обет тишины до следующего вечера! — пьяно забормотал Андрей, набрасывая на стол с едой гору чёрных салфеток. — Ну ты ему наговорил, сейчас опять начнётся...

Начнётся что?

Лучше бы я действительно продолжал их игнорировать. Внутри у меня вскипело, я еле сдерживал извержение злобы, сковавшей конечности. Откуда столько агрессии, сам понять не мог... Отвернулся только снова к окну, нахмурившись.

— Да бл*, хватит обижаться, как ребёнок! Ну не пустили тебя на бэкстейдж обратно, ты как будто сам не знаешь, что времени было в обрез. Первый концерт в рамках тура и сразу день в день! Нужно будет настроиться, провести саунд-чек, а там уже и до выхода недолго. Реально пора было выезжать... Столько времени потратили, чтобы своё забрать! А ты всё про автографы! Да если мы опоздаем ко времени, я буду первый, на кого ты наорёшь, я что, не знаю что ли?! — разошёлся Юрген. — Я с тебя шалею, продюсер!

Меня это задело до дрожи в кулаках. Я принялся переминать пальцы, не глядя на звукаря. Его послушать, так Господин и правда непрофессионально себя повёл...

— Да причём тут бэкстейдж? Думаешь, я наслаждаюсь раздавать автографы?

— Э-э-э... — я обернулся к нему и окатил Юру презренным взглядом. — Разве нет?

— Заснись свои домыслы в жопу! И просто скажи! Ты хоть попрощался с Никольской? Хоть кто-нибудь из вас видел её после концерта?

— Да мы-то попрощались... — Когда? Когда они успели? Разноцветный из-за татуировок Гриша в дырявых трениках приподнялся с койки, попивая пиво из бутылки, и прищурился. — А ты, получается, из-за неё собирался задержаться?

Пять пар глаз вонзились меня подозревающими взглядами, от чего у меня перехватило дыхание. Приторный привкус персика, обволакивающего рот, вынудил прокашляться. Они точно решили, что между нами с Евой что-то есть... Как и фанаты, хотя на интервью мы повода не давали. Вдруг перед глазами встала обложка нового альбома, в которой я углядел её узнаваемый взгляд, и осунулся.

Да, я же сам представил Никольскую как свою поклонницу. Может, у публики поэтому

разыгралась фантазия? Молодая, привлекательная. Поём в дуэте, ещё... Я вступился за неё по своему продюсерскому долгу — и что же? Сразу спаривать нас вздумали?

Я с трудом сглотнул и сипло заговорил, на ходу подбирая оправдания.

— Хотел просто дать ей ЦУ. Этот шоумен — непростой дядька...

— Вы что, не могли поговорить в коттедже? — тут же громогласно отрезал Муратов.

Я окончательно обмер на ступеньках, глядя в его безумные голубые глаза, буквально светящиеся нездоровым любопытством. Он почти снял весь грим, затирая лоб в перерывах между рюмкой, и выглядел теперь как-то слишком самоуверенно.

Думает, один концерт отыграл и всё? Теперь Боженька, станет благую истину вершить?

Сука! Да может я и поговорил бы с Евой, если бы он каждый день не клал хер на свою Вилку Сергеевну! К Никольской и близко нельзя было подойти — везде эти двое тусовались вместе!

Я успел только рот приоткрыть, когда парни обрушили на меня поток обвинений.

— Да тот чел наверняка попроще, чем ты!

— И это всё, что ты хотел сказать, реально?.. — влез даже Дрон. — Ты оставил нас без женского внимания на весь тур! Хотели же сначала брать Еву с собой?! Нормальная она девчонка!

— Почему хотя бы танцовщицам нельзя было ехать с нами в одном автобусе? — я ошарашено следил за тем, как все набросились на меня. А чего раньше-то молчали? — Правильно! Пускай развлекают младших звукооператоров! У них коек не хватает в автобусе, а у нас пустые, чтобы не расслаблялись.

К чему мне здесь нужны эти курицы?! Хватает и оборзевших петухов!

— Да оставьте вы этих танцовщиц в покое! Ты, Лёнчик, лучше скажи, на х*я ты отдал Еву какому-то Загорину, когда она нам концерт «сделала»? Фанаты её выхода ждали, как пришествия Иисуса! Это какой-то мудрёный продюсерский ход? Посвяти-ка...

Андрюха встал в позу, совершенно позабыв под градусом, чем это чревато.

— Мы думали, ты будешь рад! Наш самый грандиозный концерт прошёл именно сегодня! Я серьёзно вам говорю! Вань, подтверди! — он призывно ткнул в Муратова пальцем.

— Это было самое удачное шоу за всю карьеру Death Breath, — убедительно проронил его дружок.

Класс! И кто ещё должен чувствовать себя изгоем в этом дебильном коллективе?

Я молчал и нетерпеливо глотал вместе со слюной всё, что они говорили. Потому что осознал, что сглупил, но никогда не смогу признаться об этом вслух...

— Если бы не Никольская, с кем бы тебе пришлось сосаться, а? — начал шутить свои неуместные шутки басист под неуверенный прыснувший по салону смех. — Я бы с тобой не стал! Ты п*зда какой вредный!

— С поцелуем получилось круто, — улучил Муратов момент хлипкой тишины. Да ну? Когда он это сказал, я чуть не проглотил язык. — Непонятно только, чего добивался журналист.

— В смысле? — стоило Ванечке своим мерзким голосом назвать анонима, от которого моё сердце неприятно пропускало удар, я вскочил со ступеней и подошёл к столу. — Чего он добивался?

— У него вышел пост во время нашего концерта. Вы не читали?

— Нет...

По автобусу разлетелись матерные недовольства.

— У меня что-то больше не ловит интернет... — я несдержанно навалился на столешницу, упёршись в неё руками, и заглянул в белый экран его телефона.

Вдруг заметил сообщение от Никольской...

Ванечка быстро его свайпнул и начал пересказ, не дав мне прочитать, но я не смог не зайтись пробирающей до внутренностей дрожью.

— Он сделал репост твоего опровержения и написал, типа: «Господин точно спит с Никольской, проверьте эту инфу на фесте и заснимите мне подтверждение.» И тогда он бы репостнул каждое заснятое видео тебе в сообщения. Ты проверял свой телефон?

Я испытал внутри странного рода ноющую боль, распространившуюся по всему обмякшему телу. Ева, оказавшись уже за несколько сотен километров, продолжала писать Муратову... Охренеть! Что же я упустил...

— Ну, — безжизненно выдохнул я. — Видел... Мне засрали личные сообщения... Какой-то слишком безобидный трюк, не похоже на анонима. Разве нет?

Если не знать, что сцена — единственное, чем я живу, и я чуть не окатил её рвотой, то да. Довольно безобидный выдался стёб... Но меня совсем не это волновало сейчас.

Чувствуя, как осунулось лицо, я опустил на пустую чужую койку, и понял, что я не хочу больше.

Мне не нужен этот тур! Куда я, к чёрту, еду? Зачем?

Боже... Что же это за мысли...

— Походу, это всё, что он смог придумать, — пожал плечами Юра. — Ты же попросил фанатов отправить журналисту видео с песней, которую ему посвятил. Тоже не сказать, что жестокая расплата. Вот он и ответил... Равноценно что ли? Думаете, ему уже завалили личку?

Плевать...

— Он писал что-то ещё? — еле произнёс я.

— Да, — раздался Ванечкин голос. — Он насобирав сплетен на многих музыкантов, кто выступал на фестивале. На нас — ничего...

— Может, побоялся фанатского гнева? На сторону Евы встали многие.

Плевать... Мне просто было плевать.

В салоне раздался едва слышный скрежет тормозов, и всех чуть пошатнуло. Чернота в окне перестала мелькать, пугающе застыв на месте. Из дальнего верхнего окна показалась горящая вывеска автозаправки.

Я остался лежать на койке, лишившись чувства проносящейся дороги. Чуть закружилась голова. Юра, Гриша, два Андрея вышли на улицу с водителем, сказали, что в круглосуточный магазин, размяться. А мы с Муратовым остались вдвоём в салоне.

Я долго рассматривал его кудри, смазливое лицо, татуху, не предпринимая попыток пошевелиться. Думал. Подбирал слова. Он искоса поглядывал на меня с не очень вежливым выражением. Время норовило истечь раньше, чем я решился бы хоть что-то высказать Ванечке.

Просто я не понимал, что ему такого зарядить, чтобы олух вернулся с небес на землю. Но в какой-то момент... Меня посетила привлекательная, справедливая для Муратова идея.

Это могло бы облегчить мои переживания. Я нуждался в противоядии от душевной боли...

— Кхм, Вань. Пошли покурим?

34. Облегчение

На улице было свежо и даже морозно. Здесь нас никто не услышит. Слева оставалась заправка с круглосуточным магазином. Мы шли вдоль трассы, приближаясь к лесополосе, и молча раскуривали сигареты.

Терпкий дым и дыхание клубились у лица, быстро улетучиваясь. Я одурело затянулся, шагая всё злобнее и прислушиваясь к оповещениям на его телефоне. Это Никольская написывала Ване, я чувствовал. И не мог больше выдерживать давящего, пронзительного разочарования, расплзшегося из груди по всему непослушному телу.

Я был в отчаянии.

— Это тебе твоя Вета пишет? — не выдержав, предъявил я.

Так было мерзко выговаривать имя, которое он ей придумал. Мы остановились на обочине в полном одиночестве.

— Да, — равнодушно выпалил Муратов, глядя на отвёрнутый от меня экран.

Я не поверил.

— А расскажи, как вы с ней познакомились?

Муратов уставился на меня. Продолжительно, безэмоционально. Я чуть не отвернулся под тяжестью его бледного взгляда. Такие вопросы Господин никогда не задавал окружающим — на хрена мне это было нужно? Никогда бы не подумал, что смогу этим воспользоваться в личных целях.

— Зачем? — холодно пробасил Ваня.

Вот именно, зачем?

— Да я тут понял кое-что, не хотел тебе говорить сначала...

— Что? — он равнодушно стряхнул пепел, глядя в черноту леса на обочине.

Ну что ж. Я действительно не мог это выдерживать. Будь, что будет.

— Я же тебя нашёл в своём родном городе... А ты в МПТУ учишься?

Он продолжил молчать, настороженно кивнув. По трассе пронеслась фура и повеяло холодом.

— Я просто тоже закончил МПТУ. Электротехнический факультет.

— Серьёзно?

— Да, — я перешёл на шёпот. — Разминулись с тобой, представляешь? Я, получается, выпустился с магистратуры, а ты поступил на первый курс.

— Ясно... — мне хотелось верить, что он заволновался, но ещё не понимая, почему.

Этого было запредельно мало.

— Твоя Уварова Виолетта Сергеевна — та самая, о ком я думаю? — начал я издали.

Сквозь старательное показное равнодушие у гитариста слегка вздёрнулись брови.

— Наверное. Мне неинтересно, что ты о ней думаешь, — это мы ещё посмотрим, говнюк.

— Да мне-то что... Я о ней не думаю, как ты себе представил. Зачем это делать? Уж расстались давно.

Ванька обмер. Кудри, казалось, даже от ветра перестали колыхаться. Сигарета между его губ тонко задымилась сама по себе, пока он даже не пытался затянуться или выдохнуть, продолжая мрачно смотреть на чёрный кювет.

Эта новость была призвана снести на корню все его попытки просыпаться и существовать в приемлемом расположении духа. Мне хотелось разделить страдания хоть с кем-нибудь.

И когда он перевёл на меня взгляд голубых глаз, способный взволновать, видимо, даже Никольскую, приобрёл совсем иное, прежде не знакомое мне выражение на лице.

Смесь презрения и развенчанной самоуверенности.

Да, Муратов. Надеюсь, ты уже представил себе, как я е*ал твою возлюбленную.

— Я о Виолетте не вспоминаю, а вот она обо мне...

Ванечка изо всех сил не реагировал, убрав ото рта горький табак. Но в его глазах застыло такое маленькое и невинное, совсем не обязывающее его к недоверию Виолетте сомнение. И всё же, он слушал меня, чуть не открыв рот, ведь Господин сумел поддеть придурка за живое.

Я буквально чувствовал, как похолодело его тело в ужасе и изо всех сил сдерживал улыбку. Изнутри нечто настолько приятно зудело и подстёгивало меня продолжать...

— Знаешь, почему я в курсе, что она обо мне вспоминает?

— Мне неинтересно, — процедил Ваня, явно страшась сдвинуться с места и остаться без добавки.

— Думаешь, Вета просто так встречается именно с тобой? Ты студент, музыкант. Никого не напоминает?

Он обессиленно замотал лохматой головой, сглатывая слюну. Сигарета почти истлела в его пальцах, норовя обжечь руку, но он не замечал. Хах...

— Я сразу понял, что мы связаны с одной Виолеттой Сергеевной... Когда увидел у тебя сборник стихотворений Есенина. Забавное совпадение?! Я читал их Вете, когда мы жили вместе.

Он тихо поперхнулся, вонзившись в меня померкнувшим взглядом. Надеюсь, провёл параллель с тем, о чём они общались в переписке.

Помнится, преподша почему-то сбежала из-за стихов. Моя предыстория сойдёт за повод.

— Вы вместе жили? — да, прикинь, чел. Я и она, правда, здорово?

— Представь себе. Я был студентом без собственного жилья, Виолетта пригласила меня к себе пожить, — хм, не хватает лирики. — Помню, я в тот день на последние деньги купил в столовке пирожков с вишней. Столов свободных не было, она села рядом, и я её угостил. Такая уставшая была... Ну, мы разговорились, я рассказал, что мне негде жить. А потом мы... Начали общаться ближе, понимаешь?

Я бы выпилил себе из груди сердце на его месте. Если бы только любил по-настоящему — но Муратов хорошо устроился. Вздумал водить свою Виолетту за нос и доставлять Господину неприятности.

Хер!

— Кстати, это я придумал ей прозвище «Вилка». Её ведь до сих пор так называют? Это было, когда мы ещё терпеть друг друга не могли... А она дразнила меня «Башкой», — за кудрявого я не сошёл бы. Поэтому появилась версия получше. — Я просто всегда эти её задачки щёлкал, легче лёгкого. Вот, она меня и обозвала. А я в отместку, за её тяжкий характер начал называть за глаза Вилкой. Весь универ подхватил, — враньё, конечно.

Я был в полном ауте от того, как складно всё сложилось вслух, разглядывая заметно побледневшее даже в темноте лицо Муратова. Он отпустил окурок на асфальт, продолжая не дышать холодным, отрезвляющим воздухом. Чтоб ты сгорел от разочарования, жалкое подобие Вани!

А удачные идеи всё продолжали на меня сыпаться одна круче другой...

— Может, если бы я не уехал тогда в Москву, мы были вместе? Я стараюсь об этом не думать, вокруг полно других девушек... Иногда, правда, против воли снится, как мы с ней попрощались в актовом зале... Ну, на столе у сцены, где оборудование. Ладно, пожалуй, это уже лишнее... А ты реально её любишь?

По сравнению со всеми ударами, что я ему наносил — сейчас произошло ножевое. Желваки заходили на его смазливом лице, и тогда Муратов прикусил нижнюю губу, незаметно слизывая кровь.

Он молчал. А я — нет. Меня было не остановить...

Облегчение чувствовалось вот-вот, совсем рядом. Сейчас окутает меня со звенящей головой, но оно никак не заполняло дырявое сито вместо пульсирующего куска мяса в груди.

— Просто, раз уж мы разговорились... Она мне звонила.

— Я тебе не верю! — наконец, злобно процедил он и замер.

Смотри не сдохни от ещё одного лишнего слова.

Посмотрим, что ты скажешь на телефонный журнал моих вызовов.

— Брось, глянть. Это же её номер? — я достал мобильник и отмотал входящие звонки на февраль.

Как раз на тот день, когда мне звонили из деканата. Потрясающее совпадение!

Муратов залез в карман брюк и извлёк из него свой телефон чуть не дрожащими пальцами, чтобы свериться. Я сам чуть не задрожал от восторга, как всё сложилось в кон. Даже отвернулся к заправке, чтобы справить нужду в раздражающей меня улыбке.

Я был в экстазе подарить ему те же эмоции, что испытывал я по его вине.

Чтоб ты тлел от ревности, сука! Чтобы твоя подушка полыхала ночами, как пламя от керосина!

Мы вдвоём нервно уткнулись в телефоны, что приставили друг к другу. Экраны резали глаза в темноте. И именно в этот похоронный для душонки Муратова момент ему снова пришло сообщение.

Я понял, что он, заживо омертвевший, даже не обратил на него внимание, еле дыша над номером Вилки.

00:43 Ева

Вы надолго? Я успею попить воды?

В моих ушах раздался оглушительный пульс.

Что это бл*дь значит?

Я ошарашено обернулся к задним окнам автобуса на заправке, где изнутри, в освещении мелькнула чья-то тень. От молниеносной догадки, кому она принадлежит, ослабли ледяные руки, сжимающие телефон. Закружилась голова и пересохло в горле. Я, потерявшийся между яростью и облегчением, хотел взречь на Муратова с упрёком, в миг позабыв о его личном горе.

Но когда обернулся, он уже далеко бежал вдоль трассы по подмёрзшей грязи, в летних кроссовках и одной кофте.

35. Сюрприз

От него можно было ждать чего угодно. Несоответствия характеру Вани, неуместных разговоров, случайных приступов вырывающейся в свет правды и попыток дерзить. Всякое дерьмо, что доставило бы мне неудобство... Но Муратов, по большей части, меня устраивал, как гитарист и участник группы. Если бы я случайно не наткнулся на видео его выступления в интернете — мы бы сейчас не ехали в тур с новым альбомом. Без него группа была

обречена на распад...

Я одурело смотрел Ване вслед — светлую подошву кроссовок быстро съел ночной мрак. Я остался один на куске трассы, укрытым лишь светом ближайшей заправки. С неё уже слышался разлетающийся бодрый смех. Парни возвращались в автобус.

За десять минут их отсутствия я прое*ал Юдина... Уже второго!

Как я это объясню?

— Э-э-э-э-эй! Хватит там торчать, пошли в автобус! — они начали заходить, но растерянно застряли на ступенях, перебрасываясь взглядом то в салон, то в мою сторону. — Лё-ё-ёнь! А где Ваня?

Не успел я впрок насладиться моментом истины, как грудь сдавила безобразная тревога.

— Ты что тут стоишь? — донёсся выкрик между приближающихся шагов. Замёрзшие лужи с грязью хрустели под их ногами, пока они спешили к обочине. — Ты караулишь, когда он посыт, или как?

Я окончательно обернулся к смеющимся парням, недоверчиво подбредшим ко мне вместе с облаком табачного дыма. Губы сами по себе поджалась в полоску, не давая мне объясниться.

На самом деле, я не собирался ничего говорить, пребывая в прострации и постепенно замерзая в промозглой подступающей ночи.

— Господин, что-то не так?

Да. Ко мне постепенно возвращался рассудок. Если продолжать бездействовать, он уйдёт слишком далеко, возможно, устроит нам проблемы или что-то сделает с собой? Мне больше не найти настолько схожего с Юдиным гитариста... О такой его реакции на нечестность Вилки я даже не мог помыслить.

— Я... Вышел посмотреть, что случилось. Ваня был снаружи, курил, а потом я увидел в окно, что он начал уходить далеко от автобуса и вышел следом, — ввернул, не думая, самое здоровое оправдание, но глядя на синхронно нахмурившиеся брови, понял, что сплеховал.

Запутался в показаниях. Вокруг собрались Юра и Дрон, Гриша придерживал пошатывающегося басиста, но и они успели доковылять до нас, пока я в надежде всмотрелся в темноту. Никто, потерявшийся в ней, и не думал избавлять меня от этой необъяснимо тупой ситуации своим возвращением.

Вдалеке, на исчезающей виляющей дороге уже виднелись огни фар. Меня тут же посетила страшная догадка... А если Муратов сядет на попутках и смотается окончательно?

— Я чёт ничего не понял...

— Я тоже, чел. Он что, свалил? — их лица постепенно приобрели недоумевающее выражение.

— Что ты ему наговорил? — вдруг раздался девчачий пронзительный вскрик.

Я, вмиг охваченный тремором, осмотрел каждого. У смутившихся парней округлились глаза и беззвучно пооткрывались рты. Так я понял, что они все были в сговоре.

— Лёнь, ты... Только не бесись, ладно? — не беситься? Не разрешаешь? — Мы хотели тебе сказать, просто ты был... Не в настроении, — бледно забубнил Андрей.

— Сюрприз... Мы как раз собирались сказать на трассе, чтобы ты не смог её высадить, — хохотнул челкастый, но быстро утратил способность улыбаться под моим убийственным взглядом.

Теперь мне было понятно, почему никто, кроме Господина, не скорбел по отсутствию Никольской. Я уже успел захлебнуться в негодовании, когда увидел её сообщение Муратову,

но, обнаружив Еву, несущейся из автобуса по обочине, еле сглотнул ком.

Меня чуть не повело от головокружения.

Живучая. Я должен был догадаться, что она и в этот раз добьётся своего без спроса.

— Что ты ему наговорил, я спрашиваю? Я видела, как вы стояли вдвоём!.. А потом Ваня вышел из себя! — лохматая тёплая девчонка в бесформенной кофте и коротких шортах подбежала ко мне, дыша рывками и злобно толкая в грудь.

Выходило у неё хило, даже смешно. Но невыносимо ранило в рёбра въедающейся по самые кости обидой. Я, переборов желание пристально рассмотреть Никольскую, стыдливо опустил взгляд в асфальт и сморщился.

— Савицкий! Что ты сказал ему?! — по фамилии? Даже так?

Ева — такая красивая, пленительная и до ужаса напуганная — продолжала биться в истерике за Ванечку, как за своего парня. Это было унижительно...

— Да какая разница?! Вы не поняли? — истошно зарычал я, схватившись рукой за раскальвающуюся башку. — Он сбежал!

Дышать стало больно.

— Т-ты уверен? Юдин не брал никакие вещи? — залепетал неуверенно Дрон, торопливо смахнув чёлку. — Может... Он вернётся?

Твою мать! Я чувствовал всем грёбанным нутром, что этот придурок не вернётся! Он скорее бросится под колёса... Говно-говно-говно!

Что мне оставалось делать?

— Я иду его искать! — порывисто выдохнул я, вскарабкавшись взглядом на ненавидящую меня Никольскую.

Её дурманящие глаза поглотили чёрные, исполненные пренебрежения зрачки. Сносить очевидный выбор девчонки между мной и им было тошнотворнее, чем уход Маши к моему брату... А ведь мы с Евой даже не были ничем друг другу обязаны.

— Ждите здесь!

— Стой! — встрепенулся Дрон. — Ты собрался пешком?

— Ну точно не на автобусе, — Юрген обернулся к заправке. — Он здесь не развернётся. А обратно как крюк давать до ближайшего съезда?

— Чел, тебе не нужно за ним ходить! Он же от тебя и сбежал, я правильно понял? — осуждающе вмешался Гриша. — Будь здесь, мы сами его догоним.

Юра, Дрон и Гриша, не дав мне больше вставить и слова, застегнули куртки, бросили окурки и перешли на спортивную трясцу, удаляясь по обочине во мрак. Там вдалеке не было видно даже примерных очертаний чужого силуэта. Муратов с горя вполне мог свернуть в лес, чтобы проплакаться... Кажется, я раздавил его неожиданно хрупкое сердце.

Мне было уже совсем не смешно.

Пошатывающийся басист, бегая пьяным взглядом по дороге, достал из кармана телефон и начал кому-то звонить.

Я не мог надышаться свежестью — воздух казался сгнившим. А у Никольской тряслись голые раскрасневшиеся коленки.

— Мы ещё не едем? — вздрогнув, я обернулся на чужой голос и увидел дядьку, которого нанял водителем.

Ему было лет пятьдесят, и он очень старался не осуждать драмера, когда увидел, что тот забит от ступней до морды. Но я заметил, мужик испытал культурный шок, особенно из-за наших разговоров.

Нашего проверенного водителя я взять не мог, он бы выкупил, что голос у Юдина другой.

— Мы потеряли человека. Нужно подождать.

— Как это, потеряли? Кудрявого вашего? — водитель почесал сальную голову, забравшись под шапку, и устрашающе прищурился. — Пьяный что ли был?

Это правда. Муратов выпил больше обычного, и от этого стало ещё страшнее.

— У него что-то случилось, и он... Психанул, убежал. Нужно время всё уладить, — какой же бред...

Никольская, услышав мои объяснения вскинула подбородком и шумно усмехнулась. При виде её язвительного выражения во рту ощутилась горечь.

А я почему-то почувствовал себя недоделанным сосунком рядом с возрастным мужчиной, непонимающе вылупившим на меня усталые глаза.

— Куда побежал-то хоть?

Я угнетенно махнул рукой в нужную сторону.

— Вдоль дороги.

— Ну-у-у... Ничего, чай, не заблудится. Там недалеко проезжали населённый пункт. Километров пятнадцать.

Это, бл*дь, обнадёживает?

— Ну да, конечно! Не берёт трубку! — взорвался притаившийся с телефоном Андрей.

Он даже в поддатом состоянии проморгался и выдал членораздельную претензию, не нарушив нашу общую легенду.

— Просто трэш! Что вы, бл*дь, опять не поделили с Юдиным? Вечно вы как две лающие псины! — басист неловко развернулся и хотел было возвращаться к автобусу вслед удаляющемуся водителю. — Ева! Всё! Пошли в тепло. Хватит на этого придурка пялиться на морозе! В одних шортанах! Пускай тут выводы делает над своим поведением... В одиночестве!

То, как теперь они все обхаживали Еву, словно долбаные гномы Белоснежку, меня просто душило! Я не замечал, чтобы между группой и Никольской сложилась крепкая дружба в коттедже. Видимо, это всё происходило за моей спиной.

— Иди, Андрей! Я догоню, — безапелляционно выдала девчонка и, дрожа, приблизилась ко мне вплотную.

Я еле взглянул из-под век на её злобно скрещенные руки, на ноги, покрывшиеся мурашками, и нервно сглотнул слюну.

— Это тебе так от ревности крышу снесло?

36. Не враг

Холодно. Из её рта вырывался пар.

— Это тебе так от ревности крышу снесло? — рыкнула Никольская.

Я чуть не захлебнулся от негодования, когда она это сказала. Руки сами недовольно взобрались на бока, пока я, не отрываясь, продолжил жадно её разглядывать.

Какая ревность?! Муратов просто выводил меня из себя своим существованием!

— Ты даже не знаешь, о чём мы с Ваней разговаривали. То, что ты использовала его, как разведчика, не означает... Что меня хоть немного интересуют твои провокации!

Не веря своим же громким убедительным словам, я дошёл взглядом до её блестящих глаз и остолбенел.

Ева была бесповоротно разочарована.

— Ты прав, провокации не сработали, — кивнула девчонка. — Я думала, ты поймёшь... И не захочешь, чтобы меня имели другие мужчины! Но ты у нас крепкий орешек. Отдал билет в Уфу, слова не сказав!

Она отчитывала меня так, будто действительно могла знать, что я способен к ней что-то испытывать. Тело пробирающе колотило, как я не старался это сокрыть за руками, что скрестил на груди.

— Я думал, ты хотела карьеру... — напомнил я Никольской о её жизненных приоритетах. — Пожалуйста! Помог, чем смог! Даже нашёл другого продюсера! Что я теперь ему скажу?

— Да, нашёл! Он уже прислал мне фотографии белья, в котором нужно будет его встретить в отеле!

От озвученного ею у меня онемела кожа на лице, как от хлесткой пощёчины. Я вдруг понял, что не дышу вздувшимися ноздрями, только лишь пытаюсь удержать в солнечном сплетении вскипающую ярость. Кажется, я поступал с ней также, как и её паршивые родители.

В глазах чуть помутнело, и дрогнул рот.

— Ну... — сглотнул я. — Для тебя же это... Не проблема? Спать с продюсером.

Она переменялась в лице. Её глаза померкли из-под полуприкрывшихся век.

Ева резко развернулась в сторону заправки, но я, испугавшийся такой смутной реакции, с силой поймал её за ледяную руку.

— Стой... Поехали с нами!

Наверное, это и было то, что она хотела услышать всё это время.

На меня, истлевающего гордыней, словно обрушили ванну льда. Неужели я это сказал...

— Знаешь, ты немного опоздал с приглашением, — равнодушно зашевелила она губами. — Меня уже позвал каждый в твоей группе. Все, кроме тебя, Господин. И я согласилась! Так что... Я займусь своей карьерой, с твоего позволения.

Наглая, самоуверенная Никольская. Но когда она, дрожащая от холода, с покрасневшими ногами, ускорила в сторону автобуса, я был согласен, что заслужил такое её отношение.

Ни парни, ни Муратов не возвращались уже полтора часа. Мы с Андреем сидели за столом, воскрешали его к трезвости чаем. Из их короткого разговора с Никольской я понял, что она пряталась рядом с кабинкой водителя, смотрела несколько часов в окно в позе зародыша — так что, левый мужик тоже был в курсе, что моё мнение ничего не решает в этом коллективе. Она притащила с головы автобуса свою сумку, забила на свободную койку, самую дальнюю от моей, укрылась с головой и раздражённо отвернулась к стенке.

Обиделась... Пускай. Я собирался разобраться с этим позже. Главное, что Никольская действительно умудрилась остаться.

Когда у заправки остановился второй наш автобус с оборудованием и персоналом, я испытал новый разряд стыда. Потому что всем работникам сцены как раз не хватало знать, что я довёл Юдина до нервного срыва. По вине продюсера всё встало на паузу, когда на счете был каждый лишний час... Я иногда всё-таки верил, что я очень везучий человек. Достигнуть того, о чём мечтал любой гаражный рокер с характером, как у меня, действительно выглядело как чудо.

Может, и сейчас повезёт?

Я вышел на улицу, натянул капюшон куртки у раскрывающего дверь автобуса и ошарашено открыл рот.

Из него вышли мрачные Гриша с Дроном, Юра, девки, операторы. Я заглядывал в каждое растерянное лицо, оказывающееся снаружи, на морозе, но ни в одном не признал Муратова.

— Лёнь, мы его не нашли... — пожал плечами Юрген. — Нас подобрали на обратном пути. Просто мы почти два часа гуляли вдоль леса и дороги, разглядывали сугробы, промёрзли на хрен. Но Вани не было... Мы звонили ему, как связь появлялась. Гудки идут, но он не отвечает.

Жесть... Просто жесть, мать его! Если он сдохнет, я буду виноват?! Да я сам себя за это сожру!

Я ошалело выдохнул.

— Мы не стали без тебя звонить... В полицию. Решили посоветоваться. Я правильно понимаю, что мы не дошли километров пять до населённого пункта? Посмотрите карты!

Какая полиция... Чёрт возьми, КАКАЯ ПОЛИЦИЯ? У него поддельный паспорт! Если он здоров и невредим, то после визита в участок продолжит жить в камере! А вместе с ним мой знакомый «волшебник» и я...

А если он уже в лесу валяется мёртвый?

Он вроде... Спокойный человек, хладнокровный! Он не должен был... Бл*дь, ну не должен же?

— Не надо в полицию, — безжизненно произнёс я. — Зачем зря беспокоить людей?

Твою ма-а-ать... А-а-а-а-а!!!

— А что ты предлагаешь?

Я, едва дыша, осмотрел всё наше сборище, столпившееся в ночи между двух громадных открытых автобусов. Дорога была совсем пуста.

— Я обидел Ваню. Очень серьёзно. Я сейчас напишу ему, потому что он не хочет принимать звонки.

Я надеялся, что это было так. И не имел понятия, чем он развлекал себя ночью на морозе в одной кофте.

К нашему собранию присоединилась Никольская, с головой замотанная в одеяло. Она остановилась поодаль от остальных, одарив меня упрекающим взглядом.

— Мы дадим ему время, хорошо? Он мог далеко уйти, поэтому будем стоять здесь и ждать. До четырёх часов. Он вернётся, — хрипло бросил я.

— Гарантируешь?

Гриша озлобленно осмотрел меня от ботинок до капюшона. Обсуждали меня за спиной, я знал. Но отвечать не стал.

Ну вот, а Ванька переживал, что его здесь недолюбливают.

— Мы не успеем, — пожал плечами Юрген. — Ждать — нет времени.

— Я знаю. Поэтому мы будем ждать здесь, а вы езжайте вперёд, разгрузайтесь. Садись с операторами в автобус, — и танцовщицами. Ты же так хотел. — Настройте всё чисто на свой слух. Мы приедем к началу концерта.

Наверное...

Я облажался! И должен был вернуть Муратова обратно!

Сцен-работники зашли в свой автобус. Мы попрощались с Юргеном, проследили, как музыкальный караван тронулся с обочины, ускорившись по пустой дороге с треском льда и

щербени, и ещё немного покурили на улице.

Это единственное, что оставалось в качестве развлечения без Муратова.

Скрепя сердце, я стоял на морозе и строчил ему.

Возвращайся, мужик...

Долго размышлял над сообщением, как показать ему, что я не враг.

Уже сегодня вечером будет концерт. Это то, что нужно, чтобы забыться, клянусь. Я знаю, какого это. Работа — лучшее средство от отношений. Здесь все...

Чёрт возьми, да, я писал это ему.

Волнуются за тебя и ждут обратно. У Никольской вообще была истерика, команда лишилась важного участника.

Стоим у той же заправки до 04:00. Возвращайся, пока не разрядился телефон.

Я мог бы даже выслушать тебя. Всё, что накипело... Если захочешь, Лёш.

Не сдвинемся с места до четырёх. Надеюсь, ты уже идёшь обратно?

Я атаковал его сообщениями, накидывая их дрожащими пальцами и жадно докуривая пачку.

Пока не решился позвонить.

— Абонент недоступен.

37. Беглец

Недосып начал проявляться чернотой под глазами. Совсем не спалось.

Я сидел на койке, прислонившись головой к стенке в полудрёме, проваливаясь лишь в тревогу. Тут же боязно открывал глаза, чтобы проверить время. От тишины в салоне заглушенного автобуса стоял гул. В один момент даже с заправки приходили спрашивать, всё ли у нас нормально, стучали водителю в окно. Он, как и я, перепугался, дёрнувшись с разложенного кресла.

Парни всё же не теряли надежды выспаться. Продрогшая Ева пряталась под двумя одеялами — Гриша отдал ей своё, а сам нацепил две кофты и почти бесшумно сопел на соседней койке.

Я всё ещё пребывал в прострации от слов Никольской. Невольно прокручивал, не находя сил прекратить: «Я думала, ты поймёшь... И не захочешь, чтобы меня имели другие мужчины!» «Я думала, ты поймёшь»... Эти её тупые предъявы... Хах!

И смешно, и грустно.

Неужели Ева возомнила, что способна меня спровоцировать на ревность? Надеюсь, она заметила, что у неё не вышло. Если бы Господин поддался, осознал, что она такая вся «неповторимая и единственная», какой себя считает, и предложил остаться... Никольская бы не разочаровывалась в собственных способностях обольщения. А что же ещё она сегодня испытала, пристально глядя мне в глаза? Точно, личное поражение.

Мне однозначно не были по вкусу её манипуляции. Но пока я ещё считал себя вышедшим из этой ситуации победителем, дышать было как-то проще.

И вдруг я ощутил, как похолодели лицо и конечности. Кровь отлила от головы, стало потряхивать, словно из-за острого недосыпа, когда я зашёл в своих размышлениях дальше. А зачем ей было нужно выводить меня на ревность?

Ради того, чтобы зацепиться за место? Всё ради карьеры? А может, чисто по-человечески её можно понять... Я ведь ей сказал, что больше мы спать не будем. А с тем е*арем пришлось бы. Да, я не сильно отличался от него методами работы, но ведь Еве здесь точно было лучше. Не такой уж Господин и тиран, как описывали меня бывшие участники.

Вот она и старалась всеми силами здесь удержаться.

Никаких... Чувств. Никаких. Совершенно.

От этой догадки я не удержал жалобного взгляда в её сторону. Девчонка, рассыпав волосы по подушке, свисающие к полу, тихонько дышала под грудой одеял.

Если бы я знал, что всё это время Ева пряталась за перегородкой у кабины водителя, наверное, не стал бы стебаться над Муратовым. Я хотел испортить всё по-тихому, без лишних ушей — одной бабой в его жизни больше, одной меньше... Но если сейчас Лёша вернётся, то что же... На Никольскую переключится? Дружба сексу не мешает? Если бы я расстался в данный момент с девушкой, то так бы и поступил на его месте.

Болезненный пульс раздался у меня в горле, и я, не выдержав, замотал головой. А не вернётся — надежды на удачный тур и свободную жизнь можно засунуть в анальное отверстие. Тогда меня ждёт тюремной срок в придачу с вечным клеймом долб*еба.

Но меня бесят их... Любые! Любые отношения... На работе! Я в очке. Вне зависимости от обстоятельств я в очке!

За эту ночь к никотину выработалось отвращение. И ничего съедобного не хотелось брать в рот — разве что яду. Встав прямо в одеяле, я, никого не будя, подошёл к двери и нажал на кнопку. Та зашипела, словно нехотя выпуская на улицу тепло, и отъехала.

Снаружи — холод собачий. Из-за чёрного леса жутко разило фантазиями о дикий зверях. И самое дерьмовое, что через шестнадцать минут должен был зазвенеть будильник у водителя. Тогда мы оставим Муратова мёрзнуть на улице, отправившись в Рязань вместе с его вещами.

Надеюсь, ты в порядке, парень...

Лишённый всякой надежды я пошёл по обочине в ту сторону, куда убежал Лёша. Недалеко. Остановился там, где ещё немного хватало света с заправки, и закусал растрескавшиеся губы до солоноватого привкуса. Интересно, а какой срок дают за подстрекательство?

Морщась от пронизывающего ветра, я извлёк из кармана спортивных телефон и достал руку из-под одеяла. В браузере вбил: «Статья за подстрекательство».

Но бесконечно крутящийся кружок посреди белого экрана быстро меня утомил. Связь работала с перебоями. Интересно, может, у Муратова не ловило, когда я звонил?

Я устало вздохнул, выпуская облако тёплого дыхания в клочок пространства, освещённый ярким светом телефона. Без энтузиазма начал снова ему звонить.

Он так много торчал в мобильнике, когда мы были ещё в пути... Гудков нет.

— Абонент недоступен.

Ясно. Скинув машинный голос, от леденящей безнадёжности я уставился в полотно нескончаемых уведомлений. Может, он отвечал?..

Фанаты, фанаты, фанаты, хэйтеры, много хэйтеров. Видео, голосовые, полотна восторгов и высера — вечер прошёл впустую. Теперь их сообщениям было суждено остаться навечно непрочитанными. И чат с Муратовым по-прежнему был без изменений. Я кисло улыбнулся. На морозе кожа натянулась, потрескалась сильнее и заныла, пропуская каплю крови.

Надежда всё-таки умерла последней.

Я, не сопротивляясь больше гложащим меня совести и панике, бездумно листанул вниз бескрайнего столбика уведомлений.

И уцепился взглядом за уже несвежее личное сообщение от журналиста.

Оно следовало сразу после его совета подыскать психиатра. Когда я вспомнил тот день, встрепенулся от ужаса...

20:17 Аноним

Господин, а вы, случайно, не «голубых кровей»?:(

Я ожидал большего;(И твои фанаты, кстати, тоже. Нехорошо получилось, что будем делать?

Пошёл ты!

В лёгких воздух смешался с ядовитым, обжигающим бессилием. Когда всё придётся огласке, журналист сотрёт меня в прах. И кажется, это будет справедливо.

А шутки у него... Бородатые, наверняка, как и он сам. Так уже не прикалываются лет десять.

Я бросил контрольный мутный взгляд во мрак и развернулся обратно к автобусу. Как вдруг понял, что мне привиделось движение вдалеке дороги — кто-то вальяжно брёл в сторону заправки.

Моё сердце в миг больно заколотилось по рёбрам, я обернулся и на секунду остолбенел.

Муратов не был мне другом или даже хорошим знакомым. Но его постепенно приобретающий чёткость силуэт с кудрями на голове, без шапки я сразу признал. Только походка его странно изменилась... Твою мать! Он реально вернулся!

Я проморгался и двинулся к объявившемуся беглецу, как в бреду, озираясь по сторонам.

Гитарист становился всё ближе. Теперь грязную пружинистую подошву было трудно различить, а тёмная одежда тоже не играла на руку парням, которые безуспешно ходили на его поиски. Но телосложение, рост, очертания — всё принадлежало Муратову, чудно шагающему мне навстречу.

Мы спешно прошли по половине расстояния, что нас отделяло. Я успел подумать много дерьма и вместе с тем почувствовал, как отпадает потребность изучать уголовный кодекс. Мы встретились во мраке, на обочине, воздержавшись от примирительного рукопожатия.

Я прищурился, еле рассмотрел его красное от холода лицо и стянул с себя одеяло.

П*здец...

— Вот, возьми, — нет, я не хочу себя корить. Он сам сбежал.

— Оставь себе! — вдруг нахально улыбнулся Муратов, насколько мог непослушным промёрзшим ртом.

Если бы не злополучный голос, ещё сильнее хрипящий на улице, я бы всерьёз решил, что это какой-то чужой, совершенно посторонний нам Иван, хреново притворяется невозмутимым Лёшей. Оборотень.

Его мимика заставила меня покрыться омерзительными мурашками, опоясавшим дрожащее тело. И дело было не в отсутствии одеяла. Внутри всё сжалось от той гримасы, что он выдал, бойко зашагав к автобусу.

Я так и остался стоять с одеялом и приоткрывшимся ртом, пришиблено смотря ему в спину. Даже не успел спросить, в норме ли он.

Но Ванечка, сделав пару шагов, понял, что я остался позади. Резво обернулся, кровожадно ухмыляясь.

— Савицкий, козлиная шевелась! Мы опаздываем на концерт!

38. Безопасность

В автобусе, наконец, тронувшись с места, сонный, не соображающий коллектив смотрел на нашедшегося Юдина, как на приведение. Когда Никольская вскочила с постели,

торопливо растирая себя по лицу, я обратил внимание, как мерзотно она затряслась от счастья.

— Где ты был? — зашевелила губами девчонка, убирая с бледного личика пряди.

Зомбированный мыслями Муратов отогревался в одеяле. Пил чай, в который плеснули коньяк, и маниакально ухмылялся. Напрягал меня как никогда.

— Я дышал свежим воздухом. Сделал небольшую «пробежку», кажется, до Софьино? Прогулялся по лесу, — непринуждённо захрипел он. Да уж, странный парень. — А потом Савицкий додумался извиниться, пришлось возвращаться.

Пришлось? Прозвучало это насмешливо и неестественно. У него явно состоялся телефонный разговор поважнее, поскромничал просто. Так что, Лёша с Виолеттой по всем моим гнидским подсчётам уже успел расстаться.

— Господин... Извинился перед тобой? — драмер достал руку из кармана кофты на животе и почесал подбородок.

Ехидно хохотнув, Лёша обернулся в мою сторону и загадочно пожал плечами. Я поперхнулся.

Нет, такого не было! Я просил вернуться, пытался поддержать так, как только умел Господин притворяться человеком... Но извиняться?! За что? Он брешет.

Я искоса проследил за его неузнаваемой мимикой.

— Мы очень испугались за тебя, — бледно заговорила Ева. — Это как-то странно, сбегать от группы... В лес. А если бы с тобой что-то случилось?

— Не случилось же?! — злобно зарычал он на Никольскую.

Хах! Вот это номер!

Девчонка просто обомлела, чуть не подавившись воздухом. Заткнулась и переметнулась в мои наблюдающие глаза острым, вонзающимся взглядом.

Искать объяснение поведению Муратова на моём лице было бесполезно, она же понимала? Я не сдержал ухмылки.

Если теперь Ванечка будет отталкивать Никольскую, то я даже счастлив, что всё так сложилось. И никаких отвлекающих факторов на работе.

— Всё хорошо, что хорошо кончается. Я... Рад, что ты получил сообщения и успел вернуться. Больше не уходи, л-ладно? — недоверчиво осмотрел я Ваню через прищур.

С психом в группе было бы трудно совладать. Надеюсь, мы стали свидетелями единичного срыва.

— И желательно отвечать на звонки своих коллег, — нравоучительно добавил Юрген. — На хер ты игнорил нас? Мы вообще-то за тобой побежали. А ты, значит, в лесу прятался? Волчара долбаный!

Сквозь расплывающуюся по лицу улыбку Муратов поморщился.

— Знаете... Не выйдет. Я выкинул телефон. А ходить за мной не советую, если боитесь проклятий.

В салоне автобуса наступила оглушительная тишина. Все настороженно переглянулись между собой, и их подозрения какого-то чёрта теперь сквозили во взглядах, обращённых на меня, чуть осевшего от неловкости. Группа быстро нашла источник проблемы в Господине.

А Ванечка всего лишь изучил матчасть на отлично — забавно, что применял в такой неловкий момент. Ну, приписывала жёлтая пресса Юдину увлечения оккультными практиками. Это всё ерунда, не было у музыкального композитора времени пентаграммки мелкими рисовать. Я чуть не хохотнул, глядя на вытянувшиеся лица взрослых мужиков. Как

будто даже Андрюха забыл о подмене и обосрался, но Лёша зря им угрожал. Понимаю, в нём кипела злоба... Мобильник уж точно был не при чём.

— Зачем телефон выкинул? — буркнул я, глядя в его безумные, бледно-голубые глаза.

Муратов горько ухмыльнулся.

— Чтоб ты больше не писал мне такие идиотские сообщения, Савицкий! Я тебе не девка по вызову!

Ясно... Мне всё стало ясно. Он разосрался со своей Вилкой и срывал злобу на шокированных окружающих. Был просто вне себя! Объявил бы сразу, что расстался со старухой, все готовы были понять, утешить. Но Ваня предпочитал выражаться так, словно в него вселился реальный Юдин. От этой догадки даже не хотелось хамить ему в ответ.

Придётся терпеть Юдинские выкрутасы, как и раньше.

Мы, разочарованные его возвращением в таком неудовлетворительном состоянии, молча разошлись по койкам. Лёша рухнул на свою не расстеленную кровать, лицом в подушку и долго не шевелился. Наверное, хотел задохнуться. Я беспокойно за ним следил, пока гитарист не отвернулся к стенке, а потом и меня сморило сном после всех пережитых за день потрясений.

Из раза в раз мне снилось, как я захожу в комнату брата в родительской квартире и застаю Никольскую вместе с Муратовым.

В зале клуба было опаляюще жарко. Голые содрогающиеся руки тянулись к подмосткам, теряясь то в ослепительных вспышках телефонов, то в пожирающей черноте. Софиты роняли свет на фанатские раскрасневшиеся лица, отчаянно визжащие выученные за сутки тексты. Балкон был битком облеплен слоем девушек и парней, выстроившихся вдоль перилл, несмотря на наше значительное опоздание. По груди и перепонкам бил бас, внутри даже в перерывах между песен чувствовался приятный тремор.

Здесь, на Рязанской сцене было безопасно. Далеко от столичного анонима, теряющего на периферии своё влияние. Личные проблемы оставались за кадром, тысячи глаз наблюдали за нами в ожидании зрелищ. Всех объединяла музыка.

Даже меня и обижающуюся Никольскую.

Под неприличные душераздирающие визги я стянул с себя футболку, оставшись оголённым по пояс, промокнул полотенцем горящее лицо. Коленки и участки кожи, что виднелись через разорванные джинсы, щипало от жара. Мисс Кисс уже выходила на сцену. Сегодня ей был уготован более броский, чем во время фестиваля наряд — брюки военного фасона и одна из её развратных блузок. Всё потому, что Никольская не допустила продюсера участвовать в выборе шмоток. И правда, обиделась...

Как для меня стало сюрпризом её нахождение в тур-автобусе, так и для фанатов это оказалось полнейшей неожиданностью. Надо признаться, приятной.

Толпа зашлась писком, стоило Еве выплыть из технической зоны на сцену, нежно приветствуя всех когтистой тонкой ручонкой. Я не представлял её публике. Сам засмотрелся. Никольская помахала в оживившийся зал, затем стала обходить каждого музыканта, тепло похлопывая по плечу и приобнимая, по-сестрински так.

Андрюху, Гришу из-за установки, Дрона. Подплыла ко мне, стреляя желто-зелёными глазками, и, как ни в чём небывало, щекотливо провела рукой по дрогнувшей груди. Фанатки яростно завизжали — она позволила себе то, до чего не каждая могла добраться после концерта.

Её томная улыбка ничуть не выдавала в девчонке неприязнь. При том, что Ева была отвратительной актрисой, как я понял на интервью, этот манёвр ей дался слишком легко. Но больше меня волновали мурашки, разбежавшиеся по шее, пояснице и рукам, в знойно горячем зале. Её прикосновение ещё чувствовалось на коже, когда Никольская стремительно удалялась к правой части сцены.

Всё, как в кошмаре. Я вспомнил, что он — агрессивно себя ведущий, голубоглазый мерин с волнующе дребезжащей в руках гитарой — существует. Выдавлив ухмылку, я бросил вскользь взгляд на Муратова, что низвергал этим вечером бешеную энергетику на публику.

И задержал дыхание, когда руки Евы проскользили под корпусом гитары, прижатым к мужскому торсу.

39. Между нами тремя

Измученный хроническим недостатком сна, дурными размышлениями я плохо помнил оставшийся путь до Рязани. Суматоху в гримерке, поспешный выход. И даже первый блок — он пролетел будто без моего участия. Тело и рот жили своей жизнью, не предавая репутацию Господина. Только страх из-за того, что всё это чуть не сорвалось благодаря единственному решению какого-то жалкого Муратова, сделал из меня законченного зомби. Но вот я очнулся.

Очнулся от грохочущих в ушах песен, уже следя за манипуляциями Никольской над вздрогнувшим Ванечкой. Его кудри взметнулись, когда он одёрнулся, искоса, из-под ресниц заглядывая себе за плечо. Я не мог не смотреть. Девчонка вплотную прижалась к Муратову со спины и, её цепкие пальцы запредельно неприлично спустились к мужскому паху. У меня вскружилась голова. Это было ненадолго, но так, что Лёша успел заметно напрячься, замерев в руках девчонки. Ева тут же дразняще взобралась вверх по его животу и протянула ладонь из-за корпуса гитары к струнам.

Зал возликовал, погрузив нас в шквал визгов.

Им было насрать, чему радоваться. А меня обдало приливом тянущей, осязаемой беспомощности. Пульс превратился в болезненную дробь, колотящую тело, как из дробовика, но глаза продолжали видеть яснее ясного. Если бы передо мной сейчас оказались родители — я отплатил бы им разговором. Если журналист — добровольно подбросил бы ему пару идей, чтобы откупиться. Сам сатана — и ему бы предложил обмен. Хоть на успех. Только не испытывать этой муки вновь...

Зачем? Зачем Ева это делала? Лезла к Юдину сама. Унижала себя после публичного «поцелуя» с Господином. Меня — на глазах стольких людей, вынуждала чувствовать себя лишним?!

Чтобы спровоцировать? Так я уже позволил ей остаться! Что ещё я мог дать девчонке? У меня за душой больше ничего не оставалось, правда!

Я спрятал микрофон за спину и с дрожью выдохнул, разглядывая восторженные фанатские лица. Над залом разлетелось рваное, грязное интро нашего сингла, лишённое баса и барабанной партии, которое Муратов и Никольская сыграли на одной гитаре в две руки.

Ах вот, чем они занимались наедине в коттедже...

— Для вас старалась Мисс Кисс, — с издёвкой зарычал я в микрофон и зашагал к противоположному концу сцены за водой. — Не судите строго, зато она немного умеет петь.

Публика рассмеялась, но как бы я не сверкал плутовской улыбкой, мне было мерзко. Борясь с головокружением, я нагнулся к палетке с бутылками. Микрофон в руках мешал разорвать плёнку. Я засунул его за пояс брюк, морщась от оглушительного женского писка, и

извлёк пару бутылок, чтобы отдать залу. Мне нельзя было стоять без дела и смотреть на этих двоих. Я был готов свихнуться.

Лёше стало нечего терять. Поэтому он и позволял Еве всё, что ей вздумается. А я никак не понимал, что же Мисс Кисс нашла в чопорной кудрявой голове? Муратов рычал на каждого встречного с тех пор, как прибился обратно к автобусу — прямо как я. От прежнего миролюбивого Лёши не осталось даже интонации. Неужели и правда он вызывал в ней желание общаться, прикасаться? У них происходило что-то более... Яркое, чем те поцелуи, что случились между нами с Евой?

Раскрасневшиеся фанаты жадно выдирали из рук бутылки, возвращая меня к жизни. Я достал ещё одну, полив себе на горячую отяжелевшую голову и торс. Встрепенулся, как пёс, выскочивший из водоёма. Капли заблестели в глубоком синем свете софитов, стекая по груди, покрывшейся мурашками, и прессу. Вода встречала преграду в виде жёсткого ремня на рваных джинсах. Судя по децибелам, перекрывшим бурчание Андрюхиного баса, я справился с привлечением внимания в одиночку. Без грязных приёмов, которых не гнушалась девчонка.

Да, она умудрялась делать рейтинги. Пока мы опаздывали на концерт, рязанцы скупили все оставшиеся билеты, устроив нам sold out. Повезло, что Ева запрыгнула в автобус без моего ведома. Но сегодня в её объятия вместо Господина угодил Юдин. Не знаю, как Лёша, но Ваня ненавидел оказываться в центре внимания.

Я бы, как продюсер, попросил Никольскую продолжать, чтобы грести деньги лопатой в каждом городе, только... Чувствовал, что всё это не понарошку. Не мог принять, что девчонка искренне интересовалась Муратовым. Я был вполне способен снова что-нибудь придумать и испортить, только тогда уже плакать будет не дурацкая Вилка Сергеевна... А Ева.

— Следующая песня «ОБ-РАТ-НООО», — заорал я, пристально наблюдая, как она нехотя отлепляется от гитариста. Придётся немного поработать, так ведь рвалась.

Лёша подыгрывал ей, что-то говорил через плечо, о чём мне не было дано знать. Только ли из-за публики?

Я настолько дрожал от злобы, с приоткрывшимся пересохшим ртом наблюдая прямо посреди сцены, как Ева его покидает... По её спине струились русые локоны, бледная упругая грудь в глубоком вырезе подпрыгивала в такт шагам, а лукавый взгляд, вдруг остановившийся прямо на моём влажном торсе, вспыхнул. От возбуждения?

Я упивался наслаждением от того, что она смотрела, мягко улыбаясь одними уголками губ. Смотрела пристально и жадно, как когда мы с ней забылись на одну ночь. Сквозь отяжелевшие из-за ослепительного света веки я осознал, что скучал по тому состоянию... Изнутри всего пробрало жалобной, физической мольбой сию минуту же прикоснуться хотя бы к её тонким пальцам, что оттягивали меня за волосы в постели. Я чуть окреп в штанах, бросив тревожный взгляд на ожидающих людей внизу сцены.

Мне только верилось слабо, что пару минут назад Никольская с невинным выражением лица потрогала Муратова между ног. Он, сбитый с толку, но не менее озлобленный, чем утром, блуждал кругами на своём пяточке сцены. Наверное, тоже не знал, куда спрятать стояк. Швырнул в меня исподтишка презрительный взгляд, а я — в него. И снова подавленно вернулся к Никольской. Мне с ней нужно было пережить целый блок.

С того грёбанного дня я перестал отрицать: между нами тремя действительно происходило нечто нездоровое.

40. Ничего криминального

Апрель. Дела группы шли в гору. Мы не успевали выступить, как нам предлагали вернуться с дублем концерта на обратном пути — желающие не уместались в зале. Организаторы из небольших городов начали связываться со мной с просьбой включить их в тур. Все они в один голос рассказывали, что кассы устали отвечать отказом на вопросы о приезде Death Breath. Билеты раскупались задолго до контрольной даты, поступало немыслимое количество просьб от фанатов устраивать мит-энд-грит после каждого выступления. Пока ещё у меня были свободные дни в чужих городах, я связался с типографией, чтобы нас снабдили большим количеством мерча. Его сметали в ноль.

«Искушение» набрал рекордное количество прослушиваний за всю карьеру Death Breath, перегнав в цифрах первый альбом в три с половиной раза. Мы вышли за пределы своего жанра, попали в поп-чарты. Мда... Радиостанции надоедали мне две недели с просьбой перезаписать некоторые куски текста в песнях — ублюдки не понимали, что я еду по трассе в автобусе с биотуалетом и карманной студией звукозаписи не владел. Потом, я так понял, нас всё равно взяли в ротацию, «забрюлив» то, что люди и так знали наизусть.

Юргену внезапно вдарило в голову творчество, он начал присаживаться вечерами мне на уши — вспомнил вдруг про своих знакомых, у которых во владении были ангары с иллюминациями для концертов. Мне было некогда этим заниматься, в какой-то момент я начал кидать ему деньги и прямо во время очередного выступления шарахнулся от внезапного столпа настоящего огня. С Юрцом было интересно работать, странно, что светооператор никогда не предлагал нам воспользоваться новыми технологиями. Наши шоу вышли на новый уровень.

Приглашения на интервью, летние фестивали, закрытые выступления сначала инфицировали мой телефон в каждой социальной сети, затем какого-то чёрта зараза перекинулась на других участников группы. И только психанувший Муратов «счастливо» жил в тишине, отнекиваясь от покупки нового мобильного.

Я не успевал разгрести почту и встраивать всех в график. Чтобы как-то уравновесить силы с возможностями, пришлось выставлять людям счёт. Но даже деньги не останавливали организаторов от переговоров с зазнавшимся Господином. Я каждый день наблюдал аукционы, где орги грызлись за наш визит в их город, и приходил во всё большее потрясение.

Это была настоящая квинтэссенция новых, заедающих песен, захвативших все возможные наушники и колонки, и присутствия в группе Мисс Кисс. Вопреки скандалу за неё встали сотни тысяч фанатов, в преданности которых Господину я уже сомневался. Я понял, что она становится успешнее DB, когда её число подписчиков обогнало моё за поразительно короткие сроки. Какой-то жалкий месяц. Певичка невинно радовалась, я — не очень. Но смиренно ожидал, что Ева захочет теперь заняться сольной карьерой и вот-вот лишит группу своего участия в туре. Так бы поступил я на её месте. Приближалось время двигаться дальше.

Но Никольская, видимо, не торопилась. Её устраивала жизнь на колёсах под одной крышей с пятью мужиками, два из которых готовы были придушить друг друга при любой удачной возможности.

Я уверен, Муратов пришёл в норму после расставания с Виолеттой Сергеевной. Тупые стишки в своей тетрадке больше не сочинял, нюни не распускал, по крайней мере, не подавал виду. Окружающим — откровенно хамил, а на концертах устраивал сатанинские пляски, от которых даже у меня глаза лезли на лоб. Фанатки из-под тонны грима «вдруг»

разглядели у него красивую мордашку, начали требовать, чтобы соло-гитарист вёл соцсети. Я с ужасом боялся представить, на сколько бы он обогнал меня в подписчиках, если имел в распоряжении телефон... Да ему и живого общения хватало на мит-энд-грит, девки не давали Муратову шагнуть без влюблённых закадровых вздохов. Автографы свои оставлял прямо на голых сиськах.

Он показал своё настоящее лицо, но Никольская и это готова была стерпеть в своём «лучшем друге». А во мне почему-то нет.

Мы с ней встречались... В фантазиях фанатов. Господин и Ева. Наши совместные фотографии и видео с концертов монтировали под сопливую музыку и отправляли блуждать по соцсетям, собирая в комментариях грязные чужие вымыслы. И забавные тоже. Когда я натёкался на такое творчество поклонников, никогда не пролистывал. Смотрел до конца, угорал. Но как-то раз телефон заблокировался во время очередного просмотра, и я увидел в отражении своё красное взволнованное лицо.

Не от смеха. Просто я знал, что этому не бывать.

— Тук-тук! Можно к вам? — раздался из коридора женский виноватый голос.

Я вскочил с обволакивающего тело нагретого матраса, растолкав подушки, и непонимающе сощурился на дверь номера. Думал, показалось.

— Кхм-кхм... — она собиралась снова постучать.

Я, справившись с потемнением в глазах, прошоркал к двери, морщась от противного света, и дёрнул за ручку. О внешнем виде позаботиться забыл.

— Добрый ве... — маленькая... Администраторша? В жилетке и галстукe многозначительно уставилась куда-то явно ниже моего лица, не потрудившись договорить. — Ве... Ве... Вы...

Я что, без трусов?

Хах, да нет, именно, что только в трусах.

Я поднял взгляд обратно на смугливую девуку, растирая сонливое лицо, и увидел, что рядом с ней стоит какой-то старый дед-алкоголик.

— Вы это... Просили поменять лампочку, — у неё зашевелилась щека, будто она что-то за неё положила. — А что с ней не так? Вроде всё работает.

Я устало вздохнул, позволив администраторше нагло войти в номер. Сам уже не помнил, зачем звонил, пока не заснул.

— Цвет не нравится, — она посмотрела на меня, как на конченного, но ни слова не сказала.

Опять уставилась на торс. Дедок скромно перешагнул порог, держа подмышкой стремянку, а во второй руке лампочку.

— В комнату, дядь Слав.

И всё же, что-то было не так сегодня. Только вот что? Я оставил последние силы на барнаульской сцене, сфотографировался с парой сотен фанаток и подарил им автографы. Парни, операторы и танцовщицы, как обычно, собрались в номере Юргена, крича на весь этаж, который мы сняли. А Ева и Муратов... Кажется, снова ошивались вместе.

— А вы это... Вы известный кто-то? — пока дядя Слава пугающе взбирался на стремянку, я утянул из ванной халат и замотался.

Администраторша, конечно, смешная.

— Кто-то.

— А... Как... Обращаться-то к вам?

— Господин, — недовольно буркнул я и собирался сбежать от липкого взгляда девки в коридор.

— Ну вы это, Господин. Поосторожнее, — деловито заговорила барышня. Я нехотя застыл в дверях, чувствуя, что нарываюсь на очередную глупость. — Ваши ходили курить к главному входу. Я им сказала во двор заворачивать. Нам чужих не надо приводить после полуночи.

— Каких чужих?

— Не знаю «каких»... Фанатеющих этих ваших. У кудрявого фотографироваться всё время просят.

Я обомлел, окончательно отделавшись от дремоты. Нас спалили? Это очень хреново, почему они мне не сказали?

Я запрыгнул в спальню, натянул джинсы, кофту, солнцезащитные очки и на глазах у прифигевших работников кинулся к обуви в коридоре.

— Э-э... Ключ не забудьте от номера, — администраторша сунула мне магнит, всё ещё странно косясь. — Во двор можно через правое крыло выйти. Так ближе.

Муратов же не разговаривал с фанатами своим поганым голосом? Он же не дурак?

Злобно вышагивая по пустому коридору, я пронёсся мимо номера Юрца, из которого слышались звуки удавшейся пьянки, дошёл до лестницы, выглянув в окно, выходящее во двор — но снаружи было слишком темно — и понёсся вниз по ступенькам.

На первом этаже на лестничной клетке висела мигающая красным огнём камера и стояла одна единственная металлическая дверь. Скрипучая. Я медленно приоткрыл её, выглядывая одной головой на улицу и приспустил с глаз чёрные стекляшки.

В паре метров от меня под жёлтым фонарём стояли две размалёванные девки. Они нахваливали сегодняшний концерт, хихикали и фотографировали легко одетых Муратова в обнимку с Евой. Ванечка вальяжно покуривал сигарету.

Ничего криминального... Просто они снова проводили вечер вместе. Я тревожно вздохнул, чувствуя, как внутренности прожигает от несогласия, и собирался убраться, но от ветра дверь громко скрипнула.

Одна из девок заметила меня, подозрительно всматриваясь сквозь темноту.

— Ой, здесь кто-то есть?

Я, недолго думая, натянул ухмылку и вышел во двор.

— А-а-а! Господин! Посмотри! — заверещала блондинка. — Обалдеть! Арин!

Но её подружка ещё с несколько секунд была занята снимками. Я лишь успел заглянуть Еве в лицо и увидел, как она схватилась за его подбородок, притягивая несопротивляющегося гитариста, выдыхающего дым, к своим податливым губам.

41. Идея получше

В моей груди что-то ощутимо надтреснуло. Нахлынул изживающий терпение жар, в висках болезненно застучало, а в солнечном сплетении заклокотало, стоило Еве облизнуть нижнюю губу, коснувшуюся его грёбанного рта. Но тут же Никольская отстранилась, ничуть не удивившись моему присутствию. Любопытствующе осмотрела зелёными стекляшками вместо глаз, как подопытного кролика, которому оторвали уши. Такой стоял звон в голове.

Догадываться и быть свидетелем наяву — совершенно разные по интенсивности ощущения. Но к тому моменту, когда бы я убедился в физической тяге Евы к Муратову, я рассчитывал окончательно очерстветь. На языке чувств самым холодным орудием

оставалось равнодушие, которого у меня всегда было не занимать.

Но только бл*дь не сейчас. Я думал, меня уничтожит наш с ней поцелуй... А самый губительный оказался их с Муратовым. Я так и стоял, чуть не пошатываясь, осознавая: Никольская знала, как мне тяжело было её подпустить, и предпочла лишить наши прикосновения всякой ценности.

Для полного ужаса я вдруг понял, что фанатка засняла эту глупость на телефон. Ева одним лёгким жестом обрекла меня терпеть её сватовство поклонников с Ванечкой.

Подзабыл просто, какая она была пустышка...

— Ого! А вы... Вместе? — фанатка шокировано выглянула из-за телефона. — Вау!.. Г-господин!

Меня скрутило, словно мокрую половую тряпку. Нужно было заговорить этих двоих.

— Привет, — я хищно улыбнулся, расположившись между пооткрывавших рты фанаток. — А что это вы здесь делаете, юные леди?

— Мы здесь ждали... Тебя, Господин! — ярко покрашенная блондинка в тонкой куртке нагло прижалась ближе ко мне.

Я, сглатывая горечь во рту, ласково улыбнулся, повернувшись к каждой, приобняв их замёрзших, и пристально осмотрел женские лица, будто мог ими по-настоящему заинтересоваться. Вторая подружка выглядела, словно привороженная, разглядывая снизу вверх мои глаза.

Голова немного шла кругом после увиденного в жёлтом свете фонаря.

— Мы просто с концертного зала поздно вышли, пока ждали куртки. Была большая очередь. Потом отошли от клуба, стали ждать такси и увидели на крыльце отеля Гришу с Дроном. Сфоткались с ними, подождали неподалеку, взяли автограф у Андрея. Потом пришли Мисс Кисс и Ваня... Но это уже мы успели зайти до того, как закрыли ворота во двор. Мы так и поняли, что вы здесь остановились.

Матёрые фанатки и отвратительная охрана. Я таких слегка побаивался, когда бронировал отели поблизости к концертным залам.

— А вы больше никому не говорили, где мы ночуем?

— Нет, зачем? Чтобы все идиотки сюда набежали? — улыбнулась блондиночка и томно посмотрела на меня из-под чёрных ресниц.

Действительно. За преследование можно было не волноваться.

— Блин, ты такой красивый, — замямлила, кажется, Арина, облизывая рот. — Брови, губы, скулы... Фотографии так не передают цвет. Вживую очень глубокие глаза... Серозелёные! Со сцены тоже так близко не рассмотреть... Господин, я тебя люблю! — вдруг подытожила девка, едва ли жутко не принюхиваясь.

У меня перехватило дыхание от того, насколько искренне она это говорила. А вкупе с состоявшимся между Ваней и Евой поцелуем это вызвало тягостную тошноту, щекотавшую пищевод и глотку.

Я еле оторвался взглядом от одухотворённого лица фанатки и глянул на Никольскую.

Она следила за мной не моргая, заметно стиснув челюсти и прищурившись.

Хах... Что-то пошло не по плану, Киса?

Её неудержимая злоба настолько бросалась в глаза, что я не мог уныло не ухмыльнуться. Зачем же было начинать игру на нервах, если сама Никольская была не в состоянии стерпеть даже часть того, что заставила меня испытывать.

— Спасибо, — равнодушно пожал я плечами, снова обратив внимание на пускающих

слюни поклонниц. — Как зовут-то вас?

— Их зовут Арина и Даша, — подала суровый голос Никольская, скрестив на груди руки. — Вы хотели с ним сфотографироваться?

От командирского тона Никольской мои брови скептически вздёрнулись. Но девки чхать хотели на Еву.

— Слушай, Господин... А можно будет остаться у тебя в номере? Просто, мы приехали сегодня на концерт из-за города. Нам далеко добираться.

Ах вот как...

Она чуть не закипела, хватая ртом воздух. Муратов, послушный мальчик, всё также молчал, отдельно от нашей компании развлекая себя курением.

— Да! — кивнул я, не находя больше сил улыбнуться и шумно сглотнул. — Кровать большая, места троим хватит.

Дыши глубже, Никольская. Не захлебнись от ревности.

— А почему бы тебе не снять девушкам номер? — она, горделиво тряхнув уложенной после концерта шевелюрой, только что умудрилась нажать себе двух врагов.

Фанатки готовы были повырывать ей ключья волос за место в моей кровати. Не ожидал, что Ева способна так низко пасть из-за каких-то безобидных поклонниц... И всё никак не мог отойти от того, что она сделала.

— Ну мы как-нибудь сами разберёмся, без чужих советов. Да, Господин? — раздражённо бросила одна из девок, с гонором окатив Никольскую презренным взглядом.

Та обессиленно сглотнула, уставившись в белый от освещения асфальт.

Мне было далеко до понимания того, что творилось с Евой. Я лишь невольно отплачивал ей той же монетой. Разве что-то было не так?

— Вань, — зашевелила она губами. — Тогда ты приходи в мою комнату.

Я остолбенел, чувствуя, как горло сковало удушливым протестом. Приобнял девок крепче.

Это было очень глупо, Никольская! Боюсь, даже школьницы способны на более изощрённые методы привлечения внимания.

Ей не хватало только начать перечислять позы для секса.

— Зачем Ване приходиться в твою комнату? — холодно процедил я, боясь заглянуть в её ненавидящие глаза.

В них можно было сгореть заживо.

— В номере у Вани с Юрой шумно. Ты же знаешь!

Какая заботливая девчонка!

Я горько ухмыльнулся и проследил за Муратовым, настороженно поведшим в нашу сторону бровью.

Есть идея получше.

— Вань, а пошли ночевать с нами в номер?

42. Грёбанный психолог

— Вань, а пошли ночевать с нами в номер? — у Никольской заволокло пеленой взгляд.

В отношениях с Виолеттой Муратов был весь такой правильный, душный. Если сейчас он откажется в пользу Евы, я сочту это за повод разmozжить его кудрявую башку! Отказаться может только тот, кто побоится ранить чувства девки! А зачем ему осторожничать, если их ничего не связывает?

Муратов подошёл к мусорному ведру, вальяжно стряхивая пепел. По губам, которые Ева

жёстко терзала, ожидая ответ, можно было догадаться. Ванечка не подконтролен ей так, как бы этого хотелось. Он продолжал стоять с надменным выражением лица, которое никогда теперь не слетало с него даже при посещении сортира в автобусе.

— Ванюша, решайся, — захохотала блондинка. — Ты так загадочно молчишь. Кивни, если тебя держат в заложниках.

Тогда он обернулся на меня, тряхнув своими мерзкими кудрями, и продолжил выбешивающе пялиться. Раздражённо приподнял брови, будто на что-то намекая...

Он бл*дь не мог ответить при посторонних! Я же пришёл проследить за тем, как он держит язык за зубами! Сука!

— Прошу прощение, — раздалось за нашими спинами.

Чуть не подставился! Не сразу отреагировав на посторонний голос, я нахмурился своим мыслям. Слишком привык к его присутствию, перестал держать в голове, с кем по-настоящему имею дело — потому что Муратов полностью слился с образом Юдина. И Никольская без конца мешала мне контролировать его поведение! Я за самим собой уже не замечал оплошности, пока придумывал, как поставить её на место!

Ева, чуть поёжившись, как-то встревоженно дышала, избегая смотреть мне в глаза.

— Кхм-кхм! — в нашем кругу возникла администраторша, с которой я недавно виделся в своём номере. — Уважаемые постояльцы! После двенадцати на территории отеля запрещено находиться гостям! Либо прощайтесь, либо заселяйтесь!

Девушка в галстук то ли от холода, то ли от недовольства, скрестила руки. Внаглую заглянула в лицо сначала пошатнувшейся блондинке, а потом её смутившейся подружке, подозрительно щурясь. Я невольно ослабил объятия, буквально отдав их на зрительное растерзание работнице.

— Девушки, вам восемнадцать-то есть? Я вас без родителей не заселю!

Мы все настороженно замерли. Я замер. Чуть не поперхнулся...

Вообще-то я думал, они ровесницы Евы, но теперь, когда администраторша озвучила вслух, закрались подозрения.

Плавню убрав руки, я грозно уложил их на грудь, уже наблюдая, как блондинка — самая смелая из двоих — закатила глаза.

— Кхм... Что значит, восемнадцать? Разве шестнадцать лет — не возраст согласия?

Твою же ма-а-ать... Во что я чуть не вляпался?

Работница выпучила на меня круглые изумлённые глаза, будто я успел совратить малолеток прямо в их плохо охраняемой подворотне. Лучше бы следили нормально за камерами, придурки. Незваные гости здесь тусуются явно не один час!

Муратов скривил свои поганые губы в насмешливой улыбке, пытаясь отвернуться, очевидно, чтобы не заржать. И просиявшей Никольской, к сожалению, заметно и стремительно полегчало.

— Я понял. Вызову вам такси, — блудницы недоделанные!

— Да ну блин, Господин! Мы не против остаться, правда!

— Зато я против! Говори адрес!

Это не месть! Это бл*дь черте что!

Я, пробираемый ночным холодом, вызвался проводить малолеток до приезда машины. Никольская с Муратовым, исполненные насмешливого сочувствия, поднялись на этаж, бросив меня наедине с озабоченными девушками. Они ещё долго умоляли меня остаться, а я, заколебавшись возиться с тупицами, стрельнул сигарету у Андрухи. И как же его угораздило

отлучиться от абсента?

Никотин никак не притуплял агонию. Безвкусный дым улетучивался с горького языка под тупые разговоры девок, которых я, надеялся, что видел в последний раз. Отстегнул им денег за такси и... За фотографии. Подружка блондинки удалила их на моих глазах. А минут через двадцать утомительного ожидания приехала машина и увезла их в далёкий-далёкий пригород Барнаула.

Я остался один в чёрном дворе, высверливая взглядом фонарь, под которым Ева и Лёша соприкоснулись губами. Тлел от сожаления заживо, словно у надгробия.

В шуршащей тишине иногда раздавался рёв ночных гонщиков. А иногда и выкрики из окон отеля, явно принадлежащие нашим. Я так ни к чему и не пришёл. Только окоченел до дрожи...

Не было сил справляться с тем, что обосновалось в груди. Поэтому я, плохо соображая тяжёлой головой, просто унёсётос собой вместе с паршивыми воспоминаниями.

На этаже, щиплющем теплом лицо, слышалась суета — пьянчужкам пригрозил охранник. Двери в номера были открыты, а люди в нечеловеческом угаре плутали из одной комнаты в другую. Переговаривались, кричали и подбирали по гостям свои вещи. Я слился с нашей толпой, морщась от аромата спирта, прошёл в свою комнату и сделал вид перед самим собой, что ложусь спать.

А когда в коридоре стихло, нашёл себя разбитым у двери в её спальню, которая почему-то оказалась приоткрыта.

— Не молчи, Вань. Скажи, пожалуйста, что-нибудь, — он раздражённо умыл лицо ладонями и проигнорировал её, сидя к Еве спиной. — Ты обиделся?

Мне казалось, что меня не существовало. Только два их силуэта в свете ночника из-за узкой щели.

— Нет, — отрезал он, не поворачиваясь.

— Хорошо. Я не знаю, что ещё придумать...

Ванечка шумно вздохнул.

— Можно сказать, как есть.

— Нет! Он не поймет! Далёк от этого. Ты же видишь, что он ревнует, значит...

Речь обо мне? В груди болезненно ухнуло.

Значит, что? Можно продолжать лезть к нему в рот?

— Зачем? Зачем он тебе нужен? — Муратов взволновано вскочил с края кровати и приблизился к Никольской. — Лёня не знает обычных человеческих слов поддержки! Ведёт себя, как мудак, не уважает окружающих, самоутверждается за счёт девушек, — нравоучительно загибал он пальцы. — Почему вам такие нравятся?

Кому это «вам»? Он до сих пор оскорбляется за Вилку?

— Как бл*дь тебя угораздило? — Ваня рыкнул Никольской прямо в лицо.

Он имел ввиду...

Неважно! Мне почему-то так стало удушливо больно слышать это со стороны. Слышать это от Муратова.

— Я думаю, то, что мы устроили, было бесчестно! Но максимум реакции ты от него получила. Он чуть не вы*бал школьниц, чтобы утереть тебе нос. Считаешь, это проявление чувств? Это же так романтично, назло девушке спать с другими?

Кровь отхлынула к моим онемевшим ледяным ногам. Я остался стоять, страшась

моргнуть и увидеть снова, как он нарушает её границы.

Если Муратов продолжит называть вслух всё, что я учинил, мне останется только провалиться сквозь пол!

— Если бы он хотел, он позвал тебя в тур! Сам! Но он этого не сделал!

Не сделал.

Я был растоптан. А Ева выслушивала его вразумительную речь холодно, как-то странно меняясь в лице.

— Ты, наверное, совсем себя не уважаешь, раз хочешь добиться от него эмоций! — охренеть...

Всё это время я чувствовал в Еве странную фальшь. Не мог разгадать, почему она так странно себя вела. Но оказалось, девчонка просто хотела вызвать во мне чувства. А я думал, это слишком наивно, чтобы быть правдой...

На моих глазах Лёша делал то, что я провернул с его Виолеттой, также хладнокровно и жестоко. Только, в отличие от Господина, он не использовал вымысел. Говорил правду.

Не хватало духу прервать его тираду.

— Тот дед хреново сказался на твоей психике. Пока ещё от Лёни тебе есть какой-то толк, попроси его оплатить приём у психолога! — то ли злобно, то ли по-дружески выдал он и взъерошил на голове кудри. — И прекрати это всё побыстрее! Я бл*дь тоже не железный!

Она смотрела на него изумлённо. Расколдовано.

Как никогда бы не посмотрела на меня.

— Вань... — девчонка сползла к краю кровати и присела рядом с Лёшей. — Ты всё ещё думаешь о ней?

Нет... Нет! Только не это!

— Да, — надломлено прохрипел Муратов.

— А хочешь... — она боязно сглотнула. — Переспать?

У меня сперло дыхание. Лицо онемело, руки налились жаром, когда я стремительно вошёл в её номер, громко хлопнув дверью, и встал над ними, мирно сидящими на постели.

У Никольской, общающейся с Юдиным в одной футболке и трусах, изумлённо приоткрылись губы. Ванечка отстранённо уткнулся взглядом в пол.

— Уйди отсюда! — пригрозил я девчонке.

Она, сверкая глазами, подскочила на ноги.

— Лёнь!

— Я сказал, уйди! — злобно зарычал я, не узнавая самого себя.

Голову тошнотворно кружило от того, на что Ева обрекла меня, параллельно поддавшись на святость Муратова.

Девчонка увидела, что я был лишён даже слабого контроля. Попятилась, тревожно озираясь, и, наконец, прикрыла дверь снаружи.

Мы остались вдвоём с грёбаным психологом.

— Вставай! — приказал я, глядя вниз.

Муратов равнодушно поднялся с кровати, даже не пытаясь отодвинуться от моего пышущего злобой лица.

Ненавижу! Ненавижу уроды за каждое слово! За откровенность! За правдолюбие! За то что знает, что я сейчас сделаю, и даже не шелохнётся!

Он уставился унылым бледным взглядом куда-то очень глубоко мне в глаза. Сердце больно заколотилось в рёбра.

— Что, Ванечка? Нравится за мной донашивать?

Его белое лицо в миг побагровело, стоило мне обернуть Муратова за шею рукой и начать яростно душить. Я был способен убить его, я уверен!

Мы схлестнулись в нашей взаимной неприязни, не замечая раздающегося в номере грохота и рассыпающихся осколков. Воздух перестал доходить до ломящих лёгких, когда и его пальцы ненавидяще сомкнулись на моей глотке. Мы быстро прибегли к кулакам, попадая в лицо и под дых. Изо всех сил выбивали из наших тел остатки сопротивления. Руки ныли от ударов.

А через несколько минут на полу стало скользко.

43. Досталась другому

Я выдохся, чувствуя, что духу уворачиваться не остаётся. Мы перемазались в крови, катаясь по полу, и единственное, что я продолжал делать — пытался обезвредить озверевшего Муратова, сжимая его, как долбанную девку в постели.

В номере странно запахло. Сладко, обволакивающе, бессильно.

— Не смей спать с Никольской! — выдохнул я, ослабляя хватку.

Теперь он, легко выпутавшийся, мог спокойно грохнуть меня по голове. Из носа Вани хлестала кровь, пятнающая мою кофту, ещё одна струйка стекала из разбитой брови, капая с подбородка. Муратова совсем это не смущало.

— Я и не собирался! — взревел он озлобленно.

Ванечка дрался не из-за Никольской?

Обезумевшие голубые глаза, выделяющиеся на фоне красных подтёков на его лице, навели на меня тихий ужас. Он не желал останавливаться, отодрав меня от пола за ворот. И, отчаянно дыша, держал как бездушный мешок над полом.

Я с запрокинутой головой разглядывал теперь лишь белый потолок, чувствуя, как подступает тошнота. Просипел из-за передавленной глотки.

— Если не собирался... Зачем тогда продолжать?

Знаю. Я начал сам, но, если ему была не интересна девчонка, я хотел остановиться. Меня пугала перспектива стать инвалидом от его рук. От рук человека, разделившего со мной губы Никольской...

— Ненавижу тебя за неё! — гитарист глубоко вздохнул сквозь окровавленный приоткрытый рот. Задержал дыхание. — Зачем ты мне рассказал?!

Он действительно предпочёл бы жить в неведении? Только лишь ради Вилки Сергеевны?

Удивительно, что он так болезненно переживал их разрыв. Неужели это его первое разочарование в женщинах...

Мне стоило зажмуриться, когда Ваня отпустил бы меня, подвешенного над полом, вниз.

Но добропорядочный до дури Муратов вдруг сжалился. Постарался, насколько мог, дрожащей рукой уложить меня осторожно. Этим он и отличался от Юдина, как бы не старался быть на него похож... Ноющий затылок плавно коснулся пола, в лёгкие начал проникать мерзкий воздух, когда Ваня подавленно прикрыл глаза, хладнокровно наблюдая из-под век, как капли крови с его подбородка срываются на ламинат.

— Ненавижу тебя, Савицкий. Но знаю, что обвинять бесполезно. Это ведь она хотела увидеть тебя во мне...

Правильные, но неутешительные для моей совести выводы. Я вдруг понял, что хочу взвыть от боли в рёбрах.

— Еба-а-а-а-ать! — раздалось в номере. — Вы во что друг друга превратили?

Зрители подоспели. Я, еле в состоянии шевелиться, позволил голове неторопливо перекатиться в сторону входной двери. На пороге стояли Андрюха, Юрген, взвизгнувшая администраторша с ошарашенным охранником, которого я не смог разглядеть из-под заплывающих век. Но позади парней точно находилась Киса, трусливо выглядывая из-за их спин.

Она казалась очень напуганной. Сверкнув блестящими зелёными глазами и жалобно сглотнув, поторопилась скрыться где-то в коридоре. Через секунду со стены, виднеющейся в проёме, исчезла даже её робкая тень.

Еве не нужно было этого видеть...

— Поехали, — надо мной склонился Андрюха.

Таким оторопевшим я его ещё не видел.

Макнув мне в мокрое от крови лицо свои длиннющие волосы, ангел с бородкой протянул мохнатую руку, пока Муратова, осевшего на пол, отскребал Юра.

— Куда ещё? — вздохнул я.

— В больницу!

Мы напугали дежурных врачей в ближайшей клинике. Нас с Ваней транспортировали до кабинета неотложной помощи, отмыли от крови, воздержавшись от расспросов. Наверное, Никольская всё им рассказала. Ване пришлось зашивать бровь, а меня уговорили остаться до утра, чтобы сделать рентген головы. Лёгкое сотрясение ощущалось так приятно... Думаю, это было облегчение по причине равнодушия Муратова к Еве.

В платной палате мы лежали на противоположных койках, разглядывая опухшие морды друг друга. Вокруг в похрустывающих бахилах сидели Дрон, Гриша, Андрюха и Юрген, молчаливо дожидаясь рассвета. Мы не включали оголённую лампочку, свисающую с потолка. Она меня бесила, свет вызывал резь. До прихода главного врача оставался час с лишним, поэтому я планировал подремать. Но, как всегда, этого времени было слишком мало, чтобы я смог уснуть и увидеть хоть один поверхностный сон... Я начинал всерьёз подумывать над приёмом снотворного.

Нужно было не забыть спросить у врача.

Ещё и мысли лезли нехорошие. В неприкосновенное полуторанедельное окно в туре, выделенное под отдых, мы были обречены лечиться, чтобы предстать на сцене в более-менее приемлемом виде. Ванечка оказался удачливее: ему наложат грим, и ртом шевелить не потребуется. А что было делать мне? Совсем умом тронулся с этой девчонкой...

— Ну вы и придурки, — наконец высказался за всех звукарь, недовольно мотая бритой головой.

Я тут же отмёл надежды на сон, разволновавшись, что он начнёт копаться в причинах нашей неприязни.

— Может, нам нанять частных охранников в тур? Будут вас чуть что разнимать.

Хах.

В ответ я не мог выдать и толику привычной агрессии. Справедливый стёб.

— Мы всё выяснили. Больше такого не повторится, — холодно заверил я, приспуская на лоб намоченное полотенце.

— А где Ева? — полюбопытствовал Муратов.

Я и он не могли не заметить, что Никольская, столкнувшая нас лбами, не приехала

полюбоваться на свою работу. Это потихоньку доводило меня до безумия, ведь девчонка наверняка отдавала себе отчёт, по какой причине мы оказались с Ванечкой в больнице.

Я не хотел, чтобы она досталась другому.

На самом деле, хорошо, что не приехала. Я бы дух испустил от стыда.

— Ей было страшно на вас смотреть. Но этой ночью она бегала в магазин, купила вам завтрак. Вот, — судя по звукам, Андрюха положил на тумбочку шуршащий пакет, источающий запах чего-то съедобного.

Мило.

— Эй, парни... Вы... Чёрт! Потом... Всё потом, сейчас не вовремя, — взволнованно забормотал Гриша.

От его интонации я стянул с головы полотенце и умудрился слегка приподняться, щурясь в его расплывающееся лицо.

Он пялился в телефон, а при виде моего лица болезненно сморщился, пряча его в карман.

— Что там у тебя? Аноним? — спокойно произнёс я.

— Бля, только не говори, что это он!

— Это он, — бледно изрёк Гриша, забежав взглядом по палате.

Ерунда. Журналист сдулся ещё на фестивале. Меня не удивить фоткой Никольской с Муратовым. Даже денег не жалко, если малолетки её слили — я уже давно не справлялся с тем, что Ева творила на публику, и просто умыл руки. По крайней мере, она с невинным выражением лица выдавала один скандал за другим, распиарив нас круче, чем умел я сам.

— Давайте вы потом посмотрите. Реально, чел. Не думаю, что ты это переживёшь, — растеряно пожал гитарист плечами.

— Не неси херню. Что там? — от недовольства я даже начал вставать с койки, но Андрюха мне не позволил.

Пока Гриша мучался сомнениями, вздыхал, Дрон достал свой мобильник и, видимо, сам зашёл в блог анонима. Я затаил дыхание, сжимая полотенце.

— Охренеть. Тут видео вашей драки!

44. Прозрение

Господин не поделил с Юдиным эскортницу? Забавно. Оу, прошу прощения, феминистки и правозащитники! Я хотел сказать оступившуюся добропорядочную Мисс Кисс! Ваня Юдин так и сказал своим охренительным голосом: «Я с ней спать не собирался», и этим же утром фанатки выложили их совместную с Никольской фотку... А-я-яй, как нехорошо! Думаете, я стыжу гитариста и Господина за личную жизнь? Как мелко!

Я лишь хотел, чтобы вы расслышали голос Юдина на этом видео. Думаете, почему он всю свою карьеру молчит и не даёт интервью? Уже догадываетесь?

Делайте выводы сами: тирания царит в коллективе или взаимопонимание между мордобоями 3

Если ещё не поняли, я намекну. «Что, Ванечка, нравится за мной донашивать»? — у нас же так выражаются совершенно самодостаточные господа? А у меня к вам остался только один вопрос, фанаты завистливого говнюка! Стали бы вы слушать Леонида Савицкого, если он вдруг позволил Юдину приблизиться к микрофону?

Назад пути не было. Все узнали молчаливого Юдина с новой стороны — с той, какой у настоящего не имелось. Захочет он вернуться когда-либо в музыку, и его самого сочтут за самозванца. Но был ещё узкий круг лиц, с которыми тот самый подлинный Юдин всё-таки

контактировал. И тут я трусливо ждал несколько дней, пока кто-то проявится в новостях и начнёт возмущаться: «Это не его голос! Кто этот человек на видео?». Но громких заявлений так и не последовало. Наоборот. Фанатики вострепнулись, атаковали мои соцсети, выпрашивая новый трек с вокалом Ванечки. Они, совершенно не задумываясь над посылом, приняли идею анонима за руководство к действию.

Становиться источником сплетен всегда мерзко, но для такого человека, как я, — терпимо. И всё же то, на какой уровень вышел журналист, повергло меня в первородный страх, вынуждающий настороженно озираться. Он буквально проник в забронированные мной номера отеля. Перед выездом мы обыскали каждую комнату и, матерясь, извлекли скрытые камеры ещё и из моей спальни. Позже нас навестил сам владелец отеля и, конечно, с ошарашенными глазами отрицал, что его персонал мог быть к этому причастен.

По камерам в коридоре было видно, что перед заселением в номера заходили и горничные, и несколько администраторов, но, что происходило внутри, нам не дано было узнать, и работники не сознавались. Владелец отпустил нам грешок с разгромлённой комнатой, а я при любых других обстоятельствах просто пошёл бы чинить разборки в суд! Если только не ещё один возможный вариант того, как мы попали в объектив журналиста...

— Тем двум девкам, что сделали ваше фото, я заплатил денег. Они удалили снимки на моих глазах. Но, наверное, успели переслать подружкам... Эти малолетние суки могли растрепать в интернете и адрес нашего отеля. Так его узнал аноним. Связался с администрацией, предложил им сумму, и те установили камеры. Нас легко могли продать, — я обеспокоенно пригладил волосы, искоса поглядывая на сурового Лёшу.

С тех пор как мы сменили отель и проводили неделю в тишине, не давая комментариев в блоге, группа ни разу не ездила в город на прогулки и не собиралась за общим столом. Четвёртого мая у Андрюхи приближался день рождения, но грязная игра анонима заставила всех подозревающе помалкивать. Я почти не видел парней, совсем не пересекался с Кисой, отлёживаясь днями и ночами в четырёх надёжных стенах.

Но вот. Накопил домыслы и заявился в номер Муратова, тоже коротающего свободное время в одиночестве.

— В том отеле ко мне заходили менять лампочку. Я оставил администраторшу с дедком одних, когда спустился к вам во двор.

Сам же их и позвал...

Мрачный Муратов с отросшими кудрями, собранными на затылке в узел, продолжал делать вид, что я ничтожество, и скептически морщил лицо. Бровь его, исполосованная швами, быстро заживала, а вот меня до сих пор подташнивало после его тяжёлого кулака.

— К Еве не заходили работники. Как только мы заселились после концерта, не высывались из её номера, — мои челюсти с силой сомкнулись, когда он это озвучил. — Бухать не хотели, — тут же оправдался Ванечка.

Я тоже не пил в тот вечер, но Никольская со мной свою трезвость почему-то не разделяла.

— Вы же выходили курить! Администраторша или горничная могли войти в ваше отсутствие.

— Ты не видел записи с камер видеонаблюдения? К нам в номер заходил только Андрюха, потому что в нашем с Юрой номере было шумно, а он говорил по телефону.

— То есть, когда вы поднялись со двора обратно на этаж, он был всё ещё там?

— Да. Он сказал, что никто не заходил. Да и по камерам реально никто не заходил! —

Муратов почему-то начинал выбешиваться. — А потом мы опять сидели вдвоём. Тоже никого не было, пока ты не прибежал меня душисть!

Снова вспомнив, чем закончился концерт в Барнауле, я ощутил, что лоб и щёки неприятно вспыхнули жаром.

— Да что же вы, блядь, там делали три часа? — ну, может, хоть сейчас скажет правду?

— Разговаривали! — прорычал Лёша и злобно отвернулся. — Я понимаю, тебе тяжело представить, что девушки — тоже люди. Их можно не только иметь, но ещё и говорить с ними хотя бы о музыке.

Я оскалился, дрожа от желания швырнуть надменного уродца на пол. Но не стал даже дерзить. Тоже отвернулся к двери и умыл ладонью горячее лицо.

Меня спасало от ревности только то, что Лёша до сих пор сох по Виолетте. Когда я подслушивал их с Евой, она ведь это сама подтвердила.

Правда, потом предложила ему переспать... Я попытался сглотнуть в горле тугой ком и в конце концов изнеможённо вздохнул.

— Значит, мы заселились в номера, где уже стояли камеры? Откуда тогда аноним знал адрес заранее?.. Меня ещё смутила администраторша, она расспрашивала, кто я такой... Думаю, она могла бы шпионить за гостями и сливать на порнхаб... А тут мы с тобой. Правда, я ведь выбрал этот отель по отзывам. Ни один гость не жаловался на нарушение конфиденциальности, — бормотал я все свои рассуждения вслух, чтобы успокоиться.

Я никогда не делился с людьми промежуточными домыслами. Любил только прийти к чему-то конкретному и больно ударить по самооценке оппонента. Но из-за происходящего я должен был кому-то довериться.

— Зачем ты всё это мне рассказываешь? — Муратов обернулся и настороженно меня осмотрел.

Он не собирался налаживать с Господином сколько-нибудь деловые отношения.

— Твои парни перешёптываются, строят теории, пока ты делаешь то же самое. Почему бы нам всем не собраться вместе и не поговорить? А то что-то не похоже на дружный коллектив. Не находишь, что аноним в чём-то прав?

Сука.

— Я говорю это только тебе, потому что есть ещё один вариант, как в номерах оказались камеры! Точнее, вариантов много... — я сбавил обороты и перешёл на тревожный шёпот. — Но я знаю, что это не ты, Муратов.

— Что? — он выпучил глаза, под которыми красовались фингалы.

— У тебя есть алиби. Когда появилась вся эта маза с журналистом, ты жил в своём Мухосранске, далеко от Москвы и Питера. Ты чисто физически не мог добывать сплетни для журналиста, поэтому я убеждён, что ты камеры не ставил. У тебя даже телефона нет, чтобы получать от анонима ЦУ. А ещё... Это точно не Никольская. Этот гондон гнобит меня и её. А ты, попав в объектив, стал очередным способом поставить меня на место. Не зря же журналист тебя «не осуждает»?

Лёша встrepенулся, нахмурился и задумчиво уставился в пол.

— Ты думаешь, это может быть кто-то из своих?

— Да...

45. Господин Детектив

Извините за задержку, мои дорогие. Глава получилось объемной, к тому же теперь проды подвергаются редактуре моего бета-ридера! Приятного прочтения!

Приближался следующий концерт в Новокузнецке. Благодаря анониму мне не нужно было искать объяснения фиолетовому оттенку лица. Я выздоравливал медленно, редко выходя из номера. Никого к себе не пускал, даже горничных. Не оставлял номер во время приёмов пищи и брал тарелки у obsługi только через порог. К тому, чтобы снова сесть в один автобус в прежнем составе, нужно было успеть морально подготовиться.

Я боялся даже записей в заметках телефона — вдруг журналист ещё и хакер. Сидел с голым листом бумаги и ручкой, еле сжимая её ноющими непослушными пальцами.

1. Группка свето- и звукооператоров — кто их знает? Вероятно.

2. Танцовщицы, визажистки — может быть.

3. И даже водитель...

Нет, этот работающий возрастной мужик точно не посещал ни одну московскую тусовку. Он бы слишком выделялся на фоне пидороватых артистов и журналистов. Как и горничная в коттедже Юргена. И фамилии их ни в одном списке, что я урвал у организаторов, не фигурировали.

Зато кое-чьи фамилии систематически повторялись. Просто раньше я бы и подумать не мог.

4. Один из участников Death Breath?!

Нужно было восстановить события с самого начала.

В тот день, когда мы познакомились в московском «Подвале», мы пропустили ночную пьянку в честь награждения музыкальной премией «Прорыв года». Мармэри взяла приз, а на утро аноним выложил запись её разговора, где она, расчувствовавшись, рассказывает матери, как на самом деле пела под фанеру — об этом мне написал сообщение Андрюха. Сам я понятия не имел, по каким адресам разъехались парни после «Подвала». Только Муратов ночевал со мной в арендованной квартире...

Через два дня мы прилетели в Питер. А в течение недели вышел блог анонима с питерской тусовки... Ну надо же, грёбаное совпадение.

Я отмотал пост про изменившего своей невесте солиста «Инферно» и глянул дату выхода. Затем сверился с календарём.

Мы из Москвы в Питер, и тут же журналист. Будто вместе с DB на одном самолёте... Все систематически выезжали вечером в пригород развезаться и закупиться алкоголем. Все, кроме Муратова — хикканутый сторожила точно был не при делах. А остальные пали под мои подозрения.

Что было после?.. О, Боже! Я вспомнил, как Ева впервые вырвала у меня поцелуй, и пока я приходил в себя после этого вопиющего предательства, расположилась в моей спальне с бутылкой пива. Я тогда настолько бесился и проклинал девчонку, что написал анониму в личку с предложением расфорсить её голые фотографии...

От воспоминания об этой жёсткой выходке я испытал рвотные позывы. В отражении на экране телефона на меня смотрел избитый обиженный щенок, возомнивший себя всемогущим вершителем справедливости. Я тогда не мог и предположить, через что прошла Никольская... Не узнал бы об этом никогда, если не навязчивая идея опозорить её на всю страну. Зато теперь я даже не мог помыслить о том, чтобы её увидел голый один порядочный Муратов.

Я отмотал переписку с анонимом к началу.

23:59 Слушай, я прочёл твой анонс. Я польщён тем, что ты решил доверить мне

интимные фотки своей подстилки. Но в сливах на заказ я не вижу никакого удовольствия.

23:59 Ты хочешь, чтобы я тебе доплатил?

Как я мог... Омерзительно!

00:00 Пхах! Нет, чел. Ты, наверное, не понял. Я не продажник. Я — возмездие для таких, как ты З

Он написал: «чел»?!

Я знал только одного парня, который так выражался...

00:00 Что это значит?

00:03 Если я узнаю, что Никольская такая же ебанутая сволочь, как и ты...

Как в тот день в моих руках снова зародился тремор, а в горле запершило от удушающего холода.

...то ей не отделаться одними голыми фотографиями. Я найду информацию сам, даже не представляешь, как быстро. А пока ты — первый на очереди. Советую подыскать хорошего психиатра, Господин, и тщательно беречь свои секреты. Увидимся в рок-пространстве «Вече» в среду. У вас же там будет проходить интервью?:)

Этот гондон знал адрес! Знал, мать его!

Я всё больше убеждался, что крысу нужно искать не среди персонала. Работников сцены ещё и в помине не было, когда я получил на телефон эту психологическую бомбу. Всех нанимал в последний момент, чтобы они не пересекались прежде с Муратовым. Это был и риск нарваться на предателей, и одновременно гарантия безопасности.

Дрожащим пальцем я нажал на иконку его профиля.

Следующий по дате разоблачающий пост был посвящён Никольской.

Полюбуйтесь! Ваша «загадочная умопомрачительно привлекательная Мисс Кисс из Питера», стартовавшая с новым синглом с ДВ, на фотографиях — в объятиях богатого папика З З З Я исхожу завистью, глядя на то, как ласково он лапает её за задницу своими старческими ладошками...

Ублюдство! С тех пор как я осуществил свою мечту стать известнейшим рокером в стране, я не помышлял о чём-то также яро, как о том, чтобы засадить эту паскуду за решётку!

Я намеревался мстить за Никольскую!

В день интервью в «Вече» в коттедже оставались Муратов и Андрей. Как мне позже рассказал Лёша, басист отъезжал в город за алкоголем после работы в студии. Когда мы вернулись, они сидели на террасе уже пьяные. Снова единственный, кто оставался в кругу моего доверия — грёбаный Муратов. Снова...

Тогда нас подвозил Юрген. И даже прошёл со мной и Евой на съёмки! Связей и знакомств в музыкальной сфере у него было просто жуй задницей! А это значило, что на данный момент он был главным подозреваемым! А не Юра ли подкупил прошлого звукооператора, чтобы поехать с нами в тур?

Я обречённо расхохотался, сидя на полу в номере.

А я ещё и упрашивал его... Юрген же у нас занятой, график плотный. «Лёнчик, ну честно! Только на московский фест! Больше ну никак не смогу! Говорю же, три группы уже стоят в очереди на запись, мне пришлось их подвинуть из-за вас...»

Сейчас за каждый концерт я платил ему втрое больше, чем старому звукарю, чтобы Юра оставался с нами до конца тура! А ведь как он ржал, когда узнал, что Данилу перекупили?.. Вот же сука!

Я, осознавая, что с каждой секундой домыслов давний друг становится мне всё

отвратительнее, еле переключился на Гришу и Дрона.

Два новых человека в коллективе. Всегда ошивались вместе, шушукались, как подружки, обменивающиеся тампонами. В день интервью в «Вече» мы подвозили их в город. Чем они на пару занимались, пока мы отстаивали свою репутацию? А ведь Гриша ещё с аэропорта пытался подмазаться к Никольской! А потом вдруг после её провального интервью выходит сенсация: «Мисс Кисс — эскортница». И прямо к коллективным обсуждениям поспевают два этих уroda! «Эй, челы, вы чё такие кислые?» Опять совпадение?

И никто! Никто не решился её успокаивать, кроме Муратова! Я задним числом начинал понимать, почему он так скептически относился к парням. Они все подозреваемые! Может, они действительно всесливают нас из зависти? Просто я был глух и не замечал того злословия, что копилось за нашими спинами.

Погрузившись с головой в пробирающее до костей чувство недоверия, я уставился в пол и вдруг немного поостыл.

Не хотелось верить, что Андрюха вступил в заговор с этими щенками. Бред! Он и не мог! Желал бы уничтожить нас — давно растрепал, что настоящий Юдин ушёл из команды, а Ванечка — самозванец! И стал бы он лишать самого себя заработка и славы в группе, которую мы создавали с нуля? Здесь столько труда осталось похерено и возложено во имя Death Breath! Зато он при заселении в отель в Барнауле приходил в мой номер и к Никольской... Другие замечены не оказались.

На фестивале первого марта мы с анонимом обменялись слишком плоскими подстёбами. Это говорило лишь о том, что ему, так же как и мне, было неудобно источать злобу на сцене, когда перед ней бесновались тысячи зрителей. Телефоны с собой проносили все участники. Мобильник тогда ещё был даже у Муратова. На память у нас остались видео с полчищем машущих руками поклонников и полем горящих огней под гитарный перебор.

И что это за невинная пакость такая, надоумить фанатов выпрашивать поцелуй? Да, для окружающих это пустой фарс, а для меня — нечеловеческая пытка! Может, аноним сделал это неспроста?.. В таком случае, из всех четверых только Андрей мог догадываться, что меня выворачивает от поцелуев. Ведь за три года мы не раз вызывали вместе проституток. Он слышал, как я просил их не прикасаться к лицу...

1 марта 20:17 «Господин, а вы, случайно, не голубых кровей?»

Я кисло ухмыльнулся и закрыл последнее сообщение от анонима. Существовать с мыслью, что доверять никому нельзя, чувствовалось так прозаично и пугающе.

Всё это время я был в ловушке, даже не подозревая. Этот факт навсегда останется самым невыносимым для принятия, кто бы из группы не оказался шестёркой журналиста. Я ведь успел привыкнуть даже к сессионным участникам. Публичный стресс и общая музыка сплавляла людей. По крайней мере, так считал один наивный придурок, пока его не продали в блог палачу-критикану.

Я, разочарованный в этой жизни наперёд, так и не смог выбрать кого-то одного из группы. Смял лист с уродливыми каракулями и зашвырнул на тумбочку, тревожно терзая ноющую губу. Никак не заживала.

Мне не давала покоя ущербная попытка сдать Никольскую журналисту. Тогда казалось, она это заслужила. Противная, наглая и капризная эгоистка! Добивалась своего любой устрашающей ценой. Но за время совместной жизни с Евой под одной крышей автобуса я... Проникся её дурацким характером. Узнал совсем немного о её неприглядном прошлом и быстро начал понимать, почему она вела себя именно так.

Потому что по-другому не умела. Её вырастили нарциссичной красавицей и сбагрили в рабство. Удивительно, как ей удалось остаться настолько искренней и непосредственной в своём бесстыдстве. Она ведь нуждалась в хорошем отношении, как бродячая загнанная кошка.

Я неуверенно поднял с пола телефон и открыл те самые фотографии. Второй раз за всё время. Прежде не возвращался к ним — что-то не вставал при воспоминаниях об угрозах анонима.

Но из-за длительного воздержания я ощутил, как при мимолётном взгляде на её обнажённое тело начинаю твердеть между ног. Обречённо прислонился погорячевшей головой к жёсткому матрасу и не смог отвести взгляд от подпрыгивающей груди Никольской на оживающих снимках айфона.

На её влажной коже были видны следы от купальника, что она сняла перед тем, как подошла меня дразнить. Я попал в кадр с каменным лицом и намокшей от её прикосновений футболкой, разглядывая заманчивую родинку. И сейчас бегал взглядом от неё к огрубевшим розовым соскам, чувствуя, что меня давно уже не спасает рукоблудство. Сейчас тем более не спасёт.

Я искренне желал повторить ту ночь в коттедже вместе с поцелуями. И, как бы не пытался представлять помойки или кровавую работу мясника над вонючими тушами, не испытывал спасительной тошноты. Я нуждался в поцелуях с ней...

Тогда я неловко поднялся с пола, поправляя в штанах вставший член, и, стараясь не обращать внимания на неровное дыхание, решил узнать у Никольской. Можно ли ей предложить провести вместе ночь или я больше не в её вкусе?

46. Ласковый Господин

— Девушка! Я же сказала, мне не нужна уборка! — Никольская приоткрыла дверь без настроения, запахнувшись в один махровый халат на голое тело. Я нетерпеливо вздохнул.

У неё была в чём-то перемазана голова, в руке — бокал с бледно-жёлтым вином, а на лице вместо недавнего раздражения — неподдельное изумление. Она мягко приоткрыла рот, замороженно рассматривая, наверное, синяки у меня на морде, прочистила горло и, наконец, прижалась к створке.

— Заходи, — я послушался.

Девчонка захлопнула нас изнутри. Свободной рукой прикоснулась к пирамиде слипшихся мокрых волос на голове и смущённо опустила взгляд. Кажется, я немного не вовремя...

Мы не виделись с ней с того момента, как переселились в этот отель. Завтра пора было в путь, кантоваться на койках в салоне автобуса на глазах друг у друга. Оказаться вдвоём за запертой дверью — роскошное везение.

Запах какого-то женского косметического средства витал по комнате. Кровать была усыпана шмотками и пузырьками, а на тумбочке стояла вскрытая бутылка вина из минибара. Сбивчиво осмотревшись, я обернулся к мнущейся в прихожей девушке. Стоило мне на неё посмотреть, Киса хлобыстнула остатки вина из бокала, водрузила его на зеркало и собиралась молча скрыться в ванной.

— Ты пьёшь одна? — если тут кто-то прячется, я был готов устроить вторую драку!

Я взял бутылку. Пренебрежительно покрутил в руках и, задержав Еву на входе в ванную, поднёс горлышко к носу, принюхиваясь к кислотоватому терпкому запаху винограда.

Вино начинало выдыхаться.

— Положи, — буркнула Никольская и окинула меня подавленным взглядом. — У тебя сотрясение!

Она выглядела такой... домашней. И очень суровой. Я не был уверен, что Киса так легко пустит меня к себе, и тем более не догадывался, о чём она думала. С какой целью я мог к ней прийти?

Вернул бутылку на тумбу и опустил взгляд на призывно расплывающийся у неё на груди белый халат.

— Мне нужно в ванную, — буднично предупредила девчонка.

Я, полностью ведомый желанием заслужить её расположение сегодня, решил подождать в комнате. Мирно сел на край занятой её вещами кровати, стараясь игнорировать, что в паху одуряюще тяжелеет, и прикусил губу. Ева осталась непонимающе сверлить меня взглядом из-за косяка.

— Ты... идёшь?

Она хотела, чтобы я пошёл с ней в ванную?

Я тут же подскочил с кровати, чувствуя, как челюсти сжались от изнурительного нетерпения. Те объёмы воздуха, что я бездумно поглощал, не умещались в трепещущих лёгких, пока я проследовал за девчонкой в комнату с приглушённым усыпляющим светом.

Уже перед запотевшим зеркалом Ева, кажется, проматерилась, глядя на своё мутное отражение. Отвернулась к душевой, выложенной мелким светло-коричневым камнем, отблёскивающим от подсветки, и сбросила на пол халат. Она позвала меня, чтобы я увидел?

Я завороченно уставился на её голые круглые ягодицы и набитую на спине сакуру, пока девчонка не поторопилась скрыться за сдвижными полупрозрачными ширмами. В мутных стёклах показался возбуждающий нервы и плоть силуэт. Я не сразу понял, что прокусил губу, когда зашипевшие капли воды, разбивающиеся о кафель и её тело, заскользили по ширмам.

Ева стала смывать с головы эту дрянь, размотав длинные волосы до поясницы.

Катастрофа. Это было лучшее зрелище в моей жизни.

Я подошёл вплотную к душевой, упиваясь распространяющимся запахом шампуня. Вот почему Ева всегда пахла ирисками. От осознания, что сейчас мне снова придётся сдать перед Никольской, залезть языком в её ухмыляющийся рот, я не испытывал ужас. Только изнывание.

Сглотнув скопившуюся слюну, я сквозь боль стащил с себя футболку, затем штаны с трусами и ворвался в душевую.

Вздрогнувшая Ева повернулась на звук задвинувшейся ширмы.

— Боже, какой же ты медлительный! — заворчала девчонка и тут же прижалась ко мне мокрым обнажённым телом. Хах.

Я мог поспорить, что моя кожа болезненно заныла от её упрёка и эротичных объятий. На объёмную передавленную грудь Никольской и моё левое плечо обрушился поток приятно горячей воды, а от облака тепла, скопившегося внутри кабины, обожгло скулы.

— Зато я быстро не кончаю.

Киса хохотнула, опасно приближаясь к моему приоткрытому от предвкушения рту. Когда это стало моей необходимостью? Опустив веки, она приникла к нижней кровоточащей губе и испытующе медленно её обсосала. Снова. И снова. Я неотрывно следил из-под слипшихся от воды ресниц, как мокрая с головой девчонка кивает в поцелуе. Рёбра раздирали от наслаждения. Между наших плотно соприкасающихся тел ощутимо дёрнулось сводящий от влечения член.

— М-м, — прохрипел я, склоняясь головой к её жарким ласкающим губам.

Никольская тоже простонала, сжимая меня за шею и подбородок. В её ладонях, в растекающейся по телу воде быстро захотелось прижать девчонку к ледяной стене и распуścić руки. Я не знал, что лучше — чувствовать, как её жёсткие соски упрутся мне в грудь, или перемирать её трепещущие сиськи пальцами.

Длинные, запутавшиеся и горячие волосы прилипли к моему предплечью, огибающему чувствительную спину девчонки. Она содрогалась, всё несдержаннее вбирая мои ноющие губы, а я — её, утягивая нас под струи душа, перехватывающих дыхание и затекающих в рот.

Если бы я знал, насколько подневолен я буду от каждого последующего поцелуя Евы, никогда бы не подошёл к ней в баре. Никогда бы не придумал этот дурацкий контракт. Но я не жалел... Только опасался потерять то, что толком мне и не принадлежало.

Я вжал Никольскую в кафель, поймав ртом её судорожный стон. Приспустил руки на задницу и углубился языком между её мокрых губ. Может, это из-за долгого перерыва? Я был уверен, что не пожирал так жадно даже Машу, будучи влюблённым в неё без мозгов.

Ева протиснулась рукой между наших тел и нащупала давно пульсирующий член. Я был готов застонать, как девчонка, когда она начала поглаживать головку. Мы прервались на мгновение, когда я схватил Никольскую за запястье и вернул её горячую ладонь обратно на своё лицо. Я был просто в восторге, когда она обхватывала меня.

— Ты слишком хорошо целуешься для человека, кто не любит этого делать, — пролепетала Ева, хватая ртом воздух.

Я лишь уткнулся горячим лбом в кафель, впиваясь губами в кожу на нежной шее. Не хотелось думать, на что намекала Никольская.

Только лихорадочно целовать её руки, ключицы, грудь. Она додумалась это не комментировать, тяжело вздыхая и придерживая меня за голову.

Я гладил её и прижимал ближе, представляя, что больше никому этого не позволено. Чувствовал, что так будет правильно, и видел, как ей, изумлённо сверкающей зелёными возбуждёнными глазами, это чудно.

Когда у моего горящего лица оказались сиськи, как я не старался сдержаться, почувствовал, что пенис в очередной раз дёрнулся. Я приближался к тому, чтобы излиться, просто вбирая её соски губами. Никольская дрожала и вместе с тем выгибалась, присползая по запотевшей стене. Я увлёкся её грудью, пока по моей спине струилась горячая вода, совсем не наблюдая времени. Ева издавала тонкие волнующие стоны, похожие на плач.

Я спустился с поцелуями к её втянувшемуся от щекотливых прикосновений животу, располагаясь на коленях и обнимая девчонку за бёдра. Сквозь сильные вздохи начал прорезаться грудной голос Никольской. Не замедляясь, я продолжил оседать ниже, пока не скользнул языком по её напряжённым половым губам.

Судя по тому, как задрожали женские пальцы на моём затылке, Никольскую пробрало от шока.

Я сам не понимал, как такое возможно. Просто очень хотелось это сделать.

Её словно парализовывало от каждого последующего движения всё безнадежнее. Она вся набухла, пытаясь стиснуть бёдра, но я крепко обнимал Еву за ноги, не позволяя зажать моё пылающее лицо.

— Лёнь, — жалобно проронила она.

Я был счастлив, что в этот момент Никольская не называла меня Господином... Потому что её действительно старался ублажить не он, а ласковый, чуткий Лёня.

Но вот Ева не выдержала и зачем-то вырвалась, шумно дыша. Я продолжил стоять на коленях, удивлённо разлепив веки. Девчонка опустилась передо мной на пол, осторожно поглаживая подушечками пальцев ноющие синяки на торсе и татуировку. Даже растерялся от того, насколько это было нежно. И, прежде чем я что-либо понял, девчонка сжала меня ладонью за основание и глубоко заглотила ломящий от невыносимого возбуждения член.

Тело в миг пробрало исступлением. Я чуть откинул голову, испытывая головокружение, и мягко опустил подрагивающую руку на её макушку. Наверное, сбил девчонку.

Она неловко замерла после очередной покорённой ей глубины, желая впихнуть меня как можно дальше, но чуть не подавилась. Хреновая из неё была эскортница. Зато я был уверен, что Ева делала это в тысячу раз развратнее и волнующе, чем кто бы то ни был до неё. Я, готовый кончить сейчас же, даже не понимал, в чём её очарование...

— Иди сюда! — наши соприкоснувшиеся лица попали под душ.

Я развернул отхлебнувшую воды девчонку задом, склонился сверху, оперевшись об пол одной рукой, и свободной убрал с её лба прилипшие волосы.

Ева обернулась ко мне через плечо, и мы продолжили теряться в поцелуях, пока я, изнурённый прелюдиями, пристраивался к её горячей плоти.

Я чувствовал, как упёрся головкой, нетерпеливо терзая ртом припухшие женские губы, и медленно входил. Старался вести себя аккуратно. Она жалобно пищала, но подавалась навстречу, переминаясь с колена на колени.

— Какая ты тесная, Никольская, — просипел я девчонке на ухо и прикрыл глаза.

В ответ она только беспомощно стонала.

Даже когда я дробил на неё, не мог себе представить, чтобы я обходился с Евой так мягко и откровенно. Но мне безумно этого хотелось.

Я оказался внутри, пылая по основанию, и теперь, кроме шипения воды, по ванной разлетались гулкие шлепки. Я забыл про ушибы и сотрясение. Про всех чёртовых придурков за стеной, про жгучую ревность, изводившую меня последние месяцы, и, наконец, просто выбивал из Никольской вскрики, расходящиеся эхом по кабинке.

Она быстро сползла на пол, задирая задницу кверху, а я обнял её за грудь. Целовал в шею и мочку уха, снова и снова раздвигая её изнутри.

— Лёня... — потеряно бормотала Никольская.

Я уже не разбирался, кто я такой. Просто знал, что это имя, срывающееся с её дрожащих губ, слишком лестно во мне отзывалось... Ева послушно меня вбирала, пока вдруг не обмякла на полу, принявшись туго сжимать член.

Я еле успел выйти, излившись следом на кафель и прижался к несообразно громко дышащей девчонке, целуя её в плечо.

47. На хорошей ноте

— А на обложке альбома, это же я?

— Нет! Это просто сирена.

— Но рисовали же её с меня, признайся?

— Нет! — из последних сил взревел я.

— Ну хватит тебе заливать, — выдала девчонка и шаловливо вскарабкалась пальцами к моему подбородку. — Лёнь, кстати... а как поживает твоя фобия поцелуев?

Я сглотнул слюну.

— Нет у меня никакой фобии! — не заметно, что ли?

— Была!

— Не было!

— Хорошо... А контракт? Ты же у нас не спишь с одной и той же девушкой больше одного раза? — ехидно хохотнула Никольская.

Я так сильно сомкнул челюсти, что заныла башка.

Девчонка освободила нам кровать в её номере, и мы лежали голые в одеяле. Она — поверх меня. Совсем не хотелось идти к себе, одному проминать постель. Вспоминать ещё, как Ева стонала и прижималась, лишаться её убийственно жирных намёков.

Я чувствовал, что она усердно старается поймать мой взгляд, но я лишь осмотрел неприбранную комнату и остановился на поблёскивающем в свете ночника бокале в углу заваленного стола. Первый так и лежал в прихожей.

— Почему у тебя в номере два бокала? — процедил я, проигнорировав последнее обезоруживающее предложение, и взглянул на Никольскую через сонливый прищур. — Ты с кем-то пила сегодня?

Она расхохоталась.

— Нет. Я не знаю, почему их два. Может, потому что номер двухместный?

Девчонка соблазнительно поёрзала по мне мягкой грудью и улеглась удобнее. Её блестящие глаза заслонили обзор на номер.

— Я просто... привык, что ты всегда проводишь время с Муратовым. Поэтому и спра...

И тут я замер.

Я сказал: «Муратов»? Я сказал... Твою же мать!

Она наигранно похлопала ресницами, соорудив невинное выражение лица, и сексуально прикусила нижнюю губу. Ничего не ответила и, кажется, не собиралась.

— М?

— Что? Даже не спросишь, кто это?

Боже, Ева всё знала...

— Не спрошу, — замотала она головой с влажными спутавшимися волосами и по-доброму улыбнулась.

— Он растрепал тебе? — повержено вздохнул я. — Вот же урод...

— Перестань. Вы оба хороши, — нахмурилась девчонка. — Ты не в курсе, что уже называл его настоящей фамилией?

— Чего? Когда?

Мне показалось, от недоверия к собственному рту я осел глубже в подушку. Что-то он подводил меня часто в последнее время...

— В бассейне в коттедже.

Этого просто не могло быть!

Я, убитый заявлением Евы, умыл лицо рукой. А ведь чёрт знает?! Я был такой набуханный! Алкоголь — настоящее зло.

— И ты никому не рассказала?

— Нет, — даже как-то обиженно выдала она.

Ещё одно доказательство тому, что Никольская оставалась самым непричастным к происходящему членом коллектива.

— Спасибо.

Она выпучила глаза. Кажется, изумил её настолько «бескультурным» изречением.

— Походу, сильно он тебя поколотил, — пошутила девчонка с застывшим выражением лица.

Приподнялась на руках, потрясывая тяжёлой грудью, и приспустилась губами к моим рёбрам.

— Ерунда, — буркнул я, умаляя «заслуги» Муратова.

Ева мягко ласкала ртом каждый синяк на моём торсе. Невесомо гладила из стороны в сторону, будто стараясь их стереть. А я наслаждался её лаской, пока не вспомнил, что на ближайшем концерте придётся терпеть фанатское сватовство Никольской с Ванечкой. Кисло сморщился.

— И что ты теперь будешь делать? — её шёпот опалил мою кожу на животе.

Я непроизвольно напряг мышцы.

— Ты о чём?

— Я про пост журналиста. Лёша теперь будет петь, или это опасно?

Учитывая, что я запретил всем входить в наши три номера: мой, её и Муратова, договорился с владельцем отеля, чтобы мне отчитывались на телефон скринами с камер видеонаблюдения о незваных гостях, я знал, что здесь чисто.

Мы могли поговорить, пока ещё не загрузились в тур-автобус. Вот где действительно было небезопасно.

Я понизил голос.

— У нас с ним контракт. Лёша помогает группе, а я ему делаю сольную карьеру после тура. Если он запоёт сейчас в роли Юдина — никакого Муратова Лексу страна не узнает. Так и будет всю жизнь притворяться другим человеком. Это трудно для психики. Пускай выбирает сам, я дал ему время подумать.

Продолжая бережно меня гладить, Никольская, наверное, не замечала, как трётся сиськами о мой твердеющий член. Я поймал девчонку за ладони и потянул на себя, чтобы обнять. Она податливо улеглась сверху, шепча прямо у моих губ.

— Я немного не понимаю. Ради чего ты всё это затеял? Это... впечатляет, но так странно и опасно. Тур подойдёт к концу и, если Лёша решит отказаться от чужого имени, ты же снова останешься без Юдина. Так и будешь каждый раз искать нового?

Я глубоко вздохнул.

— Нет, не буду. Это вообще спонтанно получилось. Я увидел запись его выступления в интернете, понял, что он — вылитый Юдин. А группа реально распалась. Мы остались только на бумаге. Андрей сказал, что нам вдвоём с ним делать нечего. И... мы решили попробовать в последний раз, используя уже раскрученное имя. У нас ведь получается, как ты считаешь?

— Получается, Лёнь. Но ведь контракт закончится... И ты снова останешься ни с чем.

— Да, — согласно кивнул я. — Всё когда-то заканчивается. Главное, чтобы на хорошей ноте.

Никольская замерла, приоткрыв свой розовый рот и как-то потеряно опускаясь тусклым взглядом по моему лицу.

Не знаю, о чём она подумала.

— Ева... давай договоримся, что ты не будешь рассказывать о своей личной жизни никому из группы? — я сожалеюще поджал губы и приподнял её унылое лицо за подбородок, пытаюсь завладеть ускользающим взглядом. — Я никому из них не доверяю и хочу, чтобы ты была осторожна. Если я увижу твои слёзы ещё раз, избыю всех без разбора.

У сверкнувшей жёлто-зелёными глазами Евы вздрогнули ресницы.

— Вспомни, пожалуйста. Кому из парней ты говорила про... того брюссельского

бизнесмена?

Это бы разрешило гнетущую меня неопределенность. Но девчонка лишь сглотнула и замотала головой.

— Никому. Никому, Лёнь. Только потом уже, когда всё вскрылось, пришлось объяснить. Ясно. Она выскользнула из моей руки и ласково прислонилась губами к щеке.

Может, зря я ей напомнил...

— Ты ещё переживаешь из-за этой жести?

Она помолчала. Отстранилась и чуть улыбнулась.

— Нет. Мне даже стало легче освободиться от душевного груза. Ты и твои фанаты мне очень помогли... Знаешь, мне показалось, у тебя тоже есть какая-то неприятная история, — вдруг подытожила девчонка.

К чему она это? Я напрягся.

Никому не было позволено об этом рассуждать и даже догадываться.

— Тебе показалось, — выпалил я и вонзился в Еву пристальным взглядом.

Поверила?

— Ладно, — согласно кивнула она. — Главное, что ты избавился от фобии.

Опять Никольская за своё! Я боязно тряхнул головой, отделяясь от желания излить ей душу об измене бывшей с моим родным братом.

Но девчонка склонилась к моему дрогнувшему лицу, спрятав нас под рассыпающимися по сторонам волосами, и мокро поцеловала меня с языком. Я послушно открыл рот и опустил веки, чувствуя, как на рёбра, под которыми истошно заколотилось сердце, помимо её груди легла горячая ладонь.

— Береги себя тоже. Пожалуйста... — вздохнула запыхавшаяся от поцелуя Ева мне в рот. — То, что ты придумал, уголовно наказуемо.

Я ухмыльнулся на её заботу. Облизал губы.

— А ты, оказывается, такая правильная. По тебе и не скажешь...

— Нет, вовсе я не «правильная». Если будет нужно, я буду искать двойника, который сядет вместо тебя!

Хах. Я не выдержал и рассмеялся в голос, пряча лицо за взметнувшейся рукой. Я не выносил настолько милые шутки, просто не был для этого создан.

— Повторять за мной — не лучшая идея, — проржался я.

— Это не твоя идея. Она запатентована китайцами, — улыбнулась Киса.

— Да ты что? Всё-таки они не могут различить друг друга даже в собственной стране?

— В любой стране за деньги тебя могут не отличить от козы.

— А я смотрю, ты во многих странах побывала?

Это было слишком грубо?

Она, широко улыбаясь, звонко шлёпнула меня ладонью по плечу.

— Да, отец возил нас с мамой за собой по командировкам. В Америку, в Европу.

Ого... А я только в последние три года объездил нашу страну, но никогда не выезжал за её пределы. Да я совсем ничего не знал о Никольской... Для меня она почему-то казалась теперь всеведущей.

Муратов был прав, стоило почаще с ней разговаривать.

— И... где тебе понравилось больше всего? — как можно более непринуждённо улыбнулся я.

— Я обожаю Санкт-Петербург, мой родной город, — ох, если эта дождливая срань —

для неё самое лучшее место на Земле, тогда мне, похоже, не стоит разочаровываться за границами. — И ещё как-то раз мне очень повезло около полугода пожить в Китае, в провинции недалеко от Уишань. Мне тогда было одиннадцать, но я до сих пор храню те впечатления как лучшие в своей жизни.

Я замороженно уставился в её глубокие зелёные радужки, украшенные жёлтыми разводами. Кажется, этим глазам довелось увидеть нечто прекрасное.

— В горах очень влажно, свежо и... спокойно. Туманы частые, так, что руку свою можно не увидеть. И бесконечные ряды с кустами чая! Я, кстати, до сих пор очень люблю китайский чай. Хочешь, как-нибудь проведу для тебя чайную церемонию?

Я ласково огладил девчонку по обнажённым плечам. Убрал за маленькие уши влажные пряди волос, наблюдая, как Ева томно прикрывает ресницы. Такая светлая.

Я не совсем понимающе кивнул на её предложение, потому что в рассказе наступила продолжительная пауза, но тут же Никольская продолжила. Я расплылся в сияющем взгляде настолько, что вдруг ощутил на языке фразы, складывающиеся в странную, непривычную рифму.

Это нужно было быстрее записать.

— А от ветра у меня была жёлтая ветровка. Я с местными детьми шлялась до темноты, на ночь пила с мамой чай и плюхалась спать на кан.

— Что такое «кан»?

Я придержал Никольскую за спину, дотянувшись до тумбочки, и утащил телефон. Шуршащее одеяло приятно проскользило по ступням.

— Это такая жёсткая кровать. Наверное, на них до сих пор спят в деревнях... Эй, — прервалась она, когда между нами загорелся экран телефона. — Что ты там пишешь?

Я отключил звук и глянул на Еву поверх мобильного.

— Покажи, — угрожающе зашевелила она губами. — Срочно!

Капризная девчонка.

— Нет. Не сейчас. Может быть, позже.

— Ого! Это что, песня? — заглянула она наискосок, пока я дописывал последнюю пришедшую на ум складную строчку.

Я нахмурился. Торопливо заблокировал телефон и отложил его в сторону вместе с надеждами неутомной Никольской просочиться в мои заметки.

— Весь шар, значит, объездила, — ухмыльнулся я, но потом неожиданно пришёл к неутешительным выводам. — И как они могли... Показать тебе мир и посадить на поводок к старому деду?

48. Оскорблённые

С самого утра, когда команда загружалась в тур-автобусы, я уже ощутил на своей шкуре демонстративный игнор. Ведь во время «отпуска» мы не устраивали пьянку на день рождения басиста. А хотя... не знаю. Может, они собирались со сцен-работниками где-то в городе?.. Пока я и Муратов сидели взаперти, восстанавливаясь после мордобоя. Совершенно похуй.

Парни носили сумки и кратко переговаривались между собой. На парковке не было привычного ржача, сопровождающего все наши перемещения. В мою сторону периодически долетали пренебрежительные взгляды, какими удостаивают конченных самодуров.

Срать я хотел на то, что меня обсуждали за глаза свои же люди. Мысленно я успел распрощаться с каждым, потому что лучше совсем без группы, чем с такими кидоками!

Где-то ближе к одиннадцати мы тронулись от здания отеля на главную дорогу и быстро вышли на трассу.

Ева с двумя длинными заплетёнными косами шуршала над столом, выкладывая из пакетов запечатанные в контейнеры завтраки. Помимо гула мотора и колёс это были единственные звуки присутствия жизни в салоне. Все смиренно смотрели на девчонку, соблазнительно разгоняющую съедобные запахи к каждому гордо задранному носу, и сглатывали слюни.

А я между косых взглядов на парней почему-то вспоминал, как этим утром Никольская плела косы в моём номере. Завораживающее было зрелище.

Она открыла последний контейнер, из которого струился пар, и мельком одарила меня откровенным, ласкающим взглядом. Я не выдержал. Вздохнул и отвернулся в салон.

— Давайте позавтракаем? Все вместе, — раздался её бархатный голос.

Взялась одна примирить это стадо обидчивых баранов? Похвально.

— Я пас, — тут же отозвался Гриша.

— Без меня, — поддержал его челкастый дружок.

Они оба тыкались в телефоны. Как всегда.

Тишина в автобусе приобрела новый напряжённый мотив. С ней бы сравнилась визжащая скрипка.

— Кхм... Еда остывает, — непринуждённо предупредила Никольская и плюхнулась за стол. — Котлета по-киевски — просто огонь, пока внутри не застыло масло...

Она кровожадно разрезала её и положила вилку в рот, смакуя кусок. Деликатно, но очень наивно со стороны Евы считать, что после раскола в коллективе нас смогут объединить котлеты. Но вдруг с коек поднялись Муратов, Андрей и Юра, молча переместившись за стол. Я поражённо изучил их суровые лица и глянул в хвост автобуса, где Дрон с Гришей продолжали играть в PUBG, наявивая по телефонам. Получается, на принципы пошли только новенькие. Ну и мне не мешало бы поддержать Никольскую.

Я вывалился с койки и развалился на ближайшем свободном стуле.

— Гриша и Андрей, пойдёмте со всеми за стол! — не унималась жующая Ева с милыми косичками. — Мы вас ждём.

Драмер вынырнул из экрана и задрал из-за подушки голову. А когда увидел, что я сижу за общим столом, недовольно свёл брови.

— Ладно. Но только потому, что попросила леди.

Из их парочки главным был назначен, видимо, именно Гриша. Потому что Дрон, противно тряхнув чёлкой, тут же изменил своё мнение под стать дружку и вскочил следом за шоркающим в нашу сторону барабанщиком.

Чёртов аноним, кем бы он ни оказался, разлагал коллектив изнутри. Подумать только, его человек сейчас сидит прямо за этим столом!

В моём рту оказался кусок отрекламированной девчонкой котлеты, и поначалу завтрак даже казался вкусным. Но вот в салоне раздался грозный лязг вилок и ножей, подкреплённый тягостным молчанием. Мы принимали пищу рядом с затаившимся лжецом.

Я звонко хлопнул столовыми приборами по столешнице и, пыша ненавистью, принялся пристально разглядывать каждое из четырёх лиц, вошедшее в список подозреваемых. Жуя с набитыми ртами, два Андрея и Гриша отодвинули свои тарелки и торопливо поглатывали комья еды. Юра продолжал уничтожать котлету с пюре, как ни в чём не бывало.

— Я хочу, чтобы тот среди нас, кто это делает, — я прочистил горло и обвёл каждого

угрожающим взглядом, — был мужиком и сказал прямо. Всё, что думает о нас с Никольской! Не в крысу, устанавливая подслушивающие устройства, а мне в лицо! Я готов услышать и понять, если этому будут реальные оправдания.

Ева уныло уткнулась в тарелку. Она явно не хотела, чтобы я поднимал эту тему открыто, теперь без энтузиазма размазывая по тарелке картофель. Муратов с проясняющимся от синяков лицом, наоборот, впервые за утро очнулся от хронической апатии. Начал преследовать каждого тушующегося рокера недобрым взглядом.

Все молчали.

— По-хорошему прошу, — добавил я.

— Лёнь, мы... поняли. Ты считаешь кого-то из нас предателем, — Андрюха раздавлено хлопнул себя по лбу и вздохнул. — Но среди нас таких нет.

Басист продолжил мрачно высверливать меня, будто одного его заявления достаточно, чтобы я продолжил с ними как и раньше бухать.

— Чем подтвердишь? — отрезал я.

Басист осунулся. Веки как-то надвинулись на его глаза, быстро превратив его из диснеевской принцессы в угрюмого бородатого дядьку.

— Я с тебя в ахуе, — бросил он. — Думаешь, это могу быть я? — его брови намекающе приподнялись.

Намекающе на Ванечку, которого звали Лёшей.

— Мы с тобой с нуля эту группу создавали, чертила!

— Это может быть кто угодно из вас!

Как будто я рад этому факту...

— Чувак, но ты же меня не приплетаешь? — встрял Юрген, дожёвывая мясо. — Я бы так и пилил музлу в коттедже, если ты меня не уговорил ехать в тур.

— Не знаю, — отрицательно мотнул я головой в его сторону.

У Юры шокировано открылся полный рот, и из него в тарелку мерзко выпал небольшой комок.

— Понятно. А меня с Дроном ты вообще главными врагами народа считаешь! Мы же сессионные, «приёмьши». Да, чел? — обиженно выплюнул Гриша и со звоном швырнул вилку.

Никольская вздрогнула.

— Да, — откровенно согласился я.

За столом вновь раздалась невыносимая тишина. Сделалось некомфортно видеть эти уёбские лживые лица. Все они выглядели настолько удивлёнными собственной фальши, что вполне могли стать законченной группой актёров в дешёвом ситкоме.

— Жесть... Ну я тогда... вернусь на свою кровать, дорогие друзья. Помолчу до Новокузнецка! Не дай бог Господин и здесь найдёт камеры! Вместо того чтобы обратиться в полицию, начнёт играть в частного детектива. Хренового, между прочим, детектива!.. Всем приятно оставаться!

Вслед за взбесившимся Юргеном подорвался Гриша.

— Да ты жёсткий, чел. Но я от тебя такого не ожидал!

И Дрон.

— Пиздец!

Я исподлобья следил, как они строем расходятся по своим углам. Не без щемящего разочарования.

Возле окна всё ещё сидела Киса, опечаленно наблюдающая за удаляющимися спинами. Справа — Муратов молча крутил стакан с водой. И вот один Андрей, оторвавшийся от оскорблённого стада, окатил меня презренным взглядом. Не сказав ни слова, ушёл на свою койку, тучно рухнул на неё и отвернулся к стенке, взмахнув волосами.

Заебись!

Я не мог больше усидеть на месте: лицо, шею и грудь жгло от бешенства. Подскочил из-за стола, на котором зазвенела посуда, и плюхнулся по примеру басиста на кровать, вонзившись взглядом в потолок.

Всё шло по пизде! Лучше бы этого вездесущего журналиста вообще не существовало! Чтоб земля под ним обрушилась! Молния зарядила ему в ссыхающийся от зависти мозг! Чтоб его же последователи прокатились катком по его проклятым костям! Ненавижу! **НЕНАВИЖУ!**

Моего дрожащего от злобы плеча коснулась чья-то горячая ладонь. Я, замороженный кровавыми фантазиями, не сразу понял, что это Никольская упёрлась в меня руками, устраиваясь между моим дрогнувшим телом и стенкой. На моей, сука, койке...

Я шокировано покосился на парней, что лежали напротив, и увидел, как у Юры его обесцвеченные брови подскочили к самому лбу. На нём залегли глубокие складки бледной кожи. Муратов, искоса поведя на нас взглядом, равнодушно уткнулся в какую-то исписанную тетрадку.

— Эй, ты чего творишь? — зашипел я на Никольскую, но от злости, что мной владела пару секунд назад, ментально остыл.

— Всё будет хорошо, — едва слышно шепнула девчонка мне на ухо и уже уткнулась тёплыми губами в щёку. — Вы помиритесь перед концертом. Что-нибудь придумаем.

Никаких гарантий словам Евы, конечно же, не было, но я, всё ещё пребывая в ужасе от её выходки, предпочёл согласно кивнуть. А рот сам по себе ухмыльнулся. Без моего ведома.

С Никольской я чувствовал себя неодиноким в этом чёртовом автобусе. Она каким-то волшебным образом смягчала все мерзотные обстоятельства.

Бесстыдно притянула меня за подбородок и вовлекла в довольно откровенный глубокий поцелуй, от которого я очухался уже без памяти, с трепетом в груди и со стояком между ног.

В благой тишине мы так и ехали до самого Новокузнецка. И только возле моего уха иногда раздавались звуки сопения.

49. Настоящий друг

Мы встретили лето в тур-автобусе. Я быстро привык отмечать очередной отыгранный концерт не с рюмкой в кругу рокеров, а с Никольской. На постелях отелей. И, когда выдавалась возможность уснуть в её объятиях, обязательно этим пользовался. После тепла, ароматерапии, запахов, что источали её кожа и волосы, я просыпался, словно в райском саду, и был готов сносить блядский игнор в коллективе и выматывающие шоу.

За плечами оказались Красноярск, Кемерово, Новосибирск, Омск, Тюмень Екатеринбург. Городов в нашем списке прибавлялось столько, что я начинал подзабывать названия. Мы с Муратовым даже побывали в родном городе — от чего, видимо, оба остались не в восторге. В тот день мы не выходили из номеров, отсиживаясь до выезда в одиночестве. Теперь автобус плавно двигался в обратном направлении по стране, чтобы в августе мы закончили тур на юге.

Что было странно. Меня не так сильно волновал раскол в группе, как поведение Лёши. Из-за того, что из всех парней у меня была возможность общаться без риска только с ним, с каждым днём выносить его затянувшуюся депрессу становилось всё накладнее для моей

расслабившейся психики. Я находился в таком состоянии... Мягко говоря, навеселе без беленькой. Совершенно беспричинно переобулся в оптимиста, начал успокаивать себя мыслями о новых возможных проектах. В конце концов, разбегутся эти бараны — займусь карьерой девчонки и Муратова. А там что-нибудь да придумаю. Приближался тот день, когда ему не придётся выставлять себя чужим человеком. Но Лёша всё больше походил на постояльца психбольницы.

На сцене вёл себя до неузнаваемости дико, даже с учётом жанра и Юдинского стиля. Стачивал об струны пальцы до крови, придумал купать в ней своё лицо и восторженных фанатов, лижущих ему руки. Плясал, как ошалелый, и умудрялся одновременно играть рифы, пока не заканчивал шоу без окровавленной рубашки на полу. А на этом моменте я мог даже не пытаться засовывать в трусы микрофон. Полуголого Господина оказалось недостаточно, чтобы перебить эффект от его телодвижений.

Всё это стало фирменным набором Death Breath, без которого шоу можно было считать неудачным. Муратов, в честном бою отвоевав себе мой титул всенародного трахателя, уже в паре шагов за кулисами терял свой интерес к чему бы то ни было. Безжизненно оттирал от унылого лица грим и редко отвечал на адресованные ему вопросы. Вслед за экономной речью он решил ограничивать себя и в еде, пропускал приёмы пищи всё чаще. В реальной жизни гитарист был мало похож, не то что на альфаха — на живого человека. Он давно держался на расстоянии от потенциальных предателей и воспользовавшейся им Евы. Смотрел только, как девчонка лезет ко мне целоваться на глазах у всей группы, и всё больше чах. Но на Никольскую ему было похуй, я это знал... Он всё ещё убивался из-за того, что ему рассказал я про Виолетту Сергеевну.

Испытывая скверные совестливые позывы, я начал догадываться. Лёша теряет связь с собственным рассудком, часами смотря в боковину койки... Ему нужно было вернуться к жизни.

— Вань, возьми, — я улучил момент, когда в гримёрке после концерта не останется никого, кроме нас двоих, и закрылся изнутри на щеколду.

Снаружи тут же раздались стук и матерные вопли, но мне было срать. Я довёл человека до протрации, а теперь протягивал ему коробку с новым телефоном и сим-картой.

Муратов поднял на меня свой тяжкий пустой взгляд, словно это было равносильно двухсот центнеровой штанге.

— Зачем? — подавлено пробасил он.

Как раньше я больше не покрывался язвами, услышав этот голос. Наоборот, даже порадовался, что гитарист ответил.

— Я тут подумал... — перешёл на шёпот. — По прилёту в Москву и в коттедже ты звонил матери? А сейчас не звонишь. Если помнишь номер, скажи хоть, что живой.

— Переживаешь за мою мать? — кисло усмехнулся Лёша, равнодушно разглядывая коробку в моей всё ещё протянутой руке.

— Нет... Вообще-то... за тебя, — когда же я смогу не крючиться от жалости, глядя в его морду...

Гитарист потеряно моргнул, будто совсем не одуряя, что я ему сказал.

— Что с тобой происходит?

Конечно же, он промолчал. Я, не выдержав, впихнул в его руки коробку и с дрожью вздохнул, не справляясь с тотальным игнором.

— У тебя есть... друзья? Братья там... Может, стоит с ними созвониться? — неловко

предположил я, на что Лёша едва заметно мотнул головой.

Даже его отросшие кудри, перепачканные в краске, почти не шевелились. Пока я держал гитариста в заложниках, дверь в гримёрку дрожала от стука, а щеколда угрожающе позвякивала. Юрген вышел из себя.

— Ладно, я понял... Что ты решил, Лёш? Может, ну его... Как закончится тур, я займусь твоей сольной карьерой.

Начиная с Новокузнецка и до сегодняшнего дня Муратов ещё держал оборону перед фанатами. На скандирования, умоляющие его запеть или хотя бы заговорить в микрофон, выдавал надрывные рифы, заставляя всех сморщиться и заткнуться.

— Вы с Кисой вместе? — орали под сценой. На это он не уставал отрицательно мотать головой и издавать на струнах отвратительный скрежет. — Скажи ртом! Ваня-я-я!

Я ждал, что он решит, как и фанатки. Захочет ли ради сию минутных денег и славы поддержать интерес к группе. И вместе с этим захоронить свою сольную карьеру. И каково же было моё удивление, когда он...

— Я согласен спеть под его именем. И быть им... То, о чём мы с тобой договаривались раньше, мне больше не нужно.

Это звучало так неубедительно и надломлено, что меня затошнило. Что он нёс?

— Почему? — затерялся мой сиплый вопрос в стуке в дверь. Я обозлённо взревел в её сторону. — Эй! Дай нам пять минут?!

— Да? А может, вы там камеры устанавливаете, чтобы потом нас обвинить?!

Последний удар сдавшегося Юргена прогремел в гримёрке и ещё какое-то время звенел в моей потяжелевшей голове.

Я был поражён решением Муратова. Его, очевидно, корёжило изнутри от боли. А меня глодала совесть.

— Все мои песни были о Вете, — едва разборчиво произнёс парень. От подтвердившейся догадки мне сделалось дурно, лицо нестерпимо загорелось жаром. — Я всё равно не смогу их петь... Я просто хочу продолжать делать то, что тебе нужно. И не хочу... возвращаться.

От благоговения перед его развёрнутым ответом я задержал дыхание. У меня появился свой послушный Юдин? Насовсем?

У Death Breath снова сформировался фундамент? Нереально талантливый гитарист. Одарённый охренительным голосом, какого мне никогда не видать. Популярный, а поэтому везучий и способный заработать нам целое состояние!

И с ужасно несчастными глазами...

— Знаешь... спасибо за телефон, Лёнь, — вздохнул Лёша. — Ты прав, нужно выйти на связь.

Я чуть не дрожал от пробирающего стыда. Всё сложилось в пользу группы, но ценой моего вранья о его ненаглядной Вилке.

— Б-брось...

— Я думаю, на самом деле ты неплохой человек, — продолжил растаптывать меня Муратов. — Извини, что говорил о тебе дерьмо. Я постараюсь стать для тебя настоящим другом.

50. Чего стыдится Господин

— Опустела шумная улица,

Стихли людей голоса.

В дело вступает безумица

В мокром плаще напротив меня...

Пермь. Я, торопясь отдышаться после двух бодрых блоков, уселся на борт сцены и начал снимать притаившуюся публику на телефон. По их вытянувшимся внимающим лицам мелькали сине-зелёные лучи прожекторов. Они искали горящими взглядами совсем не Господина. Впервые я, будучи солистом, находился на сцене без микрофона и слушал свою песню из чужих уст. Одноимённую, между прочим, с альбомом «Искушение». Я добровольно отдал Муратову ключевой трек тура. Так странно... Непривычно быть бездействующим наблюдателем.

По вискам стекал пот, а усилившееся сердцебиение слегка заглушало мужской бас в ушных мониторах. Волнение присутствовало. Больше не за себя, а за то, как усовершенствованного Ваню воспримут люди. Почему-то особенно за него. После утреннего телефонного разговора я приобрёл новый тревожный бзик. Может... это место соло-гитариста какое-то проклятое? Или фамилия его: «Юдин» автоматически накладывала на владельца бремя скрытности? Или же всё гораздо проще! Юдины страдали, попадая в круг моего влияния. Я источал зло.

Я был злом.

Но, на скромный взгляд злодея-продюсера, Лёше с ампула маниакального психа подходил такой репертуар. Больше, чем мне. Он нуждался в том, чтобы заявить о себе и творить в новом облике. Ему нельзя было замыкаться. Иначе Муратов постепенно сожмётся в ничтожно незаметную точку и исчезнет следом за предыдущим обладателем этого места в группе.

— Ты повернулась ко мне безликая

И поманила рукою к себе.

От испуга дыхание сбитое

Стало слышно на твоей стороне.

От томного взгляда

Расплывалось в глазах до смешного,

Твой призрачный шаг

Вывел меня на двойную сплошную!

Сегодня меня мутило от собственных метафор, намекающих на смерть. Или всё же так действовал хриплый лирический голос Лёши, проникающий за перепонки, куда-то вглубь ноющей головы? В его исполнении эта песня зазвучала так, как должна была с самого начала. Фанатам нравилось. Гитара, изливающаяся мелодией в его руках, заверещала в припеве вместе с единым хором инструментов.

— Ты тянешь мне руку и улыбаешься!

Я теряю сознание, оно задыхается!

Всё здесь не то, чем казалось вначале,

В этой реальности мне нужны жабры!

— Ты какой-то мрачный сегодня, — первым заговорил Муратов, прячущийся в капюшоне и трепещущих на ветру кудрях. Меньше всего я ожидал услышать такой вердикт от короля уныния. Даже Ева не стала меня ковырять. — Это из-за того, что я исполнил твою песню сегодня?

Я уложил Никольскую спать в своём номере, но сам так и не смог заснуть. Позвал

посреди ночи Лёшу прогуляться по набережной Камы. Прохладно. Приглушённые огни, сопровождающие нас до моста, начали теряться в его ослепительном освещении. Я задрал голову, тоже в капюшоне, и всё смотрел на гигантскую дорогу, протянувшуюся над нашими бошками, через кромку солнцезащитных очков.

— Нет, причём тут ты?! — беззлобно отрезал я.

Дело было не в песне, не в Муратове. Я немного... скорбел.

Сами собой вспоминались те первые дни в Москве, когда мы выживали втроём с Андреем и Ваней, ночуя на полу комнатухек знакомых. Писали музыку, тексты. Самый первый гаражный альбом был не очень удачным, даже не считаю его за полноценную работу. Но благодаря его выходу мы смогли хотя бы снять квартиру через три месяца. Вау, нас узнавала шпана в спальных районах, платила за вход в обшарпанный клубешник. Это был настоящий прорыв. Потом уже, когда ты в миг становишься востребованным, кажется, что популярность была всегда. Путь к ней не запоминается — лишь отдалённо то дно, с которого всё начиналось. То дно, что я разделил с Юдиным...

— Короче, Лёш. Не будем переподписывать контракт. Могу только продлить сроки. Я хочу сдержать обещание. Давай сочиним тебе новые песни, от которых не захочется вешаться. Запишем вокал, гитару, аранжировку можешь взять полностью на себя, или найду нормального звукаря. Как скажешь, так и будет. Запишем альбом, и будешь исполнять... под фамилией Юдина.

Муратову срочно нужно было заняться делом! Я знал, о чём говорил. Самого ведь всегда спасала только работа.

Он отреагировал без энтузиазма, нахмурил свои косматые брови.

— Мне вот... всегда было интересно. А где он сам прячется?

— Ваня?

— Да. Не объявится ли? План ведь вышел из-под контроля.

— Понимаешь... — Лёша попал в яблочко со своим вопросом. Я втянул соплю. — За городом он жил. Не важно это... Его отец сегодня сообщил мне, что Ваня... умер.

Муратов остолбенел посреди тротуара, громко шаркнув ботинком. Мне пришлось повернуться.

— Ч-что? — не помню, чтобы хоть какая-нибудь новость после той, что он узнал в ночь фестиваля, откликнулась в Лёше эмоциями. — Как умер?

Даже в темноте я видел, что Муратов побледнел. Из-за этого в первые секунды у меня отнялся язык, превратив объяснения в мычание.

Жалость пожигала изнутри груди, но я старался оставаться холодным. Это было несложно.

— Да н-не переживай ты за него. Он просто не проснулся. Был ночью в компании баб в шикарном загородном доме. Вскрытие показало, что перепил. Так примитивно, что даже немного смешно, — я горько ухмыльнулся и облокотился о перила. Чёрная вода внизу поблёскивала. — Поэтому... я не знаю, что будет дальше с этим составом. И кто из них гадит. Но тебе предлагаю работать вместе, вне зависимости от того, кто по итогу останется. И, раз ты не хочешь возвращаться домой... попривыкни, что это имя теперь только твоё. Давай сделаем тебе сольную карьеру, как ты и хотел. Юдин Иван Денисович!

Может, это кощунство, но ему пиздец как повезло.

— Я... забрал любовь его фанатов, — потеряно прохрипел он, глядя на Каму. — Они даже не придут к нему на похороны...

— Поверь, ты сделал лучший подарок Ване напоследок.

Понимаю, глупо. Но я до трясушки боялся, что Лёша всё-таки способен выпилиться следом за Юдиным. У него был повод.

— Вообще-то я тебя не для этого позвал, — я постарался сделать голос пободрее. — Мне нужна твоя... помощь, Лёш. Как у крутого гитариста прошу, — у него округлились глаза. — Нужно сочинить риф для песни. Но... я её под именем группы выпускать не буду. Я себе даже новый сценический псевдоним забрендировал, чтобы её выпустить.

Стеклянные глаза Муратова ожили. Я так и не понял, что за эмоция затесалась в его продолжительном взгляде, обезоруживающе проникнувшем сквозь мои очки.

— Хорошо. Что-то сопливое? — выпалил он.

— Блядь, да... А откуда ты знаешь?

Он прыснул от смеха так, чтобы я услышал наверняка, и грустно уставился на гладь воды.

— Ну а чего ещё может стыдиться Господин?

51. Подарок на день рождения

Выход нового трека на радио был запланирован на сегодняшнее утро. Пятнадцатое августа, день её рождения. Я узнал дату из нашего с Евой контракта, прописал вокал в студии у волгоградского знакомого, получил сведённую песню на руки и томительно ждал. Одновременно с предвкушением, когда Никольская, наконец, услышит этот «шедевр», и с содроганием. В большей степени мне всё-таки было стыдно за своё низкосортное творчество. Но скрывать его почему-то оказалось ещё невыносимее, чем бороться с приливами жара к щекам. С течением времени песня всё больше «настаивалась» в моих мозгах, мешая скользнуть ночью в спасительный сон. Ведь чем ближе становилось пятнадцатое августа, тем бесповоротнее я убеждался в правильности каждой строчки.

Вообще-то, я был уверен, что Лёша меня уничтожит, когда прочтёт текст. Но нет, даже не усмехнулся. Быстро подобрал лёгкий струящийся риф на сочинённый мною мотив, соблюдая стилистику, и даже сгонял со мной на студию в Волгограде перед концертом. Правда, я заставил его посидеть в коридоре, пока прописывал вокал... Говорю же, мне было пизда как стыдно.

Ранним утром я сходил на очередное отвратительное интервью в одиночестве, чтобы моё недовольное, всё на свете отрицающее лицо могли закрепить в экраны. Почему я скрывал талант Юдина?.. Встречался ли он с Мисс Кисс? А я? Может быть, я встречаюсь с Мисс Кисс? Да пошли вы на хер, ёбаные шныри!

Проснувшуюся в моё отсутствие Никольскую поздравили парни, а когда я вернулся в отель с охапкой кроваво-красных бутонов, в нашем номере уже стоял букет белых роз. На тёплом ветру колыхались балконная тюль и связка гелиевых воздушных шаров. Девчонка торчала в душе, пока расстеленную кровать заняло припекающее сочинское солнце.

Несмотря на затишье в блоге анонима, я не терял бдительности: брезговал ночевать там, куда ступали ноги этих ушлёпков, поэтому планировал, что номер так и останется складом вещей до самого утра. Я собирался увезти Еву в Pullman с закрытым пляжем, куда до нас не добрались бы фанаты и журналисты, и заночевать там, любуясь закатом на Чёрном море.

Это ощущалось странно — готовиться ко дню её рождения, за месяц бронировать стол в ресторане... Даже дико.

Но ещё более дико оказалось сидеть над ноутбуком с включённой радиостанцией и колотящимся в глотке сердцем...

— Приветик, — загадочно проронила девчонка, высунувшись из-за косяка в одном полотенце. Оно уже сползло с её груди. Когда Ева появилась в комнате, я забыл, как дышать. — Это мне?

Глядя на букет, что я оставил на кровати, она тряхнула мокрыми волнистыми волосами, закидывая их за спину, и просияла в счастливой улыбке. По смуглой коже, успевшей окутаться в загар, стекали капли воды.

Я подскочил на ноги и схватил веник. Чёрт! Не ожидал, что она выйдет так быстро. Обычно Ева кипятилась в ванной час, до красных щёк и задницы.

— Тебе, — лишь выдавил я и протянул розы на длинных стеблях между нами.

Девчонка звонко рассмеялась, принимая вздрогнувший в моих руках букет.

— Я не умею говорить, — тревожно подытожил я. — Извини... С днём рождения.

Ева уже всю хохотала. Шумно затянулась запахом бутонов. Отложила их бережно на тумбу и толкнула меня в подушки, не замечая, что полотенце слетело на пол.

— Я выключу радио? Есть идея получше, — игриво шепнула она мне на ухо, привычно усевшись сверху.

На пол упал один мой тапок. Я стащил второй и вскарабкался ногами на кровать.

— Нет, не надо. Пускай играет, — по ощущениям, стук моего сердца раздавался не просто в ушах, а сотрясал стены номера.

Ничего не подозревающая Никольская в ту же секунду устроила торнадо горячим языком, закравшись в мой податливый рот, и довела меня до истомного головокружения.

— Раздевайся! — приказала девчонка.

— Секунду.

Вслед за закончившейся попятиной в комнате распространилась давно известная мне волнительная мелодия. Долбаный момент икс.

Пока гитара тонко изливала мотив под спокойный ритм, я понял, что как бы не пытался держать на губах улыбку, она тянет неподъёмные уголки вниз. Я поднялся с подушек, уткнувшись губами в приоткрывшийся рот Евы, и ждал, когда начнутся слова.

Никольская, уловив моё настроение, тут же нахмурила свои ровные тонкие брови, затаив дыхание. О нет...

— Ароматные русые волны волос,

Во взгляде зелёные горы и скалы.

Она росла под присмотром небесных слёз,

В тёмных объятиях густого тумана.

— Лёнь... Это что, твой голос?

Я впал в ступор. Кивнул, продолжая следить за её бегающим по моему лицу ошалелым взглядом.

— Девушка-чай

С горы Уишань.

Братя её— ветра, ураган и утёс

Взрастили в ней послевкусие сладкое.

Тому, кто пленился горечью девичьих слёз,

Девушка-чай откроется с пятой заварки.

Ева слушала внимательно, стремительно меняясь в лице. Не понимая, как дождаться её вердикта, я беспрестанно надувался воздухом. Плечи задрались, дыхание перехватило, а выдохнуть не получалось. Я нахмурился, поняв, что она выглядит уже не так счастливо, как

пару минут назад.

— Девушка-чай

С горы Уишань.

Чиста, как глоток проступивших рос

На листьях раскрывшихся чайных.

Я боялся близости с ней, словно гроз,

Но понял, что ближе её не бывает.

Песня увенчалась соло и стихла, началась реклама.

Тогда тяжело дышащая голая Ева, продолжающая сидеть на мне, отвернулась к балкону и спряталась за копну высыхающих волос. Из меня будто выкачали кровь. Я обледенел изнутри, страшась пошевелиться.

Что это значит?

— Эй... Тебе не понравилось?

Боже... Я всё испортил!

— Очень понравилось! — напугано выпалила девчонка и вдруг рухнула сверху, нервно впиваясь губами в мои напряжённые.

По сравнению с нашим поцелуем до прослушивания её подарка на день рождение теперь Никольская показалась мне жутко холодной, растерянной, а её шкалящий пульс, раздающийся в теле, что я тревожно сжимал, было слышно чуть ли не громче моего. Сам я чуть не лишился сердцебиения от её реакции. В рёбрах мерзко скреблось и ныло.

Кажется, я шокировал Еву. Не стоило выдумывать глупости...

— С тобой всё в порядке? — она так шумно дышала и прижималась, что я не мог подобрать слов.

— Да! — жалобно всхлипнула девчонка. — Просто...

Я поймал Еву за подбородок, чтобы убедиться. Её зелёные глаза покраснели, пока она вздумала суетно гладить меня по голове. Сама этого не замечала.

Я понял, что такими темпами останусь без волос, и взял её тонкое запястье. Мягко переплёл наши пальцы, пытаюсь передать ей через прикосновение немного оставшегося у меня спокойствия. Но её слёзы забрали последние крошки самообладания.

Нам было хорошо вместе без лишних сантиментов... Дебил.

— Просто это очень трогательно! — вдруг выдохнула Ева и улыбнулась. — Лён, мне никогда не посвящали песни...

Она вцепилась в меня, не понимающего, что и думать, мёртвой хваткой и не отпускала до тех пор, пока не перестала реветь.

52. Улика

Я бы ещё поспорил, насколько удачным получился подарок. Весь день девчонка как-то иначе на меня поглядывала. Исподтишка. Я ловил на себе её слишком осмысленные робкие взгляды и любую затянувшуюся паузу заполнял глубоким поцелуем. Это отвратительно срабатывало. Ева замирала в моих поглаживающих руках, страшась двинуться. Что-то изменилось между нами по моей вине. Я только объяснить не мог, в чём состояло отличие. Появилась... неловкость, что ли? Исчезла её фирменная бесцеремонность.

Мы с Никольской провели сутки в Pullman, до глубокой ночи сидя на пустом берегу моря с полусладким вином, столовыми ложками и тортом. Я накидался, чтобы мне не чудилась всякая дурь, а она держалась даже в свой день рождения.

Во рту уже вязало от кислоты и приторного беже. Я воткнул перепачканную ложку в

грудю изуродованных коржей со смешавшимися разноцветными кремами и без сил распластался на покрывале. Песок под ногами уже остывал.

— Слушай, Лёнь, а когда у тебя день рождения? — заговорила Никольская, в тысячный раз за день поправляя волосы.

Нам сегодня было трудно молчать наедине.

Я подполз поближе к девчонке и лёг кружащейся головой ей на оголённые ноги.

Сощурился. На территории отеля позади пляжа сверкали фонари, дотягивающиеся светом до её расплывающегося лица. Волны, настигающие песчаный берег, шипели и бурлили.

Я ответил, как только вдоволь искусал нижнюю губу.

— Он был уже. Тоже пятнадцатого, только в июне, — Ева продолжила смотреть на море.

Наверное, стеснялась заглянуть мне в глаза.

— А-а... почему не сказал?

Я вспомнил, как тогда накануне мне позвонили из Подмосковья, и муторно вздохнул.

— Да ну зачем? Мне и так было нормально. Мы в тот день как раз приехали в Ижевск, все свалили гулять. Мы ещё втроём с Муратовым заказали шашлык в отель, помнишь? А ночью ты мне отс...

— Ладно-ладно! Всё, я поняла! — засмузилась Никольская. — Настоящему мужчине для счастья много не надо.

— Да... — покорно согласился я и зажмурился, чтобы не видеть её лицо в этот момент. — Только чтобы ты была рядом.

Я клянусь!

Клянусь! Это последнее, что я себе позволяю под градусом... Возможно, стоило остановиться ещё на этапе её трогательной истории про чайные плантации и на хер удалить заметки.

Зачем-то ляпнул... Как будто мало было несурзанности.

— Ребята, значит, не стали тебя поздравлять. Лёша и я не знали... А твоя семья? Не помню, чтобы ты вообще когда-нибудь созванивался с родителями.

Я шокировано распахнул глаза и уловил ускользающий взгляд Никольской.

Ничего не ответила... Ничего! Как будто не заметила!

— Мы не общаемся, — хрипло процедил я.

— Почему?

Я не выдержал. Подскочил, пошатываясь, с её бёдер и уткнулся носом в прохладную шею.

— Никольская... не меняй тему, а? Пожалуйста... Я делаю что-то не так? — этот нервный шёпот, принадлежащий будто чужому мужчине, прозвучал так жалобно, что я сморщился.

Еве не осталось выбора, кроме как приобнять меня под рубашкой. Горячие руки обвили голый торс, поглаживая меня по пояснице, покрывшейся мурашками.

Я почему-то был уверен, что ей понравятся телячьи нежности. Видимо, ошибался...

— Всё так, но... — запнулась девчонка. От затянувшегося молчания я обессиленно надвинулся ближе и чуть облокотился об неё, придавливая весом обмякшего пьяного тела.

Ева, придерживая, обняла меня крепче.

— Это совсем на тебя не похоже, — звучало так, будто Никольская пыталась меня

отговорить от громких заявлений. Почему?

Всё, что она изрекала сегодня, приобретало неожиданные повороты. Я до последнего не знал, чего ждать...

— Я это... не специально. Мне не нужно себя так вести? — всё, что угодно!

Я готов был всё, что угодно поменять, только знать, что это её не оттолкнёт. Я ведь и подумать не мог, что доведу Еву до безостановочных слёз сентиментальной песенкой!

Девчонка промолчала.

— Знаешь, ты сегодня почти не улыбалась, — на это Ева удивлённо раскрыла рот.

Она выглядела ужасно потерянной, пока вдруг её мягкие губы не растянулись в искренней улыбке.

— Прости меня... Просто не поверила с первого раза, что... Господин решил остепениться. Ты ведь не хотел привязываться? Кругом так много фанаток, а ты всегда к этому стремился.

Как ей удавалось? Цитировать меня наизусть! Швырять козыри в самые неловкие в моей жизни моменты!

— А ты не замечала случайно, что я уже остепенился?! — взревел я и повалил несопротивляющуюся девчонку на покрывало. — М-м-м?! Я полгода сплю только с тобой! Не могу спокойно заснуть, пока не поцелую тебя в губы! Ты что, слепая?!

Ева повисла на мне по-обезьяньи. Как в тот день, когда первый раз меня поцеловала, и сладко чмокнула в губы. По-моему, в уголке её рта ещё оставались крошки безе.

— Тихо, Господин. Не кричи! Вообще-то я эти же полгода провела только с тобой! — почему она опять называла меня этим грёбаным прозвищем?! — Ты самый милый Господин на Земле!

— Я! Знаю, что я с тобой сделаю! — угрожающе прошипел я девчонке в повеселевшее лицо.

Наконец, она рассмеялась.

— Что?

— Увидишь! Готовься таскаться по интервью, Никольская!

Романтическое рандеву всё-таки состоялось. Мы вернулись в отель, забронированный для группы, только утром следующего дня. Таксиста не пустили на территорию закрытой парковки, поэтому мы с сонной Евой и песком в тапках тащились по уже раскалённому асфальту мимо наших тур-автобусов. Вокруг них крутились операторы и басист, извлекающие из открытых багажных отсеков вещи.

Когда была возможность припарковать автобусы недалеко от отеля, мы не выгружали все сумки. Брали по необходимости.

— О, там Андрей. Будешь здороваться? — зевнула девчонка, приспуская солнцезащитные очки, как у Черепахи Тортиллы.

Я слегка шлёпнул её по заднице свободной рукой, подгоняя в сторону входа.

— Не тормози.

Да я даже не предупредил их, что мы не вернёмся ночевать. Зачем? Чтобы нам в сумку впихнули подслушивающее устройство?

— Вы вообще не разговариваете?

— Ага, — я открыл перед Никольской дверь, пропуская её вперёд, и собирался просочиться следом, но Андрей, бредущий с рюкзаком в нашу сторону, вдруг перешёл на бег.

— Бля.

Я недовольно вздохнул и остался держать створку.

Пускай пошевеливается.

— Привет, Господин, — басист, истекающий потом, с небрежно намотанными в самурайский пучок волосами вполне безобидно улыбнулся и протянул мне руку. Во второй ещё трепыхался его большущий рюкзак. — Как отдохнули?

Я нехотя пожал его ладонь.

— Норм. Заходи давай, — надеюсь, в фойе работает кондиционер.

Мы ввалились на душный ресепшен и после дежурных приветствий Андрея и Евы втроём поспешили к лифту. Не хватало только помолчать в замкнутом пространстве.

Я раздражённо продавил кнопку девятого этажа и закатил глаза под чёрными очками, пока девчонка с силой сжала меня за руку.

Что? Я не мог не выходить из себя в компании кого-нибудь из Death Breath, за исключением Муратова.

Двери начали сдвигаться, а подозрительно добренький басист поставил на пол рюкзак.

С бокового кармана, сдавленно звякнув, вывалился небольшой чёрный чехол.

Для медиаторов, что ли?.. Обычно Андрей играл пальцами.

— Что это у тебя? — процедил я, наблюдая, как басист поднимает укатившуюся вещь и отряхивает.

— Я не знаю, чьё это. В багажном отсеке лежало отдельно от всех сумок, хотел посмотреть.

Он дёрнул за молнию, показывая содержимое, и из-за приоткрывшейся крышки на меня угрожающе уставилось с десятков линз скрытых камер.

53. Тяжёлое решение

— Что?! Мне это слышится? Ты реально решил, что чехол принадлежит мне? Я же, блядь, сказал, что нашёл его в отсеке! — истерил басист, чуть не вырывая на себе патлы. — Чьё это, я спрашиваю?!

Андрей одурело осмотрел каждого в кругу нашего экстренного консилиума. Набор «умелые ручки» лежал на стеклянном столе, вокруг которого мы все сползлись. Только что проснувшийся, приподнявшийся с подушки Муратов со спутанными, как у одуванчика, волосами зевал и тёр заспанное лицо. Он был единственный, кто выглядел не шокированным происходящим, потому что всегда хранил безразличие. Как я однажды выяснил, почти всегда...

Загорелая и покрасневшая Никольская, сидящая на кровати позади, теребила меня за ладонь и тянула за плечо. Будто пыталась попридержать от скандала. Я метался взглядом от одного музыканта к другому, нервно кусая во рту кожу щёк. Старался утомить шумное дыхание.

Никто не выдавал себя неестественной мимикой. Андрей следил с надрывом за лицами парней, а я за его покрасневшей мордой. Взгляд у басиста начинал мутнеть от ярости.

Уличить друга было бы наихудшим раскладом...

— Почему бы тебе просто не признаться? — вкнут почерневший на южном солнце Юрген. — Из твоей же сумки выпало!

— Ты ахуел? Я мог нести чехол в руках! Но положил его в сумку, чтобы вскрыть в номере! Да если бы я знал, что там лежит?! Неужели принёс бы его сюда и начал вам показывать?! Может, блядь, ты тогда признаешься, раз такой умный?

Я вперился испепеляющим взглядом в звукаря, но он по-прежнему строил недовольную рожу. Хоть бы мускул дрогнул.

— А зачем его было подбирать? Теперь мы все пересрёмся! А правду так никто и не узнает!

До них начинало доходить. Кто-то из нас очень хорошо блефовал.

Мы будто играли в мафию, ожидая, кто станет следующей жертвой.

— Я как debil за вас впрягался! Считал, что вы тут все святые! Я спрашиваю ещё раз: это чьё?! Твоё?! — он тыкнул чуть не в лицо отшатнувшемуся Дрону. Его ублюдская чёлка закрыла полфизиономии, которую я пытался рассмотреть. — Или твоё?! Говорите, блядь! Вы тут самые... непроверенные люди!

Сессионные музыканты оскалились, едва не рыча на басиста.

— И ты туда же? Чуть рыльце в пуху и сразу заговорил по-другому! Я же сказал, что мне на хер это не надо! Я просто хотел играть музлу! — чуть не визжа, защищался Дрон. — Вы можете оставить меня в покое?!

— Чел, какого хера, а? Ты смотришь в неправильную сторону! Мы же говорили об этом!

— О чём? — я, задыхающийся от накала, встрял между пышущим агрессией басистом, оставшимся крайним, и драмером. — О чём вы говорили?

Юра вскочил с кресла и злобно задвинул шторы, морщась от солнца. Продолжил стоя, вместо этих двоих, вступивших в зрительную перестрелку.

— Лёнь, я понимаю, ты пошёл по очевидному пути! С самого начала предпочёл обвинить новеньких!..

От его вступления у меня вскипело в груди.

— Ошибаешься! Я вас всех рассматриваю в качестве предателей! — у Юры презренно приподнялась верхняя губа.

— Хули ты тогда его не замечаешь?! — перешёл на ор звукаря, оскорблённо тыкая пальцем в сторону Лёши. — Не думал? Может, тебя Юдин сдаёт? У него хотя бы есть повод тебя топить! Не затянулся ли ваш конфликт с прошлого года?!

Похоже, Юрген озвучил версию большинства. Парни синхронно прицепились злобными взглядами к Муратову, а у того в миг претенциозно вздёрнулись брови.

Действительно, блядь! Придурки же не знали, что на самом деле перед ними сидел фальшивый мудака! На настоящего я, может быть, и подумал бы!

— И поэтому! С его персоной в журналистском блоге обходятся мягче, чем с тобой и Евой! Не думал? — выдвинул свою истину Юра, продолжая указывать пальцем на Лёху.

Я-то знал, что он не при делах. Андрей тоже должен был это понимать. Вот и затаился.

— Реально! Откуда такая уверенность, что не он подсос анонима? — развыступался Гриша. — Он с группой вообще не общается, от всех отстранился! Может, он уже полгода на нас копает, пока ты с ним пиво сосёшь?

Хах!

— Может, поэтому я в нём и уверен?! Потому что он с вами вообще не контактирует?! — выплюнул я и вспомнил о существовании девчонки. Она слегка вонзилась ногтями в мою ладонь, усмиряя пыл.

— А мы, блядь, что, заразные какие-то?

— Вы же знаете, что у меня телефон появился только месяц назад, — наконец очухался Муратов. — Как я мог держать с кем-либо связь? Особенно с каким-то журналистом.

Оскорбились, что парниша, выкинув телефон, не смог играть с ними в стрелялки?

Какой плохой Ванечка, с группой не общается!

— Да? А откуда нам знать? Может, ты специально этот концерт разыграл с побегом! Рассказываешь тут, что телефон выбросил, а сам его прячешь! Как и эти камеры! Признавайся, блядь! Ты их в общий отсек сбросил, чтобы в личных вещах не хранить? Подставить нас решил?

Бред истеричного звукорежиссёра! Я ни разу не видел, чтобы Лёха заряжал телефон. Уж за ним-то я давно следил и страдал под гнётом совести.

Трое накинулись на гитариста, но ему было чхать.

— А может, просто покажем свои переписки? Вам есть что скрывать? — прохрипел бас в воцарившейся щекотливой тишине.

Муратов надменно скрестил на груди руки. Хорошая идея, блядь!

— М? Чего вы заткнулись?

— Сука! Да у тебя телефон новый! Ты прикалываешься?! Конечно, у тебя там ничего не будет! И какой дебил станет хранить переписку, если шифруется?

— Не знаю. Может, среди вас такой есть!

Я блуждал взглядом по каждому, чтобы хоть одного уличить в нервяке. Видимо, отменные собрались актёры, все тряслись от злобы за свою правду. Но телефоны показывать не торопились.

— Откуда вообще мысли: «хранить переписку»? — неожиданно вскипел Андрюха на звукаря. — Уже успел удалить?

— А... Вот как! Ты решил против своих же пойти? Жопу свою спасаешь?

Мне становилось трудно дышать в компании этих людей.

— Бля, да с чего вы вообще начали думать, что крыса в группе? Мы что, одни здесь? Это могли подбросить сцен-работники! — Гриша спрятал своё унылое лицо за татуированными ладонями.

Ну надо же, какое актёрское мастерство!

Теперь была моя очередь сыпать аргументами. Еле встрял в этот набирающий обороты срач. Парни позатыкались.

— Я сопоставлял наши походы на интервью! Просил у оргов списки участников. И знаете что? От мероприятия к мероприятию повторяются только наши с вами фамилии! Удивительно, правда? Сцен-работников тогда ещё в помине не было, когда начала литься грязь на наши с Никольской головы!

— Всё проплачено! — тут же отозвался Юра. — Где гарантии, что орги не смолчали? Если аноним отчисляет им процент, например?

Я тоже об этом думал, да! Но с чего процент? Что-то не видно в говно-блоге рекламы хотя бы туалетной бумаги!

Я обречённо вздохнул.

— Тогда... какого хрена в наших номерах стояли скрытые камеры? Вы мне можете объяснить? Ты мне можешь объяснить, Андрей? — я вцепился уничижительным взглядом в басиста, тревожно натирающего свою бородку. — Как такое возможно, что кроме меня и Вани в номер Евы заходил только ты! Мы просмотрели записи с камер в коридоре! А теперь, оказывается, в твоей сумке находится этот чехол... Я тебе что, болван безмозглый? Не видеть очевидного?

Он заткнулся. Надул щёки, нахмурил брови, уткнувшись в пол. Глаза его приобретали всё большее разочарование. Как и мои.

— Ясно, дружище... Я никогда не думал, что ты окажешься... таким говном.

Что ж. Это был обоюдный удар под дых. Я в голос вздохнул и вскарабкался на Андрея тяжёлым взглядом. Он твердит: «не я», но всё говорит об обратном!

— Я не хочу утверждать, не зная на сто процентов...

— Но ты утверждаешь!

— Нет! Не знаю я! Но даже если это ты, то не один! Вас должно быть несколько, — выпалил я, продолжая наблюдать, как басист неудовлетворённо мотает головой. Больше не было у меня друга. — Плевать мне! Ясно? Плевать, кто это делает, я всё решил! Финальный концерт тура в Москве будет для вас последним. Я распускаю группу!

54. Господни пути

Он добился, чего хотел.

Журналист разрушил Death Breath. И случилось это, какая жалость, не в финале тура, а ещё задолго до его начала. В тот момент, когда аноним заимел уши и глаза в группе. Инкогнито, властвуя над нашей личной жизнью, заведомо организовал мне поводы для сомнений. Я и подумать не мог, что когда-нибудь так нелепо и стремительно растеряю всё то, на что ушли годы душевных и физических мытарств.

В груди у меня, выходящего на сцену с широченной улыбкой, зияла внушительная пробоина.

— DEATH! BREATH! DEATH! BREATH! DEATH! BREATH! И-и-и-и-и-и-и-и, раздался оглушительный писк.

— Привет, москвичи! Давно не видели-и-и-и-ись! — я зарычал в микрофон, перекрикивая зал. — ПОГНАЛИ РАЗДАВАТЬ МЯСО-О-О!!!

Контрольное московское шоу в гигантском списке городов. Завершающее и обесценивающее. Могильный крест на Death Breath! А ведь я пошёл на преступление, чтобы удержать хотя бы то, что осталось...

Ничего не подозревающая публика сияла от счастья и тонны мелькающего света. Очередной sold out и очередная предательская ложь в гримёрке! Подумать только, Господин!.. Кто-то из них все эти месяцы наёбывал тебя на дружбу и деньги. Улыбался с фотографий и видео, ел с тобой из одной посуды, объездил всю страну, чтобы лишиться тебя искупления от одиночества!

Музыка была моей единственной возможностью существовать, отдушиной с тех пор, как я ушёл из дома. Ни на секунду я не останавливался, чтобы обернуться назад и пожалеть. Я достиг вершины, утешаясь собственным величием, и вот... сегодня предстояло добровольно признаться. Я не справился с этой ношей.

Господин впустил в «родной дом» стукача.

— А сейчас мы исполним для вас, — в последний грёбаный раз, как и любую другую песню в сет-листе! — «СГОРЕ-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТЬ»! РА-А-АУ!

«Мы». Больше никогда я не назову это слово применительно к куче паршивых предателей!

Мне было непередаваемо жаль! До тошноты! Но я не детектор лжи, чтобы просканировать их бошки и оставить только невиновных... И каждый! Каждый перед концертом счёл нужным подойти ко мне. Гриша! Дрон! Юра! Андрей! Они убеждали меня со всей мочи, что они не продавали нас с Евой журналисту... Если бы только это была правда!

Я взмолился взглядом к вентиляции в потолке клуба. Жаром от толпы обдавало лицо,

хотя шоу только начиналось. Я весь пылал от несправедливости, измывающейся над ломящими рёбрами. В зале загремели барабаны, оплетающиеся хмурым гитарным мотивом. Ритм-гитара начала заколачивать в пространство квинты, и я включился следом с бас-линией.

— Как долго ещё скорбеть
По упущенным дням?
Они давно превратились в года,
А реальность мне колит глаза!
Как долго ещё жалеть,
Приходить в себя?
Когда между нами витает обман,
А дружбы подделка учиняет тебе скандал!
Художественный образ вышел из-под контроля.

Мне было что вложить в эти слова. На пепелище надежд о слаженном коллективе ещё теплилась досада. Я расщепил её до атомов, облагорожено лая и ревя в мембрану микрофона.

— Гордыня твой враг!
Твой опрометчивый шаг!
Справедливости крах —
Сгораешь ты заживо!
Гордыня твой враг!
Твой опрометчивый шаг!
Справедливости крах —
Попытки все СОЖЖЕНЫ!

Зато впервые за эти годы я не испытывал собачьего страха: просто знал наперёд, чем скоротать время после распада DB.

Муратов и Никольская. Коллектив ухнул ко дну, да. Но у меня всё ещё были эти двое.

— Изводишься! Возводишь храмы честности!

Прожигаешь время, ухватиться не за что!

Я собирался объявить новость о прекращении деятельности группы в конце сегодняшнего вечера. Уйти под протестующие вопли, терпеливо выслушав всё то непотребство, что может источать рассерженная толпа. Не хотелось, как с какой-то тупой девкой, расставаться с фанатами по телефону. В отличие от анонима, я имел смелость заявить людям в глаза нечто неприятное, не скрываясь за серым обезличенным аватаром.

Но перед этим публику ждало феерическое шоу.

Во что бы то ни стало я наслаждался. Выворачивал своё нутро наизнанку, выстеливал послушным голосом то, о чём страдал последние полгода. Дрон размахивал чёлкой, словно маятником, ударяя по дребезжащим металлическим струнам. Его тёзка извлекал на толстенном грифе глубокие, сотрясающие пространство репризы, добираясь до самых кишок. Внутренности вибрировали от качественной жести, приправленной верещаниями соляками Муратова. Гриша надрывался над установкой, словно насмерть. В противоположной стороне от сцены, облепленной людьми, в темноте за киловаттами звука восседал Юрген. За исключением недомолвок и отсутствия гарантий в его невиновности, я считал его годным звукорежиссёром. Мы с парнями сыгрались.

И этого будет очень. Очень не хватать...

Мои внутренние сокрушения, упрятанные за солнцезащитные очки, что я сорвал в конце блока, явно подметила Киса. Сегодня она облачилась в чёрное платье с юбкой, как у школьницы, поверх сверкала кожаная портупея, обнимающая её грудь, голую шею и шёлковые плечи. Волны русых волос приподнимались над лицом в высоко собранных хлётких хвостах с кошачьими ушами, какие рисуют девчонкам в аниме-мультиках. Я продолжал настаивать на приличном уровне декольте, поэтому Никольская изощрялась с опошляющими аксессуарами.

То, сколько раз она появлялась на людях в платье, можно было сосчитать на пальцах одной руки. Поэтому при виде Евы, ожидающей выхода, я задержался пристальным взглядом в кулисах. Залюбовался её женственным внешним видом, пока ещё мог не делить внимание девчонки с фанатами.

Она приободряюще мне подмигнула, кусая малиновые блестящие губы.

А я невольно вспомнил, как не смог их коснуться прилюдно на фестивале, и тревожно сглотнул слюну. Позорище... От зашкаливающей температуры тела, подбивающей меня шумно и часто дышать, в организме сделалось щекотливо. Я был весь на пределе.

Господни пути неисповедимы, но Господин уже всё спланировал. Сегодня я намеревался реабилитироваться. Это был последний шанс испытать себя и Никольскую.

Я же обещал затаскать её по интервью!

— Следующая песня... — прерываясь на томное дыхание в микрофон, я рассчитывал повысить ценз мероприятия. Судя по иступлённым сверкающим глазам внизу сцены, успешно. — Та, что благодаря вашим прослушиваниям... стала хитом...

Истерика начала сгущаться в тонкий нарастающий писк, похожий на приближающийся пчелиный рой.

— И для этого... я хочу позвать на сцену... — зажав в кулаке включённый микрофон, я уцепил край влажной футболки, прощуршавшей в колонках, и стащил с себя под распалюющиеся женские визги.

Швырнул в зал на мгновенное растерзание, чтобы ни в коем случае не воспользоваться ей, как курткой на фестивале.

От того, что застряло в моём горле, я испытывал одновременно подстёгивающий трепет и сковывающий голос ужас. Но, кажется, я настолько свихнулся, что умудрился расшифровать последний озадаченный взгляд Никольской и не передумать.

Она с каждой секундой почему-то всё больше бледнела.

— МИСС! КИСС! МИСС! КИСС! МИСС! КИСС! — раздался гомон в зале.

— Да, вы правы... Я хочу позвать на сцену свою девушку!

55. Сбегающая крыса

Всё ещё с приплясывающим аритмию сердцем в груди я пялился в потолок шумной гримёрки. Развалился на диване, пытаюсь прикрыть дрожащие веки. Стоило оторваться от реальности, и изображение перед глазами срывалось с места, кружа мою шальную голову.

Я подхватываю Никольскую за бёдра, вынуждая её оторвать стройные ноги от сцены и обхватить меня за таз. Держу девчонку, крепко обнимая и приглаживая задравшуюся юбку на заднице. Без раздумий дотягиваюсь до трепещущих губ, зажмурил глаза. В зале раздаётся шквал крика, а последнее, что я вижу на её сияющем ядовито-зелёном светом софитов лице — искренний испуг. Как у меня на фестивале?.. Киса вонзается наточенными ногтями в мою голую спину, исходясь напряжением, но целуется мягко, послушно. Рот обволакивает тепло. Она отчаянно соглашается губами на публичные нежности, а сама старается скрыть, как от

чего-то нездорово стонет её сердце. Почему?..

Ева переодевалась в соседней гримёрке. Наблюдая, как полураздетые парни оттираются от грима в последний раз, я продолжал обессиленно лежать и прокручивать момент моего объявления.

Я хочу позвать на сцену свою девушку.

Теперь все узнали, даже она: Мисс Кисс принадлежит Господину. Ради этого я оказался готов похерить свой холостяцкий статус, свободу, предрассудки с поцелуями и спокойствие. Хотя... после новости о распаде Death Breath мне и так не светило отмалчиваться. Нас еле отпустили за кулисы. Пара песен на бис и прощальная речь на видео, конечно, не спасли ситуацию. Реклама нового альбома Мисс Кисс, над которым я планировал с ней работать, тоже. Фанаты продолжали галдеть, докрикиваясь до этого укромного помещения. Но я, может, не осознал ещё, что группе крышка. Беспокоился только о том, почему Ева так отстранённо воспринимала мои знаки внимания. Между нами сложились... отношения. Этим словом нормальные люди называли то, что я подразумевал когда-то между собой и Машей, пока сука мне не изменила. Я так дрожал перед тем, чтобы не вляпаться снова... Облажаться на глазах у стольких наблюдателей, под прицелом камер было бы наихудшим финалом моей скончавшейся веры в лучшее.

Единственное объяснение, к которому я из раза в раз возвращался: девчонка, как и я, чуралась отношений. Сама ведь встречалась только с богатеньким дедулей, распускающим кулаки. Из нас двоих ей удалось попасть в более затруднительное положение. С таким горьким опытом можно было стать лесбиянкой, поэтому мне стоило просто поднабраться терпения и продолжать завоёвывать доверие Евы. Так я думал...

Правда, не совсем понимал. Стоило ли продолжать в том же духе...

— Я пошёл, — холодно объявил Гриша и прискорбно стянул с мокрой головы свою любимую оранжевую шапку. — Было... приятно с вами сотрудничать. Неприятно тоже было. Мне очень жаль...

Не ожидая, что прощание так скоро наступит, я недоумённо оторвался от спинки дивана и собственных мыслей. Барабанщик успел забрать из автобуса свои сумки, рюкзак, суетно нагружаясь вещами. Из бокового кармана торчало несколько пар сколотых палок. Судя по выражению его лица, одну из них Гриша словно уносил в собственной проткнутой груди. Красочный и татуированный, вечно улыбающийся драмер выглядел убитым. Впервые.

Обошёл по очереди Юргена, Андрея и Дрона. Муратова, молчаливо высидивающего на другом конце дивана. Пожал всем руки и задержался возле меня, сжавшего до боли челюсти.

— Когда узнаешь, кто был предателем... если захочешь собраться снова, я был бы не против, — с трудом вымолвил он. Я, смятенный, приподнялся с дивана. — После нормальных извинений, конечно... Но, боюсь, ты, чел, на них не способен.

Вот как?

Гриша не сказал больше ни слова. И слушать не стал то, что почти сорвалось с моего искривившегося рта. Вышел из гримёрки, таким смазанным прощанием завершив своё пребывание в группе.

Я испытал облегчение, провозгласив на глазах у преданных фанатов о распаде, а теперь сожалеюще смотрел на захлопнутую барабанщиком дверь. Не ожидал, что испытаю такую неподъёмную тяжесть в груди.

После его ухода шелест последних сборов в гримёрке будто стал более досадливым. Я искусывал кожу щёк, лупя взглядом в пол, когда раздался второй голос.

— Так-то я тоже хотел продолжать с вами играть! Было круто! Но вся эта маза со сплетнями и поиском виноватых достала... — одним лишь взглядом я переметнулся на ноющего Дрона, застёгивающего молнию на дорожной сумке.

Он обидчиво надул губы, смотря мне с укором прямо в глаза.

Теперь-то я мог признать спустя полгода и хотя бы перед собой, что ритм-гитарист, похожий на подростка из две тысячи седьмого, играл филигранно. Не знаю, где можно найти такого же.

— Но назад меня не зови! Я уйду в «Инферно», — перерубил он.

Мой рот невольно открылся, а брови приподнялись, пока я наблюдал, как челкастый покидает гримёрку вслед за своим другом. Гитарист уходил к нашим конкурентам...

К нашим? Серьёзно? Нас больше не существует!

Неужели Дрон думал, что в «Инферно» лучше? Журналист и до Санька, солиста однажды добрался. У анонима явно были свои засланные проплаченные люди во многих коллективах. Хотя... столько жести, сколько всплыло о нас, не публиковалось больше ни о ком. Может, он был невиновен и уходил на место предателя, вытуренного из группы?.. Чёрт!

Я и за уход Дрона испытывал дикое сожаление. Вздрогнул от хлопка двери, в голос откашлявшись, и невольно попал взглядом на Юргена, сматывающего свои личные кабели в сумку возле чёрного окна.

Ну... Уходи и ты следующий. Чего тянуть?

— Что ты на меня смотришь? Тут без комментариев! — язвительно бросил звукарь, явно поднакопив для меня пару ласковых. — А знаете что? — зашёлся он, оторвавшись от сумки. Распрямился, надвигаясь в сторону меня и Муратова. — Я из-за вас перенёс людей, выслушал столько говна! Ради чего? Чтобы... чтобы Господин, блядь, мог поцеловать тёлку и объявить, что группа распалась? Да чтоб я ещё хоть раз с тобой связался! — его дрожащие пальцы, скрючившиеся в хилый кулак, закончили свой путь прямо у моего окаменевшего лица.

Я выглянул исподлобья поверх кулака в синие от ярости глаза и смолчал.

— Ты придурок, Господин! И не благодари... Больше тебе никто об этом не скажет!

Свежевыкрашенный белобрысый Юрген истерично вернулся к сумке, торопясь пропихнуть поверх своих пожитков провода. Схватился за телефон с загоревшимся экраном и приложил к уху.

— Где, блядь, такси моё? Я опаздываю на рейс в Питер! — он завёлся не на шутку, выплёскивая желчь на звонящего.

Затем, проигнорировав меня и Лёху, подошёл к Андрею, всё это время натирающему салфетками лицо возле зеркала, уныло похлопал его по плечу и устремился на выход.

— Счастливо оставаться!

Я не смог проводить его взглядом. Уставился на Лёшу, уже хронически терзающего нижнюю губу по любому поводу, и перевёл дух. С нами в гримёрке остался только Андрей. Похоже, мне нужно было готовиться и к его прощальной речи...

Басист не очень добросовестно тёр лицо салфетками, оставляя на коже чёрные разводы. С подведёнными глазами и бородкой он был похож на какого-нибудь египетского фараона. Свою басуху зажимал ногами, будто боясь бросить её без присмотра среди чужаков. Я заглядывал в его пустые глаза сквозь отражение в зеркале и с ускоряющимся пульсом ожидал вердикта.

— Ты уходишь? — раздался вдруг привычный бас.

Я поджал рот, наблюдая, как Андрей медленно и злобно обернулся к Лёше.

— Издеваешься? Молчал бы лучше!

Басист продолжил хреново мыть лицо, вернувшись к отражению.

Я мог понять, почему парни рычали на Муратова. Но от Андрея, участвующего в нашем заговоре, это было сродни предательству.

— Эй, говори со мной. Он-то что тебе сделал? — его рука замерла у щеки.

Салфетка отправилась на тумбочку, а потерявший терпение басист вскочил со стула.

— Мне? Ничего... Не понимаю, что он сделал для тебя, что ты возвёл его в разряд лучших друзей! Притворился известным за деньги?

Ни хрена себе... Мы с Муратовым оба поднялись с дивана.

— Я всего лишь уверен, что он не предатель! Этого достаточно, чтобы я нормально к нему относился!

— А я? Я, по-твоему, предатель?! Во мне уверенности нет?! Это я с тобой эту группу собирал! Я с тобой переживал её падение и искал способ подняться! Но ты даже не спросил, хотят ли парни расходиться! Хочу ли этого я?!

Каждым словом Андрюха будто заколачивал болты в мои перепонки. Воззывал к утраченному доверию и будто бы даже успешно.

— У тебя есть подозрения, кто это делал? — холодно возник Лёша.

— Точно не эти люди! — взревел Андрей. — Не я! Не ты! Не Господин! Никто из нас! Я не знаю, кто это делает!

Он надрывался до вздувшихся на висках вен, и я поверил. Стыдливо свёл брови, стиснул зубы, выслушивая мужскую истерику, к которой я его сподвиг.

Значит, не басист нас сливал. Но с таким простодушным подходом, как у него, можно было продолжать играть бок о бок с крысой! Не он предатель, так кто-то другой...

— Андрей... оставайся, — проронил я, испытав прилив облегчения. — Тебе мы рады, правда. Оставайся, дружище.

Я протянул ему руку, ожидая, что басист её пожмёт.

Мне предстояло продюсировать два альбома: для Муратова и Евы, а от его помощи я бы не отказался.

Андрей внимательно рассмотрел мою ладонь и поднял уже совсем недобрый чёрный взгляд, не предвещающий ничего хорошего.

— Нет! — вдруг выпалил басист. — Хочешь, чтобы я писал партии для девчонки?.. Я никогда не забуду, как ты предал нас ради... ради какой-то певички из бара! Ради эскортницы, с которой спишь! Как ты вообще позволил ей себя охмурить, грёбаный ты Господин?! Если бы я знал, что всё так обернётся, никогда бы не повёл тебя в «Подвал»!

На мгновение его слова прогремели в моей погорячевшей голове. Лицо онемело, но ладони сомкнулись в кулаки, чтобы измарать морду басиста в фарш.

Я ожесточённо двинулся в сторону тут же обделавшегося басиста, как вдруг ощутил, что чужие руки придавили мои к торсу мёртвой хваткой.

— Сука, Ваня! Пусти меня! — я завился в его долбанных объятиях, словно уж, с горечью наблюдая сбегающего из гримёрки Андрея. — Пусти! Я порву эту крысу!..

Часть 3. Глава 56. Правда

Я никогда не забуду, как ты предал нас ради какой-то певички из бара! Ради эскортницы, с которой спишь!

М-да. Я выдохнул серый дым, растворяющийся в воздухе между крупными хлопьями. С

незастеклённого балкона открывался вид на один из спальных районов Москвы. На подоконниках осаждался налёт снега, а где-то внизу дворовая мокрая дорога блестела под фонарями. Метель вихрилась в их жёлтом свете, пока заканчивалась моя горькая сигарета. Щёки и шею кусал мороз, но обратно я не спешил. Подглядывал в загорающиеся окна многоэтажек, прячась за воротник куртки. И что это за тяга такая? Любопытно, как живут другие?.. Одному мудаку тоже было любопытно. И вот уже четыре месяца он не выпускал сенсации.

Четыре месяца без Death Breath.

Без шутника-басиста, обидчивого гитариста, вечно дующего пухлые губёшки, барабанщика с низкосортным юмором и скудным словарным запасом. Без нахального Юрца, бросившего все свои дела ради тура. И без Юдина, преданного земле. Интересно, не разругайся мы до его ухода... закончил бы он жизнь так скоро?

Я ненавидел наткаться на эту мысль. Поэтому умыл лицо ледяной красной рукой и кинул бычок в банку со снегом. Нервно прикурил вторую, терзая рот. Если бы не Ева, я давно уже вырвал себе сердце...

И если не Муратов. Я не любил об этом распространяться, но где-то, начиная с Перми, после нашего разговора по душам, он постепенно переставал быть таким отмороженным. Становилось всё проще и проще с ним общаться, даже... приятнее, что ли. Пока вдруг Лёша не заменил всё стадо одним своим наличием в моей жизни. Я до сих пор пребывал в ужасе от того, как незаметно враг оказался мне ближе лучшего друга.

Мы сняли ему квартиру по соседству с моей, вместе ходили в качалку, зависали в домашней студии звукозаписи у очередного моего знакомого из прошлого. Постепенно мы начали делать это с Никольской втроём. Лето сменилось на слякотную осень, а она вдруг внезапно — на зиму. Буквально сейчас Ева прописывала вокал в звукоизоляционной кабинке, установленной в гостиной, а Муратов со звукарём Славой её контролировали. И мне даже не приходило в голову разmozжить за это парню лицо в порыве ревности.

Сочинять тексты Лёша сам себе не мог, говорил, что у него атрофировалось чувство прекрасного, а ничего, кроме изжитой любви, его не вдохновляло. Прежде от таких вычурных заявлений я бы разоржался. Но... тут внезапно понял, что Муратов имел в виду, и до сих пор держал это в уме при каждом взгляде в его блёклые глаза.

Я писал для него тексты, стараясь придерживаться определённого скотского образа Юдина, каким Лёша его усвершенствовал своими выходками в туре. В соцсетях анонсировал тяжеляк в лучших Ваниных традициях. Но меня самого ни на один матерный манифест не хватало. Все мозги были просраны романтикой и утопическими метафорами. Поэтому в большей степени мы продвинулись с альбомом Кисы.

Это ничего. Я был готов получше постараться для Муратова, заслужил ведь. Столько дерьма со мной поел... А Никольская от моих умственных потуг была только в плюсе.

— Слушай... Вы будете отмечать вдвоём? — хрипло донеслось у меня за спиной.

Из приоткрытого от неожиданности рта повалил не то дым, не то пар. Лёша закрыл снаружи дверь на щеколду, опустился на соседнюю табуретку и, застегнув куртку, закинул ноги на перила.

— Ты про что?

— Про Новый год, Лёнь, — он извлёк из кармана уже подготовленную сигарету и неспешно прикурил. Под широкой ладонью зажглась крохотная жёлтая точка и тут же исчезла, а заструившийся дым сдуло ледяным ветром.

Праздники уже так скоро? Говорят, счастливые не наблюдают часов. Я не наблюдал недели... Осмотрел непривычно обстриженную Муратовскую голову. Кудри только прикрывали уши, выглядывая из-под шапки.

— Что за вопросы... Мы тебя не бросим одного в Москве, — я чуть не добавил «в чужой».

Пора было привыкать, что он здесь осел насовсем.

— Не хочу быть третьим. Только мешать буду, — Лёша выдохнул через рот и нос, прикрывая веки.

Вроде ухмыльнулся. Человек учился улыбаться заново, но я ему не верил.

— Ну... хоть бы подружку себе нашёл, — так легко у меня вырвалось, что захотелось прокашляться. — Если... пить в барах не хочешь, посидел бы в кофейне с умным видом над текстом. К тебе без спроса подсядут знакомиться.

Сказали бы такое мне год назад, и я бы опрокинул человека с балкона. Это сейчас у меня есть Никольская. Есть идиотское желание обхаживать и боготворить только её одну... Создалось впечатление, что мы с Муратовым поменялись мозгами.

Он наградил меня хладнокровным продолжительным взглядом, жадно высасывая из сигареты никотин. Под невыносимым прицелом бледно-голубых глаз я начал чувствовать себя тупицей.

— Посмотри, Лёнь, — он вальяжно достал телефон, засветившийся в темноте, и, кажется, открыл заметки. — Это подойдёт под образ Юдина?

— Ты хотел сказать, под твой?.. — я поторопился взять мобильник, чтобы сменить, наконец, тему.

Неужели Муратов что-то сочинил?

— Ну да. Так и хотел сказать...

На экране, чуть резанувшем глаза, тянулось полотно четверостиший, в которые я, притихнув, начал вчитываться.

Дом — это там, где я закрою глаза,

Здесь нет ни пола, ни стен, ни окна.

Лекарство для душ без рецепта врача —

Пустое молчание и тишина.

.

Приют для надежд и смертное ложе обид,

Здесь не крутят паршивой реальности фильм,

Здесь вакуум молчания неразрушим,

И тихо, как море в безветренный штгиль.

.

Никто не отнимет мой дом и его тишины,

Неразрушима коморка внутри.

Нет соседей, гостей, и нет суеты,

И за покой не нужно гасить кредит.

Я бегло прошёлся по тексту. Затем перечитал ещё раз. И ещё раз, нахмурившись, ощутил, как похолодел изнутри. От этих строк веяло тоской. Рёбра обдавало обжигающим душевным холодом.

Покосившись на мирно ожидающего вердикта Муратова, я незаметно выдохнул. Попытался избавиться от скопившейся в солнечном сплетении боли. Поторопился вернуть

ему телефон. Но, дотягиваясь до его руки, случайно свайпнул экран и увидел, что в фоновом режиме открыта фотография Виолетты Сергеевны. Она, изменившаяся, обматеревшая. В каком-то дебильном свитере, с волнистыми волосами, стриженными до плеч, кисло улыбалась на фоне надписи «Приёмная комиссия».

Я не знаю, что за чувство испытал. Меня будто приплющило к бетонной плите балконом сверху.

— Бля, Лёх... заberi, — впихнув в его ладонь мобильник, я скрестил на груди руки, чувствуя, как меня невыносимо раздражает изнутри.

Раздражает от сожаления!

Лёша уронил потерянный взгляд на пёструю фотографию. Тут же помрачнел, прикусил нижнюю губу, припрятывая телефон в карман куртки. За одно мгновение из равнодушного брутального парня он превратился в размазню с дрогнувшим подбородком. Но ненадолго.

Секундой позже его лицо приняло суровое выражение, а я увидел его затылок.

Мне показалось, я услышал звон в башке. Может, совесть моя в колокол забила?

— Лёх... я, — пролепетал я неразборчиво и стиснул челюсти... Нет! Сука! Невозможно молчать! — Я соврал тебе!

Он обернулся. Так медленно, что я чуть не задохнулся от осознания, что сейчас скажу ему в лицо.

Глаза Лёши оказались покрасневшими. Твою мать.

— Ты о чём?

57. Ничтожество

Страшась остановить взгляд на белках, покрывшихся сетью сосудов, я уткнулся в каменную плитку под ногами. На уличном холоде дрожащее дыхание, вырывающееся с паром на балкон, спрятать от внимания Муратова оказалось невозможно.

У него появилась совсем другая жизнь. Лёха стал известен, обзавёлся деньгами и фанатской любовью. Позади у него тур с крутейшей группой, славу которой, в том числе, сделала фамилия Вани... то есть его новая фамилия, а впереди — сольная карьера. Друг — известнейший продюсер Савицкий Лёня, помог с жильём в Москве, пишет ему альбом. Лёша играет на лучших гитарах, как дорогой коньяк, выдержанных временем и двумя турами по всей России. Лёша мог бы пить и пресловутый хеннесси на завтрак, если только захотел.

А сам он хотел лишь одного. И я, к сожалению, не догадывался... Я с омерзением перед собственной развитой фантазией знал, что это было.

— Мне надо тебе кое-что рассказать.

Невольно возник в памяти наш с ним разговор в Екатеринбурге: «Я постараюсь стать для тебя лучшим другом».

У тебя получилось, парень. Только из меня друг вышел отвратительный.

— Мы с Виолеттой действительно жили вместе, — когда я хрипло начал, Лёха сморщился, явно с трудом справляясь с этой повторяющейся, как и почти год назад, новостью. Сидеть на улице стало совсем холодно, но нужно было поговорить наедине. — Не как пара. Просто... Вилка меня пожалела и пустила пожить.

Лёша поднял на меня безжизненный взгляд, не соображая, что это меняет.

Держись, Муратов. Сейчас будет идиотская предыстория... Я постараюсь быстро.

— Я тогда из дома ушёл. Без денег. В сумке — зубная щётка и пара трусов. Где-то неделю ночевал у Вани, но его мамка быстро сдала меня моей. Нужно было срочно устраиваться на работу и искать съёмное жильё... — омерзительные воспоминания. У меня

по спине прошёлся холод, совсем не уличный. — И я даже на кафедре спрашивал, есть ли какие-то вакансии. Столкнулся впервые с Вилкой. Мы с ней почти ровесники, я и понял-то не сразу, что она преподша. Она только начинала обучать студентов, была такая простодушная, зелёная, хоть и притворялась строгой. Спросила, что случилось, и предложила пожить у неё. Я соврал, лишь бы не вдаваться в подробности, а она меня поддержала. Сказала, что ей тоже поначалу было трудно в новом городе, родителей расстраивать не хотела. Ну вот... Пару месяцев я у неё жил, пока копил на залог. Она просто меня пожалела.

Муратов равнодушно следил за моим замёрзшим, едва шевелящимся ртом и смиренно выслушивал.

— Оказалось, Вилка и зачёт у меня должна была принимать. Как только пятёрку поставила, я её номер заблокировал, — возвращаясь в события прошлого, я прикусил губу, тревожно сдирая с неё зубами слой кожи.

Ну, скажи уже хоть что-нибудь!

— Значит... ты ей воспользовался? — уныло произнёс Лёша.

— Ты про секс? Нет! Мы не спали никогда, — смотреть на замученное лицо Муратова, озвучивая правду после стольких месяцев его неведения, было нелегко. — Я тогда только с девушкой расстался... ни о ком думать не мог.

О чём речь? Я не целовал ни одну девку с того момента!

Пока не появилась Никольская.

Муратов явно не осознавал последние мои слова, зомбировано наблюдая за чужими окнами в доме напротив.

— Слышишь, Лёх? — я был убеждён, что от этого ему станет резко легче. Но, похоже, нет. Он продолжал игнорировать мои неумелые признания, которые я выуживал из себя через силу. — У нас ничего с Виолеттой не было. Я... я пожил у неё и свалил, как только появилась возможность.

Эй, очнись! Пожалуйста...

Он громко сглотнул. На балконе засвистел ветер.

— Чтобы вспоминать человека годами, необязательно иметь физическую близость, — раздался, наконец, отрешённый бас.

Ого! Я настолько засрал ему впечатления о Вете, что он был не в состоянии уразуметь!

— Да зачем ей обо мне вспоминать?! — несдержанно наехал я на вздрогнувшего Муратова.

Но тут же понял... Дело было не просто в прошлых отношениях. Я так всё перевернул, что Лёха верил: Виолетта искала в нём меня.

Какая же херня!

— Может, я ей и нравился тогда! Сочувствовала мне Вилка! Как не сочувствовать человеку, которого вытаскиваешь из дерьма? Но мне дела до неё не было! Я грезил жильё найти, поднакопить и съебаться в Москву! Ты вообще знаешь, почему я её заблокировал? Она мне такие гневные сообщения писала! Думаю, ты столько слов матерных не знаешь... Не стала бы Вилка жалеть о таком говнюке, как я! Не было у нас с ней никаких пирожков! — выпалил я, чувствуя, как изнутри горю от жара, а снаружи — от обжигающего мороза. — Дурацких прозвищ — тоже! Никогда не звала она меня «Башкой»! А Вилкой её стали обзывать, когда ещё она в лабораториях в главном старые розетки перебрала вместо техника! Неужели ты не знаешь? Спроси кого угодно из универа!.. Что там ещё я тебе наплёл?

Его привычно тусклый взгляд плавно переменялся. Выражение раскрасневшегося вечно застывшего лица принялось смягчаться прямо на глазах. И вот. Муратов вдруг стал похож на того, кто только-только спустился с трапа самолёта год назад, чтобы отправиться в тур с не распавшимися Death Breath. Что-то едва уловимое в его застывших зрачках выдавало в Лёше невыразимое отрезвление.

— Есенина я со школы ненавижу! Не стал бы я читать Вилке стихи! Чужие?! — надеюсь, он меня извинит за ненарочный стёб. — Всё это я подглядел в вашей переписке! Да, и на столе том, в актовом, мы не трахались на прощание, клянусь! И... и звонили мне из деканата! Помнишь, я показал тебе журнал звонков? В тот день мне звонил декан сразу следом после неё. Я бы даже не запомнил этот момент, прошёл почти год... Но я всего лишь использовал это в кон против тебя, чтобы сделать большее... С Виолеттой мы друг другу чужие люди! А ты... ты мне стал... другом. Я больше не могу смотреть, как ты убиваешься, Лёх!

Я забрасывал его аргументами и рассчитывал, что с каждой фразой Муратову будет всё легче воспрять из апатии, в которую я его привёл. Но в одно мгновение стало заметно, как распалившаяся в его глазах надежда сменилась новым витком разочарования.

— Зачем? Зачем ты соврал? — еле выговорил он.

— Я не стал бы соваться, если ты не водился с Никольской!

Но я бы... никогда и не решился встречаться с Евой, если не довелось увидеть, как я её теряю.

Мне было стыдно перед Лёшей. Но ничего не изменить... И даже если была такая возможность каждый грёбаный день моего затянувшегося молчания — я уже всё оставил как есть. До последнего.

Мы завершили тур, у меня появилась девушка, хороший друг и новые проекты. Всё в норме, дело оставалось за малым.

— Лёш... у меня ведь есть номер Виолетты, хочешь, ты позвонишь ей? Или... или я могу купить тебе билеты, чтобы ты смотался домой. Вы поговорите, всё должно наладиться... Всё будет хорошо.

— «Смотался»?! — вскочил он на ноги, пыша злобой. Над двором раздалось гулкое эхо. — «Смотался»? — уже тише повторил Муратов.

Я говорил что-то не то?

Он грузно рухнул обратно на табуретку, словно мешок переломанных костей, облокотился о каменную стену и с дрожью выдохнул изо рта клубень пара. В моей груди почему-то начало печь с новой силой.

— Ну... да. Нам нужно записать тебе альбом.

Пугая своей заторможенностью, Муратов обернулся и еле глянул на меня из-под век.

— Считаешь, можно исчезнуть на год, а потом по-быстрому смотаться? Может... может, у неё уже муж появился? Или забеременела она? Я же ничего о ней не знаю!

Лёха с таким раздирающим душу отчаянием уставился на перила балкона, явно представляя себе всё озвученное, что мне стало неловко до щекотливого давящего беспокойства в грудной клетке.

Я попытался выдохнуть. Руки окоченели до онемения, а зрачки Муратова забегали по дворовым унылым пейзажам.

— Я вычеркнул Виолетту из своей жизни... — надломлено продолжил он. — Также, как это сделал ты. Охренеть!

Действительно, охренеть... Лёня Савицкий превратился в образ, которому не то что не хотелось подражать... сравнение со мной звучало как отборное оскорбление!

Лёха расколдовано рассмотрел свои ладони, будто чужие. А я стыдливо спрятал лицо за непослушными от мороза руками. В теле обосновалась болезненная ломота.

— Боже... кем я стал? — раздалось презренно на балконе. — Я чуть не отказался от своего настоящего имени! От семьи, от Виолетты... Как?.. Как я сумел тебе поверить?

Он, словно обманутый малый ребёнок, хотел знать, как Господин провернул это с ним. А я чувствовал себя настоящим ничтожеством.

В тот момент Муратов справедливо мог обматерить меня или врезать по морде. Я бы понял. Я бы всё понял и даже подставил голову... Но он, скрипнув дверью, ушёл в тёплую квартиру, бросив меня одного.

Просто объявил мне бойкот. Справедливо... Его непревзойдённое хладнокровие стерпеть оказалось больнее любых эмоций. А уже вечером, когда мы должны были собраться у нас в квартире за ужином, он не пришёл. Я долго стоял под дверью на лестничной клетке его апартаментов, а собираясь уходить, вдруг встретил Муратова в дверях с собранной сумкой. Он рассчитывал уехать, я так понял, с концами и не попрощавшись.

58. Предположение

За кудрявой обстриженной головой показался гриф, упрятанный в зимний чехол. А за распахнутым воротом куртки, шуршащей от движения, виднелась голая шея, на которой рдела чужая татуировка. Я впервые подумал о том, что она совсем не шла уравновешенному Муратову. В его руках была только одна сумка, а это значит, что он оставлял все купленные вещи, что ему причитались ещё со времён тура.

Лёша смерил меня леденящим тяжким взглядом и перешагнул через порог, вынуждая отодвинуться. Повернулся спиной, воткнув в замочную скважину позвякивающие ключи. Между нами оказалась его гитара, привезённая с родины.

— Пошли пожрём? — выдавил я как можно более буднично, заглядывая парню за плечо.

Вдруг обойдётся?

Он выжидающе застыл у теперь запертой двери, не оборачиваясь и придерживая ключ. Куртка на широких плечах чуть вздымалась из-за тяжёлого дыхания.

— Завтра утром к тебе заедет арендатор, — тихий бас разлетелся эхом по подъезду. — Отдай ему ключи.

Значит, выселился... Это было предсказуемо, но настолько плохо отозвалось в груди. Когда я прощался с парнями из DB, считал их лжецами. Здесь гандоном навсегда оставался я.

Из меня вырвался судорожный вздох.

— Лёх... тебе в аэропорт? Я подвезу, — хоть что-то я в состоянии был сделать для Муратова!

Он обернулся и предосудительно оглядел меня с ног до головы.

Что? Такой мудака, как Господин, не сойдёт за таксиста?

Я тут же опустил голову, повторяя его зрительный путь, и увидел, что пришёл к нему в домашних тапках. Зато передел джинсы, в них лежали ключи от машины.

— Поехали, — почти умоляюще добавил я и забрался в карман, наощупь ища кнопку. — Уже прогревается... Внуково? Шереметьево?

Он продолжал хранить убийственное молчание, глядя прямо мне в глаза.

Пожалуйста. Я ведь даже не извинился... Не знаю, смогу ли.

— Домодедово... Тогда отменю такси, — неожиданно сжалился Лёха и опустил взгляд в телефон, что выудил из куртки.

Я тут же взволновался, суетливо двинувшись к лифту, лишь бы не видеть его выражение лица. В подъезде раздалось отчаянное шорканье тапок. «Всё когда-то заканчивается. Главное, чтобы на хорошей ноте», — хоть в одной ситуации в своей жизни я последую этому долбанному правилу!

Мы в многозначительном молчании спустились на лифте в подземку. На парковке, облепленной слепящими огнями и буквенными указателями, уже покрывшихся инеем, было гораздо морознее, чем пару часов назад на балконе. Дыхание мгновенно превращалось в стойкие облака пара. В одной кофте и тапках на босую ногу я одубел за пару минут прогулки вдоль ряда автомобилей, и, когда увидел в тёмном углу красные габариты, облегчённо протиснулся замёрзшей рукой в карман за ключами.

Задницу внутри салона хорошо припекало. Пока я стучал зубами на водительском, Муратов оставил сумку с гитарой на заднем сидении и привычно рухнул на пассажирское кресло, где уже работал подогрев. Внутри тачки всё ещё шёл пар изо рта.

Я даже не запомнил, в какой момент он исчез, самозабвенно следя за разметкой на парковке, затем на выезде, и вдруг обнаружил, что на грязных полуобледеневших дорогах в свете фонарных столбов практически не видно полос.

Нам нужно было ехать не так уж долго, а меня не тормозили даже ублюдские тапки вместо ботинок, изгибающиеся между голой ступнёй и педалями.

— Тебя ждать обратно? — буркнул я, глубже вжимаясь в мягкое сидение.

Какого-то хера будущее Муратова меня волновало.

Можно подумать, Лёша мне братом приходится... Да уж, поближе родного! В отличие от Никиты девушку уводить не стал.

— Нет, — сухо выпалил он, нарушив свой сегодняшний получасовой рекорд молчания, и уткнулся лбом в стекло.

Жаль. Безумно жаль! Я терял не просто наиталантливейшего музыканта в своём окружении, занозу в собственной заднице. Но и близкого человека. Его ничто не заставит усомниться?

— А как же альбом? — пожал я плечами, смотря на грязный бампер киа, попавшей в белый свет фар.

— Мне это не нужно... Расскажи всем, что Ваня умер.

— Нет! Вдруг ты передумаешь?!

— Не передумаю, — уверенно произнёс Лёша и оторвался головой от запотевшего окна. — Я всё решил.

Вот как? Я понял. Мы встали на красном за очередью автомобилей с загоревшимися габаритами.

— Если когда-то захочешь сделать карьеру, я помогу. Номер мой есть, — уныло выдавил я, глядя в его волчьи глаза, равнодушно высверливающие взглядом бардачок.

— Спасибо, Савицкий, но... не жди. Не захочу я никакую карьеру. И звонить тебе не буду.

Довольно прямолинейно.

— Тогда... нужно будет расторгнуть контракт, решать что-то с компенсацией. Всё равно нужно твоё присутствие.

— Расторгни сам, ладно? Компенсацию вложи в альбом Евы, а мне ничего не нужно, — устало выдохнул он и перевёл на меня взгляд. — Я просто возвращаюсь домой, — с облегчением подытожил Лёша, поджав губы.

Просто возвращаюсь домой...

Я практически дождался приезда в Домодедово прежде, чем смог сподвигнуть себя на одно жалкое слово, першившее в горле всю дорогу.

— Извини.

Не знаю, слышал Муратов или нет. По ощущениям мой пульс участился выше двухсот звенящих в ушах ударов.

Мы остановились в зоне парковки на аварийке. У мерцающего сквозь панорамные окна аэропорта, где когда-то впервые мы с ним наебали сотрудников на одну известную личность, исколесившую всю страну по поддельному паспорту.

Лёша как раз достал его из кармана вместе с ключами от квартиры и бесстрастно протянул мне.

Решил обрубить все концы махом. Я, поджав губы, взял и закинул на заднее сидение. Не успел опомниться, как Муратов уже вышел, извлекая из салона гитару с сумкой.

Много раз видел, как он делает это в туре, но никогда не представлял, что настанет последний.

Я поторопился выскочить на ветреную улицу, хлопнул дверью, шоркая по наледи вокруг машины. Остановившись возле собравшегося Лёши, как долбаный пингвин, открыл рот, но так и не нашёлся, что ему сказать на прощание.

— Надеюсь, мы больше никогда не встретимся. Прощай, Господин Разрушитель, — беззлобно и едва заметно улыбнулся кудрявый Муратов. — Сбереги хоть то, что у тебя осталось. А я попробую сберечь своё.

Он протянул мне широкую ладонь, испуская на улицу ртом клубни пара. Я, не поверив своим глазам, неловко принял его крепкое рукопожатие.

А уже в следующую секунду Лёша развернулся и зашагал было ко входу в аэропорт. Изнутри я весь вскипел несогласием.

— Стой! Подожди! Пожалуйста, — я, как смог, прошоркал ему вслед, но получилось лишь на жалкий метр.

Муратов обернулся.

— Ты уезжаешь навсегда. Скажи честно, как есть... Вдруг я просто наивный идиот. Это ведь не ты нас сливал?

Я, совершенно уставший от психологических игр и потерь, готов был принять любую легкодоступную правду. И распрощаться с идеей мести. В конце концов, если бы это оказался Лёша, мы остались квиты.

Но он насмешливо и даже как-то удивлённо искривил губы.

— Не-а... Нет, не я. Ты всё-таки усомнился... У меня есть одно предположение, кто это был.

Моим выпучившимся на морозе глазам стало холодно. К Лёшиным предположениям я всегда был готов прислушаться. Странно, что он не поделился раньше.

— С-скажи... Это Гриша? Юра? Или ты думаешь... Андрей?

Муратов посмотрел на мои отсыревающие в снегу тапки и нахмурился.

— Я не хочу говорить. Тебе не понравится.

И с этими словами он направился прочь с парковки.

Я, хлопаящий ртом, зачем-то смотрел ему в спину, дожидаясь, когда фигура с гитарой скроется в дверях аэропорта. Всё больше мёрз и заходился тревогой, стремительно просачивающейся между рёбер.

Лёха ушёл, и силуэт его перестало быть видно даже в подсвеченных прозрачных стёклах здания. Теперь я смотрел на спящих чужих людей с чемоданами, то и дело распахивающими двери вдаль, с трудом дышал и страшился допустить в голову хоть одну крошечную мысль, что могла бы возникнуть после таких зловещих предостережений.

И вот. В кармане джинсов завибрировал телефон.

Я, еле собравшись с духом, достал его и уставился в экран, завлекательно предлагающий принять входящий звонок.

Киса.

59. Это ты

Мои дорогие, извините, пожалуйста, за задержку. Кульминационные главы занимают у меня больше времени. Также хочу предупредить, что завтрашняя глава выйдет позже 15 часов. Надеюсь на Ваше понимание, обнимаю.

Из-за моей закрытой спальни разносился звучный голос Никольской. Глубокий тёплый тембр, богатый на обертоны и ощущение того, что твои уши заботливо гладят с маслом, давно сделали меня её главным фанатом. Просто вслух я об этом не распространялся. Ева пела Spiritbox — это была моя любимая группа с женским вокалом до Никольской — громче солистки, пританцовывая вокруг кровати. Похоже, за весь день записи не напелась. Я следил за её расплывчатым силуэтом в ребристых стёклах двери и заворожённо слушал, пока не зазвучал проигрыш.

Тогда я тихо прикрыл входную дверь, снял испорченные тапки, прихватив с собой, и холодными, сморщившимися от снега ступнями прокрался по коридору на кухню. В квартире кожа на лице и руках ныла от тепла. Когда я добрался до накрытого стола, Киса зазвучала вновь, но уже приглушённо, из-за стенки.

Наверняка уже остывший ужин ожидал на трёх тарелках, спрятанных под фольгу, когда его употребят. Но Муратов сидел сейчас в зале ожидания и, наверное, слушал, как музыке в наушниках подпевает его урчащий живот. Я тяжело вздохнул и открыл лоджию, чтобы положить тапки в подготовленный на выброс пакет. С переездом Никольской пришлось освободить большую часть шкафа... Перешагнул порог, разглядывая запотевшие окна, и вдруг наткнулся на грудку коробок из-под заказанной еды.

«Wok», — было написано на трёх картонках.

М-м, забавно... Мы вроде давно ничего не заказывали.

Я запихнул тапки в набитый мусором шуршащий мешок и вернулся на кухню. Тихо закрыл дверь, отодвинул стул, но тот скрипнул, и задумал взглянуть под фольгу. Изнутри она запотела, а блюдо я рассмотреть не успел.

— Приветтики. А где ты был?! — Никольская с двумя болтающимися косами выглянула из-за дверного проёма. Привычно растянула губы в сладкой улыбке. — Я успела соскучиться.

После ухода Лёши и его не озвученного предположения я был подавлен, но улыбнулся в ответ.

— Да вот... Муратова провожал до аэропорта.

— В смысле? Это какая-то незапланированная командировка? — Ева продефилировала по кухне в коротких шортах, еле выглядывающих из-под края свитера, и уселась мне на

колени. Телефон экраном вверх оставила на столешнице и начала водить острыми после недавнего маникюра, как лезвия, ногтями по овалу моего напряжённого лица.

Позволив ей развлекаться, я чуть вздёрнул нос и продолжил следить за приоткрытыми губами девчонки.

— Он решил уехать домой. Больше не вернётся.

— Ого, — у Кисы вздёрнулись брови. — Что случилось?

— Я рассказал ему правду.

Мы пересеклись тревожными взглядами. Её пальцы остановились, а пухлые ухмыляющиеся губы покинула всякая хитрость.

— В смысле? К-какую правду?

— Я рассорил Лёшу с его девушкой. Я знал её раньше, поэтому соврал, что она моя бывшая, наговорил ему гадостей, — стараясь не замечать, что Ева смутилась, пытаюсь вернуться к прежнему выражению лица, я опустил взгляд на паркет. — Хреново я с Муратовым обошёлся, но в тот момент считал, что он достоин расплаты. За то, что вы двое выводили меня на ревность.

Ева осунулась и прикусила губу. Не знаю, насколько она чувствовала себя виноватой перед Лёшей, это ведь она его приплела третьим, но я просто изнывал тяготами совести.

— Да, Лекса рассказывал про Виолетту... Что она его старше, преподаёт в ВУЗе, — наверное, я ожидал услышать что угодно другое, поэтому тревожно сглотнул. Мне показалось, Ева обходит острые углы. Может, и к лучшему. — А... что у тебя на самом деле с ней было?

Или не обходит?

— Ничего не было. Преподаша просто пустила меня пожить на время.

— Пожить? Тебе негде было жить? — Ева, всё ещё поглаживая меня за подбородок и шею, почему-то вцепилась сильнее, будто с надрывом, и повернула поближе к своему оживившемуся лицу.

В этот миг я почувствовал себя словно под обдирающим психологические маски прожектором на допросе, изумившись собственным ощущениям. Непонимающе уставился в её стеклянные завораживающие зрачки и, прогнав неприятную дрожь в груди, рассмотрел в них то трепетное беспокойство, с которым могут смотреть только на дорогого человека.

Я тревожно сглотнул слюну.

— Давай поедим?

— А... — очнулась Ева. — Да, конечно.

Она встала с моих согревшихся коленей, потеряно осмотрелась на кухне, будто не зная, куда пристроить руки. Обернулась, наконец, и принялась снимать фольгу с тарелок. Над столом, как маятники, раскачивались две невинные косы.

— Наверное, уже остыло? Давай подогрею, — наконец, я увидел, что сегодня у нас было на ужин. — Лучше, конечно, сразу с плиты, так вкуснее... Но подогреть не помешает, да? Давай...

Азиатская лапша с овощами. Я отчаянно не хотел, но невольно вспомнил коробки на балконе.

— Не надо. Я буду так... Долго готовила? — в надежде услышать предысторию её общения с курьером, я столкнулся со вполне себе искренней улыбкой на манящих губах Никольской.

— Да ерунда. Мне несложно. Это блюдо быстро готовится, а ещё, кстати... это

китайская традиционная кухня. Правда, мило будет попробовать?

Я кротко кивнул. Прежде никогда не ловил её даже на крохотном вранье. Хрен бы с доставкой, мне пофиг, чем набить желудок. Но я пребывал в полнейшей фрустрации от того, как непринуждённо и убедительно Ева соврала.

Кокетливо улыбнулась, наматывая на вилку лапшу, и подмигнула мне.

— Приятного аппетита, Господин.

— И тебе... — еле прохрипел я.

Последовав примеру своей искусно подвирающей девушки, я уткнулся в тарелку, ковыряясь вилкой в еде. Впервые за последний год не нашёл в себе сил приободриться и окончательно раскис, чувствуя, как отяжелели крохотные непослушные мышцы на лице... Грёбаная лапша меня добила.

Я вымучено перевёл взгляд с еды на телефон девчонки. Потом на умело улетающую ужин Никольскую и заметил, что одним своим выражением вызвал у неё потерю аппетита.

— Лень... ты чего?

Брови и веки будто нависли над моими глазами, не позволяя надолго задержаться на её неподдельно встревоженном личике. Я погряз в безнадёжности, острыми иглами проникающей под холодеющую кожу. А сам продолжил невольно любоваться девчонкой на противоположном конце стола. Такая светлая, даже ребячливая, что ли.

Как ей было не верить? Хорошая героиня из волшебной сказки.

— На чём мы остановились? — непринуждённо заговорил я. — Мне негде было жить. Ты хотела знать, что случилось?.. Из дома я родительского ушёл.

В солнечном сплетении начало больно припекать, а язык ещё с полминуты не шевелился под усердными мыслительными наказаниями продолжать. Ева будто обмерла.

Я, как однажды в номере, посвятив ей песню, буквально ощутил её сердцебиение с противоположного конца стола.

— У меня была девушка Маша. Я её любил с шестого класса. Домой водил, с семьёй познакомил, с Никитой, когда ещё детьми были. Это мой младший брат... Мы с Машей вместе... выросли. К экзаменам готовились... вместе. Планы на жизнь строили — поступить в один ВУЗ, снимать квартиру. Потом свадьбу сыграть... детей родить. Только она со мной в МПТУ не поступила, ей не хватило баллов... Маша с Никитой на один факультет попала в строяк... Это я потом уже узнал, спустя пять лет учёбы, что она специально выбрала то место.

Ледяная кровь отлила от ног, рук, лица, и я, словно снеговик, еле моргая, смотрел на побледневшую Никольскую.

— Она ушла от тебя к твоему брату? — еле прошептала Ева дрожащими губами.

— Да. Оказывается, Маша всегда любила его. Не знаю, они вообще когда-то собирались мне рассказать... Как будто нет. Я их случайно вместе застал, — мой пульс раздавался в каждой клетке тела, изнывающего от хлёстких воспоминаний. Маша перед Никитой на коленях. — И знаешь... Они до сих пор вместе. Закончили ВУЗ, сыграли свадьбу и родили внуков нашим родителям. Всё, как мы с ней планировали.

Мне не хватало воздуха, чтобы выдохнуть. Кажется, Никольской тоже.

— Я всё вроде бы понимаю. Это судьба... но... но я до сих пор не в состоянии понять своего родного брата. Мы и в детстве-то особо не были дружны, а когда меня родители стали принуждать войти в его положение: «ну он же твоя родная кровь, ты его прости, смирись, любят они друг друга, а вы должны быть дружными»... я просто вещи собрал и ушёл. Ни с

кем из них больше не общаюсь. Да не так, чтобы я и жалел... Родители тоже перестали пытаться до меня дозвониться, когда узнали, что из меня выросло... Вот. Вот почему мне негде было жить.

Ева боялась пошевелиться и даже моргнуть. А я не испытывал пресловутого облегчения.

— Я никогда и никому об этом не рассказывал, — довольно несдержанно, с дрожью в голосе заявил я. — Ты — единственная, кто теперь знает. Даже Юдину я не разжёвывал. А теперь представь, каким бы неудачником выглядел Господин в глазах фанатов, если только это всплыло в интернете! Я бы сошёл с ума...

— Но... разве ты неудачник? Доверять человеку — разве это...

— Это больно! — я несообразяюще уставился в зелёные напуганные глаза. — Я свою карьеру построил на руинах прошлой жизни. Каждый день возвращался в тот день, когда увидел на входе в квартиру две пары обуви, и думал, да что же я, чёрт возьми, сделал не так?.. А сейчас... больше всего на свете я бы не хотел снова ошибиться.

Я заткнулся, изучая реакцию девчонки. Ещё никогда я не видел Кису в настолько подавленном состоянии. Шумно сглотнув слюну, она стиснула губы и, скрипнув стулом, поднялась, вытягивая мне навстречу руки.

Тёплые и нежные, обнимающие руки. Я снова оказался в ворохе её заботы, толком не успев к этому привыкнуть. Каждый раз удивлялся как в первый, насколько приятно ощущаются её прикосновения. И, несмотря на навязчивую одышку после исповеди, ответил на утешающий поцелуй.

Губы Никольской, как сладкое противоядие, тревожно приникли к моим, будто пытаюсь настойчиво отнять все те слова, что я изрёк сегодня на кухне. Она сострадала, и это точно было правдой. Ластилась и целовала меня, пока я отогревался от леденящего ужаса перед прошлым и стремительно наступающим будущим. Я даже позволил себе отпустить контроль, жадно прижимая девчонку за талию и горячую голову. Вбирал её трепетные губы, язык сквозь учащённое дыхание, не пытаюсь сдержать возбуждение.

Если я действительно ошибался, хотелось бы делать это как можно дольше и глупее.

И прерываться добровольно я бы ни за что не стал, если не ощутил во рту солёные тёплые слёзы.

— Почему ты плачешь? — я отстранился и убрал Еве за ухо короткие, выбившиеся из кос пряди. Её лицо блестело от влажных дорожек. — Жалеешь меня? — подсказал я девчонке.

Она молча кивнула и как-то стыдливо слезла с моих колен, попятившись обратно на своё место. Две недоеденные порции макарон продолжали стоять на столе.

На кухне стало совсем неуютно.

— Поешь нормально. Ты так долго меня ждала, — выдохнул я, не справляясь с тем, что поцелуй закончился.

— А ты?

— Что-то не хочется...

Она кивнула и стала неуверенно наматывать по одной выскальзывающей полоске на вилку. А я уже не мог не думать.

Пристально рассматривал кухонные ящики, узкую картину с яблоками за её спиной. Мандражируя, смотрел то в покрасневшие глаза, то на экран её телефона. Но всё было, как и прежде.

Тогда я дрожащей рукой достал из кармана мобильник, как в бреду открывая блог

анонима. Он так давно ничего не публиковал... С тех времён, как распалась группа.

— Лёша написал?

Я, подтверждая, кивнул, тревожно сглотнув, открыл переписку с журналистом и набрал два слова.

Перевёл взгляд с телефона на понурую Никольскую, без энтузиазма пережёвывающую купленную лапшу. Снова на телефон, покоящийся на столешнице.

И никак. Никак не решался отправить одно сообщение.

Это ты?

60. Самый ненавистный враг

Мои дорогие! А вот и прода! Эта сцена забрала у меня много душевных сил, хотелось использовать те самые слова. Ёмкие и единственно верные. Поэтому я сидела над главой два дня)) Так уж вышло. Сердечно благодарю Вас за ожидание и желаю приятного прочтения.

Пожалуйста... прошу.

Я так редко прошу! Пускай эти чудовищные мысли останутся абсурдной фантазией! Я ведь поверил... и продолжаю. Продолжаю искренне верить, как ребёнок в чудо. Нельзя «убивать» с таким святым лицом.

Девушка напротив — причина моего затянувшегося душевного равновесия. Причина ставших нормой опозданий на светские мероприятия любой важности. Несвойственных Господину серьёзных мыслей о жизни... не способна. Не способна то, что мы испытывали друг к другу, измерять суммами вознаграждений от паскудного журналиста! От моего саможесточкого и ненавистного врага! Тем более... быть им.

Я, чуть не давясь, сглотнул перехватывающий дыхание ком.

Это какой-то нонсенс. Бред мнительного, не доверяющего своей девушке гондона.

Ева, разглядывая занавески, шмыгнула носом и растёрла по щекам редкие слёзы. Мой тяжёлый взгляд опустил на два набранных слова.

Пускай за своё поведение мне окажется гадко и стыдно. Это сообщение уйдёт на чей-то чужой телефон и, я уверен, её экран останется чёрным. Тогда... мои губы растянутся в дрожащей улыбке от облегчения и остаточной тревоги. Напряжённые веки, наконец, легко прикроют глаза, а в груди что-то неминуемо сорвётся, вызывая во всём теле терпимую истому.

Она ведь всё та же? Старая и добрая Мисс Кисс. Сидит и задумчиво жуёт китайскую лапшу, захотев всего лишь приукрасить свои кулинарные способности. Моя милая, непосредственная Киса.

На кухне изредка доносились тихие звон и скрежет вилки о тарелку. А приглушённый свет люстры мог усыпить меня прямо за ужином, если бы не ничтожно мелкая, постылая дрожь, засевшая в ноющей груди.

Не отрываясь от задумчивых жёлто-зелёных глаз, я занёс палец над кнопкой «отправить», и боязно задержал дыхание.

Лучше мне остаться уродом, чем Еве — лживой стервой. Прошу...

Палец коснулся экрана, надрывно вжимая сенсор.

На стремительную долю секунды я вонзился взглядом в короткое сообщение, чтобы убедиться, что оно ушло кому-то безумно циничному. В чате быстро завращался кружок, а затем заполнился и исчез.

21:42 Это ты?

Отправлено...

Я сжал челюсти и перебросился взглядом к бездонным родным глазам, не замечающим ничего дальше мыслей, в которых потерялась девчонка. Ева печально хмурила свои идеально ровные брови, даже не догадываясь, что я заподозрил её во лжи. Пережевав кусок, сглотнула и потеряно мелькнула взглядом по моему лицу в сторону телефона, чуть не похрустывающего от усилий, с которыми я его сжал.

В ту же секунду вернулась прямо к моим глазам, томно выглядывая из-под трепещущих ресниц, и оторопело замерла.

В неподвижных зрачках, окружённых зелёными радужками, вдруг отразился холодный свет загоревшегося экрана...

А... я, оказывается, болван.

Мой рот исказился в немом изумлении. Сердцебиение замедлилось в унисон с пульсирующим молчанием, раздавшимся на кухне, пока девчонка метнулась взглядом к своему мобильнику. Её глаза трусливо расширились, освободились от флёра обаятельности, и из них тут же хлынули беззвучные слёзы. У расколдованной Евы жалобно задрожал подбородок.

Я выпустил из обмякающих рук телефон и прикусил губу от сдавливающей виски боли.

Мы заглянули друг другу ровно в глаза.

И воли не нашлось больше оторваться. По телу разошлись сковывающие мурашки, а воздух, словно терялся где-то по пути к издыхающим лёгким. Грудную клетку мучительно передавило — это моё доверие испускало дух.

— Лёнь, — надломлено прохрипела Ева в растекающихся по шее слезах. — М-м...

Я заморожено мотнул головой, надеясь избежать тщетных оправданий. Боялся, что от одного лишнего движения или слова могу пустить слезу, как эта сопливая девчонка.

— П-прости, — прошептала она и закрыла рукой дрожащий рот. — Я не... не...

Просто не та.

Не та девушка, с которой стоило начинать. Живодёрка.

— Лёнь?..

Исполосовывающие моё сердце слёзы капали ей на тарелку.

Я схватился за горячий, как при лихорадке, лоб и облокотился о стол. Продолжил чахнуть, глядя в припухшие сверкающие глаза Никольской.

— Я н-никому не расскажу твой секрет... Я н-не собиралась, — заикалась она от плача. — Уже давно, клянусь!.. Клянусь... Слышишь?

Разве была теперь какая-то разница? У меня не осталось группы, друзей, близких людей, девушки... и даже страсти начинать всё сначала. Я согласно кивнул, только бы она не так сильно нарёвывала, и оторвал помутневший взгляд от слишком искренних красных глаз.

Я успел узнать, насколько искусно умеют врать безрассудные ангелы.

— Умоляю! — заскулившая Ева вскочила из-за стола, на котором задрезжали тарелки, и подлетела ко мне, схватив ледяными руками за горящее лицо. — Поверь мне...

Слишком близко. Мои губы вспомнили, кажется, ещё осязаемый след от нашего последнего поцелуя, и болезненно скривились. Удивительной красоты мокрое лицо чуть меркло в тускнеющем свете люстры. Судорожно подрагивающая Никольская, напала на меня с крепкими объятиями, прижимаясь мокрой щекой, и со всей мочи зарыдала.

Я полагал, внутри уже нечему щемить. Но сморщился в надежде, что это уберёжёт меня

не только от слёз, но и выскребающей внутренности сожаления.

Мне так жаль, правда... Кажется, я был недостаточно добр, чтобы когда-либо простить Еву. Может, если не Маша... я бы охотно позволил себе обмануться вновь?

Девчонка, заражая меня ознобом, вдруг обмерла, громко всхлипнув.

— Я л-люблю тебя, Лёнь! — вдруг проревела она мне на ухо, снова заходясь слезами.

Я съёжился от пробравшего тело трепета.

Как же не вовремя... Но теперь, когда бы она не призналась, всегда было поздно.

— И я тебя, — бледно шепнул я сопротивляющимися губами, — любил...

Ева медленно оторвалась горящим лицом от моей намокшей щеки, и мне, изнывающему от обнажившейся правды, стало видно. В её померкших глазах что-то бесповоротно надломилось. Девчонка горячо выдохнула через раскрасневшиеся приоткрытые губы и осталась стоять без новой порции воздуха, обречённо растаскивая моё лицо на воспоминания. Как и я её...

Чёрт возьми, да как можно так отыгрывать?

Никольская прикрыла воспалившиеся веки и двинулась ближе, явно желая забрать принадлежащий ей поцелуй, о котором я только и помышлял. Но позволить уже не мог.

Я мягко обхватил её за ладони, которыми она обнимала меня за голову, и, не выпуская из своих рук, убрал. Отрицательно покачал головой, заглядывая в напуганные распахнувшиеся глаза Евы. Поднялся со стула, распрямившись прямо над заскулившей девчонкой, пытающейся смотреть сквозь ручьи слёз. И, сжимая её ледяные пальцы, прослезился. Не смог сдержаться.

— Уходи, ладно?

Она сглотнула, борясь с накатывающим плачем.

— Мне нужно всё тебе рассказать! — надрывно затараторила Никольская. — Всё изменилось! Да, я правда хотела добраться до твоего прошлого! Хотела показать всем, какой ты на самом деле... Опозорить! А ты оказался такой замечательный... Лёнь! Я ненавидела тебя, даже не подозревая, через что ты прошёл!..

Ненавидела.

Ева сжала мои руки крепче, умоляюще впиваясь ногтями в кожу, но я через силу вздохнул и ускользнул от её прикосновений, ещё немного тянущихся мне вслед.

— Я никогда не пойму, правда... Не объясняй. Просто уходи.

Здрав футболку и торопливо отвернувшись к девчонке спиной, я протёр щиплющие глаза.

Она видела и знала всё без исключений. Но слёзы... уже чересчур.

— Успехов тебе в карьере журналиста, Никольская... Прощай. И захлопни дверь, когда будешь уходить.

Мои дорогие, настоятельно Вас прошу не называть имя анонима в комментариях во избежание спойлеров))

p. s. Хэппи-энду быть!

61. Пазл

— А ты знаешь, кто я такой?

— Конечно, знаю. Ты — Господин. Господин-герой-любовник.

— Это разве плохо? Быть героем-любовником?

— Отвратительно. Терпеть не могу таких мужиков, как ты!

Почему? Почему я не услышал раньше... Предупреждала ведь, единственное, в чём не соврала и бережно пронесла через весь тур... Тот наш первый разговор нужно было просто прервать и уйти, не оборачиваясь!

Я вспоминал весь грязный флирт. Не мог не сжиматься от всепоглощающего стыда. Одной задранной майки хватило зацепить «героя-любовника». Той же ночью я накатал контракт, пока девчонка, видимо, отправилась выпивать из «Подвала» на мероприятие, куда мы с парнями не дошли, добыла сплетни для свежего скандала. На следующий день я верно ждал её, отсыпаящуюся, как сторожевой пёс, в ресторане, почивал, наплевав на собственные дела! А ведь Ева всего лишь надо мной смеялась...

— Ты подрабатываешь проституткой?

— Нет. Просто общаюсь с Господином на его языке.

Имела в виду, я руководствуюсь похотью? Оттоком крови от мозгов? Похоже, Никольская была жестоко права. А я, дурак, поверил, что её желание могло перерасти в нечто большее, чем вынужденный секс. Она блавынуждена меня соблазнять, чтобы заполнить тайны, пока я умудрялся хорошо ей приплачивать.

— И за это ты хочешь всего лишь двадцать пять процентов? Какая маленькая продюсерская комиссия.

— То есть, перепихон тебя не смущает?

— Знаешь... карьера мне важнее.

От этой внезапно всплывшей фразы, чувствуя, как бессильный плач начинает душить меня за горло, я укрыв ладонью сморщившееся лицо. В опустевшей комнате до сих пор пахло ирисками.

— Теперь он не сможет списать нас со счетов. Мы прогулялись по аэропорту в полном составе, ещё и с девчонкой. Все увидели. Пускай делает из этого сенсацию.

— Я думаю, он ничего не напишет. Слишком хорошая новость для его блога...

— О ком вы говорите? — Ева выглянула из-за подголовника с заднего сидения. — Что за журналист?

Её изумлённое выражение лица, лишённое всякой наигранности, возникло в моей памяти, щемя в занывающих рёбрах. Никольская была достойна голливудской премии за свои выдающиеся актёрские способности! Удивительно талантливая девушка! Удивительно... Ещё и вспомнившийся полный состав группы в салоне минивена, пока ещё не заражённый конфликтами по её вине, вынудил меня судорожно вздыхать.

— Ты притащилась прямо впритык! Я предупреждал, что меня злить — опасно для твоей психики?

— Да ну... Просто я уже привыкла приезжать прямо перед посадкой. Живу ведь в Петербурге, а в Москву мотаюсь по работе.

Тут же моему рассудку! Я не разглядел в этом ничего предосудительного!

Как и в вырезах на её паршивых блузках, едва ли не до пупка! В полуголых променадах по коридору коттеджа! В агрессивных попытках забраться мне в штаны... Ева буквально ловила меня на живца, а я и рад был ловиться, игнорируя, её ловкие исчезновения. Ей было легко выезжать в город, пока мы часами корпели над записью альбома. Я сам подарил девчонке уйму свободного времени, когда изображал труднодоступного подонка!

— Помнишь же? Никаких поцелуев!

— Нет, я не могу без поцелуев! У тебя какая-то психологическая травма?

Я съёжился и перекатился по не застеленной кровати, источающей привычный запах,

без которого у ни одного утра не оставалось смысла. Зажмурил глаза и уткнулся в её ледяную подушку.

Я тоже! Не представляю, как буду без поцелуев с тобой, Никольская!

Прикосновения жарких губ — агрессивные, звериные, в первый раз. Всё откровеннее и медленнее, с каждым последующим случаем... в её комнате, в моей. Пьяные в бассейне в последний день перед отлётом. Тепло её дыхания под курткой на открытой сцене фестиваля. Нетерпеливые вздохи, угождающие в мой рот, от ласк в душевой номера отеля. И множество повлечённых следом — вся моя жизнь превратилась в один сладкий затянувшийся поцелуй с чокнутой Никольской.

Если бы я только знал, к чему он заведомо был сведён...

— Знаешь, мне показалось, у тебя тоже есть неприятная история. Не поделишься?

Год. Она притворялась без одного месяца год, чтобы осторожно извлечь из меня прошлое. Использовала уши Муратова, а когда надо — и рот, и кулаки, чтобы пробить на чувства! Столкнула нас лбами! Об их «романе» с Лёшей даже писали в интернете, пока я глодал губы и ногти, мечтая её отвоевать. Рассорила каждого в посыпаншемся коллективе, подбросила камеры, чтобы я поверил в предательство друга... Даже подражала в чём-то речи Гриши. Я серьёзно думал: только он использует слово «чел» в наши дни...

Какая же Ева оказалась прожжённая стерва!

— В восемнадцать лет её насильно выдали замуж родители. За богатого дедулю, чтобы обеспечить дочери связи и будущее. Он избивал её, изменял. Ева продержалась полгода и сбежала в Питер.

Неужели эта раздирающая душу, пугающая история — всего лишь легенда? Омерзительный способ отвести подозрения! Просто охренеть... И как же ей, будучи журналисткой, удалось разоблачить саму себя, при этом сохранив нашу с Муратовым тайну? Зачем?

Я прикрыл воспалённые глаза и увидел, словно вживую, как надрывно Ева плачет в коконе из одеяла. Как сжимает ладонь Муратова, жалобно сморщившего лицо. Играла?.. К тому, ещё неизвестному мне Лёше, я продолжал невольно ревновать Никольскую и сейчас. В висках пульсировало от боли и непонимания.

Чел. Ты, наверное, не понял... Я не продажник. Я — возмездие для таких как ты З

Что ж, видимо, святой и благородный Лёша заслужил спасения от вездесущей кары... Ева пожалела его? Не стала ломать парню жизнь, решила растоптать только Господина... Её выходки, слова, порой, странное поведение хаотично возникали в памяти, вводя меня во всё больший приступ безнадёжности, проедающей солнечное сплетение. Как можно верить кому бы то ни было, если эта земля сносила настолько правдоподобно искреннюю лгунью?

Как мне ступать на эту землю, чувствуя, что Еве принадлежат мои грёбанные губы и сердце? Боясь слезть с кровати, я съёжился на мятых простынях, которыми мы, счастливые, укрывались ещё сегодняшним утром, и продолжил предаваться истомным воспоминаниям, стремительно теряющим ясность.

62. Прощение

Шины оставляли полосы на нетронutom сверкающем снегу. Его тугой хруст заполнил салон. Но, когда позади остались жилые дома и облезший лес, на занесённой дороге показались свежие следы опередившей меня машины. На участке, не прикрытом стволами осин, показались высокие снежные сугробы, напоминающие силуэты людей, только это были не люди, а кресты.

На скромном кладбище в Зубово найти Юдина было бы несложно, пройдясь по считанным рядам. Но по знакомым номерам припаркованной тойоты и чёрной движущейся фигуре среди белых «мертвецов» я сразу понял, где находилась его могила.

Я вывалился из нагретого за три часа салона на холод, провалившись ботинками в хрупкий снег, тихо захлопнул дверь и побрёл вглубь кладбища.

С минуты три брёл между оградок, разглядывая редкие памятники и чужие очищенные таблички, с каждым тяжелеющим шагом будто водружая на плечи всё больше психологического груза. И вот. Поравнялся с басистом в длинной чёрной куртке, разглядывающим на кресте имя, от которого поледенела кровь.

Юдин Иван Денисович.

— Спасибо, что сказал, — не поворачиваясь, бросил Андрюха.

Да... правда, поздно. И почему-то я думал, что бывший друг не захочет составить мне компанию.

Теперь мы стояли над могилой Вани вдвоём. В голове моей зазвенела пустота, а руки сами собой стянули с неё шапку. На сугробе за оградкой лежали свежие алые гвоздики.

— Как его родители? Им не нужна помощь? — продолжил басист, выпуская изо рта пар.

— Я отдал им оставшуюся часть денег, которые должен был отправить Ване по контракту.

— Хорошо, — он кивнул, не сводя с креста карих глаз.

Лохмы неизвестной длины скрывались между спиной и курткой. К бородке добавились щетинистые усы.

Я не знаю, сколько ещё мы молчали, прислушиваясь к завыванию ветра. Дома воспоминания находили на меня одно за другим, а здесь — даже под силой воли не воспроизводились.

— Что же ты наделал, дурак?.. Не верится, — Андрюха, наконец, повернулся ко мне.

Он тебе уже не ответит.

Хоть я и терпел унылый взгляд басиста, уставившись на бутоны гвоздик, не смог не заглянуть в его скорбящее лицо.

— Мы разве не должны рассказать об этом фанатам?

Я медленно вздохнул...

Плохая идея. Мы обсудили с Андреем в переписке, что успешно провёрнутый план с подменой должен остаться в тайне. А если сюда съедутся поклонники и увидят дату смерти Юдина, быстро сопоставят с датами последних концертов, где он ещё «был жив». К тому же сегодня нашлись аргументы поважнее, чем попытка спасти свою задницу...

— Ваня был бы против. И его родители не хотят сталкиваться с фанатами на кладбище. Не будем устраивать здесь столпотворение.

— Понял... А ты так говоришь, случайно, не из-за нового альбома Лёхи? Ты анонсировал же...

— Нет. Муратов разорвал со мной контракт, хер забил на альбом и уехал домой.

— Да ладно?

Андрюха шокировано открыл рот, хлопая расширившимися глазами. Понимаю, он уже решил, что мы с Лёшей побратались в туре... Да, так оно и было, если бы только я всё не испортил. Басист ничего не добавил.

Над погостом сгущались сумерки и повалили хлопья снега.

— А ты как сам? — осторожно просипел я, боясь, что Андрюха ответит что-то в духе: «не твоё дело».

— Да норм. Отрепетировали программу. Все даты на новогодние разобрали.

Я покосился на басиста из-под тяжёлых век.

Правильно понял, что из рок-звезды он превратится в звезду московских корпоративов?

— Мы с Гришей взяли поющего гитариста и втроем снимаем репетиционную. Хуйню всякую играем, тебе бы не понравилось.

Приятно слышать, что они поддерживают общение.

— Да нет... молодцы, — пожал я плечами. У Андрюхи снова округлились глаза. — Про других что-нибудь слышно?

Он помедлил, похлопал ртом, прежде чем ответить. Возможно, басист впервые слышал от меня похвалу.

— Кхм... Дрон — сам знаешь, в «Инферно». Юргену после тура предложил сотрудничество Wilday. Он занимается записью их англоязычного альбома в Америке... Юра, конечно, обижался, материл тебя. Но сказал мне недавно, что, если бы ты не пригласил его оператором в тур, ему не светила Америка. Это правда. Так что... он передаёт тебе привет. А... как у вас запись проходит? Как Ева?

— Ева?! — придя в смятение от одного только её упоминания, я прикусил губу и понуро опустил голову, не справляясь с участившимся дыханием. — Я... попросил её уйти.

Андрюха уже не знал, как шире разинуть пасть от удивления. Ладно... неужели это оказалось настолько неожиданно? В курсах ведь, что я никогда ни с кем подолгу не водился.

— Что случилось? — мрачно выдал басист. — Я думал, ты остепенился.

— Боюсь сказать, будешь надо мной ржать, — вставил я, чтобы смягчить свою непостижимую тупость.

— Ты что, изменил? — раздался презрительный шёпот.

Ого... А я думал, Андрей ненавидел Никольскую, обрадуется поводу её обматерить. Уходя, ведь столько наговорил.

Я стыдливо уткнулся взглядом в его зашнурованные до икр ботинки.

— Ева оказалась анонимным журналистом. Даже не заплаченной пособницей, а... тем самым анонимом.

Чтобы больше не видеть, как Андрей охреневает, я отвернулся туда, где вдалеке блестел замёрзший клочок льда на белом озере. Темнота поглощала пейзажи посёлка, а заодно мою неутешимую душу.

— Лёнь... — басист приобнял меня, насильно заставив пододвинуться ближе, и похлопал по плечу. — Бля... Если б я только знал! Держись.

Не ожидал столько поддержки. Просто не ожидал... Разве я заслужил?

— Извини, чувак, — проронил я, похлопывая Андрюху по спине в ответ.

Он притих. Выпустил меня из практически братских объятий и как-то ревниво глянул на Юдинский крест.

— Охренеть. Оказывается, чтобы ты извинился, нужно сдохнуть?

— Я перед тобой...

— Передо...

Он осёкся, и мы быстро развели взгляды по разные стороны.

— Я совсем не ценил. Обвинял тебя, парней. А это была Никольская.

Под ногами Андрюхи похрустел снег.

— Проехали, — он толкнул меня в плечо, вынуждая обернуться, и протянул широкую ладонь.

Друг... я даже не рассчитывал!

— И... чем ты сейчас занимаешься? Сколько я тебя помню, ты каждую минуту то созванивался с организаторами, то сочинял песни, то репетировал их, то давал нам пиздюлей... Чем же ты теперь занят без всех нас?

— Ничем, — прозвучало как-то жалко. У басиста озадачено приподнялись брови. — Пожалуйста... только не зови меня в свой говно-бэнд.

Он по-доброму рассмеялся.

— Ладно, не буду. И не собирался, на самом деле. Эти твои барские замашки нам, простым людям, ни к чему, — Андрюха уныло улыбнулся. — Но, если тебе станет совсем хуёво... приезжай на Костомаровский переулок три, строение восемь.

— А как же поющий гитарист?

— Подвинется. Ради такой-то легенды.

Я горько ухмыльнулся. Скучал по стёбу.

Возможно, басист догадывался, что без работы, которая много лет занимала каждую свободную мою минуту, я чувствовал себя бесполезным.

— Спасибо...

— Ну всё. По машинам? — будто засмутился он. — Может, выпьем по рюмке в баре за него?..

Андрюха кивнул на могилу Юдина.

— Поехали, — я оставил последний продолжительный взгляд на снежном сугробе и цветах, тяжело выдохнув.

Басист развернулся и резво зашагал с кладбища в сторону тачек.

Судя по не сгибающимся пальцам, мы простояли над могилой достаточно долго, но мне не хватило. В скромных надеждах на существование того света я ещё пару секунд задержался на месте и мысленно попросил прощение и у Вани.

Надеюсь, он там не перевернулся...

А затем стал догонять Андрюху.

— Жестоко Ева с тобой обошлась, — вдруг продолжил басист, явно услышав меня по хрусту снега. — Перешёл ей дорогу?

В чём же?

— Не... — я хотел было в кои-то веки поделиться неудачей в личной жизни во всех подробностях, но лишь заикнулся. В горле встал ком.

Несмотря на наш разговор, на кладбище простиралась всепоглощающая тишина.

Я вдруг вспомнил, как выбешенный поведением Евы, укравшей у меня поцелуй и осуществившей план-перехват анонса в моей спальне, предложил анониму её голые фотографии... То есть я написал Еве. Я собирался опорочить её на всю страну и... рассказал ей об этом!..

И всё это время девчонка знала! Твою же мать...

— ПО-ЦЕ-ЛУЙ! ПО-ЦЕ-ЛУЙ! ПО-ЦЕ-ЛУЙ!

Я продолжаю стоять на открытой сцене, разглядывая её азартно горящие глаза. Длинные ресницы томно подрагивают, губы ухмыляются.

— Я не хочу на людях, — жалобно шепчу я.

По накрашенному личику скользят розовые лучи софитов, её зрачки злобно сужаются, а

+1274 сообщений

#Господинвозвращайся

#Господинвозвращайся

#Господинвозвращайся

#Господинвозвращайся #Господинвозвращайся #Господинвозвращайся

Похер, куда ты пропал! КУДА ДЕЛ ЮДИНА, ЧЕРТИЛА?

Лёначка, ты лучший З #Господинвозвращайся

Расходимся, он сдох!!!

ЧТО?

Я вижу Господина в «Подвале» регулярно. Буквально вчера ночью он тоже там был. Живой! Правда, бухой.

Мы тебе на слово должны верить?

+1599 сообщений

Вымученно вздохнув, стараясь облегчить тяжесть в рёбрах, я приподнялся над подлокотником на дрожащих руках. В затёкшие плечи, стянутые курткой, будто вонзились иглы, и я поспешил принять сидячее положение, устало сторбившись и расслабив обмякающие «культи». В лицо тут же нацелилось дневное ослепительное солнце. Включенный телефон с бесконечной лентой споров фанатов с хэйтерами так и валялся на диване. Первым делом после пробуждения я привык узнавать свежие подробности о своей личной жизни и делах Никольской. Вместо газет и новостных сводок — блог, вместо утреннего кофе — полуденный перегар.

Заканчивалась зима. Истекал срок продлённого контракта с Мисс Кисс, о расторжении или исполнении которого мы с ней оба не позаботились. В марте я планировал представить публике её сольник, сопроводить на интервью в «Вече» к «самому зловещему разоблачителю Бастеру», а вместо этого сопровождать нужно было меня в медицинский центр для лечения алкоголизма.

Я, хоть и забросил соцсети, никогда не отказывал себе в сомнительном удовольствии за графином водки полистать редко обновляющийся личный блог Мисс Кисс и страницы бывших участников Death Breath. Всё моё существование свелось к тому, что я интересовался ими в интернете, пил, курил и иногда что-то ел.

А сегодня, двадцать седьмого февраля, переодевшись в домашнее шмотьё, я заварил растворимую лапшу и в вечно пустом профиле Муратова Лексы не без волнения наткнулся на свадебные фотографии. С них он в костюме Джеймса Бонда счастливо улыбался вместе с Виолеттой Сергеевной, облачённой в белый полушубок и непышное платье, расшитое этническими узорами, как мой кухонный тюль. Я бы и не обратил внимание на такую бабскую хуйню, если не разнопёрые гости нерусской наружности... Забавно, с чьей стороны родственники?

Я приближал сияющие лица молодожёнов — надеюсь, про неё ещё можно было так выражаться, — пристально рассматривал и, кажется, в кои-то веки тоже улыбался. Ведь у Лёхи получилось вернуть Вилку и отвести её в ЗАГС.

14:29 Эй! Поздравляю вас. Я так парился, что вместе со своей жизнью сломал и твою... Рад, что ты вернул Вилку.

Набрав первое пришедшее на ум и отправив, я в ужасе заблокировал телефон и отодвинул подальше, набросившись на острый доширак. От столь обыденного действия заклокотало сердце.

Муратов говорил, что надеется больше никогда меня не увидеть. Про переписку сказано не было!

Экран моментально загорелся. Твою ж...

14:29 Спасибо, Савицкий!

Я задержал дыхание с набитым ртом и в слезах от остроты, пока ещё Лёха оставался на связи, кинулся писать свою идею.

Он же не планировал возвращаться, ему это было не за чем. Тем более, мне бросилось в глаза, что на свадебных фотках его шея заgrimирована.

14:30 У меня есть знакомый тату-мастер в твоём городе. Он может вывести татуировку. Хочешь?

14:30 Да. Меня несколько раз путали с Юдиным в универе.

Что ж, это для него не лучшие воспоминания. Я откопал знакомую фамилию в журнале звонков. Скинул Лёше имя и контакты.

А пока ждал ответ, успел доесть лапшу, от которой уже привычно жгло в желудке, и нетерпеливо откинулся на спинку стула. Возможно, так и чувствуется гастрит, но я не был уверен... Зато хорошо помогало от похмелья.

Экран телефона снова загорелся, и я отчаянно за него схватился, жадно вчитываясь в сообщения Муратова.

14:39 Ты не надумал её простить?

Что?

Моё сердце в миг заколотилось где-то в обожжённой пищей глотке, а ещё слегка кружащуюся голову повело.

Я облокотился об руку, набирая фразу по плывущим перед глазами клавишам.

14:40 Откуда ты знаешь?

14:40 Это большой секрет.

Не то что бы я заревновал... Дико взволновался, что она дала о себе знать через наших знакомых. Через Лёшу.

14:40 Две пресс-службы предложили Еве выкупить аккаунт, но она его удалила. И изменила своё мнение по поводу журналистики.

Я, судорожно дыша, несколько раз перечитал его последнее сообщение. То ли от очередного отстойного завтрака, то ли от её упоминания, меня затошнило.

Сглатывая переполнившую рот слюну, я еле нашёлся, что ответить.

14:42 Зачем ты мне это пишешь? Думаешь, можешь повлиять на моё решение?

14:42 Да.

В своём духе написал Лекса одно слово и замолчал.

Серьёзно? Я уже третий месяц хочу выть от несправедливости.

14:43 Ева забралась мне в душу и собиралась рассказать об этом всей стране!

Пока я строчил, он уже что-то набирал в ответ.

14:43 А ты предложил ей карьеру за секс) Как когда-то поступил с ней брюссельский старикашка. И?

Кровь отхлынула в направлении ног. Я проморгался.

Как дерьмово сказал... как будто я виноват в том, что она двуличная гадина!

14:44 То есть, Ева не соврала? Старикашка и правда был?

14:44 Был. Откуда сомнения? Сам же видел фотографии.

14:44 А зачем тогда Ева разоблачила саму себя? По сравнению с моим прошлым не велика ли её плата? Я не понимаю!

14:45 А ты мог бы узнать у неё сам?) Если она тебе напишет сейчас, предложит

увидеться, ответишь?

64. Последние приготовления

В темпе барабанного кардана я протрезвел, проблевался. Около часа отсиделся в душе. Надел то, что оставалось в шкафу нетронутым за сезон алкогольного марафона. Хотел ещё и поспать, чтобы лицо не выглядело таким помятым, но не смог. Просто тряся, лёжа на не застеленной кровати, и ждал, когда малая стрелка на часах достанет до шести, и мне придётся выйти из квартиры.

Тряся не то от слабости в отравленном организме, не то от предвосхищения. В своей жизни я не догадывался, что такого воскрешающего можно сказать человеку, которого ты безбожно предал. И как за это простить. Стоило ли оно того, или лучше мне было сразу убить ещё пару лет на сборы нового деткорного коллектива? Записать альбом о том, что все бабы — коварные стервы? Может, это бы кому помогло?

Точно не мне. Посвятив Маше песню в последнем туре Death Breath, я попробовал путь мести и не испытал удовлетворения в той мере, каким блаженным успел его представить. Из города в город просто вспоминал её приевшееся лицо и не понимал, зачем продолжаю о нём петь. У меня изменились мысли, состояние. Я тогда начал сочинять романтические стихи, удивляясь черни, которую вынашивал раньше. А что теперь я мог написать?

От одной только мысли, что я заявлюсь на люди: в студию звукозаписи, на интервью, на сцену или ещё куда бы то ни было с песнями о жестокой Еве... даже преподнося окружающим её как художественный образ, у меня не повернётся язык рассказать им, кто на самом деле их любимая Мисс Кисс. Они ведь так защищали девчонку в комментариях от малейших нападков в моём блоге! У меня просто отсутствовало желание разоблачать Еву — поступать с ней так, как она планировала поступить с Господином.

Поэтому-то я растрачивал время. Не знал, что ещё могу дать своим слушателям, когда исчерпал всю злобу, которой руководствовался прежде, а с ней и шаткую веру в хорошее. Но стоило Еве предложить мне встретиться... я согласился без колебаний.

Спустя три месяца расставания хотя бы взглянуть на неё. Убедиться, что всё это не затяжной сон, а самый реалистичный кошмар.

В тысячный раз за день я достал телефон и с млеющей в груди бережностью перечитал последние сообщения.

9 декабря

16:34 Хлеб, картошка, салфетки, масло.

31 декабря

23:14 Надеюсь, ты когда-нибудь меня простишь.

27 февраля

14:47 Ты придёшь сегодня в семь в тот ресторан, где мы подписывали с тобой контракт?

14:47 Да.

Пока я кис на кровати, солнце успело скрыться. На улице стало пасмурно, затем быстро стемнело, и, оказывается, даже началась метель. Наверное, последняя в этом году. Бесцельно мотаясь по комнате от окна к зеркалу с телефоном в руке, я понял, что не прочь уложить высохшие отросшие волосы и сбрить запущенную щетину, благодаря которой я походил на брошенное одичалое животное.

От прихорашиваний ко встрече с Евой стало не по себе. Но я всё-таки закрылся на двадцать минут в ванной, стесняясь заглянуть в собственные замутнённые глаза. В круглом зеркале над раковиной застыло отражение какого-то мало известного мне мужика с бритвой

в руках, напоминающего Робинзона Крузо. Так было страшно увидеть в его взгляде надежду...

Ресторан находился рядом с моим домом — по этой причине год назад на него пал выбор. Но я так и не запомнил его название. Как вышел из квартиры, не заметил, заботясь только о более-менее ровном дыхании. С каждой ступенькой в сторону подъездной двери взгляд всё сильнее мутнел, пока я отбивался от обрушившихся воспоминаний о нашей короткой совместной жизни с Евой. Как на зло, спускаясь, обернулся на дверь квартиры, из которой выселился Лёха, и замандражировал, чувствуя на коже уличный воздух, кружащийся у приближающегося с каждым пролётом выхода. Ч и т а й н а К н и г о е д . н е т

Очнулся я уже во дворе, когда писк домофона остался за спиной, а снег начал врезаться в бритое лицо. Ёжась от хлопьев, оседающих за шиворот кожаной куртки, я свернул к шоссе. Торопливо шагал в направлении тепла, хотя до семи часов, на которые мы договорились, оставалось ещё двадцать минут. Зная Никольскую, можно было прийти к половине восьмого и ещё немного подождать.

Видимо, отсутствие растительности на лице сказалось на моей морозостойкости. Не глядя на вывеску, я судорожно зарулил к знакомым чёрным дверям, чуть выпускающим на улицу приглушённый свет, и попал в фойе ресторана. По ощущениям я провёл снаружи одно мгновение, но успел одубеть.

— Добрый вечер, — уставший швейцар улыбнулся.

Могу ошибаться, но вроде даже тот самый.

Пока я стаскивал куртку перед гардеробной, ко мне приблизился администратор.

— Леонид?

Я получил номерок. Обернулся, настороженно осмотрел молодого худощавого работника с идиотской бабочкой на шее и нехотя кивнул. Его явно кое-кто предупредил о моём визите. Будем надеяться, здесь не слушают тяжёлую музыку...

Наверное, глупо рассчитывать на непопулярность жанра среди основной массы встречающихся мне людей. Но, кажется, в радиусе пары километров от своего дома я действительно оставался неузнаваемым. Я даже пренебрёг очками сегодня.

— Пойдёмте.

Он шустро направился мимо гардеробной и пролёта, разделяющего два больших зала, в длинный коридор. Я, чувствуя, что меня потряхивает не только от холода, пригладил волосы и двинулся следом.

Значит, Ева уже была здесь...

Все речи и красивые ответы, что я себе заготовил, куда-то исчезли из вскружившейся головы. Пульс участился, под замёрзшей кожей ощутился неприятный жар, как при зарождающейся болезни.

Администратор остановился возле очередной занавешенной арки в тускло освещённом коридоре.

— Прошу. Вас ожидают, — он заговорщически улыбнулся и указал мне на вход.

Единственное, что я смог — кивнуть. И то не с первого раза. Дождался, когда парень, теревший бабочку, додумается уйти в сторону дальней двери во главе коридора, и на долю секунды задержался перед полами занавеса, занеся покрасневшие руки.

За плотной тканью не было ничего видно и слышно. Но она ждала меня там...

Не верилось.

Я судорожно выдохнул и раздвинул полы занавеса, тут же остолбенев в арке.

— О... какие люди!

— Здравствуйте, Господин, — я ошарашено забегал взглядом по узнаваемым лицам.

— Ох, ебать, как надушился-то! Ты на свидание, что ли, собрался?

У меня опустилась нижняя челюсть.

За столом сидели Андрей, Гриша, Дрон и Муратов.

65. Наша с ней любимая фотография

— Так и будешь стоять, как не родной? Садись уже, — по-свойски кивнул басист на пустое место рядом с собой.

Безропотно шагнув вперёд, я ощутил, как по спине скользнул выровнявшийся занавес. В узком углу комнаты, вмещающей только два дивана, стол и стул в его главе, расположилась гора рюкзаков, которые я не раз наблюдал в туре.

Это... шутка?

Лёша сидел у стены, деловито сложив ладони в замок. В рубашке, с распушенными кудрями, с вычурно сияющим на безымянном пальце кольцом. Снисходительно ухмылялся, не сводя с меня взгляд. Рядом с Муратовым из-под густой чёлки злобным глазом в меня ценился Дрон. Стул, расположенный спинкой к арке, был занят склонившимся над тарелкой человеком в оранжевой шапке. Гриша, пережёвывающий из его рта лист салата, обернулся ко входу, в котором я застрял, и скептически приподнял брови. Кажется, на его лице поприбавилось татуировок. А Андрея я видел не раз с тех пор, как мы навестили Юдина, но его присутствие вместе с полным составом вызвало у меня потрясение. Возможно, даже приятное... Я пребывал в трансе.

Раз уж на то пошло, не хватало звукаря и... Никольской. Где же она сама?

Скромно опустившись на полупустой диван рядом с Андрюхой, я продолжил метаться взглядом между лицами музыкантов.

Не рассчитывал, что когда-либо снова увижу их вживую, в одной комнате.

— А... ч-что вы здесь делаете?

— Ева нас позвала, — пожал плечами басист. — Ща, подожди... ещё Юргену позвоним по видео-связи. А то у него не вышло так быстро вылететь из Америки.

Андрюха уткнулся в телефон.

— А-а... — задыхаясь от волнения, я еле смог произнести. — А где же... Ева?

— У неё рейс из Питера задержали. Погоду видел? — недовольно вякнул Дрон. — Она написала, что уже едет сюда из аэропорта.

Ничего нового в этой жизни... Зато только сейчас я понял, что не был готов увидеть Никольскую так скоро. На что я рассчитывал, когда сюда ворвался?

В груди заклокотало от осознания, что разговор с ней неминуемо случится.

— Так, а... позвала зачем? — проронил я, пугливо разглядывая всех исподлобья.

— Сказала, нас ждут извинения, — хохотнул Гриша, отправив очередную вилку в рот. — Твои что ли?

В комнате раздался сдавленный мужской смех. У меня снова безвольно раскрылась челюсть, пока я искал нужный ответ.

— Ева хотела извиниться перед всеми, — вдруг громогласно пояснил Лёша, спасая меня от публичного смятения.

— За что это? — Дрон покосился на Муратова.

— Она должна рассказать сама.

— Ты решил Дрона помариновать? — усмехнулся драмер. — Вообще-то, он

единственный из нас не знает. Ты — понятно, в курсе. Мне рассказал Андрей, а Андрею — Господин.

— Юрген тоже не знает, — поправил Гришу басист.

— Не знает «что»? — раздался пятый голос, словно из рупора.

Андрюха облокотил о набор солонки и перечницы свой телефон, транслирующий серьёзное лицо звукооператора, скрестившего руки на груди. А вот и белобрысый подобревший Юра. Ещё слегка похожий на русского зека, но уже подкоптившийся в лучах голливудского солнца.

Мы все заглянули в экран.

— О... Здорово, чепушили. Так что я там не знаю? — где-то на фоне слышался беглый английский.

Меня пробрало дрожью до костей. Я обнаружил, что вышел из запоя прямо навстречу нашему прежнему коллективу, и все они были достойны кое-что знать...

— Парни говорят о том, что аноним раскрыл свою личность. И я... виноват перед вами всеми, — кажется, видео-звонок проходил с небольшой задержкой. Я стыдливо всмотрелся в замеревшее лицо на экране. Не сразу сообразил, что дело было не в связи. Просто Юра обалдел. — Теперь я знаю, что никто из вас не предатель... Получается, обвинял несправедливо... И-извините.

Свою сбивчивую речь я закончил с опущенной головой, пылающей, словно генератор огня на сцене, и не видя их глаз, потому что никогда. Никогда прежде я не приносил извинения публично, да ещё и с таким раскаянием. Я заслуживал насмешек.

Но в нашей людной нише вдруг стали слышны редкие шаги из коридора и отдалённая джазовая музыка, звучащая в основных залах. Парни будто и дышать перестали, пока не раздался звук вспорхнувшей ткани.

— Могу я принять ваш заказ?

Я неловко взобрался взглядом по занавесу и увидел, что его раздвинул официант, практически, школьник, растерянно разинувший рот. Судя по тому, как заблестели его глаза, узнал нас.

— Принесите ему водки, — раздался серьёзный голос Андрея.

— Минуту...

— Не надо, — успел я затормозить пацана. — Можно просто воды?..

Пригодится.

Он кивнул и буквально побежал выполнять мою просьбу, оставив штормы мотаться. Мы снова погрузились в некомфортное молчание.

Понимаю, словами теперь ничего не исправить. Но, может, им станет не так паршиво вспоминать те лучшие для Death Breath времена?

— Дрон, — я бегло прошёлся взглядом по его вытянувшемуся лицу, на половину спрятанному волосами, и опустился к скатерти на столешнице, которую он ковырял ногтём. — Прости меня. Я пожалел, что потерял такого гитариста, как ты... Инферно с тобой повезло.

Часто заморгавший, как неисправный тюнер, парень тряхнул чёлкой, задрал нос, и пожал плечами.

— Н-не ожидал, — недоверчиво процедил Дрон.

Я тоже!

— Гриша. И ты меня прости... пожалуйста. Я запомнил твои слова, когда ты уходил.

Нужны нормальные извинения... правда, я... виноват, признаю. Мне не стоило бросаться громкими заявлениями.

Драмер закашлялся. Отложил вилку на край звякнувшей тарелки и медленно стянул с лохматой головы шапку. Мы обменялись растерянными взглядами, но он так ничего и не ответил.

— Юра... — я несообразяюще уставился в экран телефона, всё это время фиксирующего мои выстраданные сипящие реплики и загорелое лицо звукача.

Говорить становилось всё сложнее.

— Кхм-кхм... Спасибо тебе, что отыграл с нами тур до конца. Я должен был... благодарить тебя чаще, а не обвинять. Мне очень жаль, извини... и да, я придурок. Согласен с тобой.

Юрген неодобряюще нахмурился.

— Оу, ну... это уже было не обязательно. По желанию, — насмешливо донеслось из мобильного, но беззлобно. — Ладно, Господин. Передаю эстафету Ване, которого ты заставил бежать в лес из тур-автобуса. А потом начистил ему морду... мы ещё в тот день ночевали в одном номере. Он его весь забрызгал кровью, когда собирал вещи в больницу.

Если бы парни только знали, насколько не полон список моей озвученной вины перед Муратовым...

Припомнив всё это вновь, я, задержав дыхание, еле смог взглянуть в его светлые глаза на противоположном конце стола.

— Не надо. Мы уже всё уладили, — благородно кивнул Лекса. — Да, Господин?

— Ещё раз не помешает, — подвякивал Юрген.

И был прав. Лёша ведь сорвался в Москву, стоило мне согласиться на встречу... Вероятно, когда я раскисал, лёжа в кровати, он хреначил на всех парах в местный аэропорт, чтобы мы все смогли сегодня взглянуть друг на друга ещё раз.

— Прости меня. Прости, — повторился я, искренне желая, чтобы это помогло Муратову не тратить время на обиду. Если это было возможно после всего, что я натворил... — Ты...

— Я тронут, — улыбнулся он. — Не продолжай.

— Ваша вода, — влетевший в нишу официант звонко водрузил на стол графин и стакан, дав мне немного продохнуть от инородных, застревающих в глотке извинений.

Я судорожно выдохнул. Парнишка в фартуке окинул всех восхищённым взглядом и, остановившись на мне, попятился к шторам. Скрылся за ними, словно маньяк.

Если бы я встретил любимую распавшуюся группу в ресторане, решил, что это похоже на план по возвращению...

— Давай ты всё-таки продолжишь. Я тоже буду рад послушать, — Андрей подтолкнул меня в плечо, напомнив, на чём мы остановились, и подставил поближе своё большое ухо.

Я нервно сглотнул. Мы же говорили с ним на кладбище... вполне откровенно, чтобы закрыть этот вопрос и продолжить вместе напиваться по воскресеньям.

Басист будто по выражению лица догадался, о чём я подумал, и добавил.

— Не, а чем я хуже? Тоже хочу ещё раз! — он хохотнул, явно ни на что не рассчитывая.

И, хоть мой язык успел окостенеть от долгожданного короткого затишья... я было подумав, что самое страшное позади, всё равно нашёл, что ему ответить.

Парни тихо улыбались от шуточных требований Андрюхи, а я, облокотившись об стол, спрятал рот за ладонями и продолжил сквозь них бубнить.

— Ты прав, нужно при всех. Прости меня, Андрюх. Позор мне... что усомнился в

лучшем друге.

Я боязно покосился в сторону замеревшего басиста и понял, что даже его борода грустно осунулась вместе с опустившимися уголками губ.

— Нет... не позор. Ты, Лёнчик, мужик, раз перед всеми извинился. Я не ожидал от тебя такого широкого жеста... Думаю, все не ожидали.

— Да, удивил, — кивнул Гриша.

Я взволновался от дружеских комплиментов. Суетливо потянулся к графину, наполнил стакан, чуть расплескав воду на скатерть, быстро впитавшую капли, и залпом осушил. Когда я шёл сюда, даже не мог помыслить, что мне выдастся возможность всё исправить. Ни сегодня, ни когда-либо... Я не решался об этом и мечтать, строить планы на внезапно освободившуюся до конца дней жизнь. Но теперь, покаявшись... проматывать её станет гораздо легче.

Сжимая в руках опустевший стакан, я наблюдал, как тлеет в груди от неожиданного облегчения.

— А можно всё-таки узнать, кто аноним? — заговорил Юра в телефоне, прервав тишину. — Так, для справки... кто-то из команды? Операторы там, визажистки, танцовщицы?.. Не говорите только, что это была Никольская.

Мы с басистом тяжело переглянулись, и он уже раскрыл рот, чтобы всё, наконец, объяснить. Но занавес вновь распахнулся. К нам вошёл официант, направившийся в угол к рюкзакам, и я вдруг понял, что парень ставит к ним чужую сумку.

В следующее мгновение в нише показалась краснощёкая девушка с торчащими из кос наэлектризованными волосами. Никольская.

Моё сердце болезненно заколотилось от одного её узнаваемого силуэта, что я не мог видеть всю зиму. Дыхание участилось, а упрямый взгляд, пытающийся против моей воли скользнуть хоть раз по её родным глазам, мучительно заплутал поблизости приоткрытых розовых губ. Они потрескались и подрагивали, видимо, от мороза, и от этого зрелища всё моё тело изнывало желанием сорваться с кресла и встретиться Еву согревающим поцелуем.

Но вместо этого я нашёл в себе немного сил хладнокровно отвернуться к пустому поблёскивающему стакану, что крутил в тревожных руках. Поплыл мыслями, стараясь унять вздымающуюся грудную клетку. Официант получил отказ на предложение принять заказ и вышел. А Никольская всё также стояла на прежнем месте, словно стыдясь приблизиться к общему столу.

— Извините... я опоздала, — бледно сообщила она.

Никогда бы не подумал, что этот безжизненный голос принадлежал Мисс Кисс. Я даже моментально оказался близок к тому, чтобы решить, что Ева тоже страдала в разлуке со мной, и поступиться опасениями на её счёт. Но лишь продолжил уговаривать себя держаться. Не вестись на актёрскую игру и беречь привычное, уже ставшее укромным уныние.

По тому, как щекотливо раздалась тишина, я понял, что она сейчас скажет...

— Вы спрашивали, кто он... Это я. Я анонимный журналист. Я одна добывала все эти сплетни. Уходила за кулисы на фестивале. Пробиралась на мероприятия. Больше никто к этому не причастен... Только я.

Не выдержав накала правды, что девчонка смело озвучила без прелюдий, я глянул на не движимого Юру, заточённого в экран, и Дрона, у которого всё шире раскрывался один видимый мне глаз. Лекса уже знал, что скажет Никольская, не удивился ни на секунду.

Только печально поглядывал на неё из угла. Гриша предпочитал мрачно пялиться в тарелку и тыкать выпирающим за щекой языком.

И Андрюха смиренно выслушал, помолчал. Пока не разродился на угрюмый комментарий.

— М-да. Мы к тебе как долбаные гномы к Белоснежке... А ты, оказывается, Злая Мачеха?

Я ненадолго остановил неподъёмный взгляд на её жёлто-зелёных сверкающих глазах, и больно сглотнул ком. Ева выглядела так жалобно... как в ту ночь, когда вышло её разоблачение в блоге.

— Зачем ты всё это делала? — просипел я. — Кто ты такая?

Мы неосторожно заглянули друг другу в глаза. Попеременно теряя терпение, посматривали ниже и как-то робко возвращались обратно к чёрным зрачкам, петляя по лицам.

Она немного изменилась. Стала меланхоличнее и приобрела неизгладимые черты человека, осмысливавшего многое. Заполучила отпечаток взрослости и вряд ли уже походила на ту девчонку, которая могла задрать перед незнакомцем майку или ехать зайцем на тур-автобусе... Видимо, Еве пришлось многое сыграть передо мной.

Но, заметив, как привычно томно подрагивают её ресницы, я вдруг осознал, насколько был плох и одинок в её отсутствии.

Никольская первая не выдержала. Прикрыв веки, едва заметно выдохнула, и двинулась ближе к столу. Опустилась на кресло рядом, нечаянно прислонившись ледяным коленом к моему и тут же напрягла его, чтобы удержаться от нелепого соприкосновения.

Я чуть не тронулся умом. От неё веяло уличным холодом и до занывания в груди стойким запахом ирисок.

— Мой отец — известный журналист, — стальным голосом начала Ева, избегая внимательных глаз. Я стиснул челюсти от факта, ударившего мне, словно обухом, по башке. А поискать в интернете я не догадался... — Он сделал себе карьеру в Европе, здесь вы про него не услышите. И... я мечтала пойти по его стопам. Всё моё детство прошло в разъездах по разным странам, отец брал интервью даже у Билла Гейтса, у Опри. Писал про жизнь владельца чайной мануфактуры в Китае. Писал про известных людей и о тех, кто без его сюжетов навсегда остался бы в тени. Я мечтала быть, как он... Но, видимо, оказалась недостаточно умна и хороша для этого... Я практически всё детство провела на домашнем обучении, которое мне организовали родители. Из-за бесконечных переездов, смены учебных программ, я считаю, что получила комнатное образование. Так и есть. Мне везде находили русскоязычных преподавателей-воспиталок, которые давали уроки только, чтобы сводить концы с концами. Это я сейчас понимаю... Я могла бы изучить столько языков, живя за рубежом... Мама, правда, делала вид, что я словно из института благородных девиц, очень этим гордилась... Читаю художественные книги, изучаю этикет, беру уроки по вокалу и сольфеджио. Она хотела вырастить божий одуванчик. Покладистую жену для кого-то очень богатого — считала, что это залог женского счастья. Красивую и русскую быстро возьмут в жёны... А они, между прочим, эти благородные девицы, знали не один язык! Мне с ломаным разговорным английским стать журналистом казалось недостижимой мечтой!

Она так красиво говорила, что на мгновение я счёл эту профессию романтической... А потом вспомнил, во что её превратила уже повзрослевшая девчонка.

— Я не осуждаю их... Куда бы мы не приезжали, родители везде потакали моим

прихотям. Чтобы я и мама не напрягала извилины лишней раз, вся прислуга говорила на нашем родном языке. Мне довелось увидеть многие страны. Меня баловали. Правда, когда папа спалил, что учитель вокала даёт экстремальные техники, которые я выпросила, музыкальные уроки закончились. Не гоже девушкам, будущим жёнам, исполнять такую черноту! Отец не выносил, когда я выкрутасничала и спорила. А чем больше он запрещал, тем больше этого не выносила я!

Да... Теперь я примерно понимал, откуда росли ноги.

— После отмены музыки в моей жизни, мне оплатили репетиторов для подготовки к поступлению в академию журналистики. Правда, постоянно уточняли, не передумала ли я заниматься чепухой. Отец вообще сразу сказал, что с такими внешностью и характером лучше молчать. Либо на подиуме, где мозгов особо не надо, либо у плиты. Я всё ещё добросовестно готовилась. Потом родители, глядя на мои умственные потуги, решили проплатить место, чтобы я попробовала, узнала, что там ещё сложнее, и успокоилась. А уж когда я поступила и завалила первую сессию... папа так радовался. Был уверен, что я сама отчислюсь. Но я стала ещё тщательнее учить, ходить на пересдачи. Мне тогда только исполнилось восемнадцать и... отец сказал, что у него есть хороший знакомый. Он стал новым владельцем целого издательства в Брюсселе. Сказал, что будет здорово, если я, уже будучи студенткой, начну там практиковаться. Оставалось только стать Эдуарду женой, и он будет согласен исполнить все мои капризы. И я... согласилась. Думала, может, хоть замужем буду делать то, что мне нравится. Протерпела унижения полгода и сбежала в Россию. Ни в один ВУЗ здесь меня, конечно же, не взяли. А из всех рекламных агентств и даже газетёнок, в которые я попадала, меня вытюривали в среднем за неделю. С теми же словами, какими бросался папа: «вам, девушка, один путь — в модели». Это значило, что я глупая и взбалмошная!.. Только внешностью и удалась! И вот, единственное, что я хорошо умела, оставшись в Питере с голой жопой — это читать книжки и петь. Но, оказалось, чтобы зарабатывать столько, чтобы хватало на еду и квартиру, девушке хорошо петь — мало! Нужно ещё носить декольте!

Она, заметно разозлившись и пытаясь отдышаться, наконец, посмотрела в мою сторону впервые за весь свой монолог, но на таком его моменте, что я чуть не провалился сквозь пол.

Ева продолжила, глядя в мои забегавшие глаза.

— Было, конечно, мерзко, но я привыкла. Выступала по барам. И из-за внешности меня начали замечать, приглашать на музыкальные мероприятия, но не петь, а просто светить лицом. В качестве той, кем меня до сих пор считают хейтеры... — я нервно сглотнул. — Я очень быстро смекнула, что в шоу-бизнесе много компрометирующих тем. Гостей запоминала по ботинкам, пыталась их разговорить и отследить. Купила подслушивающие устройства, оставляла в уборных, носила на своей одежде. Но самое интересное, что меня никто никогда не подозревал. Я ведь слишком для этого глупа и наивна! — нет... далеко не так... я не согласен. — А мне было гадко! От того, как всё устроено в нашем мире... Вам, наверное, трудно это понять.

Было видно, что ей хотелось плакать. Ева чуть поморщила лицо, но сдержалась.

— Меня не взяли ни в одно агентство, зато я набрала три миллиона подписчиков в анонимном блоге. Интересно, подписались ли бы они на меня, зная, что всё это пишет девчонка? Когда ты говоришь от мужского лица, ты автоматически становишься умнее?.. Даже сильнее, что ли... Я почувствовала себя всевластной. Решила, что покорила этот мир! Единственное, о чём я жалела, разоблачая артистов — что отец не может знать, чего я

добилась!.. И когда ты ко мне подошёл, — Ева вдруг осмелевше ткнула в меня острым ногтем, но тут же стушевалась. Я даже не шелохнулся, стараясь представить, что она чувствовала тогда. — Предложил продюсирование за секс, я поняла, что... уничтожу тебя. Сначала воспользуюсь, попаду в узкие музыкальные круги, а потом уничтожу! За всё то, что ты себе позволял! За всё, что о тебе говорили люди. И поначалу, я даже находила подтверждения их словам. Господин — мерзкий человек... А потом... Потом я поняла, что это далеко не так, — её голос смягчился и вдруг дрогнул. — Я узнала, какой ты на самом деле... Ты самый лучший, — подытожила при всех девчонка, затерзав губу.

Я ощутил, что мой бесконтрольный рот открыт слишком долго. Обвёл взглядом притаившихся музыкантов, дрожа от сказанного.

Сколько же раз я мысленно называл Еву глупой? Судил о ней по внешности, как поступали даже её родители... и сколько раз, опрокидывая рюмки, удивлялся, как ей удалось меня обдурить.

В эту самую секунду я прозрел. И даже проникся надменной философией Мисс Кисс.

Она заметила, как я искоса слежу за её пальцами, ковыряющими расцарапанную кожу вокруг ногтей, и громко сглотнула.

— Ты разоблачила саму себя, чтобы мы считали тебя невиновной? — Гриша улучил момент тишины, пока мы не знали, что добавить. А я уже и забыл спросить... — Если честно, это жесть.

— Да, но... Мне было ужасно больно обнародовать те снимки. Они бы точно всплыли. Так лучше уж было это сделать мне. Хотя бы не так обидно и принесло пользу блогу, — Никольская воспряла так, будто что-то вспомнила, и осмотрела каждого. — Я не желала вам зла! Единственный, за кем я охотилась в группе — Лёня, доказал мне, что у меня нет права устраивать кому-то суд! Я не хотела, чтобы группа распадалась... клянусь! Камеры, которые нашёл Андрей, я спрятала в общий отсек, чтобы Лёня не наткнулся на них в моих вещах. Я не собиралась кого-то подставлять... Просто всё зашло очень далеко. Я привязалась к вам, полюбила Господина... а признаться не было смелости. Я просто знала, что вы меня не простите. Лёня не простит...

Это была правда. Никольская не лукавила. Только размеренно дышала и поглядывала на потолок, препятствуя наполненным её искренние глаза слезам.

Не поворачиваясь, осторожно пододвинула ладонь тыльной стороной к моей руке, и невесомо прикоснулась. Обессиленно вздохнув, я водрузил на столешницу стакан, что всё это время держал.

— Я даже рада, что ты обо всём догадался. Потому что я устала лгать любимому человеку, — надломлено прошептала девчонка и всё-таки обезоруживающе заплакала. — Аккаунт я удалила. Больше никогда не вернусь к этому... я решила, что как бы там не сложилось, буду петь. Всё... Наверное, всё. Спасибо, что выслушали... Простите меня, пожалуйста.

— Да ну... это вроде надо не у нас просить прощение, — тут же отозвался басист, выглянув в Еву из-за моей кружащейся головы. — Мы-то что... Ты вон, чуть Господина до поседения не довела. Глянь, это что, реально седой волос?

Я бы улыбнулся. Но не сегодня.

— Вы распались из-за меня, — жалобно пискнула Ева. — Простите... Вы простите меня?

— Ну-у-у-у-у... — скептически протянул басист. — Раз у нас сегодня вечер прощения, —

снова его дебилские шутки. Ради этого стоило мириться. — Прощаю, Киса!

— Прощаю, — серьёзно подхватил Гриша и кивнул.

За ним последовал Муратов. А потом заговорил Юра. И, поначалу, его голос чуть искорёжили помехи.

— А я сра... знал, что ты непрос... девка! Господин как-то забыл свой ноут в студии, ты крутилась рядом, лиса! Хор..., что Андрей его тогда заб... — он завис с идиотским выражением лица, и связь восстановилась, только когда Юрген, снимая свои ноздри, что-то затыкал в своём мобильнике.

— Раз знал, чего нам не сказал? — съязвил драмер.

— Так а я же наивный человек! — улыбнулся звукарь. — Как вы все, между прочим! Когда вышло разоблачение с бизнесменом, у меня отбило все подозрения... А знаешь, после всего, что ты рассказала, мне тебя жаль.

— Надо говорить «прощаю».

— Я вам что, архиерей?

— Странно, когда извинялся Господин, ты улыбался, — хохотнул Муратов из угла, но Юра точно узнал его по голосу, и прыснул.

Я был слишком напряжён, чтобы рассмеяться со всеми. Как и Ева.

— Ну а ты чё молчишь? Тоже всё знал с самого начала? — Гриша вызывающе кивнул Дрону. — Быстро гони прощение!

— Да я на неё и не обижался! — важно подметил гитарист. — Я только что узнал правду! Но после всего, что Киса рассказала, обижаться всё равно не хочется. Зря что ли она собрала нас снова?

В нише наступило оглушительное молчание. Все музыканты переглянулись между собой и вдруг единогласно уставились на меня.

Не знаю, за какие проступки заслужил встретить таких добродушных людей... И это я даже без сарказма. Они простили то, за что другие вполне могли плюнуть в лицо. Особенно меня впечатлили Андрей и Лёша... Глядя на них у меня закрались подозрения в том, что к двадцати семи годам я так и не понял чего-то слишком важного, ускользающего из-за кадра.

Я повернулся к Никольской и увидел, что её глаза были на мокром месте. Напугано смотрели в одну точку на скатерти.

Моего решения ждала та, что объединила нас всех за считанные часы, и дала мне последний шанс раскаяться...

Может, стоило впервые в жизни поступиться принципами?

— Я тебя прощаю. И ты меня прости... мне, оказывается, много есть, за что извиняться, — я выдохнул и еле стерпел её молниеносный измождённый взгляд. — Может, ты хочешь... с-нова сойтись?

Никольская торопливо закрыла рукой распахнувшийся рот. Под её ладонь затекли слёзы.

— Хочу!

— Соситесь!

Я даже не успел опомниться...

Под безудержный смех придвинулся к холодной и потрясывающейся, так и не согревшейся девчонке. Обнял, пробираясь лицом под её влажную от слёз ладонь. Мы порывисто приникли к губам друг друга, потягивая их в неосторожном поцелуе, но я тут же беспрепятственно протолкнулся языком. Как и моя башка, он иступлено закружился,

бережно оглаживая солоноватый приоткрытый рот девчонки. Всё тело ныло от нежности, с которой Ева, обмякая в моих руках, отвечала. Я нащупал её замёрзшие пальцы, плохо скрывающие нас от любопытных взглядов, сжал крепче, притягивая к торсу и вынуждая её обхватиться. Зажмурился, чтобы не видеть их рожи, но чуть не рассмеялся.

— Шас все подумают, что я смотрю порнуху, — раздалось из телефона.

Я вынужденно оторвался под вновь разразившийся смех и медленно чмокнул Никольскую в потеплевшие губы. Она приоткрыла сияющие глаза и тяжело вздохнула.

— Ладно, если вместо порнофильмов решите записать новый альбом — звоните. А мне это, идти пора. Работа ждёт.

— И что, даже не выпьешь с нами? — улыбнулся Дрон.

— Хорошая идея. Пойду выпьюзавас. Не теряйте.

— Внимание! Завтра в два всех ждём на Костомаровском переулке! Мы с Гришей проплатили реп-базу до апреля. Надо отрабатывать! Повторяю... на Костомаровском переулке!

Я не мог отвести взгляд от её томных глаз. Приглаживал пальцами растрепавшиеся петли волос на длинных косах и не мог поверить, что Ева вернётся сегодня домой...

— Только без меня, ребят. Мне пора в аэропорт.

— Почему это? Юдин, ты обалдел? У нас тут воссоединение года вообще-то!

— Я решил закончить публичную жизнь.

— Да у него появилась личная! Ты смотри на кольцо-то!

— Охренеть! Поздравляю!

— Ты чё-ё-ё! А кто будет соляки пилить? Ва-а-а-ань! Ва-а-аня-я!

— Ты будешь пилить.

— Вообще-то, я в Инферно! Забыл?

— Чел, неужели там так хорошо, что ты припёрся к нам мириться?

Над столом временно повисла тишина.

— Да они... да они вообще дегранты! У них все песни на квинтах! Возьмите меня обратно! Я вас молю!

Я, посмеиваясь, нагнулся к уху Никольской, ласково отодвинув косу.

— Я люблю тебя, Киса.

— А я тебя, Господин.

— Ребят, мне правда пора...

— Че-е-л, ну нет! Дай я пожму тебе руку!

Приободряюще потеревив руку Никольской, я с уже грустной улыбкой нашёл взглядом Лёшу. Он встал из-за стола, протягивая парням ладонь для рукопожатия. А из-за приоткрытого занавеса за нами, оказывается, виновато наблюдал официант.

— Господин, а можно ваши автографы? — отчеканил он, увидев, что я его заметил, и вытащил из фартука блокнот.

— Конечно, дружище. Только... сфотографируешь нас на память?

— Да!.. Я так рад, что вы воссоединились! Очень переживал... Только жаль, что без Ивана, — парнишка поджал губы, восхищённо рассматривая Муратова.

— Мне тоже жаль, — согласно кивнул я, достал телефон и протянул ему. — Давайте запечатлеем лучший состав Death Breath...

Мы, поторапливаясь и пытаясь уместиться в кадр, тесно выстроились возле стола. Андрей снова дозвонился до Юры, и тот позировал вместе с нами с экрана мобильного с

бутылкой пива. Он не знал, что басист облизывал корпус телефона. Улыбчивый драмер демонстрировал свои шестёрки. Дрон держал рукой чёлку, показывая второй глаз, а Муратов, наоборот, закрывал один, натянув на него прядь кудрей. Меня, когда-то нелюдимого Господина, нежно целовала самая очаровательная Киса.

Наша с ней любимая фотография.

Больше книг на сайте - Knigoed.net